ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2002

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"

МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2002

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (зам. главного редактора),
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.В. Цетлин (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2002

Первое серийное радиоуглеродное датирование мустье Таджикистана
В. А. Ранов, С. А. Лаухин, Дж. Ван дер Плихт 5

Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота и некоторые проблемы неолита Приморья
А. М. Кузнецов 17

Аль-Набва 2 – поселение древних рыболовов и собирателей моллюсков на побережье Аденского залива (Республика Йемен)
Х. А. Амирханов, Б. Фогт 30

Начало эксплуатации Каргалов: радиоуглеродные даты
Е. Н. Черных, К. Дж. Исто 44

О некоторых особенностях домостроительства поселения Сампсониев остров на Средней Суле
Ю. Ю. Моргунов 56

Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья
А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров 67

Дрyцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника)
Л. В. Алексеев 81

Дискуссии

Призраки и реальности ямальской археологии
Н. В. Федорова 99

Публикации

Энеолитическое поселение Стрелка I в бассейне р. Клязьма
О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов 111

Клад на Мехчис-цихе в контексте хронологии памятников Юго-Западного Закавказья
С. Б. Вальчак, А. Ю. Скаков 132

Еськи на Мологе. Топография и стратиграфия археологических памятников (от мезолита до средневековья)
А. Е. Леонтьев, А. Г. Купцов, С. А. Сычева 142

История науки

"Автобиографическая канва" Б.П. Денике
Т. Г. Алпаткина, В. Е. Голенищева-Кутузова 153

Заметки

К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения
М. Б. Медникова, А. П. Бужилова 162

Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области
Ю. Д. Разуваев 165

Критика и библиография

Les Centres Proto-Urbains Russes Entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.
В. В. Седов 172

T. Scholl and V. Zin'ko. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.
Н. И. Сударев 175

М.Г. Иванова, К.И. Куликов. Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Научно-популярное издание. Ижевск, 2000.
К. А. Смирнов 177

Некрологи

Памяти Кирилла Алексеевича Смирнова (1931–2001)
Л. А. Беляев, А. В. Кашкин, Н. А. Кренке, А. А. Юшко, А.В. Энговатова 179

Памяти Евгения Яковлевича Рогова (1951–2001)
В. Ю. Зуев 183

Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001)
К. А. Смирнов, А. А. Формозов 186

Памяти Тамары Александровны Хлебниковой (1928–2001)
П. Н. Старостин, М. Д. Полубояринова, Н. А. Кокорина, С. В. Кузьминых, Ф. Ш. Хузин, Р. Ф. Шарифуллин 188

Памяти Татьяны Николаевны Никольской (1919–2001)
А. А. Юшко 192

Сдано в набор 11.01.2002 г. Подписано к печати 21.02.2002 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 25.1 тыс. Уч.-изд. л. 25.5 Бум. л. 12.0
Тираж 1026 экз. Зак. 5702

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2002

The first series of radiocarbon dates from the Mousterian sites in Tadjikistan
V. A. Ranov, S. A. Laukhin, J. Van der Plicht 5

Ancient settlement in the Chertovy Vorota cave and some problems of the Neolithic in Primorye
A. M. Kuznetsov 17

Al-Nabva 2 – a settlement of ancient fishers and clam-gatherers on the Aden gulf coast (Yemen Republic)
Kh. A. Amirkhanov, B. Vogt 30

The beginning of exploitation of Kargaly centre: Radiocarbon dates
E. N. Chernykh, C. J. Eastoe 44

Some features of house-building of the dwellng site of Sampsoniev ostrov on the Middle Sula river
Yu. Yu. Morgunov 56

The habitation and burial site of the 15th–16th cc. from the Lower Ob' basin
A. P. Zykov, S. F. Koksharov 67

Drutsk in the 12th–16th cc. (general problems of history of the site)
L. V. Alekseev 81

Discussions

The phantoms and reality of the Yamal archaeology
N. V. Fedorova 99

Publications

Strelka I Eneolithic settlement in the Klyaz'ma river basin
O. S. Gadzyatskaya, D. A. Krainov 111

The hoard of Mekhchis-Zikhe in chronological context of some archaeological sites in south-west Transcaucasus
S. B. Valchak, A. Yu. Skakov 132

Yes'ki on the Mologa river. Topography and stratigraphy of the archaeological sites (from the Mesolithic to the Middle Ages)
A. E. Leont'ev, A. G. Kuptsov, S. A. Sycheva 142

History of science

"Autobiographic outline" by B.P. Denike
T. G. Alpatkina, V. E. Golenishcheva-Kutuzova 153

Notes

On the question of traumatic injuries among the Abashevo culture population
M. B. Mednikova, A. P. Buzhilova 162

A hoard of Roman denarii from Kazaki village, Lipetsk region
Yu. D. Razuvaev 165

Critics and bibliography

Les Centres Proto-Urbains Russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000
V. V. Sedov 172

T. Scholl and V. Zin'ko. Archaeological Map of Nymphanion (Crimea). Warsaw, 1999
N. I. Sudarev 175

M.G. Ivanova, K.I. Kulikov. Ancient art of Udmurtia. Izhevsk, 2000
K. A. Smirnov 177

Obituaries

In memory of Kirill Alekseevich Smirnov (1931–2001)
L. A. Belyaev, A. V. Kashkin, N. A. Krenke, A. A. Yushko, A. B. Engovatova 179

In memory of Evgeny Yakovlevich Rogov (1951–2001)
V. Yu. Zuev 183

In memory of Khava Iosifovna Kris (1921–2001)
K. A. Smirnov, A. A. Formozov 186

In memory of Tamara Aleksandrovna Khlebnikova (1928–2001)
P. N. Starostin, M. D. Poluboyarinova, N. A. Kokorina, S. V. Kuz'minykh, F. Sh. Khuzin, R.F. Sharifullin 188

In memory of Tat'yana Nikolaevna Nikolskaya (1919–2001)
A. A. Yushko 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 5–16

ПЕРВОЕ СЕРИЙНОЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ МУСТЬЕ ТАДЖИКИСТАНА

© 2002 г. В. А. Ранов*, С. А. Лаухин**, Дж. Ван дер Плихт***

*Институт истории, археологии и этнографии Таджикской АН
**Институт проблем освоения Севера СО РАН
***Центр изотопных исследований, Гронинген

Солнце и химизм грунтовых вод семиаридных субтропиков Средней Азии (Республики Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) очень агрессивны по отношению к ископаемому углероду. Даже гумусовый горизонт погребенных почв в археологических раскопах обесцвечивается буквально за несколько часов после вскрытия. В таких условиях материал для радиоуглеродного датирования сохраняется плохо и получить достаточное для датирования количество его в палеолитических стоянках удается очень редко. Обычно это возможно только в местах очень быстрого осадконакопления и специфических условиях эпигенеза, при которых происходит консервация углерода. Но такие условия создаются редко и весьма локально. Поэтому собрать достаточное количество органики для радиоуглеродного датирования до появления аксельративного метода было почти невозможно. В настоящей статье приведены первые для палеолита Средней Азии даты, полученные этим методом.

До работ 1997 г. были получены лишь единичные разрозненные даты. Недавно было опубликовано сообщение А.П. Деревянко, У.И. Исламова, В.Т. Петрина (1998а) о том, что ими в гроте Оби-Рахмат (Узбекистан, рис. 1) отобрана большая (более 10) серия образцов на C^{14}-датирование. В последующей публикации (Деревянко и др., 2000. С. 51) относительно этой серии образцов сообщается лишь, что "по серии радиоуглеродных показателей определена дата для верхних (начало позднего палеолита) культурных слоев грота – около 40 тыс. л.н.".

До сих пор удавалось получить лишь единичные C^{14}-даты, но и те крайне редко – всего пять дат (одна запредельная) из четырех стоянок на всю Республику Таджикистан. Они известны для позднепалеолитических стоянок: Оджук – дата 21900 ± 800 лет ГИН-634 из 3-го культурного слоя (Новиков, Радилиловский, 1991) и Шугноу – 10700 ± 500 лет ГИН-590 из 1-го культурного слоя. Последняя дата представляется заниженной, но в целом обе даты соответствуют времени, предполагаемому для позднего палеолита.

Две стоянки Худжи и Огзи-Кичик принадлежат среднему палеолиту – мустьерскому времени. В пещерной стоянке Огзи-Кичик, в верхней части разреза ("черепаховый слой") получена дата 15700 ± 900 лет ЛЕ-1050. Угольков и обугленных косточек там было так мало, что для получения даты пришлось собирать их по всему слою из серии очагов. Эта дата не соответствует археологическому материалу – типичное мустье считается существенно древнее (Ранов, 1975). Вторая дата, < 30 000 лет ГИН-2906, получена на той же стоянке на 4 м глубже первой, из угольной пыли (Ранов, 1987). Эта дата более соответствует возрасту археологического материала, однако она оказалась запредельной. Дата, не вызывавшая сомнений, была получена для мустье только из культурного слоя стоянки Худжи (Ранов, Амосова, 1984): 38900 ± 700 лет ГИН-2905. Таким образом, для палеолита всей Республики Таджикистан до последнего времени имелось всего две радиоуглеродные даты, не вызывающие сомнений: одна для позднего палеолита и одна для мустье. Между тем известно, что единичные даты не надежны. Одним из наиболее верных контролирующих методов может служить получение дополнительных радиоуглеродных дат из того же культурного слоя, а также из слоев непосредственно его перекрывающих и(или) подстилающих, т.е. получение серии радиоуглеродных дат. Хорошая сходимость серийных дат обычно является признаком их надежности. Поэтому в умеренной гумидной зоне Евразии, там, где материала для радиоуглеродного датирования достаточно, палеолитические стоянки бывают обеспечены десятком, а то и несколькими десятками дат, хотя и в этом случае сходимость полученных дат не всегда имеет абсолютный характер (Damblon et al., 1996).

Благодаря финансированию раскопочных работ и аналитической части по гранту Национального географического общества США 5915-97 и согласию Центра изотопных исследований в Гронингене на проведение датирования впервые удалось собрать в Таджикистане в отложениях двух мустьерских стоянок – Худжи и Огзи-Кичик – угольки и углисто-сажистые скопления в количествах достаточных для получения серийных радиоуглеродных дат. Полученные серии невелики (4 и 6 дат), но и таких серий для палеолитических стоянок Таджикистана до сих пор получено не

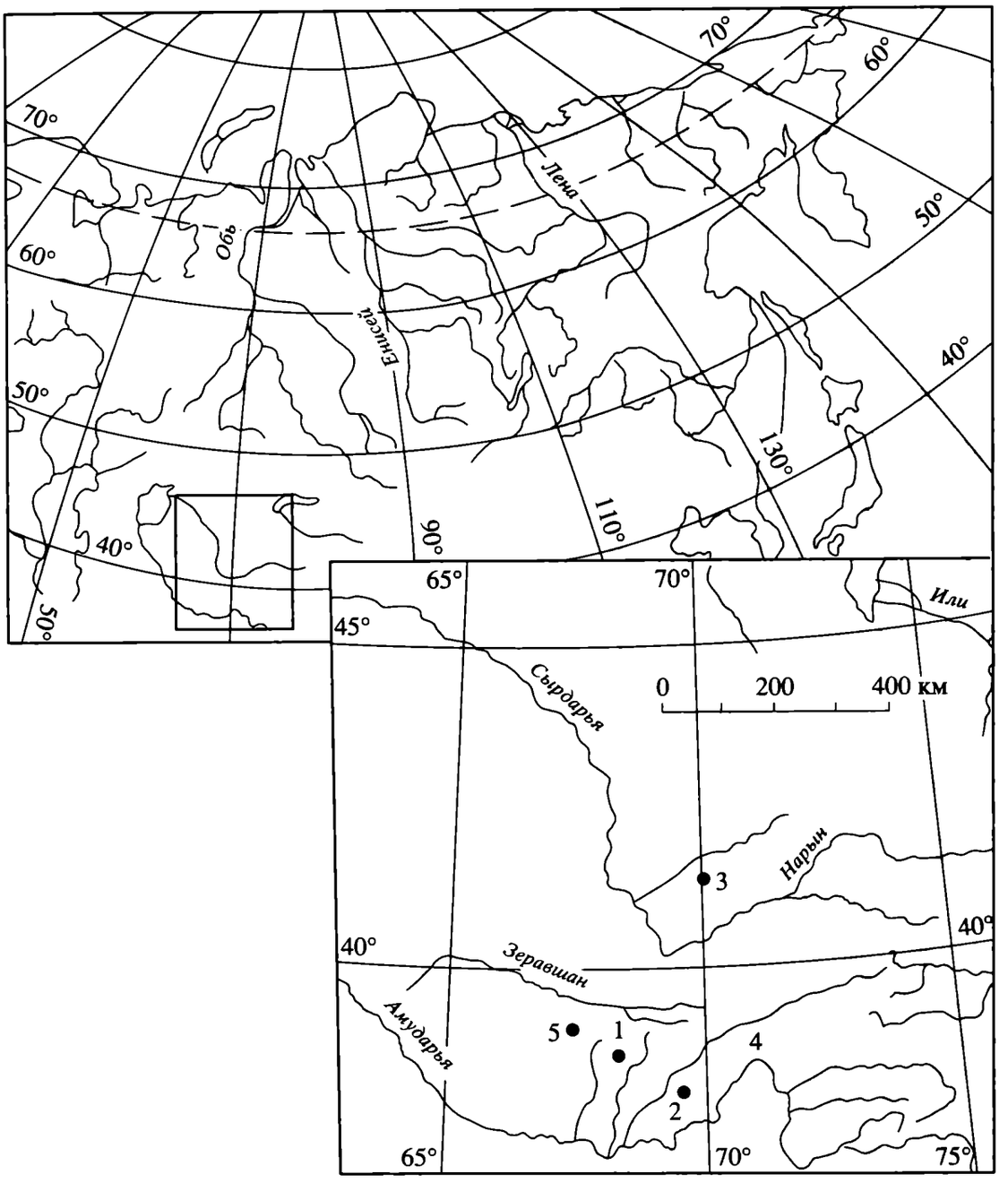


Рис. 1. Расположение стоянок, упомянутых в статье: *1* – Худжи; *2* – Огзи-Кичик; *3* – Оби-Рахмат; *4* – Шугноу; *5* – Тешик-Таш; *6* – Оджук.

было. Поэтому эти серии дат представляют значительный интерес для палеолита не только этой республики, но и для более обширных территорий Средней Азии.

Стоянка Худжи занимает среди мустьерских стоянок Средней Азии особое положение. Она представляет большой интерес по многим причинам, но главные из них две: 1 – богатый археологический материал стоянки, определенный как леваллуа-мустье, позволяет ставить вопрос о реконструкции миграции среднепалеолитического населения с Ближнего Востока через Среднюю Азию, в том числе Таджикистан, в Сибирь (Ranov, 1990; Деревянко, Маркин, 1998; Ранов, Лаухин, 2000); 2 – в самом древнем, судя по радиоуглеродной дате, культурном слое стоянки найден зуб мустьерского человека. Это всего лишь вторая антропологическая находка для мустье Средней Азии. Первая была сделана А.П. Окладниковым в 1938 г. в Узбекистане (Тешик-Таш) и повторена нами в Таджикистане лишь через 60 лет (Trinkaus et al., 2000).

СТОЯНКА ХУДЖИ

Располагается стоянка Худжи в 40 км западнее Душанбе (38°36′12″ с.ш., 68°25′40″ в.д.), на берегу ручья Худжи, бьющего из известняковой скалы в

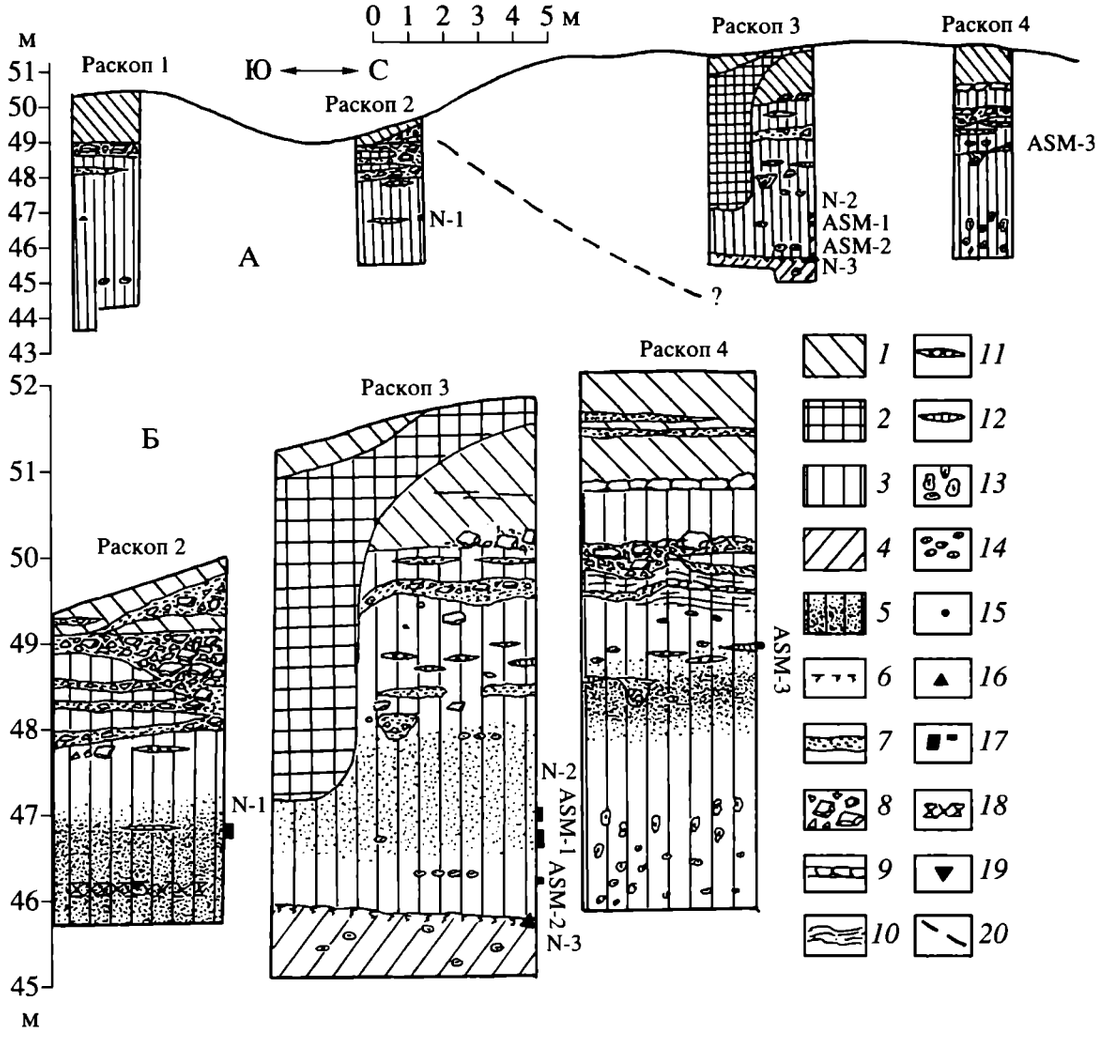


Рис. 2. Соотношение основных раскопов (1–4) 1997 г. на стоянке Худжи (А) и положение образцов, по которым получены радиоуглеродные даты (Б). Разрез схематизирован. Отметки показаны от условного 0 м. *1* – суглинки и супеси покровной толщи; *2* – засыпка древней ямы; *3* – суглинки лессовидные конусов выноса; *4* – супесь зеленовато-серая и коричнево-серая (внизу раскопа 3); *5* – суглинки гумусированные (ископаемые почвы), интенсивность гумусированности показана густотой крапа; *6* – гумусовый горизонт ископаемой почвы внизу раскопа 3; *7* – дресва и мелкий щебень; *8* – глыбы и крупный щебень; *9* – глыбы отмостки древней дороги (в раскопе 4); *10* – характер слоистости; *11* – прокалы костров (очагов?) палеолитических людей; *12* – линзы сажистого вещества; *13* – крупные карбонатные конкреции; *14* – мелкие карбонатные конкреции; *15* – места отбора образцов на C^{14}-датирование (для А): N-1 42110 + 2440–1870 лет (GrN-23686), N-2 37850 + 870–760 лет (GrN-23688), ASM-1 37210 + 850–700 лет (GrA-13307), ASM-2 35930 + 710–650 лет (GrA-13306), N-3 38900–700 лет (ГИН-2905), ASM-3 37190 + 850–760 лет (GrA-13308); *16* – уровень расположения даты ГИН-2905, образец для которой отобран в 1978 г. восточнее раскопа 3; *17* – интервал, с которого по всей (или части) площади раскопа собраны угольки для получения C^{14}-даты (для Б); *18* – уровень наибольшей концентрации артефактов в раскопе 2 (для Б); *19* – положение антропологической находки в раскопе 2 (для Б); *20* – линия предполагаемого прислонения разновозрастных отложений (для А).

90 м от раскопов. Нет сомнений, что мустьерцы жили на берегу этого же ручья, питающего и ныне округу своей водой.

Разрез стоянки Худжи вскрыт в 1997 г. четырьмя основными раскопами на протяжении 33 м (Ранов, Лаухин, 1998). Вскрытая мощность отложений достигает 6–8 м. Как считает С.А. Лаухин, два южных раскопа (1-й и 2-й) вскрывают более древнюю толщу, два северных (3-й и 4-й) – более молодую, прислоненную к более древней (рис. 2). Обе толщи сложены супесями и суглинками ложкового, овражного аллювия и делювия, которые можно объединить в пачку лессовидных пород. В этой пачке присутствует и эоловый компонент. В нижней части пачки прослеживается автоморфная почва. С этой почвой и связаны культурные слои стоянки. Вверху толщи лессы переслаиваются с более грубым супесчано-дресвяным (более сортированным) пролювием и с еще более грубыми несортированными селевыми отложениями, содержащими щебень и глыбы местных пород. Последние культурных слоев не содержат. В целом можно выделить три основных геологических комплекса, составляющие отложения вскрытой части адырной толщи к югу от предгорной ступени хребта Дарвазкан, в которой находится палеолити-

ческая стоянка: 1 – покровные отложения, содержащие включения глыб и щебня; 2 – суглинистые (лессовые) отложения, включающие палеопочву, в которой погребены артефакты; 3 – болотистая глина (луговая почва), связанная с деятельностью ручья Худжи.

Вся толща сформировалась наложением конусов выноса из саев (вади) со склонов хребта, ориентированных меридианально и прорезающих предгорные ступени. Погребенная почва, мощность которой достигает 2 м, свидетельствует о временном замедлении осадконакопления. По мнению С.А. Лаухина, между накоплением отложений, вскрытых раскопами 1–2 и 3–4, произошел размыв, и имеет место прислонение к более древним отложениям отложений более молодого конуса выноса (вскрыт раскопами 3 и 4), выдвинутого, вероятно, с северо-востока, из долины, по которой теперь протекает р. Тенги. Это может объяснить соотношение в разрезе даты GrN-23686 42110 + 2440–1870 лет (2-й раскоп) и более молодых дат около 37 тыс. лет из отложений, вскрытых раскопами 3 и 4 (рис. 2).

В более древних отложениях (раскоп 2) на глубине от 46.25–46.75 до 46.10–46.40 м (все отметки здесь и далее даны от условного 0 м) вскрыт горизонт максимального скопления артефактов, которое при отсутствии видимых очагов и значительных скоплений костей (большое количество мелких обломков последних получено при промывке) может рассматриваться как культурный слой. Всего в раскопе 2 собрано около 1007 артефактов. Артефакты попадаются также выше и, в меньшей степени, ниже уровня основного скопления, где они совпадают с горизонтом раскопа 1978 г. В раскопе 2 в этом культурном слое на уровне 46.25–46.18 м в промывке обнаружен зуб человека – носителя мустьерской культуры. Этот культурный слой не содержит материала для радиоуглеродного датирования. Но в 40 см выше антропологической находки, на глубине 46.75–46.80 м в раскопе 2 вместе с артефактами (48 экз.) было собрано достаточное количество древесных угольков для получения даты GrN-23686 42110 + 2400–1800 лет. Судя по геологическим данным, осадконакопление здесь происходило очень быстро, поэтому возраст культурного слоя близок к полученной дате.

Раскопки более молодой толщи производились дважды: в 1978 и 1997 гг. В 1978 г. внизу разреза (45.30–45.75 м) был раскопан гипсометрически самый нижний культурный слой, приуроченный к контакту зеленовато-серых болотных глин и лессовой пачки. Палинологическое изучение показало, что во время накопления этих глин климат был более холодным и влажным, чем современный (Пахомов и др., 1982). Из этого нижнего культурного слоя, который находился на контакте болотных глин и лессовой пачки, получено 5613 артефактов (в основном, из интервала 45.30–45.50 м) и 3667 костей, среди которых Ш. Шарапов определил: Capra aut Ovis, Cervus sp., Equus sp., Bos sp., Ursus sp., Canis sp., Alces sp. (Ранов, Амосова, 1984). В раскопе 1978 г. (20 × 2 м) была вскрыта серия очагов, содержащих угольную пыль, по которой получена дата 38900 ± 700 лет ГИН-2905. К сожалению, четко проследить стратиграфическую взаимосвязь болотных глин и вышележащей пачки лессовой породы в раскопанной в 1997 г. части стоянки не удалось ввиду ограниченного срока работ. Можно принять два варианта: прислонение или подстилание. Вплоть до проведения новых работ оба варианта имеют право на существование. Выше (46.10–46.75 м) залегает второй, основной культурный слой. В раскопе 3 он вскрыт на протяжении 3 м и дал 437 находок. Всего из раскопа 3 извлечено 644 артефакта. Из разрозненных угольков на уровне максимального скопления артефактов получена дата 35930 + 710–650 лет GrA-13306.

Выше в раскопе 3 не так хорошо выраженный культурный слой отмечен на уровне 48.5–49.0 м. Этот лежащий на разных уровнях горизонт слабой концентрации артефактов можно назвать третьим (снизу) культурным слоем или горизонтом скопления артефактов стоянки Худжи. На самой кровле почвы зафиксировано несколько линз обгорелой земли (прокалы) и угольных примазок. Ниже попадаются лишь изолированные угольки и редкие обломки костей. Рядом с небольшим скоплением артефактов (6 экз.) на отметке 46.8–47.0 м собраны угольки и углисто-сажистая масса, по которой получена дата 37210 + 850–770 лет GrA-13307. На отметках 47.00–47.15 м, также с единичными артефактами, собраны мелкие угольки и получена дата 37850 + 870–760 лет GrA-23688. На отметках 48.75–49.00 м в раскопах 3 и 4 прослежены многочисленные линзочки прокалов от костров (очагов?) Артефакты на этих уровнях единичны, но в раскопе 4 на отметке 48.95 м собраны угольки и углисто-сажистая масса, по которой получена дата 37190 + 850–760 лет GrA-13308. Таким образом, в более молодой толще три образца датированы радиокарбоновым методом. Очевидно, что часть этой толщи в интервале 45.5–49.0 м (мощность 3.5 м), содержащая культурные остатки, накопилась примерно за 1.5–2 тыс. лет – от 38900 ± 700 до 37190 + 890–760 лет. Вся серия дат отличается хорошей сходимостью. Выпадает из общей последовательности только дата GrA-13306. Она явно моложе отложений, вмещающих датировочный материал. Однако, первичного материала для этой даты было очень мало, чем, вероятно, и обусловлена ее "омоложенность".

Интерпретация полученных радиоуглеродных дат требует дополнительного объяснения. Дата 38900 ± 700 лет ГИН-2905 расположена гипсометрически ниже даты 42110 + 2400–18700 лет GrN-23686. Такое положение может быть объяснено разным количеством датировочного материала или различиями методики датирования. Однако в

данном случае может иметь место и третий вариант: культурный слой 1978 г. находится на кровле болотных глин, прислоненных к лессовой пачке, в которой залегает культурный слой, вскрытый в 1997 г., в том числе уровень, имеющий дату в 42 тыс. лет. Три даты около 37 тыс. лет гипсометрически залегают выше даты 42 тыс. лет. Но между собой они располагаются с нарушением естественной последовательности – средняя дата старше нижней (рис. 2). С.А. Лаухин объясняет близкий гипсометрический уровень дат 42 тыс. и 37 тыс. лет тем, что они находятся в отложениях разновозрастных конусов выноса и разновозрастные отложения прислонены друг к другу почти на одном гипсометрическом уровне. Но вместе с тем, основные культурные слои залегают практически на одном уровне (3 и 2 раскопы 46–47 м, 4 и 1 – 46.5–48 м), что трудно предположить, если возраст вмещающих их отложений разный. К тому же в обоих случаях (для 1, 2 и 3-го раскопов) породой, вмещающей артефакты, является, по-видимому, одна и та же погребенная почва. Таким образом, можно думать, что расхождения в возрасте объясняются не разным возрастом отложений, вскрытых раскопами 2 и 3, а сложностями, связанными с получением радиоуглеродных дат. В частности, тем, что дата 37850 + 870–760 GrN-23688 получена обычным методом, а даты GrA-13306 и GrA-13307 (рис. 2) – методом ASM. Даты AMS получают по микродозам датировочного материала. При этом очень небольшое загрязнение молодым радиоуглеродом может сильно исказить (омолодить) такие даты, что мы и видим в датах GrA-13307 и GrA-13306. В то же время такое же (или даже большее) загрязнение может существенно не исказить дату, полученную обычным методом, которым была получена дата GrN-23688.

Сравнение артефактов из разных раскопов и различных уровней еще не завершено, но предварительно их изучение показывает их полную идентичность. Вскрытая площадь самого древнего культурного слоя во 2-м раскопе (около 42–43 тыс. лет) – 5 м^2. Там собрано 1007 артефактов. Из слоя, возраст которого около 37–38 тыс. лет (дата GrA-13306 явно моложе реального возраста), в 3-м раскопе получено 644 находки с площади 10.85 м^2. В то время как с площади 40 м^2 гипсометрически самого нижнего культурного слоя, возраст которого 38–39 тыс. лет, собрано 5613 артефактов и 2029 – с дневной поверхности (большинство также происходит из этого культурного слоя). В самом же верхнем слое, в раскопе 4, где вскрыто 20.7 м^2, находок всего лишь 143 экз., несмотря на обилие прокалов от костров, рядом с которыми собраны единичные артефакты. В самом южном, 1-м, раскопе, удаленном от 2-го на расстояние 8.4 м, на площади 60 м^2 собрано 1040 экз.

Леваллуа-мустьерская фация, выделенная для Средней Азии еще в 1970-е годы, как один из технических вариантов эпохи мустье (Ранов, 1972), наиболее полно представлена именно на стоянке Худжи. Ее основные техно-типологические характеристики были определены для материала, собранного в 1978 г. на самом нижнем (гипсометрически) культурном слое. Это пластинчатая индустрия, для которой характерны орудия на пластинах с маржинальной ретушью, снятые, преимущественно, с площадочных нуклеусов, приспособленных для снятия крупных призматических и треугольных пластин. Подобные пластины причисляются к разряду леваллуазских. Мустьерские и леваллуазские острия хотя и присутствуют, но в небольшом количестве.

Среди орудий преобладают разнообразные скребла на пластинах, остроконечников мало. Можно подчеркнуть полное отсутствие бифасиальных орудий и скребел шарантского типа. Индустриальный комплекс может быть подразделен на типы, согласно тип-листу Ф. Борда (Ранов, Амосова, 1984. С. 30, 31). Вместе с тем, присутствует и поздне-палеолитическая техника, о чем свидетельствует прежде всего встречающаяся техника затупления края орудия, наличие острий с тронкированным краем, немногочисленных резцов, мелких пластинок с параллельными краями, а главное – подпризматических нуклеусов, представляющих переходный тип от площадочных к настоящим призматическим. Это наблюдение позволяет отнести индустрию стоянки Худжи к заключительным этапам мустьерской культуры Средней Азии или даже к переходу от мустье к позднему палеолиту. Обсуждаемые радиоуглеродные даты в этом плане вполне соответствуют археологическим заключениям (рис. 3).

Перейдем теперь к результатам раскопок 1997 г. Артефакты всех слоев в целом близки по техно-типологическим характеристикам к материалам раскопок 1978 г. и, по-видимому, составляют единую с ними индустрию. Это не удивительно, если учесть, что время обитания на стоянке вряд ли превышало 5–6 тыс. лет. Отмеченные различия имеют скорее функциональные, чем хронологические причины. Так, слой, возраст которого 38–39 тыс. лет, отличается от остальных, кроме обилия артефактов, обилием костей млекопитающих (3667 экз.), разнообразием фауны и наличием многочисленных (не менее 25 на площади 40 м^2) очагов. Во всех остальных культурных слоях находки фауны очень редки и представлены только горными козами и оленями, а настоящих очажных пятен не обнаружено. Однако наличие угольков и углисто-сажистой массы (не образующей очажные пятна) позволяет предполагать, что очаги (кострища?) все-таки были, хотя и в меньшем количестве, во всех культурных слоях.

Многочисленные прокалы от костров (очагов?) в самом молодом слое, расположенном на отметках около 49.0 м, позволяют предполагать, что

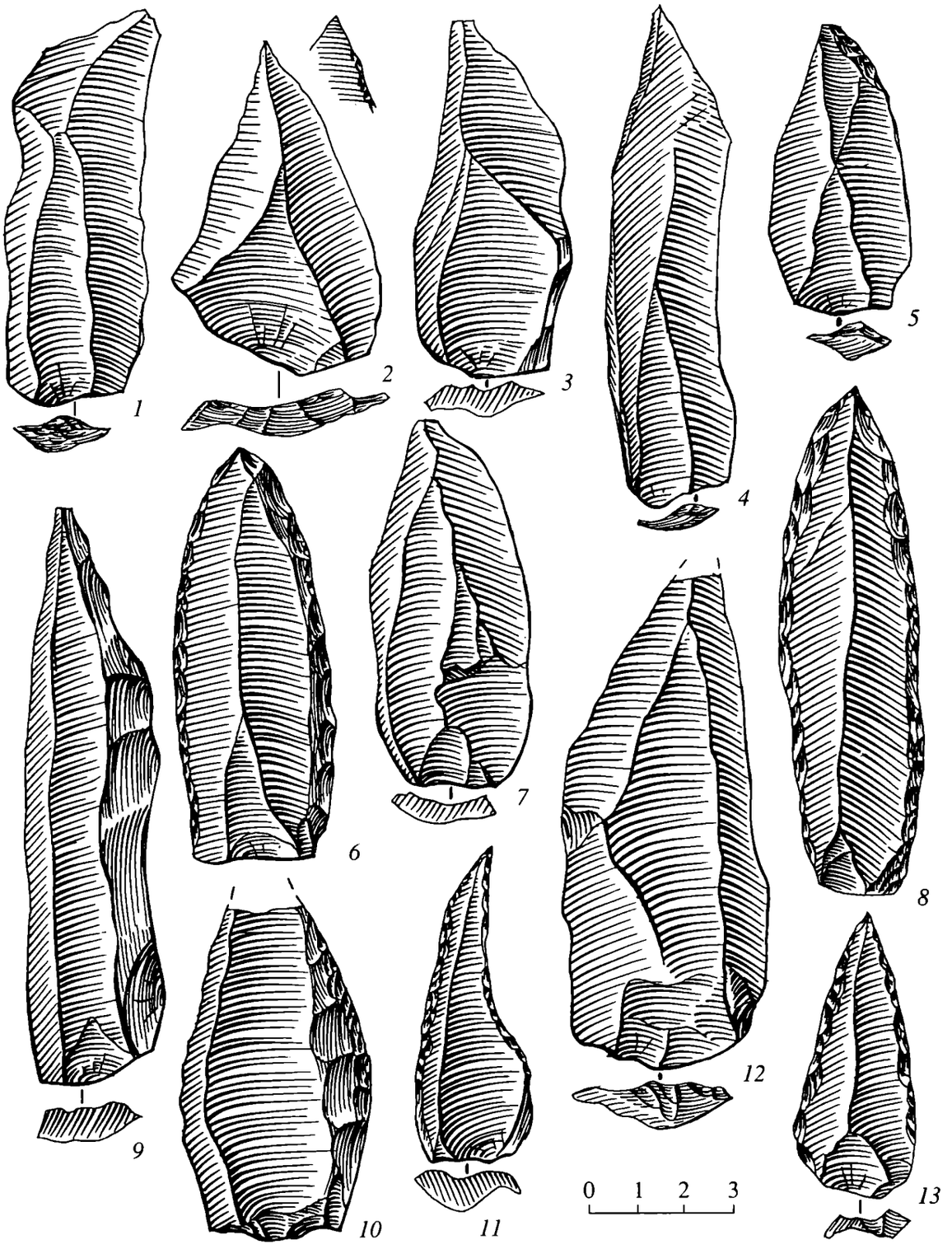


Рис. 3. Образцы каменной индустрии стоянки Худжи.

здесь очаги располагались не менее густо, чем в самом нижнем слое (38–39 тыс. лет); но углистая их составляющая просто не сохранилась. Вероятно, это обусловлено микрорельефом, на котором формировались культурные слои. Нижний слой, залегающий на болотной глине, сформировался на относительно горизонтальной поверхности, возможно, на дне долины ручья; а все остальные – на более или менее пологом склоне. Последнее обстоятельство явилось причиной смещения вниз по склону и разноса очажных угольков и сажистой массы. Поэтому даже при обилии прокалов от очагов (костров?) и наличии углисто-сажистых пятен, соответствующих прокалам, настоя-

щих очагов не сохранилось. В этом же, видимо, причина обычного (кроме нижнего слоя) отсутствия угольков в местах наибольшего скопления каменных артефактов и наличия угольков там, где артефакты единичны. Очаги были связаны, скорее всего, с местами наибольшего скопления артефактов, но динамически слабые делювиальные процессы могли перемещать углисто-сажистую массу очагов (и в большинстве случаев полностью разнесли и уничтожили ее), но не могли существенно перемещать каменные артефакты.

Сравнительный анализ индустрии из разных культурных слоев еще не завершен, но уже сейчас видно, что в самом нижнем слое (38–39 тыс. лет) гораздо больше орудий со вторичной обработкой. В залегающих выше культурных слоях относительно больше отщепов и пластин, т.е. заготовок и отходов производства. Скорее всего нижний культурный слой оставлен долговременным базовым лагерем. Залегающие выше культурные слои, как более древний (42–43 тыс. лет), так и более молодые (около 37 тыс. лет), принадлежат относительно кратковременным поселениям, на которых производилась обработка камня, изготовление заготовок и, в меньшей степени, орудий. Но нужно подчеркнуть, что при этом, по статистике нуклеусов и, особенно, преформ, отличия между коллекциями 1978 и 1997 гг. не отмечены. То же можно сказать и о других технических показателях. А в отношении индустрий базового лагеря и мастерских эти признаки должны были бы выражаться более отчетливо. При общем сходстве технических показателей расщепления камня и первичного материала для изготовления артефактов (преимущественно кварцитовый мелкозернистый песчаник и кварцевый алевролит) можно отметить и определенные отличия, которые заключаются в уменьшении процентного соотношения площадочных нуклеусов в коллекции 1997 г., в увеличении количества протопризматических нуклеусов, общего уменьшения размеров заготовок, уменьшения количества фасетированных площадок и леваллуазских форм. Существенным отличием является небольшое количество орудий с хорошо выраженной ретушью, которые замещены в горизонтах, включенных в толщу лесса, изделиями со случайной, чаще всего мелкой, ретушью или нерегулярными зубчато-выемчатыми орудиями (рис. 3).

Если мы и говорим о возможном переходном характере этой индустрии, то следует подчеркнуть, что, в отличие от известных ближневосточных (Ксар-Акиль, Бокер-Тачтит) и алтайских (Кара-Бом) индустрий (Azoury, 1986; Marks, Kaufman, 1983; Деревянко и др., 1998б; Деревянко, Маркин, 1998), в Худжи нет или исключительно мало орудий позднепалеолитических типов, Так что это все же скорее позднее мустье с элементами позднепалеолетической техники.

СТОЯНКА ОГЗИ-КИЧИК

Раскопки стоянки Огзи-Кичик произведены в 1971–1977 гг. (Ранов, 1975; Ранов, Амосова, 1983 и др.) и не повторялись (рис. 1, 4). Стоянка расположена у подножья хребта Себистон, 38°14′30″ с.ш. и 69°28′30″ в.д. на привходовой площадке пещеры Огзи-Кичик. Стратиграфия разреза привходовой площадки состоит из семи литологических слоев. Артефакты in situ обнаружены только в суглинках, в основном, делювиального происхождения и плащеобразно покрывающих южную часть площадки. В зоне отбора образцов на радиоуглеродное датирование мощность суглинка 2.5 м. Отбор образцов сделан в 1997 г. без дополнительных раскопок и изучения разреза. Строение разреза, как это характерно для привходовых площадок пещер, сложное, сильно нарушенное обвалами, стоком воды со скальных стенок, из пещеры, с капельной линии. Строение разреза опубликовано достаточно подробно (Ранов, 1980; Ранов, Амосова, 1983) и здесь нет необходимости его повторять. На рис. 4 показаны места отбора образцов на радиоуглеродное датирование. Все образцы взяты из слоя темного рыхлого, как бы слегка выветрелого суглинка в средней части разреза, из очажных линз с небольшим количеством угольков и углисто-сажистой массой. Этот слой является культурным слоем стоянки и содержит большое количество артефактов и костей млекопитающих. Его темная окраска связана с антропогенным воздействием в ходе формирования культурного слоя и, в частности, с растаскиванием углистого материала в его пределах. Несмотря на то, что местами мощность отложений, содержащих артефакты, в Огзи-Кичике достигает шести метров, как и в других пещерных стоянках, удается выделить только условные горизонты снятия артефактов, а не действительно жилые уровни.

Индустрия стоянки представляет самый богатый набор орудий с очень тщательной вторичной обработкой, известной в Средней Азии (выделено 9 типов ретуши). Всего из 5000 артефактов, собранных на стоянке, выделено 563 орудия – 11.38%. Как обычно в мустьерских комплексах, главное место занимают скребла, очень разнообразные (20 типов) – 24%. Мустьерские остроконечники, очень эффектно выполненные, составляют 4.76%. Среди других орудий описаны концевые скребки, резцы, зубчатые и выемчатые орудия, ножи с естественной спинкой и другие, – все эти категории редко превышают 2%. С точки зрения технологии можно отметить заметное место, которое занимает леваллуазская техника, – индекс леваллуа 32%. Характерны великолепные леваллуазские пластины крупных размеров, хотя настоящих леваллуазских нуклеусов на стоянке нет, что объясняется удаленностью стоянки от источников первичного материала – все нуклеу-

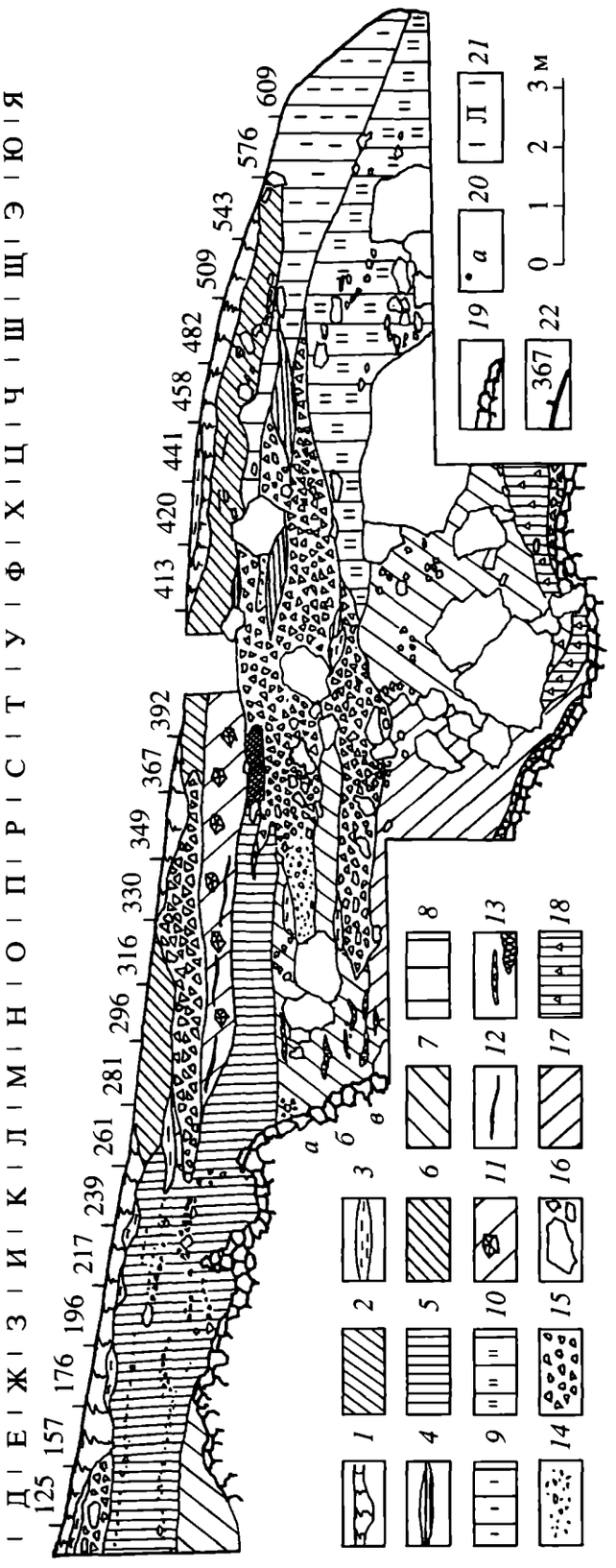


Рис. 4. Продольный разрез отложений привходовой площадки пещеры Огзи-Кичик, по В.А. Ранову и А.Г. Амосовой (1984), схематизировано: *1* – гумусовый горизонт современной почвы; *2* – суглинок палевый рыхлый; *3* – глина палевая; *4* – глина зеленовато-серая; *5* – суглинок лессовидный светлый; *6* – суглинок темный; *7* – суглинок темный плотный; *8* – "современная земля" серая; *9* – то же, темная; *10* – то же, черная углистая; *11* – черепаховый слой; *12* – углистые прослойки; *13* – очажные прослойки; *14* – щебень с "грязевым заполнением"; *15* – щебень, *16* – крупные обломки и глыбы, упавшие со свода; *17* – ритмичное переслаивание зелено-желтых, палевых, красноватых суглинков; *18* – лессовидный суглинок щебнистый; *19* – скальное основание рыхлых пород; *20* – места отбора образцов на ASM-датирование; *21* – квадраты раскопа; *22* – пикеты.

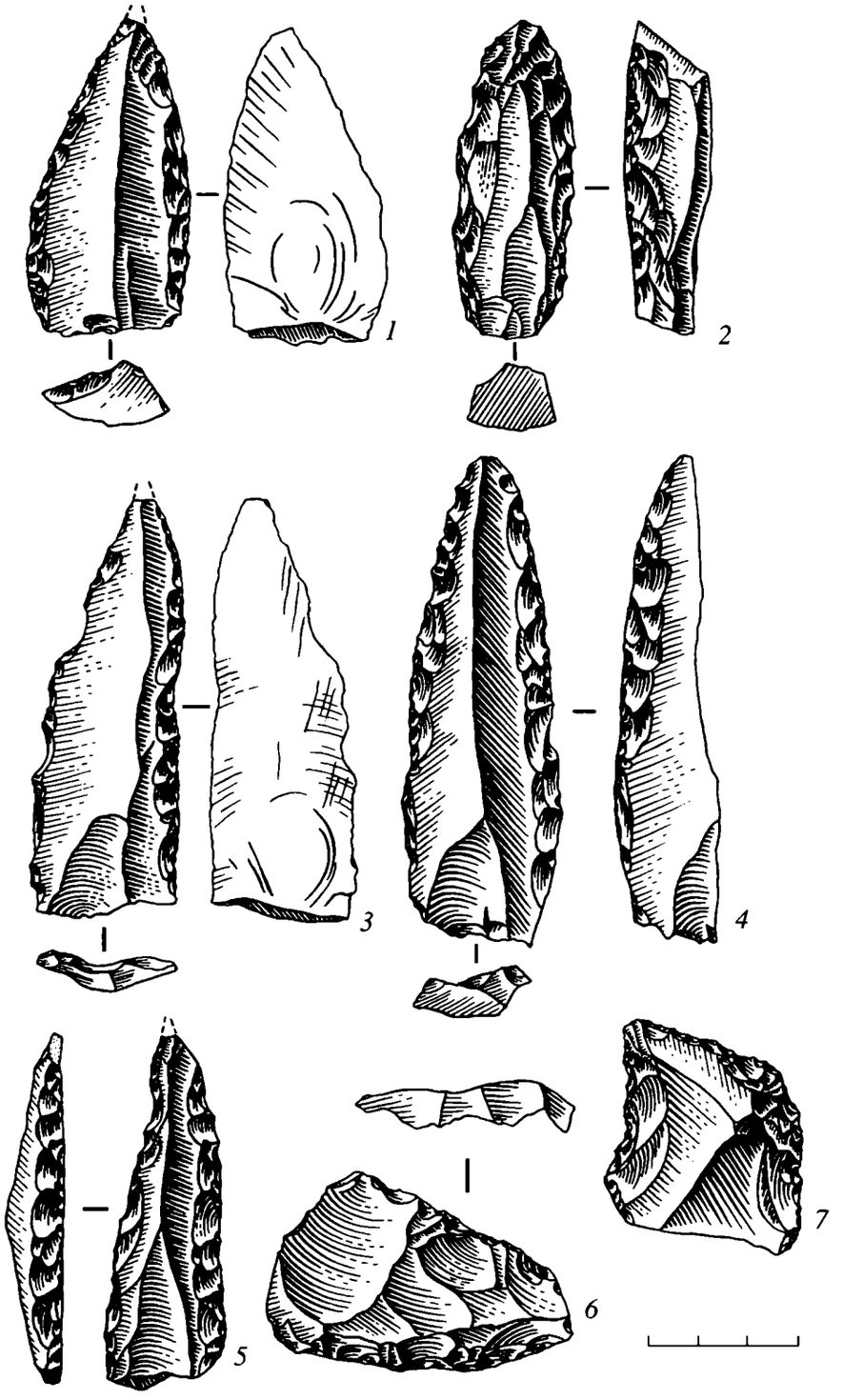


Рис. 5. Образцы каменной индустрии стоянки Огзи-Кичик.

сы на стоянке (их 2.65%) сработаны до предела. Группа артефактов позднего палеолита заметно меньше, чем в Худжи: соответственно 7.0% и 12.5%. Специально отметим, что для орудий использовались равным образом как отщепы и подходящие обломки, так и пластины. При этом хорошие леваллуазские пластины, как правило, не ретушировались. Фация индустрии Огзи-Кичик определена как вариант типичного мустье. В целом, с археологической точки зрения, стоянка Огзи-Кичик производит впечатление более древней по сравнению со стоянкой Худжи (рис. 5). Породы, которые использовались для изготовления орудий, очень разнообразные. Среди них местный кремень плохого качества, хороший кремень, принесенный с левого берега Амударьи, шерт, фельзит-порфиры, метаморфические и яшмовидные породы, одним словом, весь набор первичного ма-

териала, содержащийся в дарвазских конгломератах и доставленный в район стоянки рекой Таирсу.

Стоянка дала очень богатый набор фауны (17 видов млекопитающих, 2 вида рептилий, птицы – определения Ш. Шарапова и В. Стальмаковой). В составе фауны, помимо представителей позднепалеолитического комплекса, присутствует экзотический для Средней Азии вид Coelodonta antiquitatis (Ранов и др., 1976), представленный двумя зубами и плечевой костью. Позднее Ш. Шарапов (Sharapov, 1998) пересмотрел это определение и отнес упомянутые кости к носорогу Мерка (Dicerorhinus mercki). Если это новое определение не ошибочно, возникает вопрос об изменении представлений о возрасте стоянки в сторону ее большей древности. Интересно отметить "черепаховый слой", залегающий выше лессового суглинка. "Черепаховый слой" насыщен очажными пятнами (сохранилась только угольная пыль) и артефактами. Он содержал 12 тыс. обломков панцирей черепах (Testudo horsfieldi), судя по тому, что часть из них обгорела и находилась непосредственно в очагах, черепахи шли в пищу жителям мустьерской стоянки (Ранов, 1975).

Датировочного материала оказалось достаточно только для ASM-дат. Датирована небольшая часть разреза – менее 1 м. Последовательность дат сверху вниз: 24780 ± 350 лет GrA-10967, 25530 ± 370 лет GrA-10965, 13050 ± 230 лет GrA-10968 (рис. 4). Ранее получена дата 15700 ± 900 лет ЛЕ-1050 для слоя, переполненного остатками черепах и залегающего на 1.5–2 м выше нашей серии образцов. Эта дата была признана невалидной, так же, как и упомянутая выше дата < 30000 лет ГИН-2906, полученная в самом низу разреза в северной его части. Все эти даты не соответствуют представлениям о возрасте мустьерской культуры. Высказанное в 1970-е годы мнение о возможном переживании мустьерской культуры и замещении ею позднего палеолита в азиатских странах (Григорьев, Ранов, 1973; Григорьев, 1977) развития не получило, и в общих чертах возраст мустьерских индустрий Центральной Азии считается сопоставимым с возрастом среднего палеолита Европы и Ближнего Востока. Было проведено повторное датирование образца GrA-10967 (25530 ± 370 лет). Получена новая дата 38360 + 390–380 лет, ей присвоен новый номер GrA-13385. Нижняя дата из самых древних отложений оказалась самой молодой (около 13 тыс. лет), верхняя – около 15–16 тыс. лет, а между ними даты 24, 25 и 38 тыс. лет. Строение разреза не позволяет предполагать столь сложное, многократно перевернутое залегание слоев. Такая последовательность дат заставляет сомневаться в их реальности. Палинологические данные свидетельствуют о том, что во время формирования нижней части разреза климат был более холодным, а во время накопления верхних слоев – сухим и более теплым (Пахомов и др., 1982). Согласно же радиоуглеродным датам весь разрез, в том числе и верхняя его часть, должны были формироваться в холодное время вюрма. Фауна представлена обычной охотничьей добычей: бараны, козы, быки, олени, лошади. Все таксоны относятся к позднепалеолитическому комплексу, который существовал со второй половины среднего и до конца позднего плейстоцена. Только носорог Мерка вряд ли дожил здесь до вюрма, т.е. не мог существовать 80 тыс. лет назад или позже. Полностью исключать переотложение его остатков нельзя, так как содержащий его суглинок имеет делювиальное происхождение. Однако есть еще одна серия данных, независимых как от палеонтологии, так и от радиоуглерода, – это радиотермолюминесцентные даты.

Радиотермолюминесцентные даты, полученные по всему разрезу стоянки Огзи-Кичик в 1997 г., требуют специального обсуждения, далеко выходящего за рамки данной статьи. Здесь мы только отметим, что значения пяти дат охватывают время от 109 ± 26 тыс. лет вверху до 178 ± 44 тыс. лет внизу разреза (определения В.К. Власова). Даты эти хорошо вписываются во время последнего оледенения среднего плейстоцена и рисс-вюрмского межледниковья (Harland et al., 1990), а также хорошо согласуются с палинологическими данными и находкой носорога Мерка в фауне позднепалеолитического комплекса. Если признать, что остатки носорога Мерка залегают in situ, а остальной комплекс позднепалеолитический, то и без радиотермолюминесцентных дат слои, содержащие носорога Мерка, можно считать рисс-вюрмскими. Тогда подстилающие их отложения, формировавшиеся, согласно палинологическим данным, в холодное время, можно отнести ко времени последнего среднеплейстоценового оледенения. В этом случае радиотермолюминесцентные даты можно исключить из обсуждения. Но в этом случае и все радиоуглеродные даты должны быть далеко запредельными.

Косвенным подтверждением возможности древней даты стоянки Огзи-Кичик может быть корреляция палеопочв лессово-почвенной формации с кислородно-изотопной кривой. Для Южного Таджикистана такая корреляция показывает (Schaefer, Ranov, 1999; Додонов и др., 1999), что мустьерские находки в 1-м педокомплексе должны соответствовать 5-й стадии этой кривой (71–127 тыс. лет), а находки этого же типа во 2-м педокомплексе отвечают 7-й стадии (186–242 тыс. лет).

Значительное омоложение радиоуглеродных дат по разрезу стоянки Огзи-Кичик, несмотря на разный состав слоев и датировочного материала (древесные угольки, углисто-сажистая масса, мелкие обугленные обломки костей), имеет большой методический интерес. В качестве рабочего варианта мы считаем причиной омоложения всех

дат очень малое количество органики в образцах. Столь малые количества ископаемой органики могут быть омоложены даже очень незначительным количеством более молодого радиоуглерода. Заражение же всей толщи привходовых отложений возможно уже за счет постоянного промывания этих отложений поверхностными водами, стекавшими (и стекающими) все время от начала осадконакопления до настоящего времени с вертикальной скальной стенки над пещерой и ее привходовой площадкой. Может быть более правильно было бы искать причины омоложения в процессах диагенеза, но это отдельная самостоятельная работа – дело ближайшего будущего.

Интересную мысль высказал почвовед П.М. Сосин (личное сообщение) о том, что незначительное количество органики в разрезах палеолитических стоянок Средней Азии может быть обусловлено полным сгоранием ее в кострах, которые жгли первобытные люди. Это связано с характером растительности (жгли кустарники) и малым количеством растений, что заставляло максимально использовать каждую веточку, попавшую в костер.

Как нам сообщил геохимик, академик АН Республики Таджикистан Д. Пачаджанов, при радиоуглеродном датировании следует учитывать некоторые особенности гипергенного процесса аридного типа, могущего влиять на качество отобранных образцов. Аридные условия менее благоприятны для сохранения органического вещества ввиду его окисления и разрушения под воздействием высокой температуры воздуха, большого количества окисных форм железа, очень высокого окислительного потенциала среды, а также часто присутствующих высокоминерализованных вод. Все это находит отражение в низком содержании рассеянного органического вещества в осадочных породах и не благоприятствует сохранению редко встречающихся заметных скоплений органики. Особенно сильное влияние оказывают воды, находящиеся в контакте с карбонатными породами. Из органогенных известняков в воды может поступать и C^{14} и влиять на корректность датировки. Контакт захороненного органического вещества с высокоминерализованными водами щелочного характера также приводит к определенным изменениям его состава. К усилению этих процессов приводит активный тектонический режим, способствующий активной циркуляции растворов. Единственным выходом из ситуации, связанной с редким и малым присутствием органики в позднем плейстоцене, может быть накопление статистических данных по близким по возрасту объектам, а также установление максимальных и минимальных возрастных границ, характерных для этапов палеолита каждого данного района.

Таким образом, впервые полученные в Средней Азии серийные радиоуглеродные даты, с одной стороны, позволяют датировать новую антропологическую находку в Средней Азии и намечают время одной из волн миграции мустьерцев с Ближнего Востока в Сибирь; а с другой – позволяют поставить проблему массового омоложения радиоуглеродных дат в отложениях, связанных с пещерами Таджикистана.

Авторы выражают глубокую признательность академику Д. Пачаджанову и почвоведу М.П. Сосину за их ценные замечания по затронутой проблеме.

Работа выполнена на средства гранта 5915-97 Национального географического общества США при финансовой поддержке РФФИ – гранты № 97-06-80129 и 00-05-64684.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьев Г.П. Заселение Азии палеолитическим человеком // Ранняя этническая история населения Востока Азии. М., 1977.

Григорьев Г.П., Ранов В. О характере палеолита Средней Азии // Тез. докладов по итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.

Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т. и др. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск, 1998а.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье юга Средней Азии в сравнении со средним палеолитом Восточного Средиземноморья // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 1. Новосибирск, 1998.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. и др. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск, 1998б.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. Т. 2. № 2.

Додонов А.Е., Шеклтон Н., Жоу Л.П. и др. Лессово-почвенная стратиграфия квартера Средней Азии: геохронология, корреляция и палеогеографические события // Стратиграфия и геологическая корреляция. 1999. Т. 7. № 6.

Новиков В.П., Радилиловский В.В. Кварцевые изделия каменного века в долине реки Оджук // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Душанбе, 1991.

Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. Динамика природной среды низкогорий Южного Таджикистана в позднем плейстоцене // Развитие природы на территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982.

Ранов В.А. О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972.

Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 11. Душанбе, 1975.

Ранов В.А. Раскопки в Огзи-Кичик, 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 15. Душанбе, 1980.

Ранов В.А. Десять лет исследований каменного века Южного Таджикистана и Памира (1971–1980 гг.) // Археологические исследования в Таджикистане. Вып. 20. Душанбе, 1987.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки пещерной стоянки Огзи-Кичик в 1977 г. // Археологические исследования в Таджикистане. Вып. 17. Душанбе, 1983.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // Археологические исследования в Таджикистане. Вып. 18. Душанбе, 1984.

Ранов В.А., Лаухин С.А. Новые раскопки стоянки Худжи, Таджикистан // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. Новосибирск, 1998.

Ранов В.А., Лаухин С.А. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. 2000. № 9.

Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру // Acta archaeologica Carpatica. 1976. V. 16.

Azoury I. Ksar Akil, Lebanon // BAR. Intern. Series. 1986. № 289.

Damblon F., Haeasaerts P., van der Plicht J. New dating and considerations on the chronology of Upper Paleolithic sites in the great Eurasiatic plain // Prehistoire Europeenne. 1996. V. 9.

Harland W.B., Amstrong R.L., Cox A. Geological scale. Cambridge, 1990.

Marks A.E., Kaufman D. Boker Tachtit: the artefacts. Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev. V. 3. Israel. Dallas, 1983.

Ranov A. Neanderthal Man and the Mousterian culture in Central Asia and its outlying district // Early Man News. Issue 15. Tubingen, 1990.

Schaefer J., Ranov V. Middle Paleolithic blade industries and the Upper Paleolithic of Central Asia // Prehistoire d'Anatoile, Genese de deux mondes. Lieges, 1998.

Sharapov Sh. The Plio-Pleistocene smaller mammal fauna of the Pamir-Alaty. The Emian // Volume of Abstracts. Kerkrade, 1998.

Trinkaus E., Ranov V., Laukhin S. Middle Paleolithic human deciduous incisor from Khudji, Tadjikistan // Journal of Human Evolution. 2000. V. 38.

The First Series of Radiocarbon Dates From the Mousterian Sites in Tadjikistan

V. A. Ranov, S. A. Laukhin, J. Van der Plicht

Summary

The authors present the first series of radiocarbon dates originating from the Central Asiatic sites. They were obtained from the samples of charcoal collected as isolated inclusions or as charcoal powder accumulated in hearths at two sites in Tadjikistan. These are a Levallois-Mouster camp at Khudji and a site with typical Mousterian industry at Oghzi-Kichik. Six dates from Khudji cover a chronological range of 42–37 thousand BP, which more or less corresponds to the minimal age of Mouster culture. All the dates from Oghzi-Kichik, except may be a single one (38 thousand BP) should be considered invalid. This was caused by insufficient quantity of organic matter in the samples, related in its turn to the diagenesis process in organic matters influenced strongly by the Sun and chemical reactions in ground waters. Evidently, a conclusion should be made concerning specific conditions of carbon conservation in the arid zone of Central Asia.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 17–29

ДРЕВНЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ПЕЩЕРЕ ЧЕРТОВЫ ВОРОТА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА ПРИМОРЬЯ

© 2001 г. А. М. Кузнецов

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Прошло уже более 25 лет со времени открытия и исследования уникального памятника – пещеры Чертовы Ворота на северо-востоке Приморья. Необычайно богатый комплекс материалов, включающий разнообразные каменные и костяные изделия, керамику (в том числе развалы целых сосудов), различные украшения из камня, кости и раковин, фрагменты обгоревших сетей, ткани и веревок, отдельные поделки из дерева и бересты, а также скелеты людей, сразу вызвал большой интерес к этому памятнику. Появившиеся вскоре неожиданно ранние радиоуглеродные даты неолитического комплекса, относящиеся к началу и середине V тыс. до н.э., привлекли еще большее внимание специалистов к Чертовым Воротам. Однако до недавнего времени этот яркий археологический комплекс Приморья был известен только по отдельным предварительным публикациям В.А. Татарникова (1977; 1978; 1983). Наконец, в конце 1980-х годов материалы Чертовых Ворот были опубликованы отдельной монографией, которая должна была ввести в научный оборот материалы этого замечательного памятника. По разным обстоятельствам основной исследователь Чертовых Ворот В.А. Татарников не принял участия в подготовке этого издания. В сформированный под руководством Ж.В. Андреевой авторский коллектив не вошли и другие участники экспедиции 1973 года. Поэтому получилось, что ни один из авторов коллективной монографии в раскопках памятника не участвовал и сама Ж.В. Андреева имела возможность посетить пещеру только в начале раскопок. В силу сложившихся обстоятельств авторы в основу монографии положили полевой отчет В.А. Татарникова и его публикации, а также результаты собственных анализов коллекции археологического материала памятника. Для преодоления многочисленных трудностей, возникших в процессе работы, авторский коллектив разделил весь массив материалов Чертовых Ворот на отдельные группы: каменные изделия, керамика, украшения и т.д., с каждой из которых работал специализирующийся на изучении данной категории изделий участник проекта. Такая практика является вполне нормальной при обработке больших коллекций находок при условии, что исследователям доступна вся информация об условиях их получения и расположения в культурном слое. Авторы монографии учитывали существование различных локальных комплексов на памятнике и правильно определили их одновременность. Однако избранная ими методика анализа материала по отдельным категориям со всей раскопанной площади позволила установить присутствие сходных видов керамики, каменных и костяных изделий на всей исследованной площади Чертовых Ворот. На этом основании они посчитали эти локальные комплексы однокультурными и не стали проводить сопоставления целостных коллекций инвентаря каждого из комплексов. Раскопки памятника проводились на методическом уровне своего времени, кроме того, необычная насыщенность культурного слоя, разнообразие скоплений материала и остатков строительных конструкций комплекса № 2 заставили В.А. Татарникова сконцентрировать внимание на этом центральном объекте памятника, интерпретированном как остатки жилища (рис. 1; 2; 3). В результате необходимая планиграфическая и стратиграфическая информация была рассеяна в объемном полевом отчете и для ее сбора необходимо было приложить дополнительные усилия. Не скрою, что значение некоторых фактов и показавшихся тогда в 1973 г. несущественными деталей стало понятно только через некоторое время, по мере накопления новых данных о неолите Дальнего Востока. Все эти обстоятельства и сказались на интерпретации материала и конечных выводах о роли и месте Чертовых Ворот в общей картине неолита Приморья. Во время раскопок в пещере я был студентом 4 курса ДВГУ и меня привлекали лишь для технической работы по обработке материалов памятника. После окончания университета я начал специализироваться на изучении палеолита Приморья, а вскоре оставил Институт истории ДВНЦ РАН. Поэтому до появления монографии я не имел возможности ознакомиться с интерпретацией этого памятника, сразу же после ее выхода у меня не было времени для серьезного анализа этой публикации. Необходимость уточнения ряда представлений, сложившихся на основе неполной информации, и побудила меня обратиться к этому

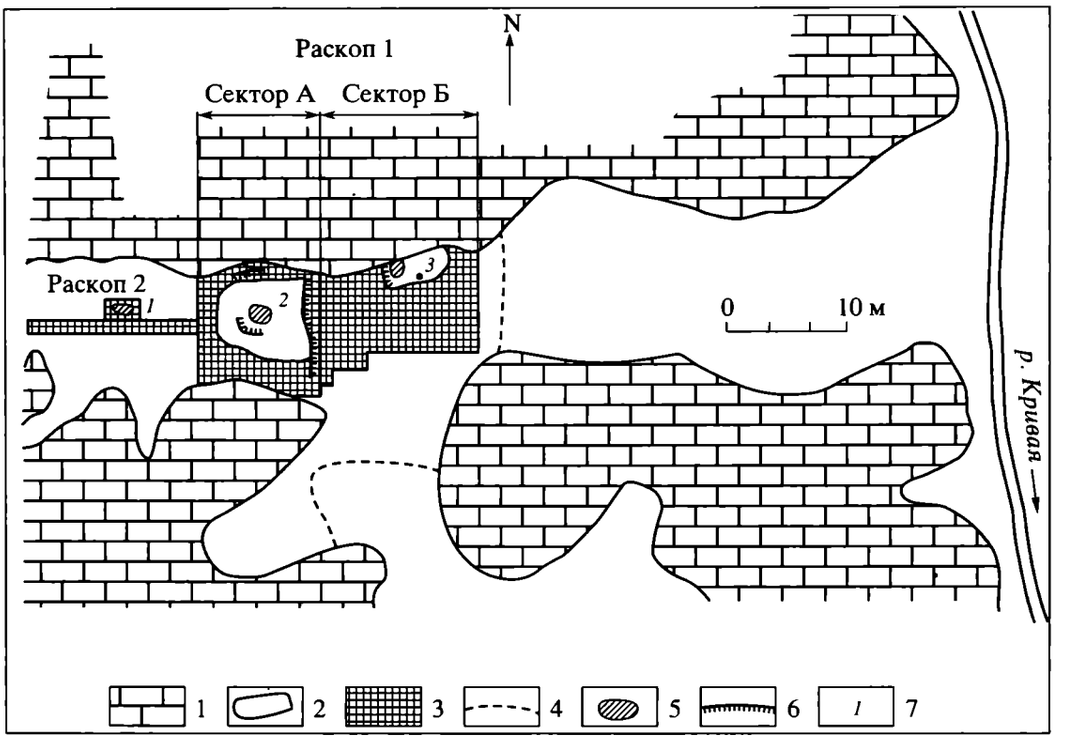


Рис. 1. Схематический план основных комплексов пещеры. Составлен автором по данным В.А. Татарникова: *1* – известняк, *2* – границы комплексов; *3* – вскрытая площадь; *4* – границы капельной линии; *5* – очажные линзы; *6* – искусственные уступы на полу пещеры; *7* – номера комплексов.

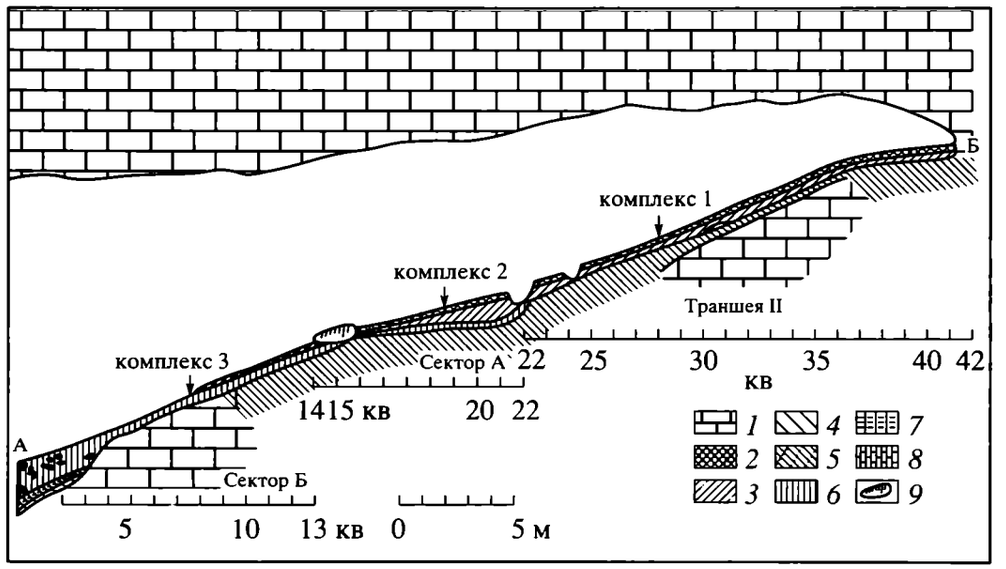


Рис. 2. Общий стратиграфический разрез по продольному профилю пещеры по В.А. Татарникову: *1* – известняк; *2* – буро-коричневый пылевидный суглинок; *3* – светло-серый тонкотекстурный суглинок; *4* – коричнево-серые глины; *5* – желтовато-коричневый суглинок с включениями известняка; *6* – серо-бурый суглинок (культурный слой); *7* – серо-бурый суглинок с включениями угля; *8* – серо-бурый суглинок с включениями известняка; *9* – камень.

уникальному памятнику, как только это позволили мои основные обязанности.

Неповторимая по своему богатству и разнообразию коллекция археологического материала Чертовых Ворот обладает поистине завораживающим эффектом. Однако более важным представляется другое обстоятельство: несмотря на нарушение слоя любительскими раскопками, условия достаточно большой пещеры (рис. 1) способствовали хорошей сохранности не только самих материалов, но и целых археологических комплексов. Поэтому, прежде чем приниматься за классифицирование и обработку всех этих привлекательных артефактов, необходимо обратиться к такой рутинной и мало интересной процедуре, как источниковедческая оценка самого памятни-

ка. Только в этом случае можно будет правильно понять условия и последовательность формирования такого сложного местонахождения, как Чертовы Ворота.

Всего в пещере выявлены три основных локальных комплекса: площадка с кострищем в привходовой части пещеры, у северной ее стенки (№ 3); остатки сгоревшего жилища в центральной части (№ 2) и очажная линза в глубине карстовой полости (№ 1) (рис. 1). Кроме того, у северной стенки жилища зафиксированы остатки каких-то сооружений в виде искусственных выступов (рис. 3). Как видно из плана, основные локальные комплексы памятника хорошо выделены планиграфически, но следует учитывать, что комплексы № 2 и 3 были объединены сплошным культурным слоем, располагавшимся как на одном уровне с заполнением жилища, так и перекрывающим площадку с кострищем у входа в пещеру. Только комплекс № 1 был отделен от остальных пространством, практически не содержащим находок. Поэтому в достаточно непростой ситуации, когда мы имеем на памятнике единый культурный слой и хорошо выраженные локальные комплексы, основной вопрос, на который должны были дать ответ исследователи, заключается в установлении соотношения между различными объектами этого памятника.

Интерпретация этого вопроса у В.А. Татарникова ограничена замечанием, что Чертовы Ворота являются наиболее ранним памятником руднинской культуры, но анализ распределения материала по комплексам он не опубликовал (Татарников, 1979). Выводы авторов монографического описания памятника сводятся к следующим положениям: "Таким образом, выявленные объекты в виде остатков жилища, площадок с очажными комплексами 1, 2 (нумерация объектов в монографии отличается от принятой в статье – *А.К.*) и остатки сооружения в северной части околожилищного пространства свидетельствуют о четырехкратном заселении пещеры. (...) Время функционирования жилища было п о с л е д н и м этапом обитания пещеры людьми. (...) Остатки сооружения за пределами северной границы жилища, судя по стратиграфическим особенностям залегания, были разрушены при строительстве жилища и, следовательно, являются более ранними по отношению к жилищу. (...) Площадка с очажным комплексом 3 выступает как наиболее ранний объект обитания в пещере". Основным аргументом в пользу таких заключений послужили особенности расположения культурных остатков на разных участках раскопа и прежде всего их глубинное положение (Неолит..., 1991. С. 26, 147, 170, 171). Однако к сожалению, установленный факт неодновременности основных объектов памятника не получил в монографии необходимого осмысления. Исследование коллекции инвентаря по отдельным группам дало основание его издателям

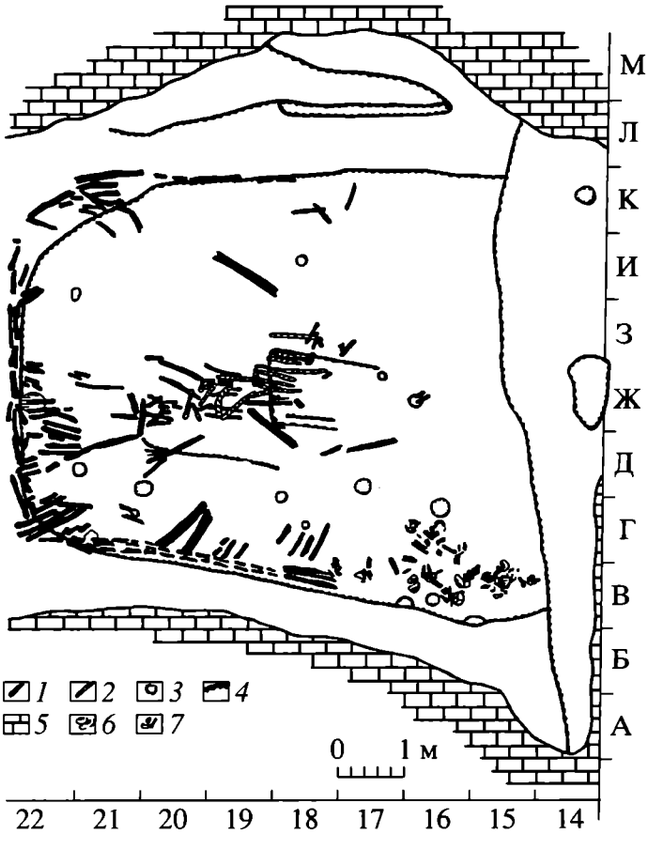


Рис. 3. План остатков жилища в пещере по В.А. Татарникову: *1* – карбонизированная древесина; *2* – древесный тлен; *3* – яма; *4* – границы углублений; *5* – известняк; *6* – камень; *7* – кости.

констатировать единство всего массива по основным технико-морфологическим признакам. Так, Н.А. Кононенко, ответственная за описание каменных изделий, пишет: "Таким образом, анализ с о в о к у п н о с т и признаков и их к о л и ч е с т в е н н о й и е р а р х и и (разрядка моя – *А.К.*) в технике первичной и вторичной обработки и набора типов орудий свидетельствует о единстве, "чистоте", "комплекса". Отмечая различия отдельных объектов Чертовых Ворот по характеру сырья, использовавшегося для производства каменных изделий, Н.А. Кононенко тем не менее утверждает: "Какие-либо различия в технических приемах оформления орудий из названных разновидностей сырья не наблюдаются, что свидетельствует о принадлежности материального комплекса стоянки к однокультурной группе, неоднократно посещавшей пещеру" (Неолит..., 1991. С. 79, 80). Заключение И.С. Жущиховской о керамической коллекции памятника не столь категорично, но в общем может быть согласовано с мнением ее коллеги: "...керамический материал памятника следует отнести к единой т р а д и ц и и (разрядка моя – *А.К.*) гончарства" (Неолит..., 1991. С. 145). Обобщая результаты проделанного исследования, Ж.В. Андреева уже пишет следующее: "Изучение материала в пещере Чертовы Ворота и

особенности его расположения свидетельствуют о неоднократном заселении пещеры представителями одной (разрядка моя – *А.К.*) культуры. Между объектами внутри пещеры отмечены незначительные расхождения в некоторых признаках инвентаря, особенностях фаунистических остатков. (...) В качестве рабочей гипотезы (разрядка моя – *А.К.*) может быть высказано предположение, что в бассейне р. Рудная длительное время обитало племя, оставившее нам остатки поселений. (...) Незначительные разночтения между инвентарем раннего комплекса Руднинского поселения и объектами в пещере Чертовы Ворота можно считать изменениями временного характера" (Неолит..., 1991. С. 198).

Таким образом, к настоящему времени Чертовы Ворота однозначно рассматриваются как однокультурный комплекс, относящийся к руднинской неолитической культуре, несмотря на наблюдающиеся особенности инвентаря разных комплексов пещеры, с одной стороны, и этого памятника и руднинского поселения – с другой. Так что же это за различия материала и особенности его обнаружения, которыми пренебрегли мои предшественники? Для того чтобы установить значение данных фактов, давайте обратимся к наблюдениям, сделанным непосредственно в процессе раскопок пещеры, в ходе которых я занимался исследованием как преджилищной площадки (сектор Б) с комплексом № 3, так и комплекса № 1 в глубине пещеры. Для правильной оценки соотношения отдельных объектов памятника прежде всего необходимо учитывать особенности строения рельефа пола пещеры и характер отложений, как включающих культурные остатки, так и перекрывающих их. К моменту раскопок кровля рыхлых отложений заполнения пещеры была достаточно ровная по линии С–Ю, но имела общий уклон в направлении З–В (рис. 2). Причем наибольший наклон уровня пола отмечался у привходовой части карстовой полости. Предпещерная площадка представляла собой крутой склон высотой до 30 м, совпадающий с нижней частью борта долины р. Кривая, образованного выходами известняка (рис. 1). Особенности режима осадконакопления в условиях пещеры способствовали накоплению тяжелых суглинков и глин в нижней части толщи ее отложений, которые выровняли неровности скального днища полости. Верхняя часть разреза, к которой были приурочены остатки сооружений и археологический материал, согласно описанию В.А. Татарникова, была сложена легкими пылеватыми очень рыхлыми суглинками. Слои 0 и 1 (буро-коричневый мягкий и светло-серый тонкотекстурный суглинки) не содержали археологический материал. Основной культурный слой памятника – серый с бурым оттенком легкий суглинок с включениями известняка (слой 2) от 0.2 до 0.3 м толщиной. Только заполнение жилища (комплекс № 2), включенное в слой 2, насыщенное углями и золой, отличалось большей плотностью и толщиной (до 0.4 м). Небольшое количество материала было получено из нижележащего слоя желтовато-коричневого суглинка с мелким щебнем и крупными обломками известняка (слой 3), который залегал двумя линзами у привходовой площадки (Татарников, 1983; Неолит..., 1991. С. 18–22). Таким образом, особенности рельефа днища пещеры и характер верхней части заполняющих ее отложений создавали определенные условия для перемещения грунта и содержащегося в нем археологического материала из верхней и центральной части пещеры (сектора А) к ее устью (сектору Б) (рис. 1; 2). Сектор Б, включавший комплекс № 3, охватывал значительную площадь у привходовой части пещеры (82 м^2). Для того чтобы разместиться на этом наклонном участке, создатели комплекса № 3 были вынуждены искусственно выровнять площадку, в результате чего им пришлось углубиться почти на 60 см у западного края своего сооружения. Однако впоследствии все по той же причине расположения на склоне это искусственное углубление было быстро заполнено отложениями из глубины пещеры и здесь накопилась более мощная культуросодержащая толща. Следовательно, большая глубина залегания культурного слоя на площадке комплекса № 3, которая явилась важным аргументом в пользу его более раннего возраста по отношению к жилищу, оказалась прежде всего результатом его локализации на особом участке пещеры. Понятно, что хронологическое значение глубинных отметок залегания материала является здесь более чем проблематичным. Кроме того, очевидно, что для правильной оценки этого комплекса следует отдать предпочтение материалу с пола этой площадки, а не из ее заполнения.

В пределах всего заполнения площадки отмечалось преобладание продуктов расщепления камня над другими категориями материала. Встречались здесь и фрагменты керамики, в том числе украшенные штампованными орнаментами. После окончательной зачистки были установлены границы этого сооружения овальной формы площадью около 10 м^2. На полу этой площадки была выявлена очажная линза до 1.5 в длину и 0.7 м в ширину. В пределах самой линзы и вокруг нее залегали 20 небольших желвачков сероватого кремня и 2 крупных; 2 пластинчатых; 69 средних и 283 мелких отщепа кремня, а также фрагмент ретушированного орудия; 2 скребка; 9 фрагментов керамики; 8 фрагментов раковин и 2 галечных изделия. Причем каменные изделия этого комплекса, сами по себе маловыразительные, заметно отличались от каменного инвентаря других участков памятника по сырьевому составу, так как для их производства использовался некачественный светлый и темно-серый валунный кремень, вероятно, полу-

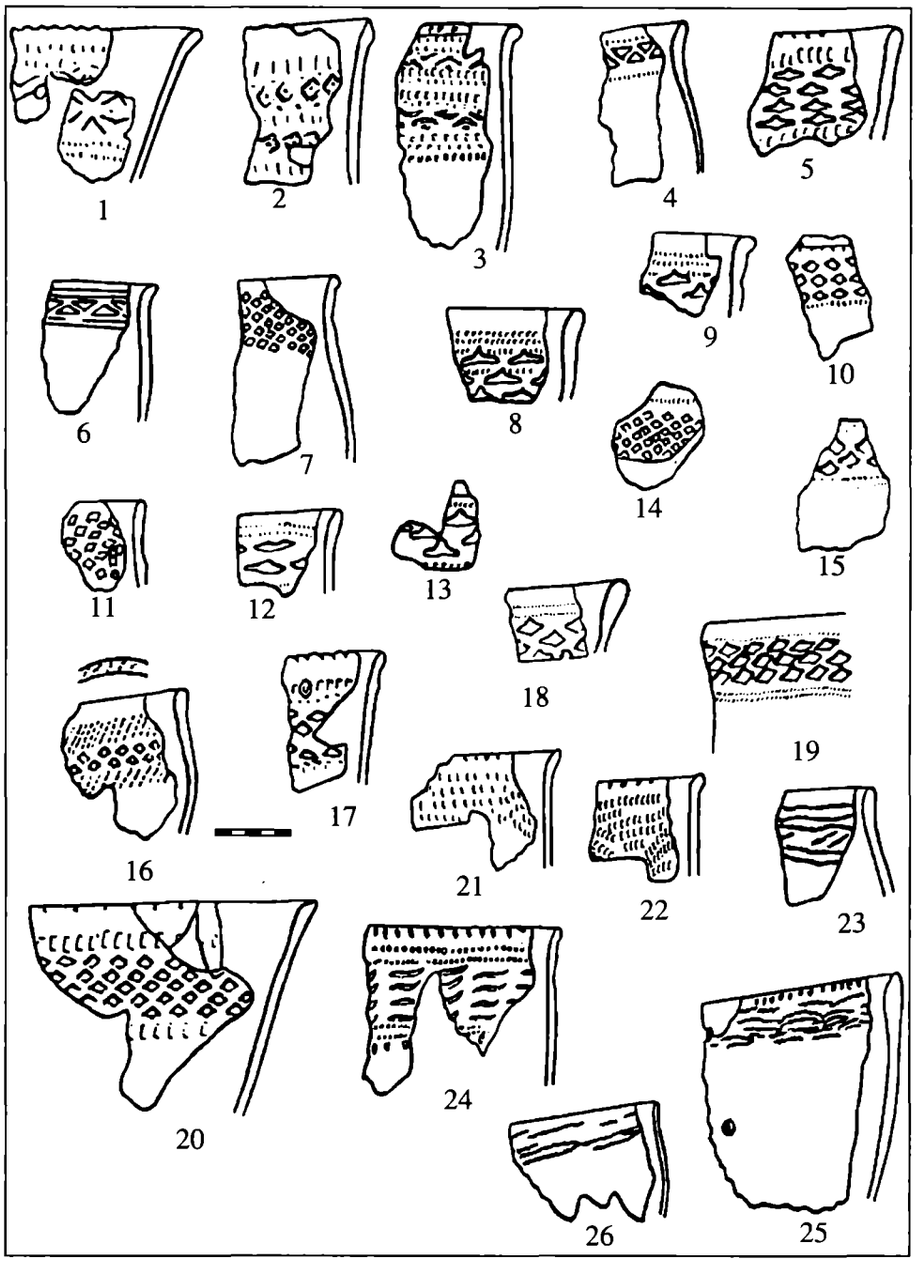


Рис. 4. Фрагменты керамики со штамповыми орнаментами (*1–22*) и отпечатками раковин (*23–26*) из предвходовой части пещеры по В.А. Татарникову.

чаемый из русла р. Кривая. Достаточно невзрачна и керамика с пола рассматриваемого комплекса, представленная фрагментами неорнаментированных тонкостенных сосудов (Андреева, Татарников, 1973. С. 49). При всей неинформативности материалов площадки у входа в жилище они более всего соответствуют коллекциям памятников не неолита, а эпохи бронзы данного района. Такой вывод хорошо согласуется и со специфическим составом фаунистических остатков этого комплекса, в котором в отличие от остальной части пещеры преобладали кости пятнистого оленя, горала, лося – животных, которые характерны и для современной фауны этого района (Неолит..., 1991. С. 165).

Итак, комплекс № 3 пещеры Чертовы Ворота ни по своим стратиграфическим характеристикам, ни по особенностям материала не имеет отношения к остальным бесспорно неолитическим комплексам пещеры, а с большей степенью вероятности может быть отнесен к эпохе бронзы и, по-видимому, к лидовской культуре, памятники которой распространены в данном районе.

Не все так просто получается и с интерпретацией материалов остальной части предвходовой площадки пещеры. В процессе раскопок сектора Б была найдена относительно большая в сравнении с комплексом жилища коллекция инвентаря: около 1200 изделий из камня, кости и раковин. Здесь не было полных развалов сосудов, но было обнаружено почти 600 фрагментов керамики (рис. 4; 5). Одна группа находок сразу обратила на себя внимание. Речь идет о своеобразных орудиях

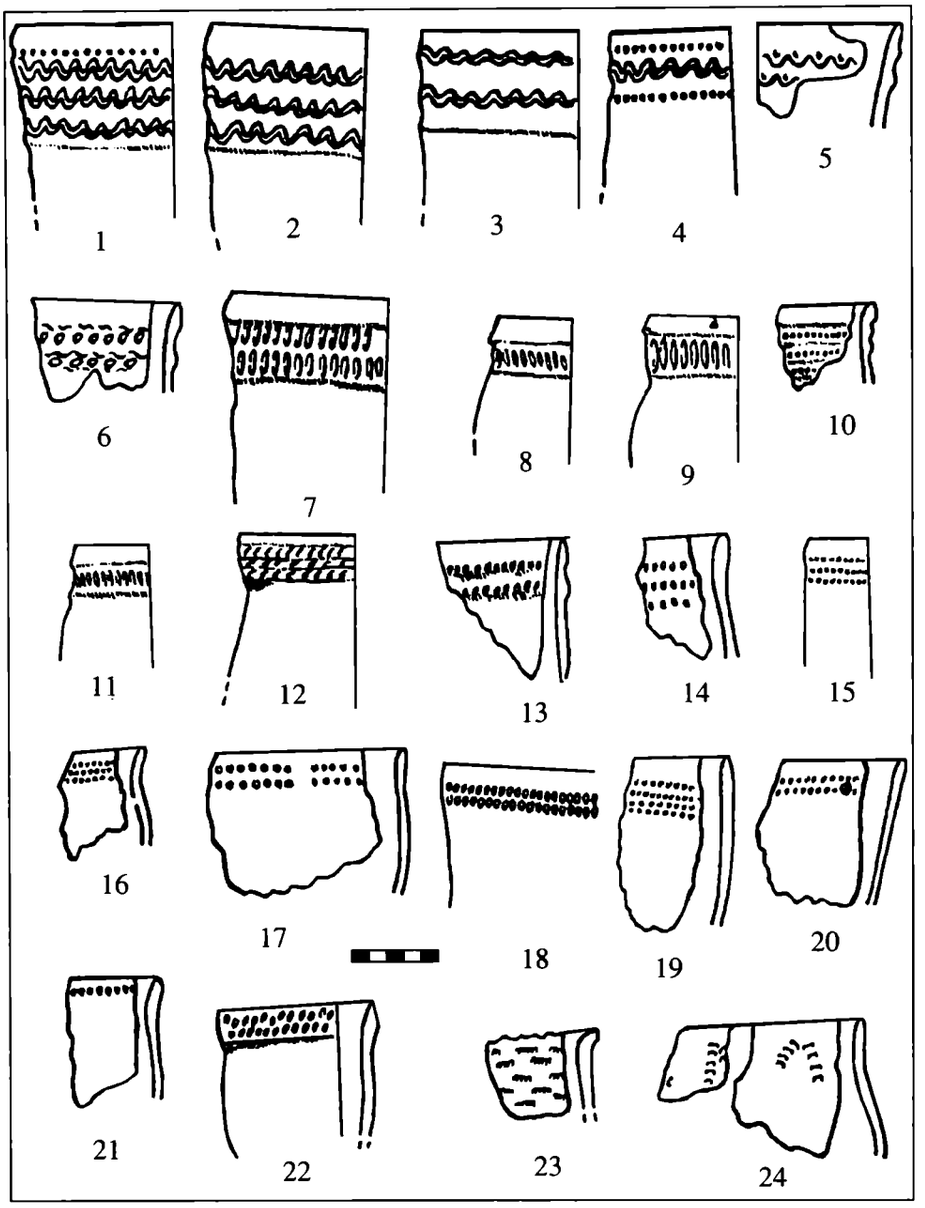


Рис. 5. Фрагменты керамики из жилища по В.А. Татарникову. *1 – 5, 10* – украшенные налепными валиками; *7–9, 11* – с вертикальными защипами; *13–22* – с точечными вдавлениями; *23–24* – с отпечатками раковин.

на правильных пластинах, так называемых остриях даурского типа (рис. 6, *15*). Еще одной редкой, но сразу привлекавшей внимание категорией находок были необработанные пластинки и микропластинки правильной формы (рис. 6, *5*, *6*). Как оказалось, в пределах жилища даурские острия не встречались совсем, несмотря на то что здесь была найдена одна пластинка (Андреева, Татарников, 1973. С. 18). Следующая достаточно примечательная группа находок преджилищного пространства – фрагменты костяных обойм с пазами. Наконец, из этой же части раскопа происходят два орудия на обломке крупной пластины и на отельности или пластине яшмовидного кремня (рис. 7, *1, 2*). Не менее примечательна и керамическая коллекция предвходовой площадки, составленная, как уже отмечалось, только из фрагментов сосудов. Основная часть орнаментированных фрагментов была украшена различными отпечатками штампа в виде фигурных скобок и ромбов (амурская плетенка), сочетавшихся с гребенчатыми оттисками (рис. 4, *1–20*). Были здесь обнаружены и фрагменты с налепными валиками, но они залегали в непосредственной близи от жилища в верхней части слоя. Точно так же единственный сосуд сектора Б (№ 17) - небольших размеров с горловиной, украшенной вертикальными защипами, был найден у восточной стенки жилища. В таком случае получается, что "однородная" коллекция Чертовых Ворот сначала разделилась на две культурно-хронологические группы, но теперь появились и основания предполагать наличие еще одной такой группы материала.

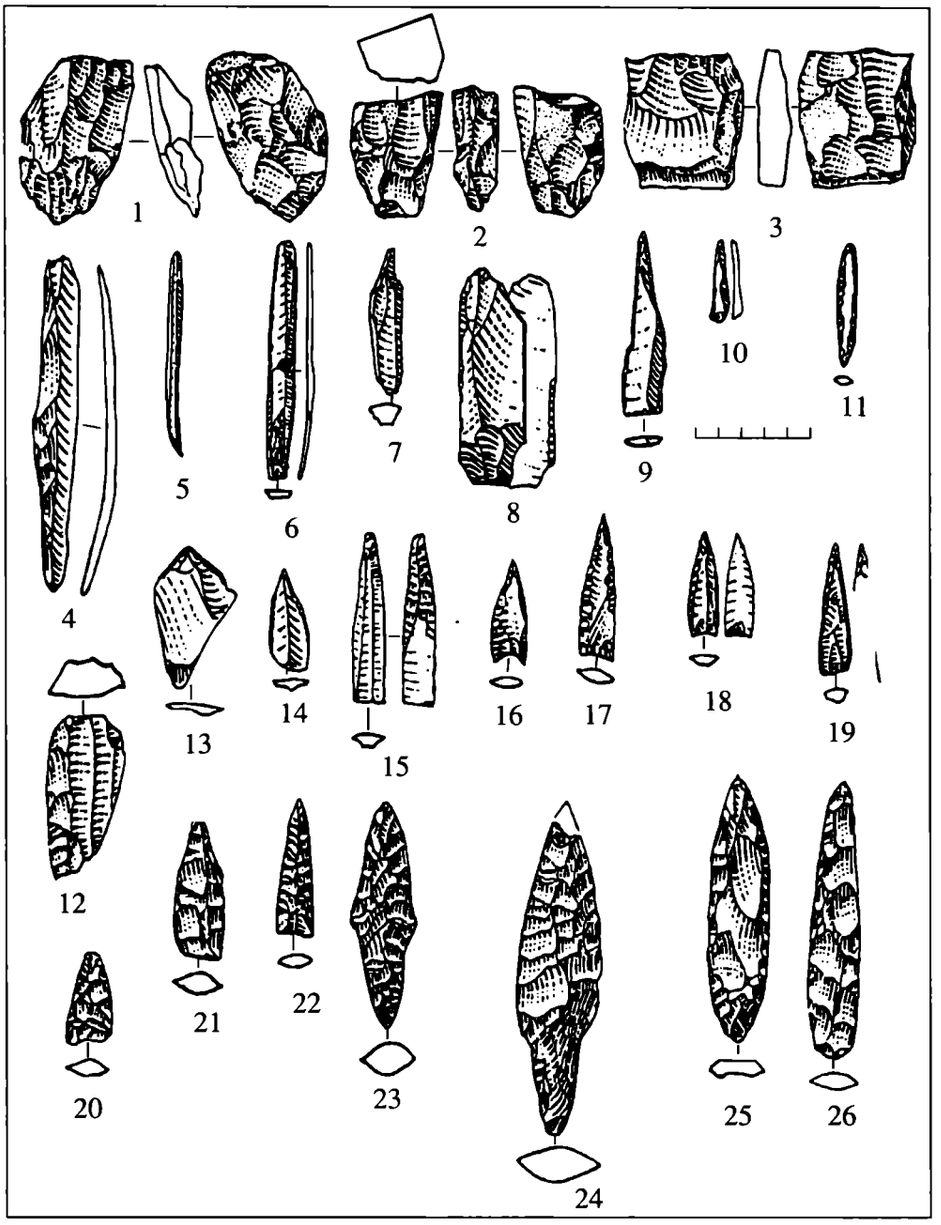


Рис. 6. Каменный инвентарь Чертовых Ворот по В.А. Татарникову. *1–3* – нуклевидные изделия; *4*, *6*, *7* – пластинки; *5* – микропластинка; *8*, *12*, *13* – отщепы с ретушью; *9–11*, *14* – ретушированные острия на пластинках; *15* – острие даурского типа; *16–22*, *25*, *26* – листовидные и подтреугольные наконечники стрел; *23*, *24* – черешковые наконечники. В основном материал из околожилищного пространства.

Окончательная интерпретация находок из преджилищного пространства данного памятника может быть дана после их сопоставления с коллекцией самого жилища. Остатки жилища были выявлены при раскопках сектора А, площадь которого составляла 80 м^2. Жилой комплекс пещеры представлял собой конструкцию подпрямоугольной в плане формы длиной примерно 7 и шириной около 6 м, располагавшуюся в центральной части зала. Границы жилища были зафиксированы по сплошному горелому заполнению, четко оконтурившему жилую площадку. Основание сооружения было углублено в грунт на глубину от 10 до 25 см. Кроме того, выравнивание поверхности путем выбирания верхней части отложений было проведено у восточной стенки жилища, обращенной к входу в пещеру. В результате был образован искусственный уступ до 15 см высотой (рис. 3). Жилище Чертовых Ворот примечательно тем, что наряду с неглубоким котлованом и столбовыми ямками здесь сохранились обгоревшие остатки стен и кровли. Кроме того, здесь были зафиксированы истлевшие остатки обкладки очага, а также древесный тлен в виде узких длинных лент, залегавший в верхней части перекрытия жилища (Неолит..., 1991. С. 22–26).

Следовательно, для обустройства в пещере пришлось предварительно выравнивать ее поверхность не только людям эпохи бронзы, которые выбрали участок с сильным уклоном, но и их предшественникам, неолитическим обитателям памятника, поселившимся на более ровном его участке.

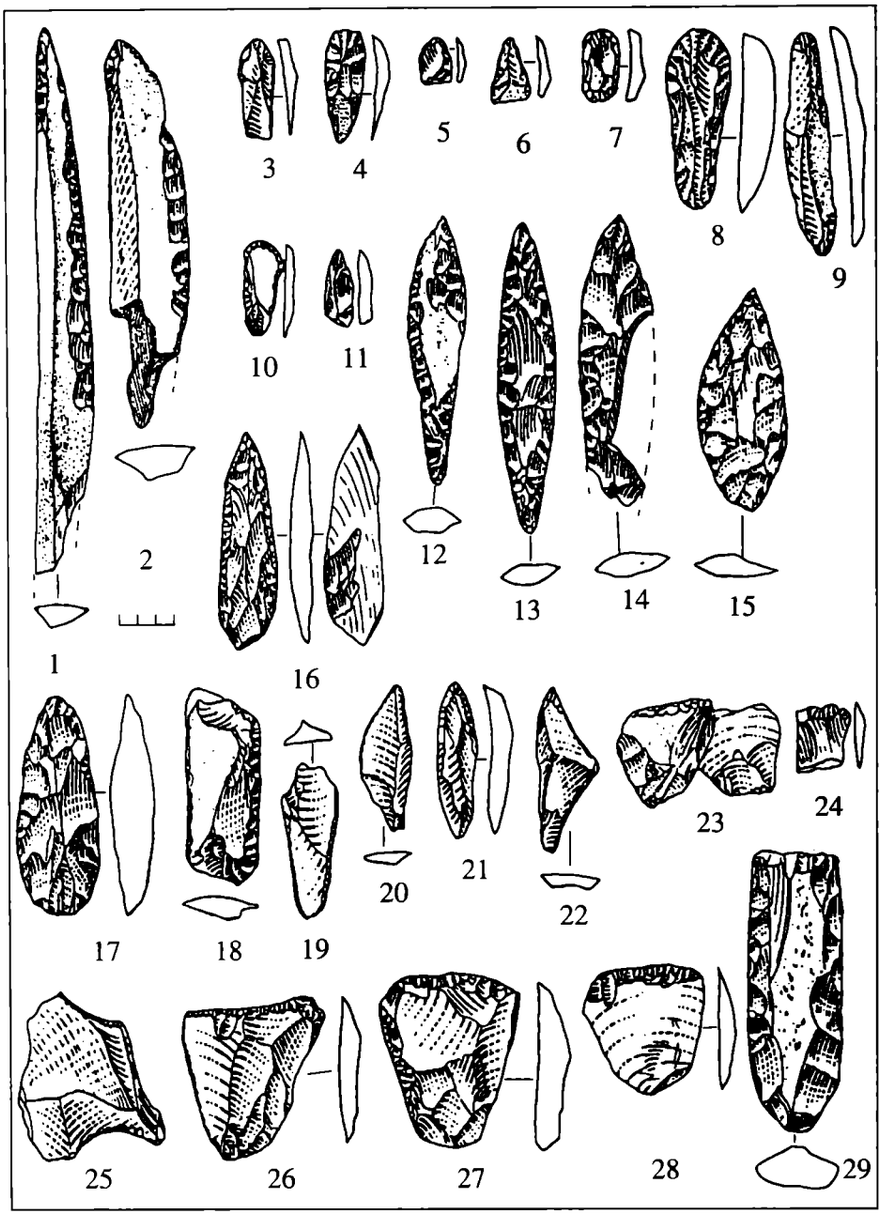


Рис. 7. Каменный инвентарь Чертовых Ворот по В.А. Татарникову. *1, 2* – изделия на крупных сколах; *3–11* – скребки; *12–15, 17* – двустороннеобработанные изделия; *16, 18–28* – орудия на отщепах с ретушью; *29* – массивное орудие с двусторонней обработкой. В основном материал из околожилищного пространства.

Для правильной оценки соотношения между различными комплексами Чертовых Ворот принципиальное значение имеет тот факт, что в обоих случаях имели место вскрытие верхней части отложений пещеры и выброс их на другие ее участки. Остатки какой-то конструкции за северной стенкой жилища показывают, что, вероятно, был еще один эпизод, связанный с перекапыванием поверхностного слоя. Понятно, что если эти отложения содержали археологический материал, то он также был переотложен. В таком случае необходимо установить, были ли в пещере до сооружения жилища какие-либо следы обитания людей.

Сопоставление материала из жилищного пространства и прилегающих к нему участков подтверждает вывод В.А. Татарникова о том, что строители жилища не были первыми обитателями пещеры. Заполнение жилища было насыщено разнообразными предметами: около 600 изделий из камня, кости и раковин, 50 обломков керамических сосудов, 3 сильно фрагментированных сосуда и 12 полных развалов сосудов, а также кости животных (рис. 5–9). Особо следует отметить два небольших скелета животных, сохранивших анатомический порядок, лежавших вблизи очага. Этот факт, к сожалению, не получил отражения в публикациях. Среди законченных изделий можно отметить шлифованные тесловидные орудия, выпрямители древков, мотыги, лощила, большое количество шлифованных наконечников.

Если выделить находки, непосредственно обнаруженные при зачистке пола, то перед нами

предстанет очень любопытная картина. Во-первых, здесь зафиксировано несколько компактных скоплений каменных и костяных изделий, которые также почему-то не были описаны в монографии. Но наиболее важной деталью для оценки этого комплекса является обнаружение полных развалов 12 сосудов. В результате реконструкции было установлено, что эти сосуды имели простую ситулообразную форму, более сложная их модификация представлена сосудами с выделенной горловиной. Ведущим орнаментальным мотивом девяти сосудов являлся перевитый налепной валик, несколько небольших сосудов были украшены вертикальными защипами и точечными оттисками (рис. 5) и только один сосуд № 6 (по нумерации В.А. Татарникова) декорирован отпечатками штампа в виде амурской плетенки (Неолит..., 1991. С. 130–135; Андреева, Татарников, 1973. С. 85, 86). Фрагменты керамики с амурской плетенкой были также обнаружены в секторе А и за пределами жилого сооружения. В то же время, ниже уровня пола жилой постройки ни керамика подобного рода, ни другие изделия уже не фиксировались. Как известно, штампованные ромбовидные отпечатки являются одним из основных орнаментальных мотивов сосудов руднинской культуры, однако ни керамика с налепными валиками, ни с вертикальными защипами совершенно не характерна для этой культуры (Дьяков, 1993). Да и в целом среди известных неолитических памятников Приморья неизвестны аналоги подобной керамике. Кроме того, группа сосудов с налепными валиками из пещеры и наиболее крупный сосуд с вертикальными защипами, в отличие от сосудов раннего комплекса руднинского поселения, не имеют отогнутых или слегка суженных венчиков. Вопрос о том, откуда в Чертовых Воротах появилось такое странное сочетание руднинской керамики и сосудов с необычными орнаментальными мотивами, никем из исследователей памятника не рассматривался. Они довольствовались тем фактом, что керамика со штампованным орнаментом встречалась по всей площади раскопа. При этом было проигнорировано такое обстоятельство, как единственная находка *неполного* развала сосуда, украшенного амурской плетенкой, в то время как на всех остальных сосудах были другие орнаменты. Поскольку находки на полу были сгруппированы в небольшие скопления, здесь сохранились в первоначальном положении хрупкие остатки стен, мы можем с полной уверенностью констатировать положение этого материала in situ, так же как и злополучного сосуда с плетенкой. В то же время в секторе Б материал не был сгруппирован в четко выраженные скопления и был представлен, как уже указывалось, фрагментами керамики, различными изделиями и отходами производства.

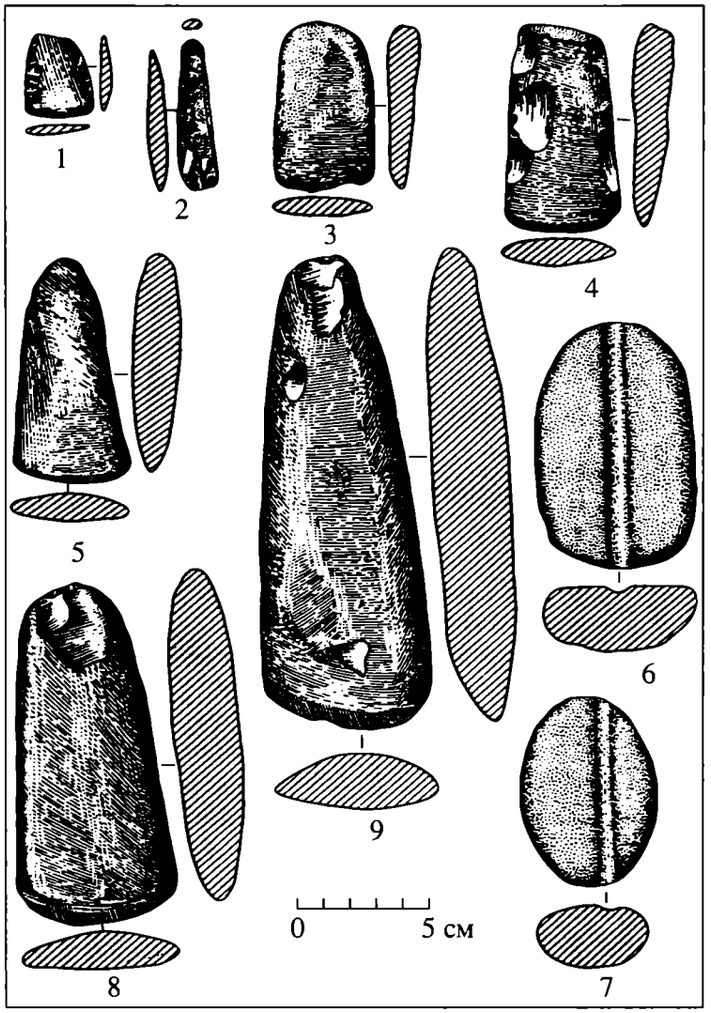


Рис. 8. Каменный инвентарь Чертовых Ворот по В.А. Татарникову. Материал из жилища: *1–5*, *8*, *9* – шлифованные топоры и тесла; *6*, *7* – выпрямители древков.

Следовательно, по своим характеристикам коллекции инвентаря жилища и прилегающего к нему пространства четко различаются таким образом, что в первом случае мы имеем комплекс, формировавшийся в основном в течение периода существования жилища, сгоревшего в результате пожара. Отсюда такое богатство, полнота и особый состав представленного в нем набора изделий. Во втором случае перед нами характерная "стояночная" картина, как с точки зрения распределения материала, так и его состояния: обломки изделий, фрагменты керамики и т.д. Поскольку в околожилищном пространстве пещеры найдены в основном пришедшие в негодность изделия или отдельные вещи, не образующие локальных скоплений, очевидно, что они не имеют четко зафиксированного периода их накопления. Еще В.А. Татарников обратил внимание на линзу находок, примыкавшую к северо-восточному углу остатков жилого сооружения. По своему стратиграфическому положению и составу материала эта линза имеет явное отношение к комплексу жилища,

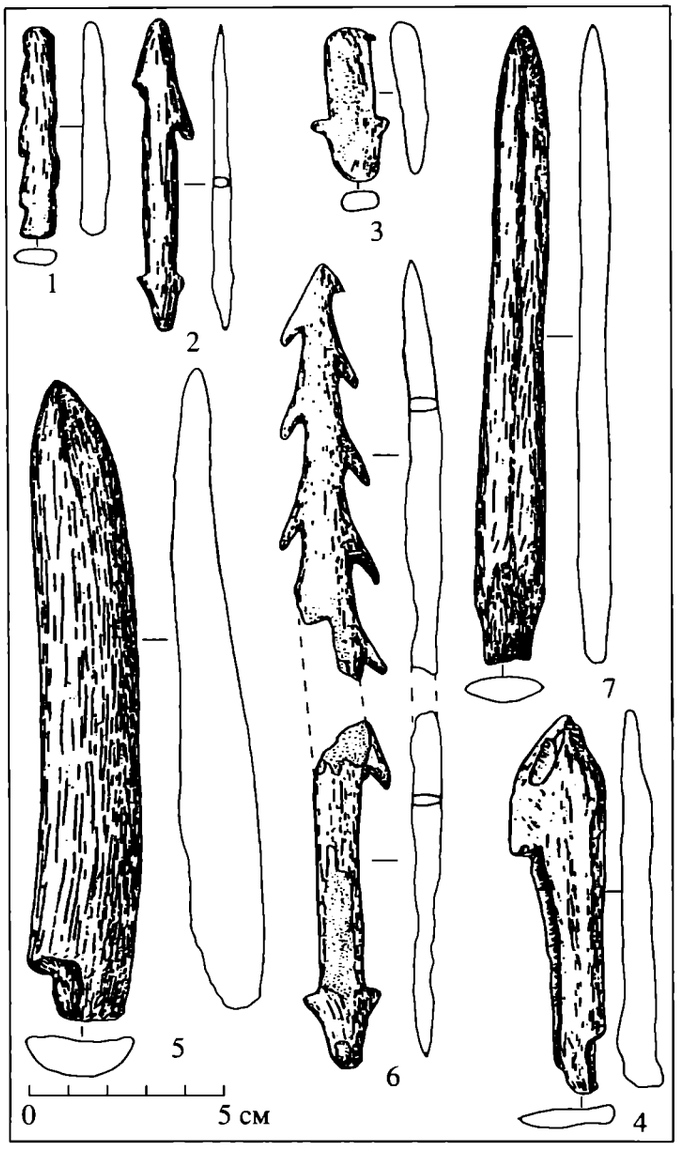


Рис. 9. Костяные изделия Чертовых Ворот по В.А. Татарникову. *1–3, 6* – гарпуны; *4* – заготовка; *5, 7* – массивные острия. В основном материал жилища.

хотя и находилась за его границей. Именно к этой линзе имеют отношение и небольшой сосуд и фрагмент керамики с налепными валиками. Предположение В.А. Татарникова о том, что в этом углу находился вход в жилище, через проем которого и попала часть находок за его пределы, вызывает большой интерес. Если даже из жилища происходило "растекание" материала, то следовало бы обратить более пристальное внимание на постдепозиционное поведение изделий, обнаруженных на примыкающих к жилищу участках пещеры. Поскольку жилище было неглубоко врыто в грунт, а затем этот котлован был заполнен остатками сгоревших конструкций стен и, возможно, перекрытий (об этом говорят зафиксированные столбовые ямки), то эти обстоятельства не способствовали слишком большой активности процесса заполнения отложениями его пространства. Однако искусственный характер этой выровненной площадки на достаточно наклонной поверхности пола пещеры (рис. 2) привел к тому, что она перекрывалась наносами из более глубокой части этой карстовой полости и, в некоторой степени, от северной и южной стенок жилища (описание механизма перемещения отложений см.: Butzer, 1994). В пользу вывода о имевшем место частичном постдепозиционном перемещении отложений заполнения жилища свидетельствует и характер расположения человеческих скелетов. Все они сохранили только частичный анатомический порядок. Следовательно, археологический материал из околожилищного пространства все-таки попадал в заполнение жилища, вот почему мы и видим здесь фрагменты керамики со штампованным орнаментом. В то же время на полу оставались развалы сосудов, синхронных времени существования жилища, с налепными валиками, точечными оттисками и вертикальными защипами.

Таким образом, установленная принадлежность керамики со штампованным орнаментом, острий даурского типа и обломков костяных основ вкладышевых орудий основному культурному слою пещеры, а сосудов с налепными валиками, вертикальными защипами, шлифованных тесел и наконечников комплексу жилища Чертовых Ворот позволяет дать иную интерпретацию соотношения этих материалов, чем предложенная ранее. Действительно, на привходовой части пещеры есть материалы, имеющие отношение к жилищу, но они сосредоточены преимущественно у северо-восточного угла жилого сооружения, в районе предполагаемого входа. Кроме того, часть материала могла быть внесена сюда обитателями жилища. Однако различия этих двух основных зон обитания памятника не сводятся только к признаку: целые, законченные, функционально пригодные и пришедшие в негодность изделия или их заготовки. Эти особенности касаются прежде всего приемов орнаментации сосудов и некоторых форм каменных и костяных изделий. Теперь речь можно вести не только о разновременности комплекса жилища и основного культурного слоя пещеры, но и об их разнокультурности, так как, за исключением сосуда с орнаментом в виде плетенки, комплекс № 2 в своем наиболее чистом выражении не содержит явных признаков руднинской культуры. Однако сочетание, например, керамики со штампованным орнаментом и пластинчатых острий известно по другим памятникам Приморья (Пхусун и др.; Окладников, 1964). Как раз коллекция культурного слоя околожилищного пространства пещеры и дает нам явные признаки руднинской культуры, прежде всего в своем керамическом материале. Примечательно, что различия материалов жилища и остальной части пещеры прослеживаются также и по фаунистическим остаткам. В первом случае наблюдалось большое количество костей собаки-волка, во втором – медведя и кабана-свиньи (Неолит..., 1991. С. 172, 173).

Совершенно другая ситуация наблюдается в случае с комплексом № 1. Он находился в глубине пещеры, в ее достаточно темной части. Пятно культурного слоя здесь было зафиксировано при прокладке контрольной траншеи. В раскопе № II на площади 3 × 2 м были расчищены три очажных пятна, образующих в верхней части единое кострище примерно 1.8 м в длину, 0.8 м в ширину и 0.05 м толщиной. Среди немногочисленных находок из кострища следует упомянуть фрагмент сосуда с тремя рядами рассеченных налепных валиков, фрагменты керамики с гребенчатыми и зубчатыми отпечатками, три скребка, фрагмент подвески из раковины, костяную иглу, два фрагмента костяного гарпуна и отщепы (Андреева, Татарников, 1973. С. 78–86). В эту расположенную выше часть пещеры материал из жилища не мог попасть при склоновых процессах. Нет здесь и керамики с амурской плетенкой. Поэтому с большей степенью вероятности комплекс № 1 можно отнести к той же культурной традиции, что и основной инвентарь жилища Чертовых Ворот.

Приведенные данные дают основания для выделения трех основных этапов заселения пещеры Чертовы Ворота. Вначале здесь появились люди, оставившие после себя керамику со штампованными орнаментом, острия даурского типа и некоторые другие предметы. Они, вероятнее всего, не сооружали искусственных объектов, а просто использовали пещеру для продолжительного проживания. В результате мы видим характерный комплекс памятника, оставленного в спокойной обстановке: фрагментированные остатки сосудов, сломанные и пришедшие в негодность изделия и т.д. Именно эти материалы обладают характерными признаками руднинской культуры.

Затем в пещере появились новые обитатели, с которыми связано появление комплексов № 1 и 2. Временно́е соотношение этих комплексов остается неопределенным, так же как и остатков углубления у северной стенки жилища, поскольку для этого нет необходимой информации. При сооружении жилища в центральной части пещеры эти люди вскрыли предшествующий культурный слой и переместили содержащиеся в нем вещи. Возможно, что тогда же они нашли сосуд с амурской плетенкой, который поместили в свое жилище. Такой вывод может объяснить примечательную особенность этого сосуда – у него отсутствуют достаточно большие фрагменты стенок, в то время как остальные сосуды представлены полностью, хотя и во фрагментах. Гибель жилища, по-видимому, в результате пожара способствовала сохранению всего комплекса инвентаря и, возможно, явилась причиной смерти его обитателей. По основным признакам инвентаря и прежде всего орнаментальным композициям сосудов этот комплекс не имеет аналогий среди памятников руднинской культуры, а самые близкие параллели эти материалы находят в Японии на стоянке Ханамияма (Археологический отчет..., 1995). После уничтожения жилища, в процессе заполнения и перекрытия его пространства отложениями произошло новое перемещение более раннего материала на очищенную от него территорию. Но, очевидно, не случайно новые пришельцы не выбрали более ровный участок пещеры, где ранее располагалось постройка, а поселились на неудобном склоне у входа в нее. Они внесли свой вклад в переотложение материалов, уже накопившихся в пещере. Но, возможно, остатки жилища были еще заметны и они не рискнули потревожить их.

Таким образом, в пещере Чертовы Ворота та картина распределения археологического материала, которая была зафиксирована после проведения раскопок, явилась результатом взаимодействия двух основных факторов. Во-первых, деятельности людей, которые не ограничивались использованием естественной поверхности пола пещеры, а в трех случаях производили ее выравнивание со снятием и перемещением части отложений. В результате этого часть более ранних материалов была переотложена, а возможно, и вторично использована. Во-вторых, с прекращением очередного периода заселения пещеры включались природные факторы, связанные с перемещением грунта по естественному наклону кровли отложений пещеры и котлованам искусственных сооружений. Следствием этих процессов является вторичное перемещение уже переотложенного материала и распределение более ранних изделий по уровню залегания выше, чем те, которые позднее накапливались на полу жилища и искусственной площадки. Наблюдения за распределением находок в слое, сделанные В.А. Татарниковым, а затем использованные в монографии, подтверждают предложенные выводы. Привожу один из таких фактов: "...значительная часть археологического материала верхних пластов слоя 2 в нижней части зала приурочена к территории, непосредственно примыкающей к зоне расположения жилища. Материал нижних пластов концентрировался на другом участке, ближе к входу" (Неолит..., 1991. С. 30). Другими словами, на более ровных участках находки залегали в верхней части слоя 2, не склоне – в нижней его части. С учетом этой общей картины формирования памятника необходимо было провести анализ коллекции инвентаря и решить вопрос о хронологии отдельных комплексов. Основная, собственно неолитическая часть материалов Чертовых Ворот, может быть достаточно близкой по возрасту, так как вся она стратиграфически связана со слоем 2. Если обратиться к полученным радиоуглеродным датам, то они согласуются между собой. Но следует принять во внимание, что дата по углю из жилища составляет 6380 + 70 (МГУ-504) (после окончательного пересчета она выглядит как 7065 + 70). Дата, получен-

ная по образцу из деревянной конструкции жилища, дала 6574 + 45 (СОАН–1083). В.И. Дьяков приводит и другие даты для этого памятника – 5890 + 45 и 6710 + 105. По коллагену костей животных из слоя дата составляет 6825 + 45 лет. К сожалению, откуда происходят кости, по которым получена последняя дата, сейчас трудно установить, но если они собраны за пределами жилища, то могут иметь отношение к раннему комплексу пещеры. Интересно сравнить имеющиеся радиоуглеродные датировки Чертовых Ворот и нижнего горизонта руднинского поселения: 7550 + 60 (ГИН–5631), 7690 + 80 (ГИН–5983) и 7390 + 100 (ГИН–3984) (Дьяков, 1993. С. 119). Заметное расхождение датировок двух памятников показывает, что даты, полученные по образцам из пещерного жилища, уже относятся к следующему этапу, после существования раннего слоя памятника на р. Рудная. В таком случае руднинские материалы Чертовых Ворот также следует отнести к более раннему времени. Имеющиеся даты, в целом, хорошо согласуются с вполне неолитическим обликом материалов основных комплексов Чертовых Ворот. Отсюда не случайны и черты сходства технологических и морфологических признаков керамики и каменных изделий из жилища и остальной части пещеры, так как они вполне могут быть общестадиальными по своей сути, что не может противоречить разнокультурности этих материалов. Как уже отмечалось, между изделиями разных комплексов и участков памятника фиксируются различия на уровне некоторых специфических форм изделий и характера орнаментов, то есть как раз таких признаков, которые и имеют большую культурную значимость.

Таким образом, проделанный источниковедческий анализ пещерного памятника Чертовы Ворота дает основания предложить несколько иную его культурно-хронологическую интерпретацию, по сравнению с предложенными в литературе. Наиболее ранний этап заселения пещеры может быть связан с носителями руднинской культуры, которые устроили здесь сезонную стоянку или несколько раз посещали пещеру в течение ограниченных промежутков времени. Затем, возможно, через не столь уж и большой промежуток времени, здесь появились новые неолитические обитатели, которые более основательно устроились в пещере, соорудив здесь легкое жилище. Этот этап освоения пещеры представляет особый интерес, так как мы не знаем в Приморье других памятников, которые содержали бы такой специфический комплекс керамики. Вполне вероятно, речь можно вести о принадлежности материалов жилища особой неолитической культуре. По устному сообщению В.А. Татарникова, именно так и оценил эту часть коллекции памятника А.П. Окладников. К этому же этапу относится и кострище в глубине пещеры. На заключительной стадии формирования памятника, через более продолжительный отрезок времени, чем в первом случае, пещерой пользовались как временным укрытием у входа в карстовую полость. Не слишком информативные материалы позволяют все же датировать этот комплекс эпохой бронзы.

Было бы чересчур самонадеянно считать, что разрешены все загадки Чертовых Ворот, поскольку теперь перед специалистами встает проблема более детального анализа материалов по отдельным комплексам, ибо суммарное описание коллекции памятника в монографии не позволяет пока проделать эту работу. Еще один вопрос, требующий разрешения, это культурная интерпретация материалов жилища, а для этого необходимо искать новые памятники с подобной керамикой. С учетом ограниченности данных материалы пещерных комплексов № 1, 2 предварительно можно определить как чертоворотский эпизод неолита Приморья.

Кроме того, не совсем ясны обстоятельства гибели людей, чьи останки были найдены в жилище. По данным антропологов здесь нашли свое последнее пристанище не только пожилые люди, но и подростки. Действительно ли они погибли во время внезапного пожара, охватившего жилище, сооруженное из такого легко воспламеняющегося материала, как сухие ветви кедра, пока нельзя утверждать вполне определенно. В любом случае очевидно, что замечательный памятник в пещере Чертовы Ворота является одним из наиболее примечательных явлений приморской археологии и его материалы еще ждут своих исследователей, которые могут разрешить все связанные с ними вопросы.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность В.И. Дьякову за консультацию по материалам руднинского поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Ж.В., Татарников В.А. Раскопки пещеры Чертовы Ворота. Т. 2. // Архив ДВО РАН. 1973. Ф. 13. Д. 36.

Археологический отчет о раскопках стоянки Ханамияма. Иокогама, 1995 (на японском языке).

Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1993.

Неолит юга Дальнего Востока. Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М., 1991.

Окладников А.П. Древнее поселение в бухте Пхусун // Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1. Новосибирск, 1964.

Татарников В.А. Неолитический жилой комплекс пещеры Чертовы ворота в Приморье // Археология 1977: Тез. докл. научно-теоретической конфер. Иркутск, 1977.

Татарников В.А. К вопросу о выделении памятников кондонской культуры в Приморье // Археология, этнография Восточной Сибири: Тез. докл. научно-теоретической конфер. Иркутск, 1978.

Татарников В.А. Керамика пещеры Чертовы Ворота (Приморский край) // Археология, этнография, источниковедение: Тез. докл. отчетной научно-теоретической конфер. Иркутск, 1979.

Татарников В.А. Неолитическая стоянка в пещере Чертовы Ворота // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983.

Butzer K. Archeology as human ecology. Cambridge, 1994.

Ancient Settlement in the Chertovy Vorota Cave and Some Problems of the Neolithic in Primorye

A. M. Kuznetsov

Summary

For a long time a remarkable site in Primorye known as Chertovy Vorota cave was considered as associated with Rudninskaya archaeological culture only. Afher a detailed analysis of typology and planigraphic distribution of the finds in the mouth and central part of the cave another interpretation was suggested. Only the material related to the cave mouth may be attributed to Rudninskaya culture, while the major part of the finds originating from the living area and the assemblage of hearth 1 out of the dwelling should be regarded as a new Neolithic culture. The assemblage of hearth 3 near the entrance dates rather from the Bronze Age.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 30–43

АЛЬ-НАБВА 2 – ПОСЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ МОЛЛЮСКОВ НА ПОБЕРЕЖЬЕ АДЕНСКОГО ЗАЛИВА (РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН)

© 2002 г. Х. А. Амирханов*, Б. Фогт**

*Институт археологии РАН, Москва

**Германский археологический институт, Берлин

В последние десятилетия в аравийской археологии возникло направление исследований, определяемое как "прибрежная археология". Изучение археологических материалов показывает, что памятники прибрежных районов отличаются ярко выраженной спецификой инвентаря, связанной с преимущественной или существенной ориентацией древнего населения на эксплуатацию морских ресурсов.

Примерно с середины 70-х годов XX в. и до настоящего времени памятники этого рода выявлены в районах, примыкающих к Персидскому (Аравийскому) заливу на территориях Катара, Бахрейна, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Омана. Имеются данные о таких памятниках и на побережье Красного моря в районе Тихамы. Исследованность большинства указанных памятников с точки зрения масштабов раскопок и глубины собственно археологического анализа остается, к сожалению, все еще достаточно скромной. Обобщения историко-реконструктивного, палеоэкономического и палеоэкологического характера зачастую предшествуют публикациям и подробным описаниям инвентаря стоянок, геологических разрезов и лабораторно-аналитических данных. Конкретные материалы рассматриваются очень бегло и используются, главным образом, для теоретического обоснования чрезмерно обобщенной и иногда абсолютизируемой концепции "прибрежной адаптации".

Что касается побережья Аденского залива, имеющего протяженность около тысячи километров, то первые целенаправленные исследования подобных памятников были начаты лишь несколько лет назад совместными усилиями российской экспедиции в Йемене и экспедицией Германского археологического института. В течение последних трех лет в ходе полевых работ выявлен целый ряд разновременных памятников, относящихся по традиционному наименованию к разновидности "раковинных куч" и датируемых от неолита до раннего средневековья. Одним из выразительных объектов этого рода является многослойное поселение Аль-Набва 2.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАМЯТНИКА

Урочище Аль-Набва, где в 1998 г. проводились совместные археологические работы российской и германской экспедиции, расположено на западной окраине г. Адена. Оно представляет собой террасовидный уступ с более или менее горизонтальной поверхностью, протянувшийся в направлении север–юг в виде полосы шириной, варьирующей от 100 до 200 м, и длиной около 1 км (рис. 1, 2). С запада этот уступ ограничивает понижение сухой в настоящее время древней морской лагуны. С востока он упирается в склон горы вулканического происхождения. Высота уступа над современной поверхностью сухой лагуны – 11–12 м. Расстояние от северной оконечности террасовидного уступа до берега моря – около 250 м. Изучаемый участок производит, на первый взгляд, впечатление древней морской террасы, сформировавшейся единовременно. По данным наших шурфов видно, однако, что эта поверхность образована отложениями песков различного генезиса и разного возраста. Это заключение основывается на данных как основного раскопа, так и четырех шурфов (площадь каждого – 2 × 3 м; глубина – до 3 м), заложенных вдоль кромки террасовидного уступа (рис. 1). Расстояние между крайними шурфами составляет 450 м. Эти шурфы позволили выявить еще один стратифицированный памятник (Аль-Набва 4) с обилием обожженных раковин в культурных отложениях. Наконец, третий памятник подобного типа, но с разрушенным культурным слоем (Аль-Набва 3) обнаружен у основания скалы в северной оконечности исследуемого урочища. Отдельные участки таких же скоплений раковин отмечены также на поверхности южной части террасовидного уступа.

Описываемая территория охвачена в настоящее время активным хозяйственным освоением. Здесь проводятся дорожные работы, делаются разрытия под фундаменты домов и частично ни-

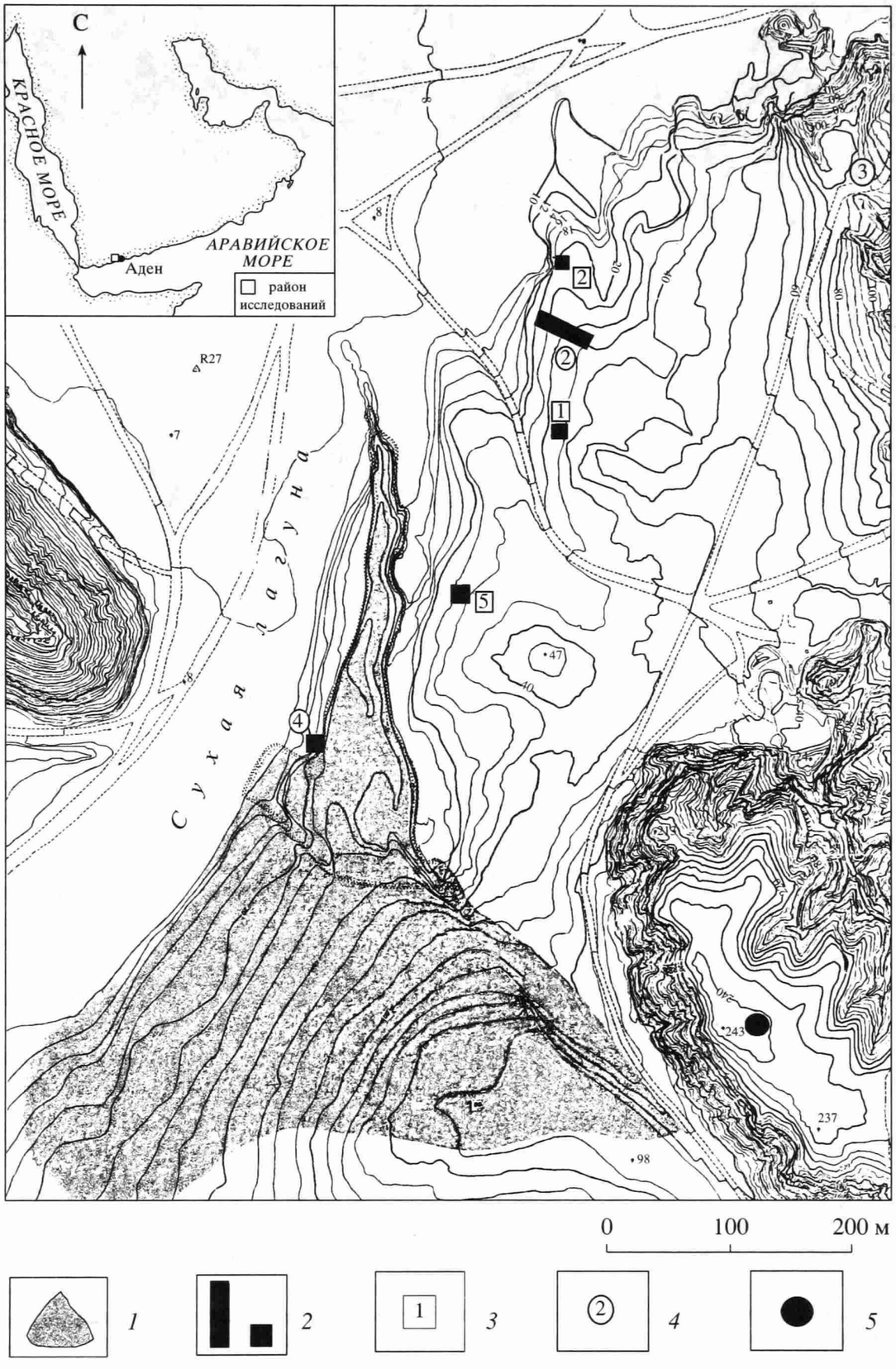


Рис. 1. План урочища Аль-Набва с местоположением поселения Аль-Набва 2 и соседних с ним памятников. *1* – Современная песчаная дюна; *2* – раскоп и шурфы; *3* – нумерация шурфов; *4* – нумерация памятников (Аль-Набва 1, 2, 3, 4); местоположение могильника бронзового (?) века. Сечение горизонталей – через 1.524 м (5 футов). План и врезка ориентированы по сторонам света единообразно.

Рис. 2. Вид на лагуну и террасовый уступ в урочище Аль-Набва. Звездочкой обозначено местоположение поселения Аль-Набва 2 (вид с Ю–В).

велируется поверхность. Отчасти благодаря этому, а частично из-за естественной эрозии на современную поверхность выносятся археологические остатки. Они представлены предметами, датирующимися от эпохи бронзы и средневековья до наших дней. Находки состоят из раковин моллюсков (скоплениями и в рассеянном виде) со следами обожженности в южной и северной частях террасовидного уступа, а также каменных изделий и фрагментов керамики преимущественно в средней части исследуемой площади. Каменные орудия представлены отбойником из кварцита, грузилами для сетей и абразивами из известняковой гальки. Помимо этих орудий, а также фрагментов керамики здесь обнаружено одно украшение в виде кольца, вырезанного из примакушечной части раковины крупной гастроподы (рис. 3, *1*).

СТРАТИГРАФИЯ И ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Описываемое поселение Аль-Набва 2 расположено в средней части описанного выше террасовидного уступа. Культурные отложения исследованы разведочной траншеей 3 × 20 м^2 (рис. 1), ориентированной поперек линии перегиба террасовидного уступа. Глубина раскопа на площади 6 м^2 составила 4.5 м; на остальной части – до 2 м.

Стратиграфия отложений памятника выглядит следующим образом (рис. 4, 5).

Слой	Характеристика	Мощность (см)
1	Песок желтовато-серый рыхлый эолового происхождения. Содержит незначительное количество обломочного материала в виде щебня, а также раковины моллюсков со следами обожженности. В верхней части слоя, так же как и на его поверхности, встречается разновременный археологический материал в виде фрагментов керамики, костей животных, битого стекла и т.п.	до 40
2	Песок серый, рыхлый эолового накопления. Включает линзы желтоватого песка (2а, 2с) и мелкощебнистого материала (2б). Содержит незначительное количество раковин.	до 43
3	Песок сероватый, рыхлый. Представлен преимущественно заполнением обширной древней промоины или выдува (3а). Отмечается выраженная мелкослоистость, повторяющая вогнутые очертания основания слоя. Содержит незначительное количество переотложенных и большей частью фрагментированных раковин.	до 80
4	Песок серый, менее рыхлый, местами окрашенный улистыми включениями. Содержит небольшие углисто-золистые линзы. Обогащен раковинами, залегающими как разрозненно, так и в виде незначительных по мощности, но достаточно протяженных линз. Археологические находки представлены фрагментами керамики и каменными изделиями.	до 45

Слой	Характеристика	Мощность (см)
5	Песок среднеплотный, неравномерно окрашенный от коричневатого в основании до коричневато-серого в верхней части. Содержит переслаивающиеся протяженные углистые линзы с плотным сосредоточением в них раковин и археологических находок и объектов в виде фрагментов керамики, каменных орудий и очагов.	до 80
6	Песок коричневатый с регулярными тонкими углистыми горизонтами, к которым приурочены раковины. Археологические находки встречаются в виде фрагментов керамики и каменных изделий.	42
7	Песок светло-серый, менее плотный с содержанием единичных раковин. Керамика и каменные изделия не обнаружены.	22
8	Песок сероватый с включением двух тонких углистых горизонтов. Содержит небольшое количество раковин. Керамика и каменные орудия не обнаружены.	44
9	Песок светло-серый менее плотный с включением единичных раковин.	10
10	Раковинная масса с поровым заполнителем в виде сероватого песка. Сосредоточение раковин в слое – антропогенного характера. Другие археологические находки на вскрытой площади не обнаружены.	40
11	Песок сероватый с включением единичных раковин. Археологические остатки не обнаружены.	70
12	Песок сероватый с обильным включением раковин антропогенного накопления. Других археологических находок на раскопанной площади не обнаружено.	20
13	Аналогичен слою 11. Археологические остатки не обнаружены. Прослежен на глубину до	20

Особая значимость памятника состоит в его многослойности и хорошей стратифицированности культурных отложений. В разрезе поселения выделяется 13 литологических горизонтов, из которых 7 (слои 2, 4, 5, 6, 8, 10, 12) содержат археологический материал. Следует отметить, что возможности археологического изучения отложений памятника вглубь далеко не исчерпаны. На достигнутом уровне глубины нам пришлось остановиться из-за угрозы обвала стенок и дефицита времени для расширения площади углубления. Верхний слой разреза, представленный современным эоловым песком, также не лишен находок. Но ввиду их разновременности (включая современность), а также рассеянного и переотложенного залегания, этот литологический горизонт не выделен нами в качестве самостоятельного культурного слоя. Основанием для стратиграфического членения разреза являются такие показатели, как окраска слоя, его плотность, размеры фракции песка, наличие или отсутствие примеси к песку в виде суглинка и степень антропогенного воздействия.

С археологической точки зрения культурные слои объединяет наличие во всех них (в различной концентрации) раковин морских моллюсков со следами обожженности. Отличия касаются контекста культурных остатков, с которыми связаны эти погребенные скопления раковин. Если в верхних слоях (слои 2, 4, 5, 6, 8) последние встречаются совместно с находками фрагментов керамики бронзового века и многочисленными каменными орудиями, основу которых составляют грузила для сетей, а также остатками ихтио- и териофауны, то в двух нижних слоях (слои 10, 12) они выявляются без такого сопровождения.

С точки зрения насыщенности информацией наиболее интересны слои 4, 5, 6, 10.

Слой 5 раскопан на площади около 30 м^2. В нем были расчищены, в частности, три однотипных неуглубленных очага, являвшихся элементами хозяйственно-бытового комплекса древнего поселения (рис. 6). Каждый из них представляет собой сплошную круглую выкладку из некрупных камней, лежащих компактно в один ряд и очерчивающих площадь концентрации углисто-золистой массы толщиной 3–4 см. Два из описываемых очагов, вероятно, функционировали одновременно. Форма очагов в плане округлая. Диаметр в среднем 80 см. Один из них частично перекрывает соседний очаг, который, по-видимому, несколько предшествовал двум другим. Рядом с очагами небольшими скоплениями и в рассеянном виде обнаруживаются фрагменты керамики (рис. 7). Из слоев 4 и 5 происходит довольно много разнообразных каменных изделий. Наибольшее их количество приходится на грузила для сетей из галек (рис. 8, *3*; 9, *2*, *3*). Встречаются также абразивы, гальки с лунками (гальки с симметричными чашечковидными круглыми углублениями в средней части плоских поверхностей), единичные отщепы (рис. 8, *1*) и по одному отбойнику, ретушеру и рубящему орудию (слой 5). Особенно примечательными находками слоя 5 являются небольшая каменная чаша, изготовленная из известняка и крупная "зернотерка", имеющая в профиль ладьевидную форму (рис. 3, *7*). Неподалеку от последней найден также, по всей вероятности относя-

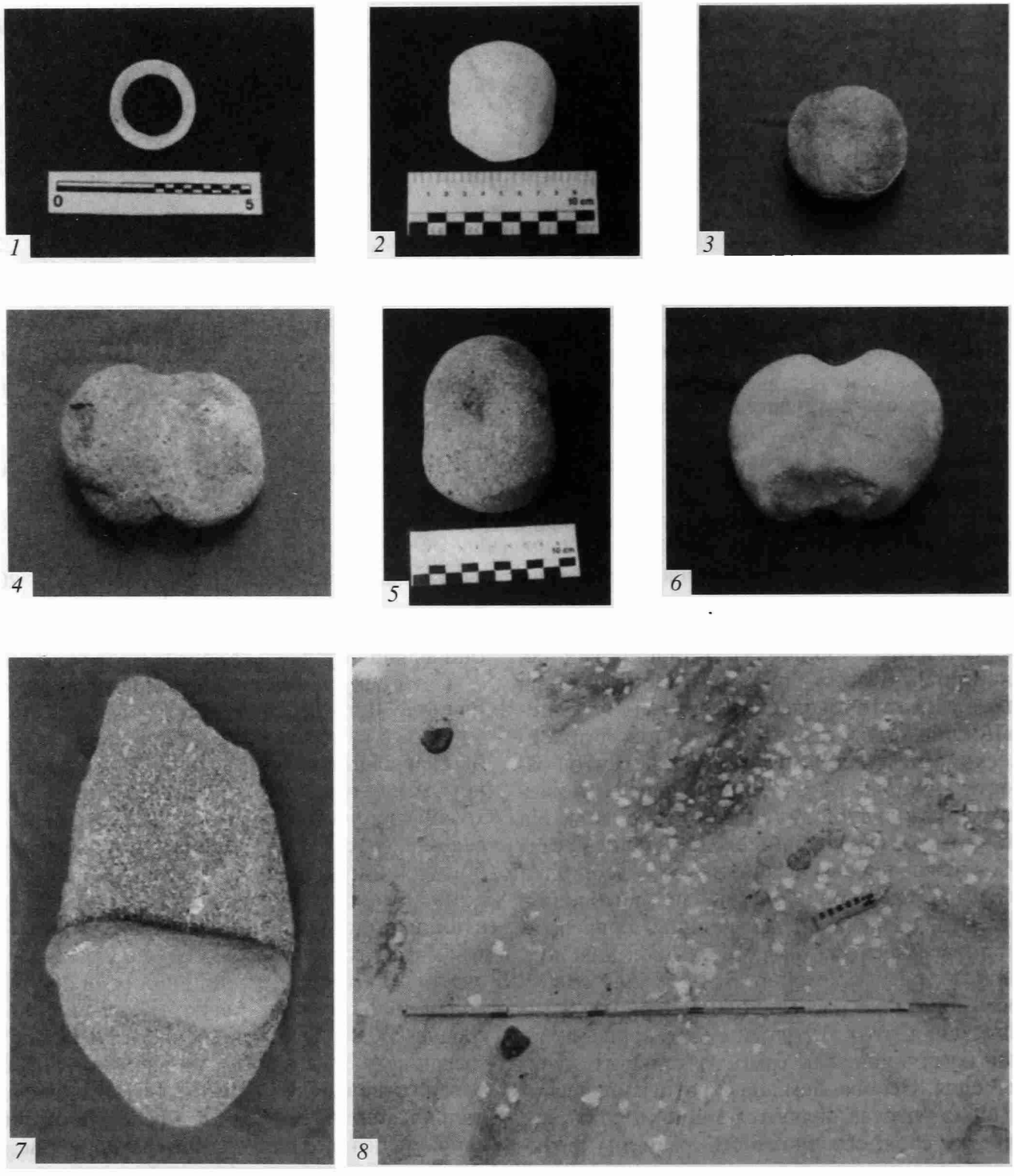


Рис. 3. Аль-Набва 2. Находки с современной поверхности и из культурных отложений. *1* – Кольцо из раковины гастроподы; *2* – кварцитовый отбойник; *3* – галька с лункой; *4*, *6* – грузила для сети; *5* – галька-терочник с лункой, *7* – "зернотерка" и верхний терочный камень, *8* – скопление грузил в культурном слое (*1–2* – с современной поверхности; *3–8* – слой 5).

щийся к ней верхний терочный камень удлиненной формы с овальным поперечным сечением.

Происходящие из слоя фаунистические остатки представлены в подавляющем большинстве раковинами моллюсков. С раскопанного участка данного слоя собрано 482 кг раковин. По определениям принимавшего участие в полевых работах специалиста по малакофауне С.В. Попова выделяется 34 вида моллюсков. Из них 89.9% принадлежит виду anadara uporigimelana, что, в частности, указывает на чрезвычайно высокую степень специализации сбора моллюсков древними обитателями поселения. В заполнении очагов и непосредственно рядом с ними найдено множество мелких обугленных костей рыбы и единичные обожженные кости мелких копытных. Из фаунистических остатков следует отметить также многочисленные находки фрагментов (преиму-

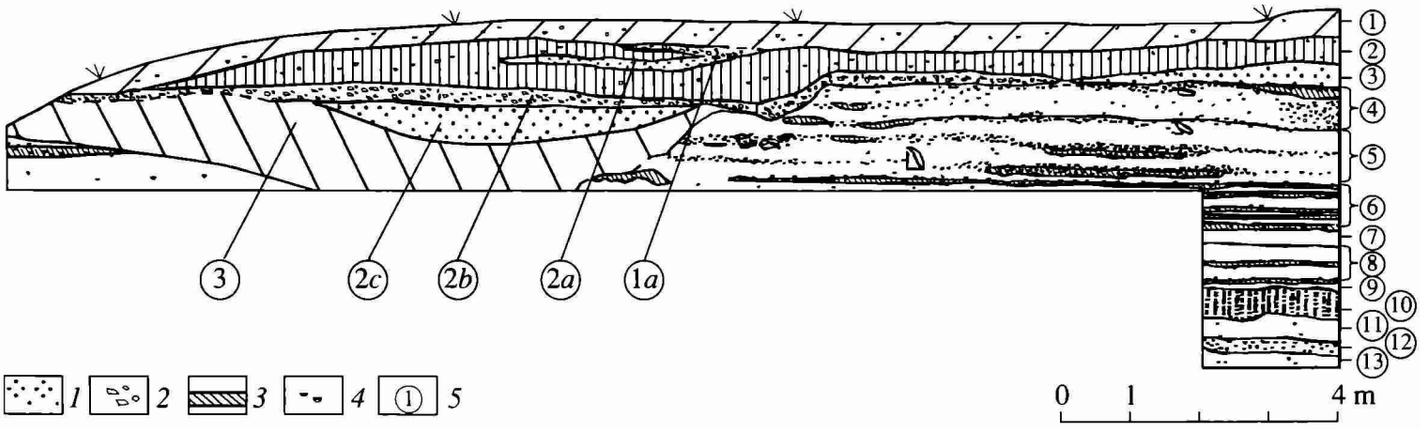


Рис. 4. Аль-Набва 2. Стратиграфия отложений по северной стенке стратиграфической траншеи. *1* – Песок; *2* – известняковый щебень; *3* – углистые прослои; *4* – раковины моллюсков; *5* – номера слоев и горизонтов.

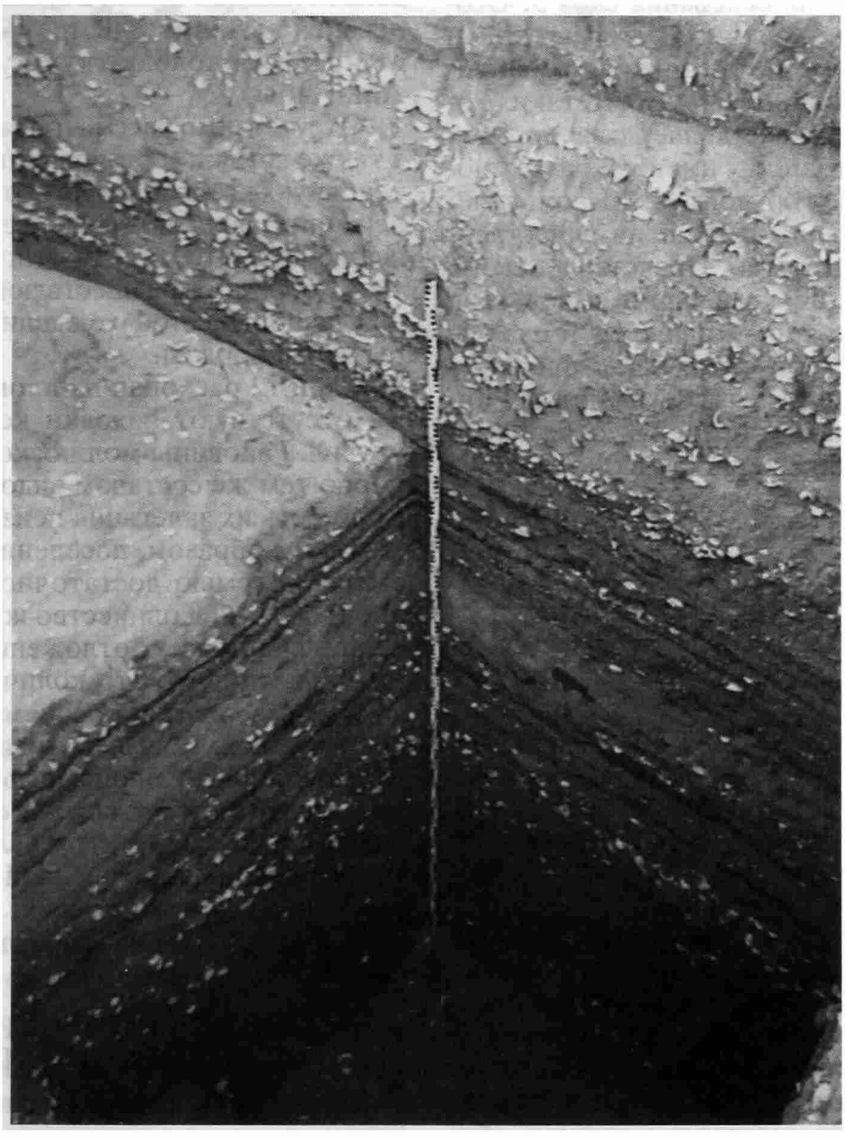


Рис. 5. Аль-Набва 2. Разрез отложений по северной и западной стенкам начальной части раскопочной траншеи и шурфа в пределах этой траншеи (вид с Ю–В).

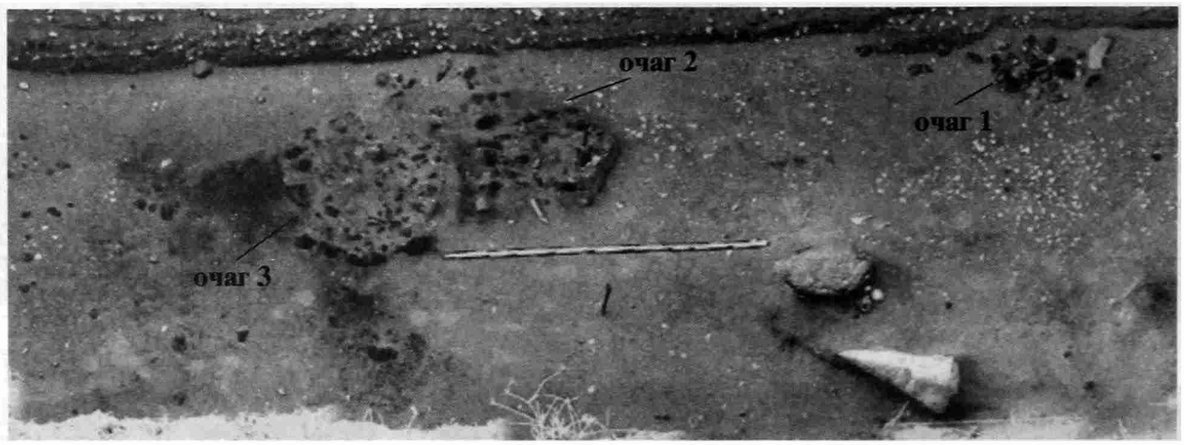


Рис. 6. Аль-Набва 2. Слой 5. Очаги с каменной выкладкой дна (вид с С). Длина масштабной рейки – 2.5 м.

щественно обожженных) панциря морской черепахи.

Слой 6 исследован на площади 6 м^2 в стратиграфическом шурфе, заложенном в пределах основного раскопа с уровня основания слоя 5. Особенность данного слоя – наличие в нем регулярной горизонтальной слоистости горизонтов, окрашенных углисто-золистой примесью. Всего таких горизонтов 5. Толщина их составляет от 4 до 6 см. Примерно такую же толщину имеют и разделяющие их неокрашенные горизонты. Археологические остатки приурочены здесь преимущественно к окрашенным горизонтам. Представлены они фрагментами керамики и каменными изделиями, аналогичными тем, которые найдены в слое 5. В темноокрашенных горизонтах слоя фиксируются овальной (110 × 140 см) формы пятна с интенсивной углистостью. В пределах этих пятен отмечается сильная обожженность включенной в заполнитель слоя мелкой известняковой дресвы. Воздействие огня было настолько сильным, что структура отдельностей дресвы видоизменена до состояния мела. Данный показатель может свидетельствовать о том, что углистые пятна, о которых идет речь, являются разрушенными остатками кострищ, скорее всего многоразовых.

Фаунистические остатки состоят из раковин моллюсков со следами обожженности, а также обожженных костей рыбы. Отсюда получено 23.2 кг раковин моллюсков, относящихся к 44 видам. Подавляющее большинство находок (75.6%) принадлежит виду anadara uporigemelana.

Слой 10 в определенном смысле особенный для стратиграфии поселения. Его археологические материалы могут быть охарактеризованы как типичная раковинная куча, сохранившаяся до наших дней в погребенном состоянии. Слой целиком состоит из практически сплошного скопления раковин, имеющих различную степень обожженности. Здесь нами собрано 170 кг раковин. Кости рыбы на исследованном участке не отмечены. Примечательно, что разнообразие моллюсков здесь весьма незначительное - всего 15 видов. Почти вся масса раковин (93.6%) относится к тому же виду анадары, который господствует в вышележащих слоях. Большая, чем здесь специализация в собирательстве моллюсков не отмечается во всей колонке культурных напластований Аль-Набвы 2.

Отсутствие в рассматриваемом слое керамики, а также грузил, составляющих многочисленную и основную категорию каменных орудий в вышележащих слоях, представляется неслучайным. Не исключено, что слой 10 относится к хронологическому отрезку, предшествующему времени заселения данного местонахождения носителями культуры эпохи бронзы.

Слой 12 раскопан на площади 4 м^2. Здесь также отсутствуют находки керамики и каменных орудий. Раковины моллюсков представлены примерно тем же составом видов, что и в слое 10, но плотность их залегания неизмеримо меньшая.

Таким образом, поселение Аль-Набва 2 представлено семью достаточно мощными культурными слоями. Количество же уровней обитания в толще культурных отложений значительно больше. Понятно, что это количество будет варьировать на разных участках памятника и для его точного установления необходимы исследования на гораздо большей площади, чем та, которая вскрыта в настоящее время. Для слоев 4–12 предварительно можно говорить о наличии не менее 16 таких уровней. Из них на слой 4 приходится два, на слой 5 – не менее четырех, на слой 6 – не менее пяти и на слой 8 – не менее двух.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОЛЛЕКЦИИ НАХОДОК

Из изложенного уже ясно, что археологические находки в различных слоях памятника варьируют по своему составу и количеству. При этом в слоях 4, 5 и 6 они представлены не только отдель-

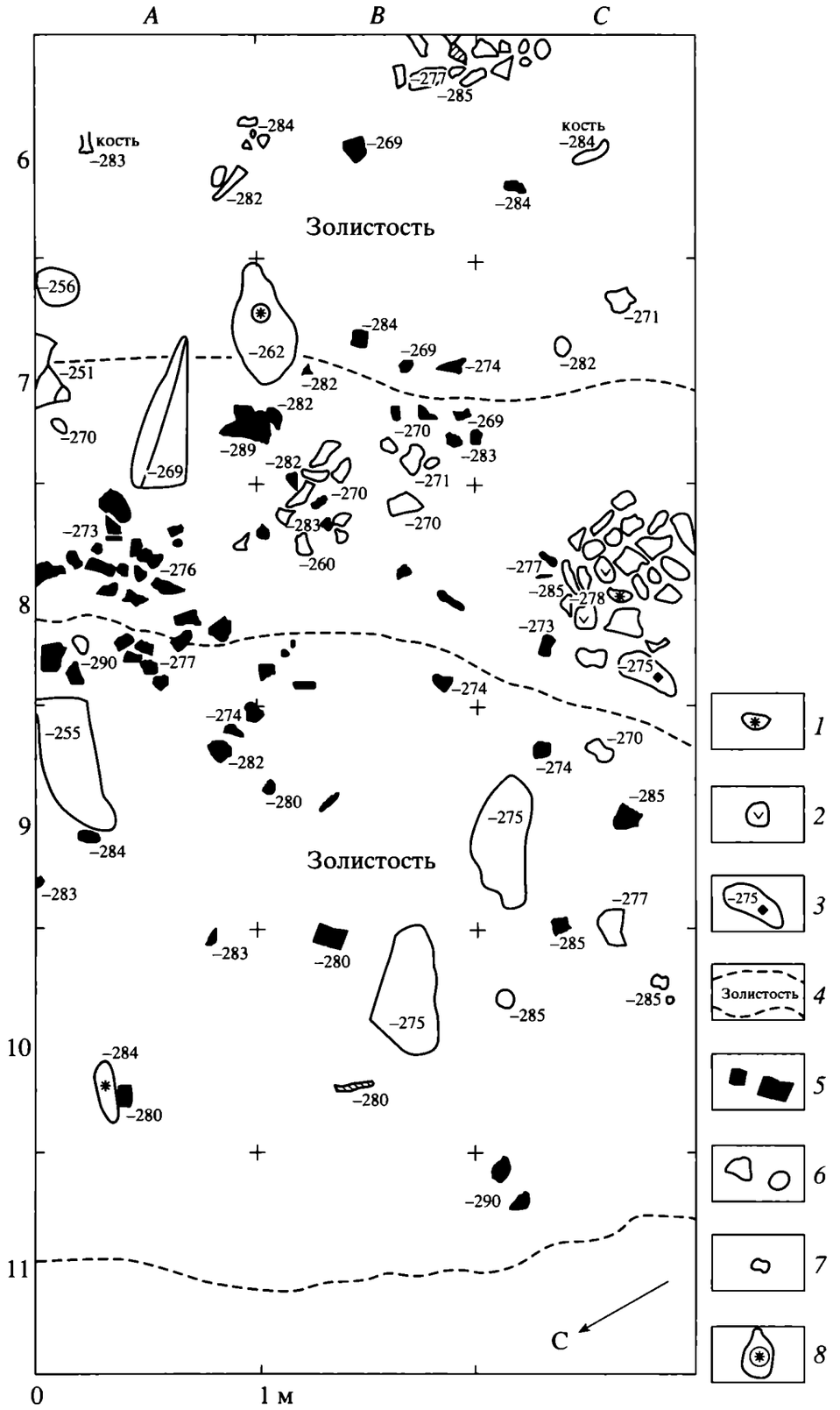


Рис. 7. Аль-Набва 2. Слой 5. План находок на уровне от –275 до –285 от условной нулевой горизонтали. *1* – Терочный камень; *2* – отбойник-грузило-наковальня; *3* – рубящее орудие; *4* – граница распространения золистости; *5* – фрагменты керамики; *6* – камни, гальки; *7* – грузила; *8* – "зернотерка".

ными находками, но и, как отмечалось выше, объектами в виде очагов с каменной выкладкой по дну. В одном случае на уровне углистого горизонта слоя 5 обнаружено несколько крупных обломков камня, тяготеющих к пространству с очагами. Такое совмещение указанных находок в сочетании с приуроченностью скоплений керамики к очагам может свидетельствовать о возможности установления в слое 5 более или менее сложных жилищно-хозяйственных структур при ис-

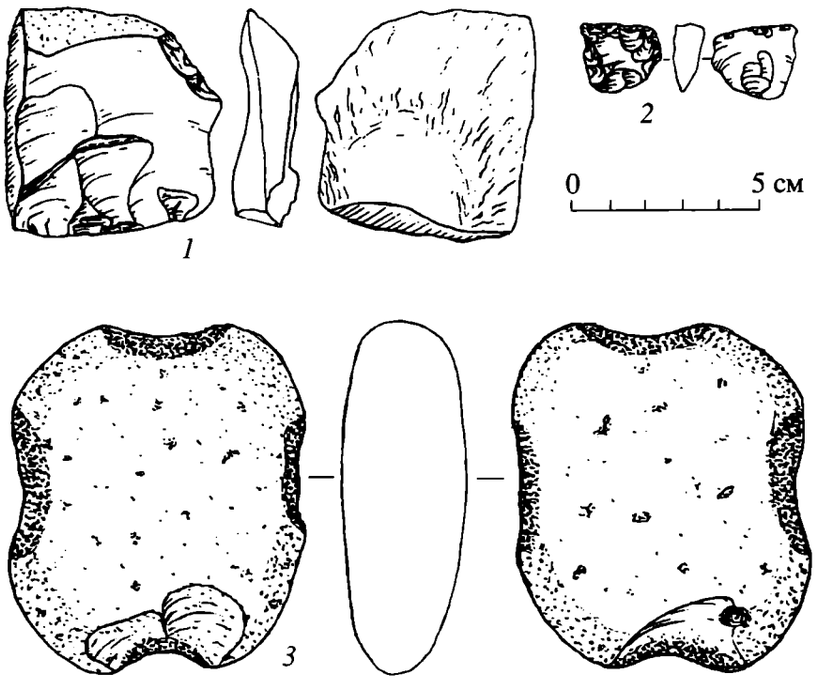


Рис. 8. Аль-Набва 2. Слой 4. Каменные изделия. *1* – Отщеп; *2* – мелкое изделие типа pièce écaillée; *3* – грузило для сети.

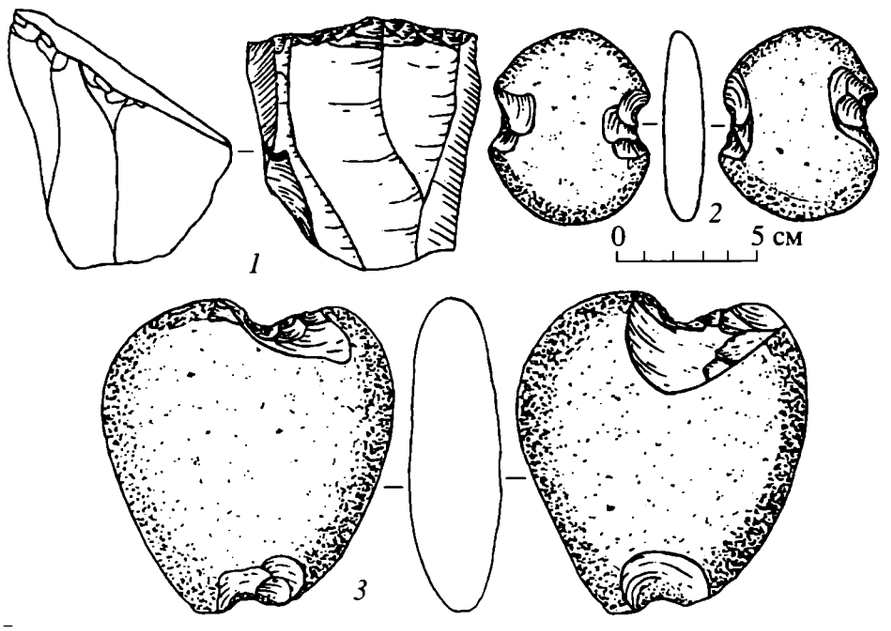


Рис. 9. Аль-Набва 2. Слой 5. Каменные изделия. *1* – Нуклеус; *2*, *3* – грузила для сети.

следовании культурных отложений на большей площади. В связи с данным вопросом интересно также отметить, что скопления грузил, в отличие от скоплений керамики, располагаются в стороне от очагов.

Требующим своего объяснения остается вопрос, связанный с отсутствием находок в слоях 10 и 12, при наличии несомненных свидетельств деятельности человека в виде скоплений раковин моллюсков с характерной обожженностью. Не исключено, что наш шурф затронул периферийные участки поселений, функционировавших на уровне указанных слоев. Доказательством этого для слоя 10 является малочисленность обожженных раковин, а для слоя 10 – неструктурированность культурного слоя и залегание раковин практически сплошной массой, что может указывать на место свалки пищевых отходов.

Вещевой археологический материал культурных слоев 4, 5 и 6 весьма разнообразен. Он включает в себя изделия из расщепленного камня, галечные орудия, керамику. Сюда входят также фа-

Таблица 1. Количественное и качественное распределение археологических остатков в культурных слоях поселения Аль-Набва 2 на площади раскопочной траншеи

Наименование изделий	Подъемный материал	Слои			
Нуклеусы, заготовки и отходы расщепленного камня		4	5	6	8
Нуклеусы торцового скалывания			1		
Отщепы галечные			1		
Отщепы обсидиановые			1		
Обломки обсидиановые			2		
Осколки обсидиановые	1		4		
Орудия из расщепленного камня					
Рубящие орудия			1		
Pièce èscaillée мелкие обсидиановые		2			
Изделия из галек					
Каменный сосуд в виде чаши			1		
Грузила с двумя краевыми выемками	2	7	20	3	
Грузила с двумя краевыми выемками и желобком на плоской стороне			1		
Грузила с четырьмя краевыми выемками		1			
Грузила с четырьмя краевыми выемками и желобками на плоских поверхностях.			1		
Грузило-абразив-отбойник		1	4	1	
Гальки с лунками		2	4		
Мелкие терочные камни с плоской поверхностью		2	6		
Терочные камни удлиненные (“зернотерки”)			2		
Верхние камни “зернотерок”			1		
Отбойники кварцевые и кварцитовые	1		1		
Отбойники галечные			4		1
Ретушер				1	
Гальки без следов обработки		3	7		
Керамика					
Фрагменты венчика	9	9	31	8	
Фрагменты тулова с ручкой	4	1	6	1	
Фрагменты тулова	6		341	18	
Фрагменты тулова толстостенных (11–13 см) сосудов		2			
Фрагменты тулова со средней толщиной (7–9 см)		11			
Фрагменты тулова тонкостенных (5–7 см) сосудов		35		1	
Ножка глиняного столика			1		
Фрагмент глиняного столика				1	
Изделия из раковин					
Кольцо	1				
Всего	25	74	437	34	1

унистические и ботанические остатки, которые будут рассмотрены отдельно. Послойный состав инвентаря памятника демонстрирует таблица 1.

Характеризуя инвентарь поселения, следует прежде всего отметить, что морфологически наиболее выработанными и ведущими в количественном отношении формами каменных орудий всех слоев, за исключением как уже указывалось, лишенных или почти лишенных находок слоев 8 и 10, являются разнообразные грузила для сетей. Исходным сырьем для них служила галька, которая приносилась сюда из отложений вади, расположенного в нескольких километрах отсюда. В петрографическом отношении сырье весьма разнообразно, что соответствует характеру отложений вади данного района. Здесь представлены:

известняк, песчаник, сланец, вулканическая порода.

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность изделий из расщепленного камня. Что касается галечных орудий, то наиболее типичной формой слоя 5 является грузило с двумя краевыми выемками. Форма – вытянуто-овальная; очертания – уплощенные; размеры – 7 × 5 см, вес, в среднем, – 100–150 г. Выемки по краям получены как техникой пикетажа, так и оббивкой. Своеобразием отличаются грузила, краевые выемки которых переходят в желоба, пролегающие на плоских поверхностях изделий. Описываемые изделия обнаруживаются в культурном слое обычно в рассеянном виде, но встречаются и в виде скоплений, концентрирующихся на площади в 1–2 м^2. В одном из таких скоплений было 16 предметов, в другом – 7.

На втором месте по количеству стоят разнообразные терочные камни, включая "зернотерки", что в целом характерно для древних поселений рыболовов изучаемого региона.

Орудия из расщепленного камня единичны. Заслуживает внимания то, что при этом представлены такие довольно показательные предметы – мелкие pièce èaillée ("долотовидные", "стамескообразные" орудия). Эти орудия встречаются довольно часто в материалах памятников древнеюжноаравийской цивилизации, а также поселений бронзового века.

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ

Фаунистические материалы содержатся во всех культурных слоях. При господстве ихтиофауны и амфибий (морские черепахи) в слоях 4, 5 и 6 они включают в себя также остатки наземной фауны в виде обгоревших костей мелких копытных (козы/овцы? газели?). В слое 8, исследованном лишь шурфом, остатки териофауны не обнаружены, а в слоях 10 и 12, раскопанных на той же площади, не зафиксированы также и кости рыбы.

Если говорить о ботанических остатках, то примечательно обнаружение в слое 5 фиников косточек. В этом же слое обнаруживаются и мелкие кусочки обгоревшей древесины. Видовое определение этих находок пока не осуществлено.

Таким образом, основное количество остатков фауны приходится на рыбу и моллюсков. Детальные определения костей рыбы еще не сделаны. В настоящее время можно сказать лишь, что обитатели поселения отлавливали как мелкую, так и крупную рыбу. Применительно к слоям 4, 5, 6 можно утверждать, что для отлова рыбы использовались сети, крючки не обнаружены. Не зафиксированы также каменные наконечники метательных орудий, которые могли бы быть использованы для добычи рыбы. То же самое можно сказать и по поводу изделий, относящихся к охотничьему снаряжению.

Специальные и исчерпывающие определения даны к настоящему времени применительно к малакофауне. Послойный видовой список, сделанный С.В. Поповым, отражен в табл. 2. Как видно из таблицы, собирательство моллюсков во всех слоях носит в высшей степени специализированный характер. При столь большом общем видовом разнообразии от 72 до 94% раковин моллюсков приходится на один вид – анадару (Anadara uropigimelana (B.S.V.). Характерно, что основная масса этих раковин представлена во всех слоях более или менее единообразными размерами, которые приближаются к максимальным для данного вида. Размеры заметно мельчают в слое 4, что может указывать на изменение в этот отрезок времени экологических условий и биологической продуктивности прибрежной морской зоны данного района. Следствием этого, по видимому, был "переотлов" моллюсков. Видимо, не случайно после слоя 4 жизнь на поселении прерывается. В настоящее время, по нашим наблюдениям, анадара в районе исследования отстутствует, хотя местные рыбаки утверждают, что мелкие экземпляры этого моллюска здесь изредка встречаются.

ДАТИРОВКИ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Для датировки культурных слоев Аль-Набвы 2 мы располагаем пока лишь возможностями собственно археологического метода. Наиболее существенным основанием здесь является то, что характеристики керамики, обнаруживаемой в слоях 4, 5, 6, по предварительным оценкам диагностичны для культурных отложений земледельческого поселения Малейба. Этот памятник, относящийся к ранней стадии (этап Малейба) выделенной относительно недавно прибрежной земледельческой культуры Сабир, расположен примерно в 40 км от урочища Аль-Набва. По радиоуглеродным данным он датируется первой половиной II тыс. до н.э., что соответствует средней поре бронзового века Южной Аравии.

Та же керамика позволяет высказать обоснованное предположение о том, что между сравниваемыми комплексами существуют не только хронологические соответствия, но и культурная близость. На это указывают следующие признаки керамики: плоские венчики с наклоном в наружную сторону, небольшие сплошные вертикальные ручки, технологические особенности теста, обжига, а также характер обработки поверхностей сосудов. Несколько фрагментов керамики с точечным рельефным орнаментом и шишечковидными налепами, обнаруженные в слое 5, также подчеркивают сходство сравниваемых комплексов.

Таблица 2. Послойный видовой состав моллюсков из поселения Аль-Набва 2

Моллюски / Вес в кг / проценты	Слои					
	4	5	6	8	10	12
	161	272	31	6.8	182	
	100%	100%	100%	100%	100%	
Anadara uropigimelana (B.S.V)	130	252.0	23.2	4.9	170.0	+
	85%	92.5%	76%	72%	94%	
Strombus tricornis Light.	8.0	9.0	3.7	0.4	7.0	
	5.2%	3.3%	12.0%	5.9%	3.8%	
Pleuroploca trapezium (L)	5.5	5.1	1.5	0.3	2.1	+
	3.6%	1.85%	4.9%	4.4%	1.16%	
Chicoreus ramosus (L)	4.5	7.0	0.5	+	1.7	+
	2.9%	2.6%	1.6%		0.9%	
Amiantis sp.	0.7	0.8	1.0	0.2	+	+
	0.5%	0.3%	3.3%	2.9%		
Pinctada margaritifera (L)	0.9	0.8	0.35	0.2	0.5	+
	0.6%	0.3%	0.14%	2.9%	0.28%	
Perna picta (Born)	0.8	1.0	0.3	+	+	+
	0.5%	0.37%	1.0%			
Arca avellana Lmk	+					
Arca symphenacis Ol.&Ches.		+				
Arca plicata (Dillwyn)						
Barbatia decussata (Sow.)	0.6	+				
	0.4%					
Barbatia obliquata (Wood)	+					
Barbatia sp.						
Anadara cf. ehrenbergi (Dunker)	0.2	0.2			+	+
	0.1%	0.07%				
Anadara erythraeonensis (Phil.)	0.3	0.2				+
	0.2%	0.07%				
Scapharca indica (Reeve)						
Glycymeris pectunculus (L)	+	0.2				
		0.07%				
Isognomon legumen (Gm.)	+					
Pinna cf. bicolor Gm.			+			
Saccostrea cucculata (Born)	+	+				+
Ostrea sp.	+	+			+	
?Hyotissa hyotis (L)						
Plicatula aff. australis Lmk						
Chlamys senatoria (Gm.)	+	+				
Chlamidinae gen.?		+				
Anomia achaeus Grey		+				
Diplodonta subrotundata Issel						
Beguina gubernaculum (Reeve)						
Megacardita bicolor (Lmk)	0.15	0.4			+	
	0.1%	0.15%				
Chama asperella Lmk	+	+				
Chama reflexa Reeve		+				
Acrosterigma assimile (Reeve)	+	+				
Acrosterigma flava	+	+				
Acanthocardia pseudolima (Lmk)		+				
Fulvia australe (Sow.)						
Atactoidea glabrata (Gm.)						
Caecella horsfieldi Grey						
Caecella sp.						
Mactra lilacea Lmk	+					
Lutraria australis Desh.						
Asaphis violascens (Fors.)	+	+			+	
Periglypta puerpera (L)	+			+		

Таблица 2. Окончание

Моллюски	Слои					
	4	5	6	8	10	12
Вес в кг	161	272	31	6.8	182	
проценты	100%	100%	100%	100%	100%	
Circe rugifera (Lmk)	+	+				
Circenita callipyga (Born)	+	+			+	+
Gafrarium aff. pectinatum (L)	0.45 0.3%	0.3 0.1%	0.15 0.5%	+	+	
Callista florida (Lmk)		+				
Callista sp.						+
Dosinia ceylonica Dunker						
Dosinia alta (Dunker)						
Marcia opima (Gm.)	+	+				+
Marcia flammea (Gm.)						+
Marcia marmorata (Lmk)						
Paphia undulata (Born)						
Protapes cor (Sow.)		+				
Tapes deshayesi (Sow.)						
Tapes sulcarius (Lmk)						+
Donax veneriformis Lmk		+				
Corbula taitensis Lmk						
Cryptomya sp.						
Tectus dentatus (Fors.)	+	+				
Lunella coronata (Gm.)	0.15 0.1%	+		+		
?Monodonta nebulosa (Fors.)						
Nerita longii Recluz	+	+				
Nerita albicilla L	+	+				
Nerita debilis Dufo	+					
Nerita adenensis Mienis						
?Littoralia glabrata (Phil.)						
Terebralia palustris (L)						
Turritella aff. maculata Reeve						
Strombus gibberulus L	+	0.6 0.22%				+
Tibia insulaechorab curta (Sow.)						
Cyprea grayana Schil.					+	
Cyprea turdus winckworthi Schil.						
Cyprea sp.						
Polinices mammilla (L)	+	+			+	
Murex scolopax Dillw.	+					
Rapana rapiformis (Born)						
Nassarius arcularia (Melvill)						
Nassarius albescens (Desh.)						
Bullia semiplicata Gray						
Volema paradisiaca nodosa (Lmk)	+	+				
Oliva bulbosa (Rod.)		+				
Conus quercinus Light.	+					
Conus sp.		+				
Conus betulinus L				0.75 11.1%		
Conus vexillum sumatrensis Hwass	cf.	+				
Conus textile L		cf.				
Bulla ampulla L						
Chiton sp.	0.15 0.1%	+				

Учитывая вышеотмеченное, более ранние слои 10, 12 и, возможно, 8 должны быть отнесены ко времени не позднее конца III тыс. до н.э. и скорее всего предшествуют появлению в этом районе раннего этапа культуры Сабир. Эти предварительные заключения, вероятно, будут скорректированы после получения радиоуглеродных дат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура поселения Аль-Набва 2 на этапе формирования слоев 2, 4, 5, 6 представляет собой специфический прибрежный вариант адаптации носителей раннего этапа культуры Сабир. Этот вариант предполагает реализацию стратегии жизнеобеспечения, ориентированной преимущественно на эксплуатацию морских пищевых ресурсов. В своей хозяйственной деятельности обитатели поселения поддерживали связи с земледельческим населением приморской равнины.

Материалы слоев 2, 4, 5, 6 демонстрируют сочетание рыболовства с собирательством моллюсков. Находки единичных костей мелких копытных в слое 5 свидетельствуют также о занятиях или охотой, или скотоводством, или одновременно и тем, и другим. Находки в слое 5 косточек фиников и наличие изделий, которые называются обычно зернотерками, допускает возможность знакомства обитателей поселения на уровне слоя 5 с земледелием. Конечно, одного только наличия этих предметов для такого заключения недостаточно. Данное допущение оправдано лишь близостью практически всех компонентов рассматриваемого инвентаря ранним проявлениям культуры Сабир, являющейся заведомо земледельческой. Но даже при этом, по-видимому, правильнее исходить из того, что для Аль-Набвы 2 характерны переработка и использование продуктов земледелия, а не их производство.

Что касается слоев 10 и 12, то здесь фиксируются более специализированные хозяйственные занятия, основывающиеся почти исключительно на собирательстве моллюсков. Требует, правда, проверки вопрос о зависимости наблюдаемой картины от ограниченности исследованной площади рассматриваемых слоев.

Судя по составу малакофауны, природные условия во время формирования культурных слоев Аль-Набвы 2 не отличались от современных сколько-нибудь радикально. Господствующая в слоях разновидность раковин – анадара является видом, обитающим в прибрежных песках береговой зоны открытого моря. Виды, характерные для опресненных лагунных вод и представленные в материалах других памятников, более ранних, чем слои 5 и 6 Аль-Набва 2, здесь практически отсутствуют. Отсюда следует, что лагуна, которую с юга ограничивает террасовидный уступ урочища Аль-Набва, в рассматриваемое время, скорее всего, была полностью или в значительной степени осушена.

Работы велись на средства грантов РФФИ (№ 01-06-80022а) и INTAS (№ 97-20237).

Al-Nabva 2 – A Settlement of Ancient Fishers and Clam-gatherers on the Aden Gulf Coast (Yemen Republic)

Kh. A. Amirkhanov, B. Vogt

Summary

Joint excavations of the Russian expedition in Yemen and the expedition of German archaeological Institute were carried out in 1999 at the stratified settlement of Al-Nabva 2 in the outskirts of city of Aden on the Aden gulf coast. The site consisted of six layers of cultural deposit. The upper four layers archaeologically date back to the Bronze Age. Cultural remains include numerous potsherds, stone artefacts of different function (cores, hammer-stones, flakes, net-weights, grindstones, and other), and a number of objects (hearths, coloured spots of large size) with pronounced structure, as far as their composition and spatial distribution is concerned. The period of the upper cultural layers' accumulation is represented by a specific variant of coastal adaptation that probably should be attributed to the bearers of early Sabir culture (Maleiba stage). Its chronology falls within the first half of the 2nd mill. BC determinations. As for the earlier layers, they should be dated to the period not later than the late 3rd mill. BC and most probably precede formation of the early stage of Sabir culture in the region.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 44–55

НАЧАЛО ЭКСПЛУАТАЦИИ КАРГАЛОВ: РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ

© 2002 г. Е. Н. Черных*, К. Дж. Исто**

* Институт археологии РАН, Москва

** Отдел наук о Земле, Аризонский Университет, Тусон, США

Предположение о начале эксплуатации медных рудников Каргалинского горнометаллургического центра в очень ранее – еще в ямно-полтавкинское время – было сформулировано в археологической литературе уже давно: в 1960-е годы. Основанием стали первые, но тогда уже многочисленные спектральные анализы раннего металла из волго-уральского региона (Черных, 1966. С. 68, 69, 88. Карта 3; 1970. С. 37, 48, 106, 112–114. Рис. 32). Выразительная химическая чистота меди из ранних комплексов, а также очевидное преобладание меди подобного химического состава (группа МП) в Волго-Уралье невольно заставляла предполагать существенную роль Каргалинского центра в зарождении горно-металлургического производства в этой обширной области на границе Европы и Азии. Правда, следует учесть, что Каргалы тогда находились еще за пределами внимания археологов.

В последующие десятилетия сформулированные ранее заключения как бы "потускнели", а в специальной литературе по истории евразийского горного дела Каргалы перестали даже упоминаться. Никаких новых аргументов в пользу ранней даты. Каргалов получить не удавалось. Лишь только с раскопками ямно-полтавкинских курганных кладбищ – Утевки в Самарском Заволжье и Тамар-Уткуль в бассейне Урала – интерес к каргалинским параллелям вновь оживился. Ведь среди могильного инвентаря этих больших ранних курганов находились куски медной руды типа медистого песчаника (Васильев, 1980. С. 38–42, 57; Моргунова, Кравцов, 1994. С. 14–17). Однако правильное истолкование этих примечательных находок стало возможным только вслед за реальным, археологическим и, по существу, последним по счету открытием Каргалинского горно-металлургического центра, свершившимся в 1989–1990 гг. (Черных, 1997а. С. 30–34; 1997б. С. 33, 34).

Уже первые полевые исследования и раскопки археологических памятников Каргалов, начиная с 1990–1992 гг., почти сразу преподнесли исследователям груду фантастического по богатству материала. Однако последний был целиком связан со срубной культурно-исторической общностью, т.е. с поздним бронзовым веком (ПБВ). Весьма значительная серия из 16 радиоуглеродных дат с центрального для Каргалинской экспедиции памятника срубной общности селища Горный позволила надежно определить период функционирования горняков и металлургов ПБВ на этом холме: 1690–1390 гг. до н.э. при 68.2% пределе вероятности (часть из этих дат уже опубликована ранее; см.: Черных и др., 1999. С. 98–101).

Вопрос о явных свидетельствах более ранней разработки Каргалинских рудников оставался открытым вплоть до 1997–1998 годов, когда, наконец, мы получили неоспоримые доказательства древнейших этапов освоения этого уникального центра. При этом совершенно необходимой компонентой таких аргументов стали серии радиоуглеродных датировок добытых материалов. В этой связи в центре внимания Каргалинской экспедиции оказались два независимо расположенных объекта. Первым из них стал привлекавший внимание своими размерами карьер-разнос "Горный" на месте поселка срубной общности. Вторым – курганный могильник, расположенный неподалеку от хутора Першин[1]. Заметим также, что Першинский некрополь занимал среди прочих и разнообразных объектов рудного поля место, очень близкое к географическому центру всего комплекса Каргалов.

КАРЬЕР-РАЗНОС НА ГОРНОМ

Карьер хорошо заметен благодаря весьма четким поверхностным следам на центральной площадке селища, занятой по преимуществу сооружениями времени ПБВ. Следы эти представляют собой лощину овальной формы, вытянутой с запада на восток (рис. 1, верх). Общая длина ложбины достигает 43–46 м, максимальная ширина по верху средней части – до 18–21 м, а глубина в той же части – до 2.3 м с южной стороны и до 1.3 м со стороны северной (рис. 2). Первоначальное обследование всей площади селища в 1991–1992 годах привело нас к предположению, что ложбина

[1] Географические координаты топографического центра селища Горный и Першинского кургана уже опубликованы (Черных и др., 1999. С. 78). Повторяем их данные: Горный – N 52°15.568 и E 54°46.140; Першин – N 52°1.401 и E 54°52.468.

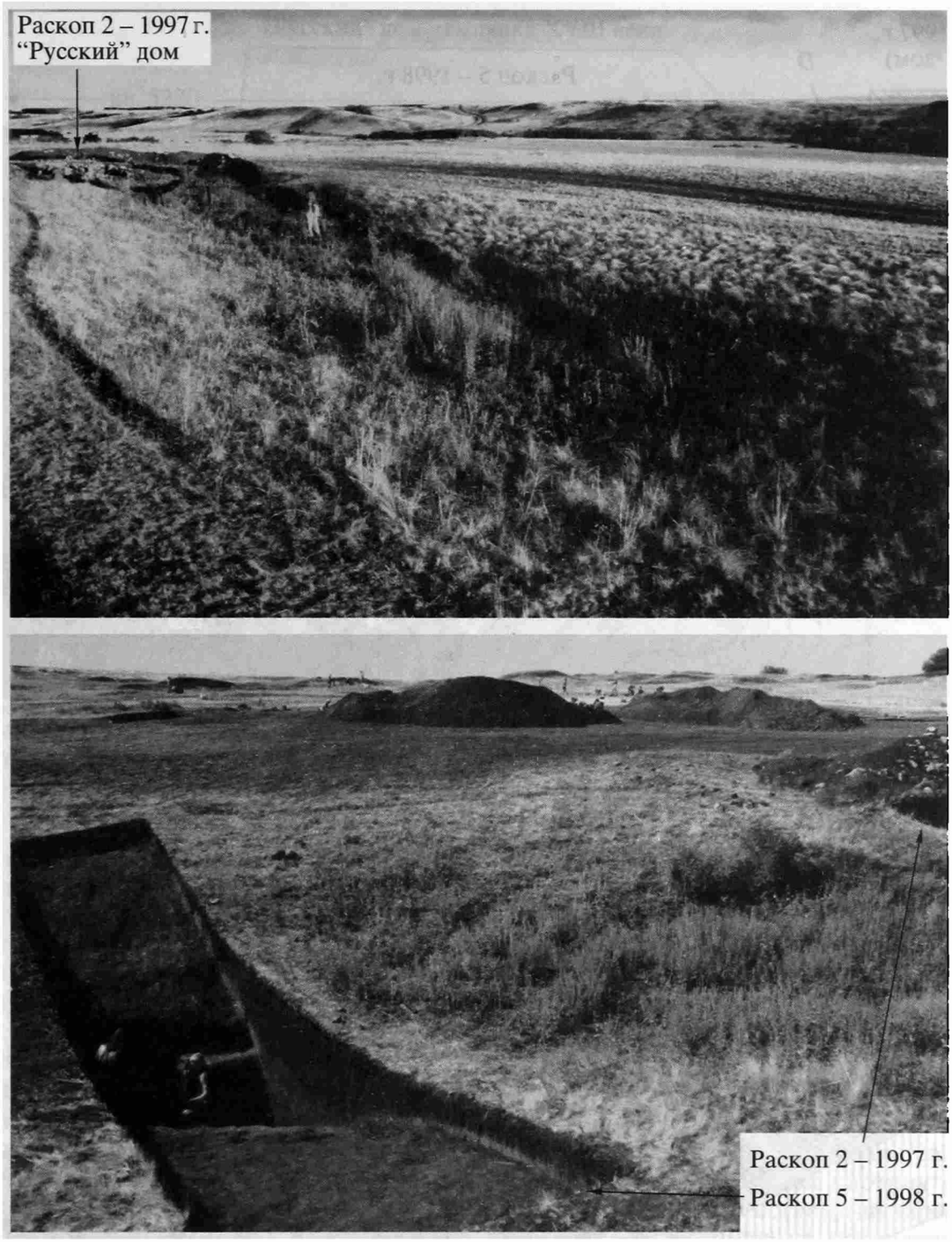


Рис. 1. Вид с востока на ложбину древнего карьера на холме селища Горный до закладки раскопа 5: верхнее фото. Нижнее фото: вид на карьер и раскоп 5 с севера.

также скрывает под собой некое сооружение срубного времени. Зачистка стенок карьера в 1993 г. заставила, однако, изменить исходное предположение: полное отсутствие в засыпи лощины ранних археологических материалов наводило на мысль, что это разведочный карьер нового времени (XVIII в.). Однако проведенные в 1997 г. раскопки так называемого "русского" дома-землянки (раскоп 2) сооружения, примыкавшего и частично перекрывавшего карьер с запада (рис. 1 и 2), вновь привело к изменению наших заключений о времени его сооружения. В значительной мере этому также способствовали первые радиоуглеродные датировки гумусированных слоев, заполнявших узкую щель карьера (на датах мы остановимся ниже). В 1998 г., в центральной части карьера был заложен раскоп-разрез № 5 (рис 1, низ, а также рис. 2), и это окончательно прояснило вопрос о времени сооружения разноса.

Ныне вполне очевидно, что этот карьер-разнос был заложен на холме-мысу "Горный" еще задолго до появления здесь его постоянных обитателей – горняков и металлургов срубной общности. Зачистка коренной скалы явилась основной

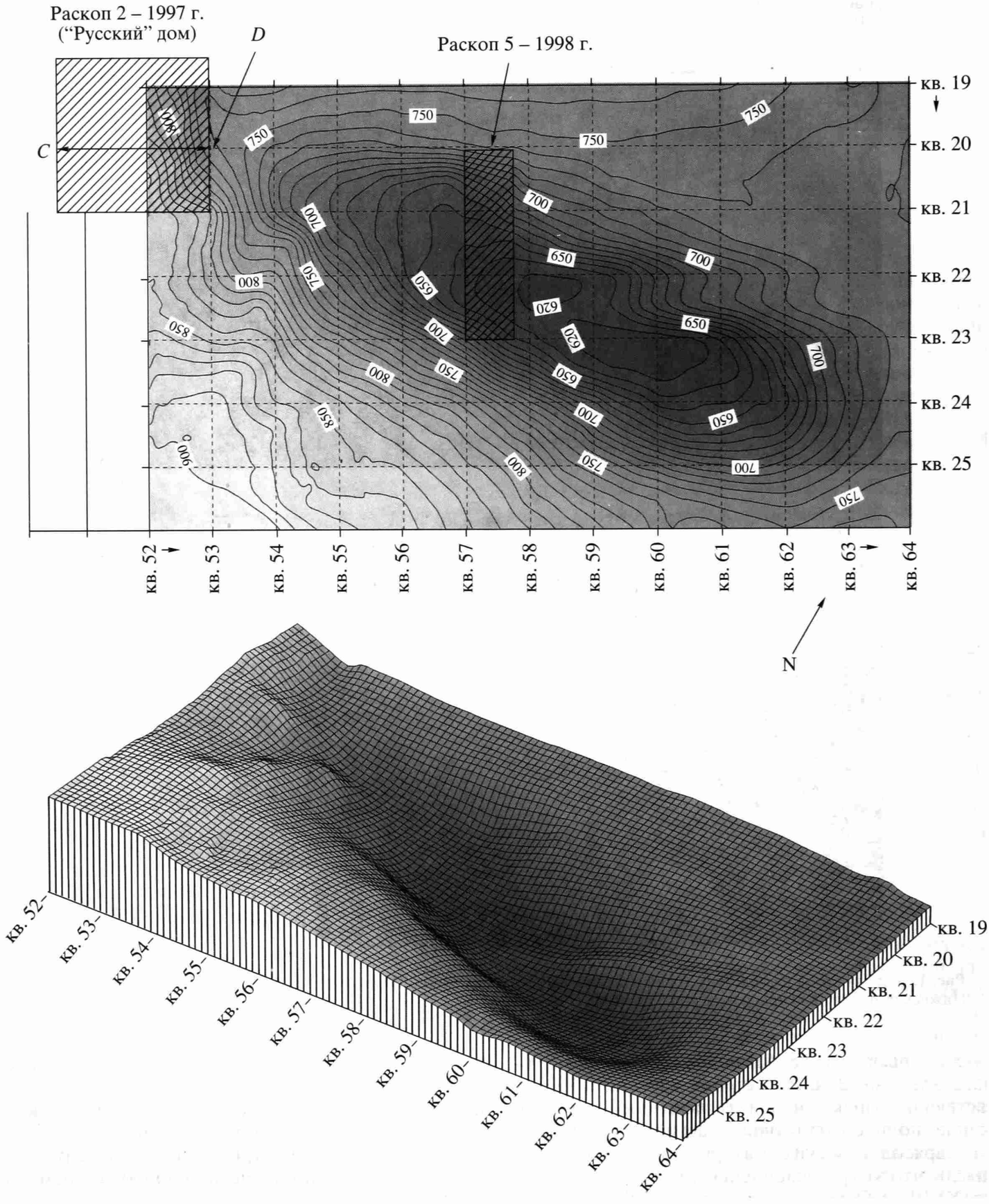


Рис. 2. Вверху: топографический план современной ложбины карьера с обозначением места раскопов 2 и 5. Внизу: компьютерная 3D-реконструкция поверхности ложбины. Примечание. 1 – с целью экономии места высотные отметки над уровнем моря приводятся здесь в сантиметрах и только в виде трех последних цифр; при этом перед каждым значением опускается 20. Например, 850 = 208.50 м над уровнем моря, 620 = 206.20 м и т.д. (см. рис. 3–5); 2 – линия C–D обозначает направление разреза на рис. 3.

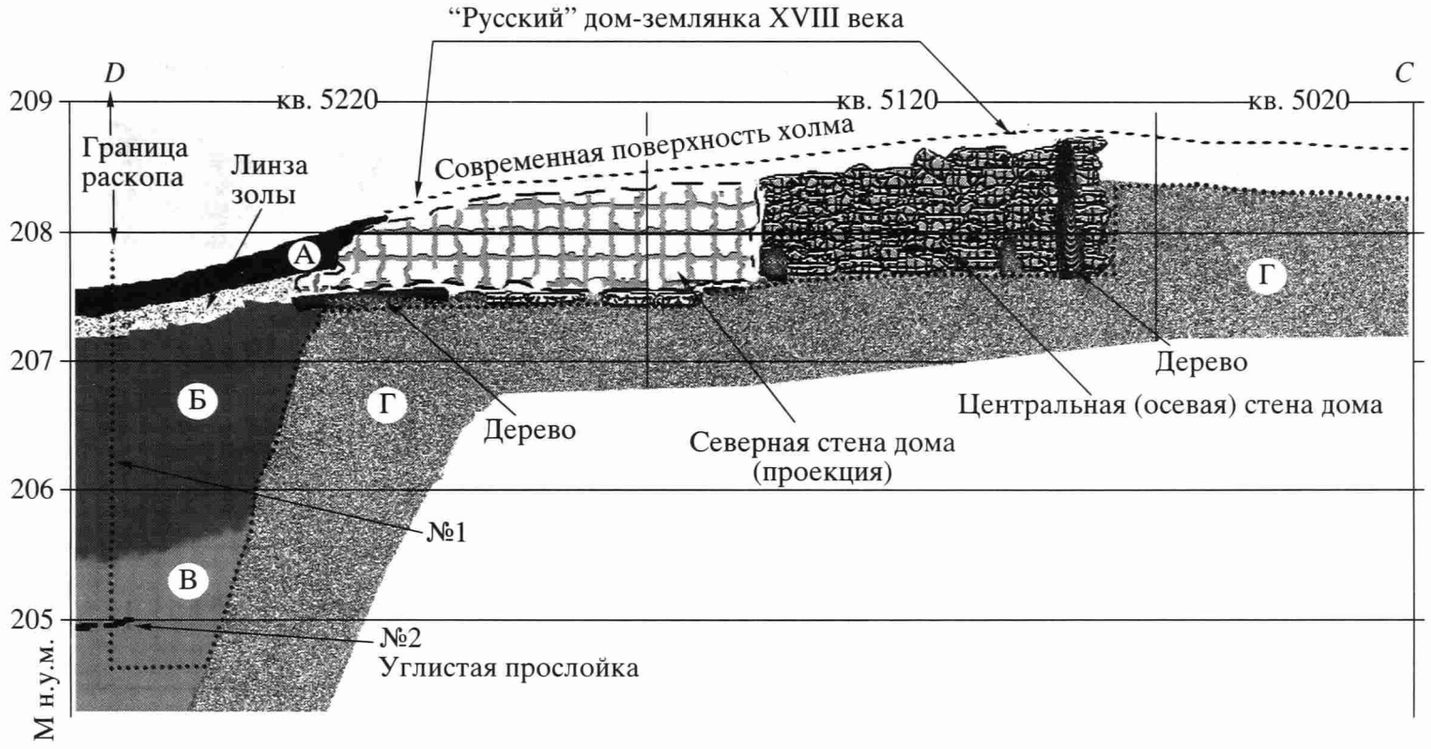


Рис. 3. Профиль-разрез раскопа 2 по линии C–D (см. рис. 2). Условные обозначения для рис. 3–5: А – современный почвенный слой, Б – сильно гумусированные суглинки и супеси заполнения карьера, В – слабо гумусированные суглинки и супеси заполнения карьера, Г – суглинки и супеси "чехла" над материнской песчаниковой породой холма. Стрелки с № 1 и 2 указывают место взятия проб для радиоуглеродного анализа.

целью при его закладке в древности. Тем самым первые каргалинские горняки ставили задачу выявить возможные и крайне желательные для них выходы богатых медных минералов на северном склоне холма[2].

Первоначальная ширина заложенного карьера-разноса была существенно шире конечной. Если в верхней части она могла достигать, как уже говорилось, двух десятков метров, то уже с уровня двух с половиной – трех метров щель карьера резко сужается до 2.5–3.5 м. В более глубоких горизонтах его стенки отстоят друг от друга не более чем на 2–2.5 м. Столь примечательное различие может корениться в изначальной ошибке горняков, предполагавших существенно меньшую толщину супесчано-суглинистого чехла, укрывавшего коренную песчаниковую породу. Мощность чехла, против ожидания, оказалась несравненно большей, отчего, по всей вероятности, древние разведчики и вынуждены были сузить карьер до размеров настоящей щели. Базовой песчаниковой скалы им удалось достичь лишь на глубине 8.5–9 м от уровня тогдашней поверхности холма.

Однако в конечном итоге разведчикам на этом участке холма не повезло: материнская песчаниковая скала оказалась лишенной богатых медных минералов. Здесь им встретились лишь бедные малахитовые примазки, но такая минерализация интереса для них представлять не могла. Гигантский труд[3] не принес ожидаемого результата.

Узкую и глубокую щель карьера горняки оставили не засыпанной. Однако быстрое заполнение карьера происходило вполне естественным путем: обваливались его вертикальные крутые стенки, дождевые и весенние потоки смывали в него почву с поверхности холма. Именно поэтому в двух местах карьера, благодаря раскопам № 2 и 5 (рис. 2–5), мы получили картину разрезов, отражавших по сути естественный характер локального накопления слоев на протяжении нескольких тысячелетий.

Стратиграфия отложений относительно проста, и ее наиболее полную картину мы получили на центральном разрезе (раскоп № 5 1998 г.). Нижняя

[2] Крайне любопытно, что принципиально сходный метод разведки широко применяется геологоразведчиками вплоть до настоящего времени. В прошлом такие разведочные карьеры-траншеи могли именоваться также разносами.

[3] Мы не преувеличиваем носящей эмоциональную окраску оценки величины трудовых затрат по сооружению этого разведочного карьера. Всего в древности здесь было извлечено на поверхность и перемещено примерно 1000–1200 м^3 (~2.5–3 тысячи тонн) тяжелых супесей и вязких суглинков, к тому же насыщенных влагой. В засушливое лето 1998 г. пять здоровых молодых людей с большим напряжением сил работали в течение полного месяца в раскопе-разрезе № 5 (рис. 1, нижнее фото). Тогда они при помощи современных инструментов – железных лопат и ведер – смогли поднять на поверхность всего лишь около 40–42 м^3 (100–110 тонн) глины и супесей. Понятно, что в древности рабочие использовали совершенно иной, не сходный с современным инструментарий.

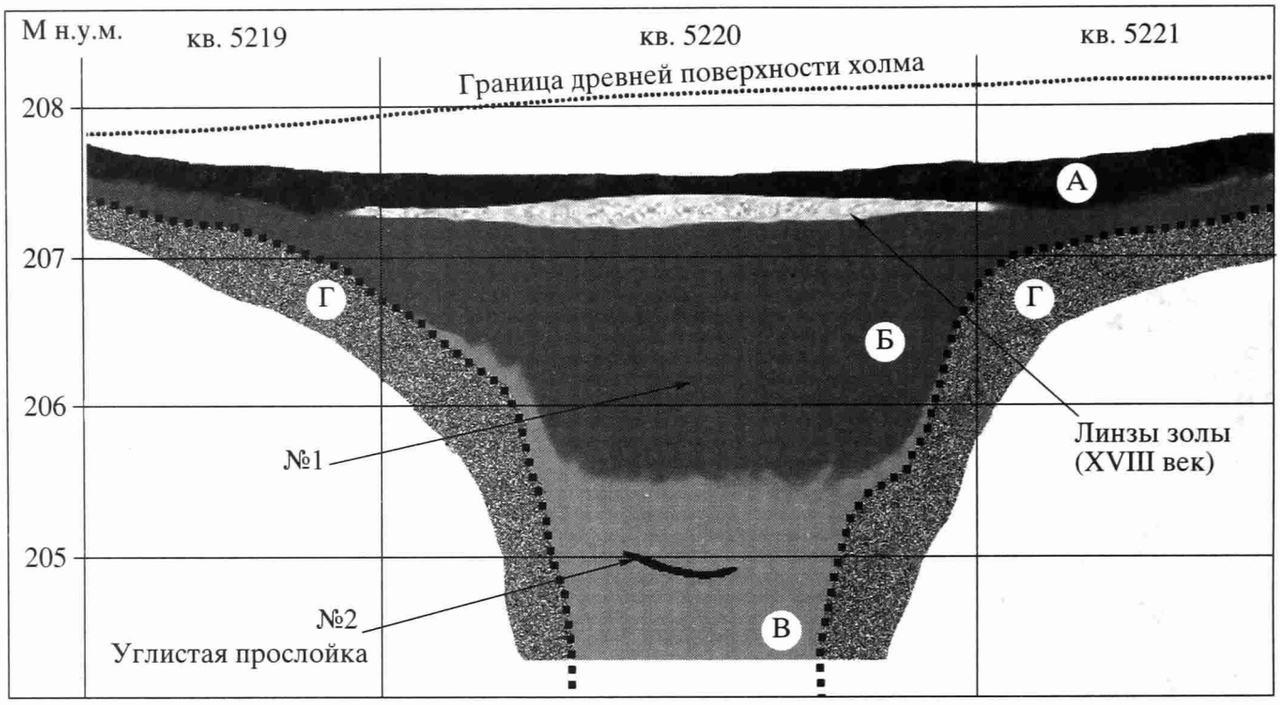


Рис. 4. Профиль северо-восточной стенки раскопа 2. Условные обозначения см. на рис. 3.

часть ее почти 8-метровой свиты оказывается фактически идентичной окружающим супесчано-суглинистым наслоениям чехла (рис. 5; слой В). Именно в отношении этой части отложений мы и предполагаем их быстрое накопление за счет обвалов и дождевых смывов. Верхняя часть отложений общей мощностью до трех метров несет следы отчетливой гумидизации, что свидетельствует о начале образования здесь дернового слоя и относительно активных почвообразовательных процессов в заполняющейся щели карьера. При этом в изученных отложениях довольно четко различаются два горизонта. Нижний из них отличается относительно слабым гумусированием слоя (слой Б); верхний слой, в противовес нижнему, чрезвычайно сильно насыщен органикой (слой А). Последнее вполне объяснимо: в условиях аридного почвообразования любая ложбина на Каргалах становится активнейшим накопителем влаги и, соответственно, густой травянисто-кустарниковой растительности. Подобная картина наблюдалась и в ложбине разноса на Горном (рис. 1).

В общей картине стратиграфии заполнения карьера привлекали внимание еще три существенные для нашей темы детали. "Русский" домземлянка сгорел в XVIII в., после чего его руины были совершенно заброшены. Зола от пожара и выбросов из печи дома перекрывала сильно гумусированный слой карьера (рис. 3 и 4), являя нам своеобразный репер для четкой датировки самой верхней части отложений (последнее приобрело весьма существенное значение при отборе палинологических проб).

Другой примечательной деталью стали тонкие, но вполне отчетливо прослеживаемые прослойки с примазками угля и малахита на самом дне карьера, перекрывающие слои материнской песчаниковой породы (рис. 5, прослойки Е). Эти отложения свидетельствовали, что некоторое время после завершения работ или же во время зачистки скалы дно карьера было открытым и доступным для перемещения по нему древних горняков и работы на уровне базовой песчаниковой породы.

Еще более существенным для нас стало то, что в нижней толще лишенных гумуса обвалов мы натолкнулись на вполне отчетливые следы как минимум двух заполненных органикой древних ходов крупных грызунов (сурков?) Именно отсюда и были взяты пробы, послужившие материалом, из которого извлекали экстракт углерода для соответствующего анализа на содержание изотопа ^{14}C (образцы № 3–8; рис. 5). Естественно, что грызуны продолжили свои норы лишь после того как карьер был не только заброшен, но и более чем наполовину завален суглинками и супесями. Следовательно, датировка нор могла служить для времени сооружения карьера в качестве своеобразного *terminus post quem*.

Наш разрез в западной части карьера (раскоп 2 1997 г.; рис. 3 и 4) не смог достичь его дна, остановившись на глубине около трех метров от уровня современной поверхности. Сам раскоп был привязан к руинам "русского" дома, а плиты и доски выхода из этого жилища-землянки перекрывали лишь крайнюю периферию карьера (рис. 3). Эта небольшая часть карьера-разноса и была расчище-

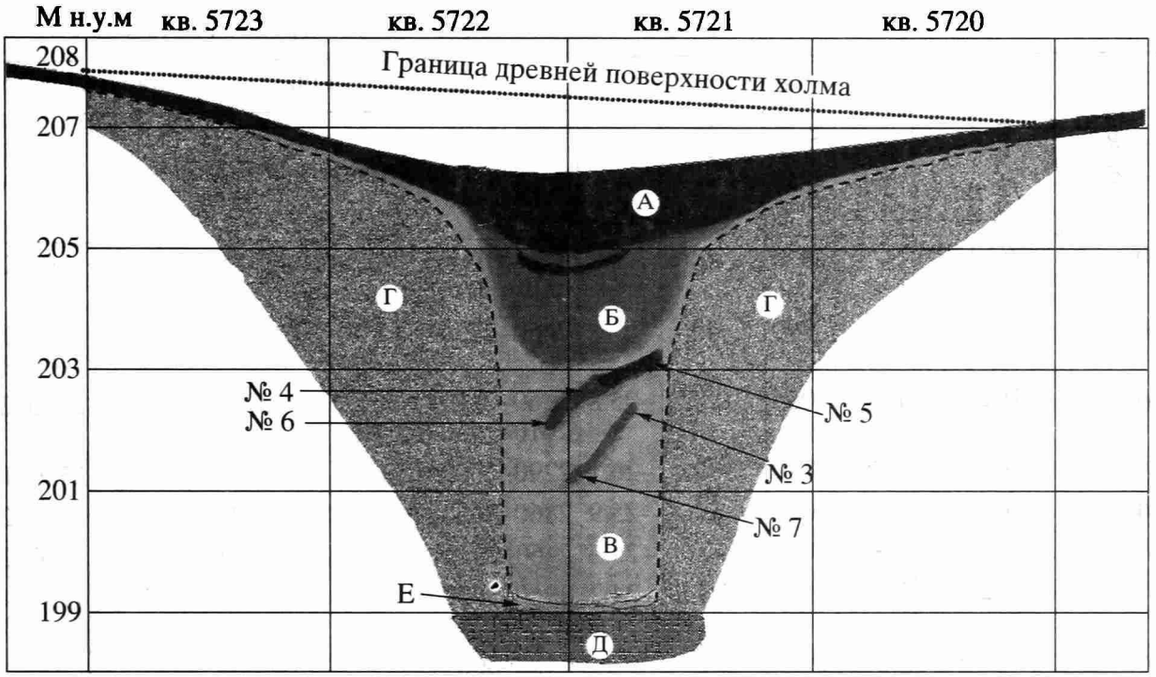


Рис. 5. Профиль юго-западной стенки раскопа 5. Условные обозначения см. на рис. 3. Кроме них: слой Е – супесчаные и суглинистые придонные отложения с углистыми и малахитовыми примазками, Д – материковая песчаниковая скала.

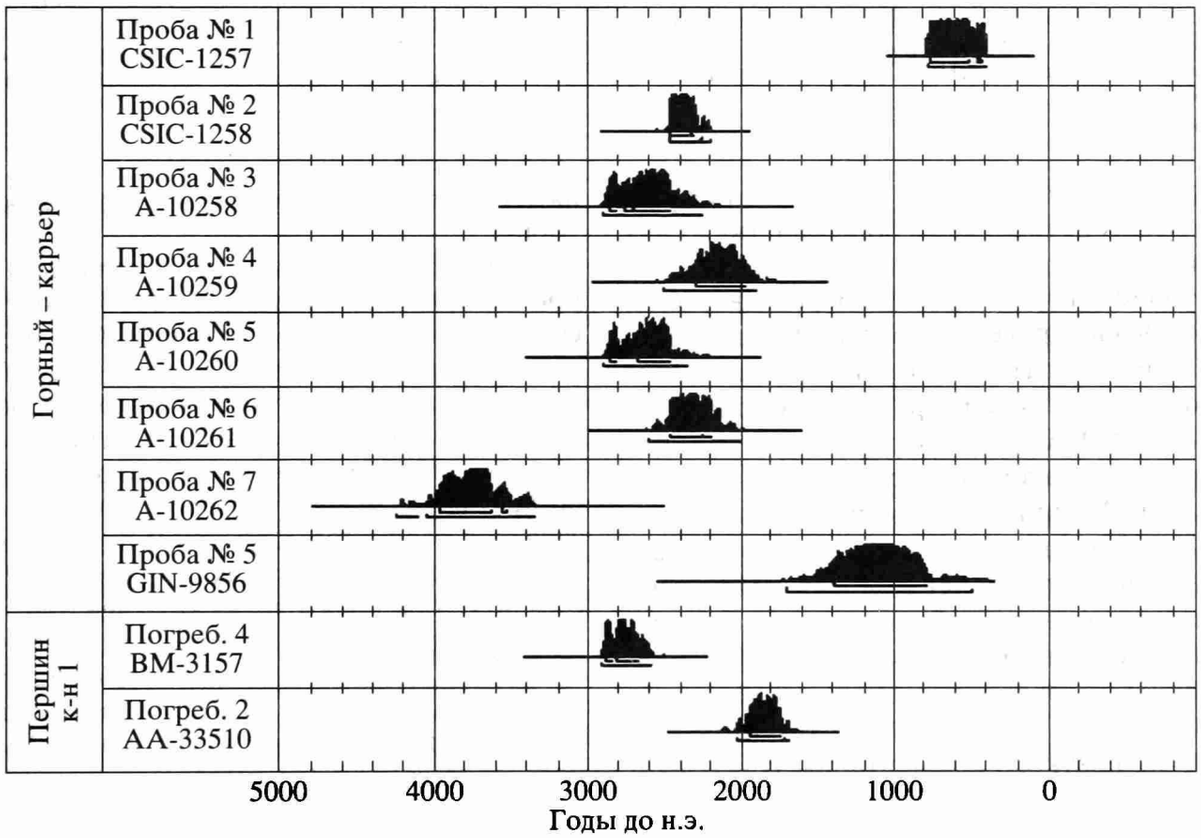


Рис. 6. Распределение по хронологической шкале калиброванных радиоуглеродных дат.

на в ходе раскопок. Экстракт углерода здесь удалось получить из нижней части сильно гумусированного слоя (образец № 1), а также – и это оказалось существенно более важным – из углистой прослойки, обнаруженной на глубине 2.5–2.6 м (образец № 2). К сожалению, у нас не оказалось достаточных стратиграфических оснований для прямой увязки между собой групп образцов центрального

Радиоуглеродные датировки материалов с карьера на селище Горный и из погребений кургана 1 у хутора Першин

Объект	Местонахождение	Образец	Лаборатория – номер	Метод анализа	Годы от наших дней	Отклонение	D13Cs	Калибровочные значения в годах до н.э.	
								Вероятность 68.2%	Вероятность 95.4%
Горный – карьер	№ 1	уголь*	CSIC-1257		2475	60		770–510 (65.5%), 460–450 (1.4%), 440–430 (1.3%)	780–400
	№ 2	уголь*	CSIC-1258		3890	40		2460–2330 (63.3%), 2320–2310 (4.9%)	2740–2270 (89.5%), 2260–2200 (5.9%)
	№ 3	уголь*	A-10258	LSC	4055	110	–25.8	2860–2810 (10%), 2760–2720 (5.5%), 2710–2460 (52.7%)	2900–2250
	№ 4	уголь*	A-10259	LSC	3740	90	–26.1	2290–2020 (65.6%), 2000–1980 (2.6%)	2500–1900
	№ 5	уголь*	A-10260	LSC	4060	80	–25.9	2860–2810 (10%), 2860–2470 (58.2%)	2900–2350
	№ 6	уголь*	A-10261	LSC	3860	85	–25.6	2460–2270 (54.6%), 2260–2200 (13.6%)	2600–2000
	№ 7	уголь*	A-10262	LSC	4955	165/160	–24.7	3960–3630 (65.9%), 3560–3530 (2.3%)	4250–4100 (1.4%), 4050–3350 (94%)
Першин, Курган 1	№ 5	уголь*	ГИН-9856	LSC?	2900	200		1400–800	1700–500
	п. 4	береза	BM-3157		4200	60		2890–2850 (12.8%), 2820–2670 (55.4%)	2910–2590
	п. 2	кость	AA-33510	AMS	3535	60	–18.9	1950–1750	2030–1730 (92.7%), 1720–1690 (2.7%)

Примечание: 1) места взятия проб (местонахождения) в карьере на селище Горный см. рис. 2–4; 2) уголь* – экстракт углерода из различных отложений в карьере; 3) лаборатории: CSIC – Instituto de Quimica Fisica Rocasolano, Madrid, España; A – University of Arizona Radiocarbon Laboratory U.S.A.; AA – NSF-Arizona Accelerator, U.S.A.; BM – British Museum, the Department of Scientific Research. London, England; ГИН – Геологический институт РАН, Москва; 4) методы: LSC – Liquid scintilation counting; AMS – Accelerator Mass Spectrometry.

и западного разрезов. Однако существенных разногласий между датировками большинства из них не наблюдалось.

Всего удалось изучить восемь образцов (таблица). Исследования провели в трех различных лабораториях[4]. Пять образцов анализировались радиоуглеродной лабораторией Аризонского университета (Тусон, США); два образца – в химико-физической лаборатории Высшего научного совета Испании (Мадрид). И, наконец, последняя из проб (ГИН-9856) датировалась в лаборатории Геологического института РАН в Москве. Примечательно, что последняя проба параллельно изучалась и в Аризонской лаборатории (A-10260). Однако результаты этого параллельного исследования сильно различались между собой, и это потребует ниже хотя бы краткого комментария. В Геологическом институте РАН производилось также извлечение экстракта углерода не только для датировки упомянутого образца, но и для всех прочих пяти образцов, переданных в Аризонскую лабораторию[5].

Разброс крайних значений всех восьми дат даже при 68-процентном пределе вероятности весьма существенный (рис. 6; таблица). Однако в большинстве случаев последний имеет под собой вполне отчетливое стратиграфическое обоснование. Наиболее молодая дата (проба № 1, рис. 6) сопряжена, соответственно, с относительно поздним в данном случае и сильно гумусированным слоем (Б) на западной периферии карьера. Расположенная много ниже углистая прослойка (образец № 2) датируется полутора тысячелетиями ранее (рис. 3 и 4).

Шесть дат центрального разреза (рис. 6; таблица, пробы 3–7) связаны с образцами, извлеченными из нор грызунов. При этом обратим внимание, что такие норы-ходы крупных грызунов могли использоваться и, чаще всего, использовались животными многократно, даже в течение ряда тысячелетий, что демонстрируют нам бесчисленные примеры степных курганов. Вполне вероятно по-

[4] По методическим аспектам проведенного радиоуглеродного анализа и построению здесь калибровочных шкал см., например: Polach et al., 1973; Stuiver, Reimer, 1993; Stuiver et al., 1998; Ramsey, 1998). В данной работе для калибровки результатов определений мы пользовались компьютерной программой калибровочной шкалы OxCal v. 3.5 (Copyright "Christopher Bronk Ramsey 2000").

[5] Пользуясь случаем выражаем искреннюю признательность д-ру Джанет Амберс (Janet Ambers) из Британского музея, д-ру Тимоти Джулу (Timothy Jull) из лаборатории AMS Аризоны, сотрудникам Мадридской химико-физической лаборатории, а также Л.Д. Сулержицкому из Геологического института РАН за предоставленные определения и проделанную важную работу.

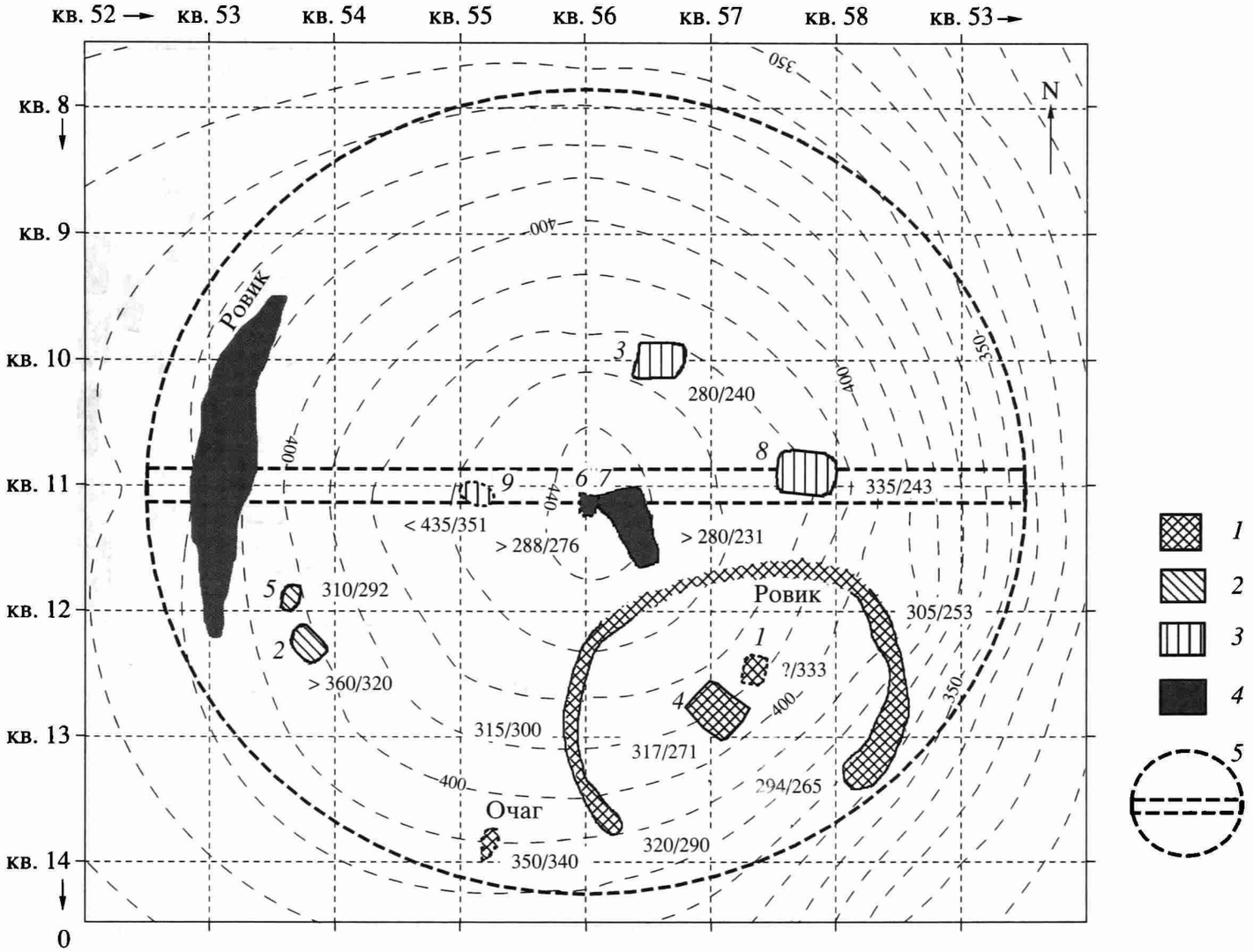


Рис. 7. Топографический план кургана 1 Першинского могильника. Условные обозначения: *1* – древнейшие захоронения ямно-полтавкинской общности; *2* – могилы абашевской общности; *3* – захоронения неопределенного времени; *4* – сарматские могилы; *5* граница раскопа и центральной бровки кургана. Как и на рис. 2 с целью экономии места отметки над уровнем моря здесь приводятся в сантиметрах, но перед каждым значением опускается 15, т.е. 320 = 153.20 м н.у.м. Обозначенные через слэш цифры маркируют верхнюю границу погребальной ямы (слева от слэша) и ее дна (справа). Например, погребение № 4: верхний уровень ямы обнаружен на высоте 153.17 м, а дно – 152.71 м и т.д.

этому, что и разброс значений дат в существенной мере обусловлен данным обстоятельством.

Вместе с тем пять дат (рис. 6; таблица, пробы 3–6) обнаруживают неплохую сходимость полученных калибровочных результатов. Четыре из них (Аризонская лаборатория) связаны с отложениями центрального разреза; пятая относится к угольной прослойке западного разреза (образец № 2, Мадридская лаборатория). Их калиброванные значения не выходят по преимуществу за пределы III тыс. до н.э. К примеру, сумма их вероятностей (68-процентный уровень) укладывается в отрезок 2700–2100 гг. до н.э.

Мы уже упоминали выше о резком различии в параллельных определениях пробы № 5, полученных в двух лабораториях (таблица; рис. 6). Поскольку определение ГИН-9856 (1400–800 гг. до н.э.) весьма отличается от совокупности всех прочих дат, связанных с норами грызунов центрального разреза, мы предпочитаем опираться на датировку А-10260 (2860–2470 гг. до н.э.). В рассматриваемой совокупности привлекает также особое внимание наиболее ранняя датировка пробы № 7 (А-10262). При 68.2-процентном уровне вероятности ее дата может укладываться в рамки XL–XXXVI вв. до н.э. (таблица; рис. 6). Однако вместе с тем и стратиграфически среди прочих проб центрального разреза она занимает самое нижнее положение: ее отобрали с глубины около 5 м (рис. 5). Вполне вероятно, что именно эта дата и будет репером для *terminus ante quem* сооружения самого карьера. Впрочем, единичная датировка остается всегда единичной, и она, конечно же, потребует серийного подтверждения. К глубокому сожалению, не удалось выделить приемлемого для анализа экстракта углерода из самых нижних, придонных суглинистых прослоек с углисто-малахитовыми примазками (рис. 5, слой Е). Понятно, что датиров-

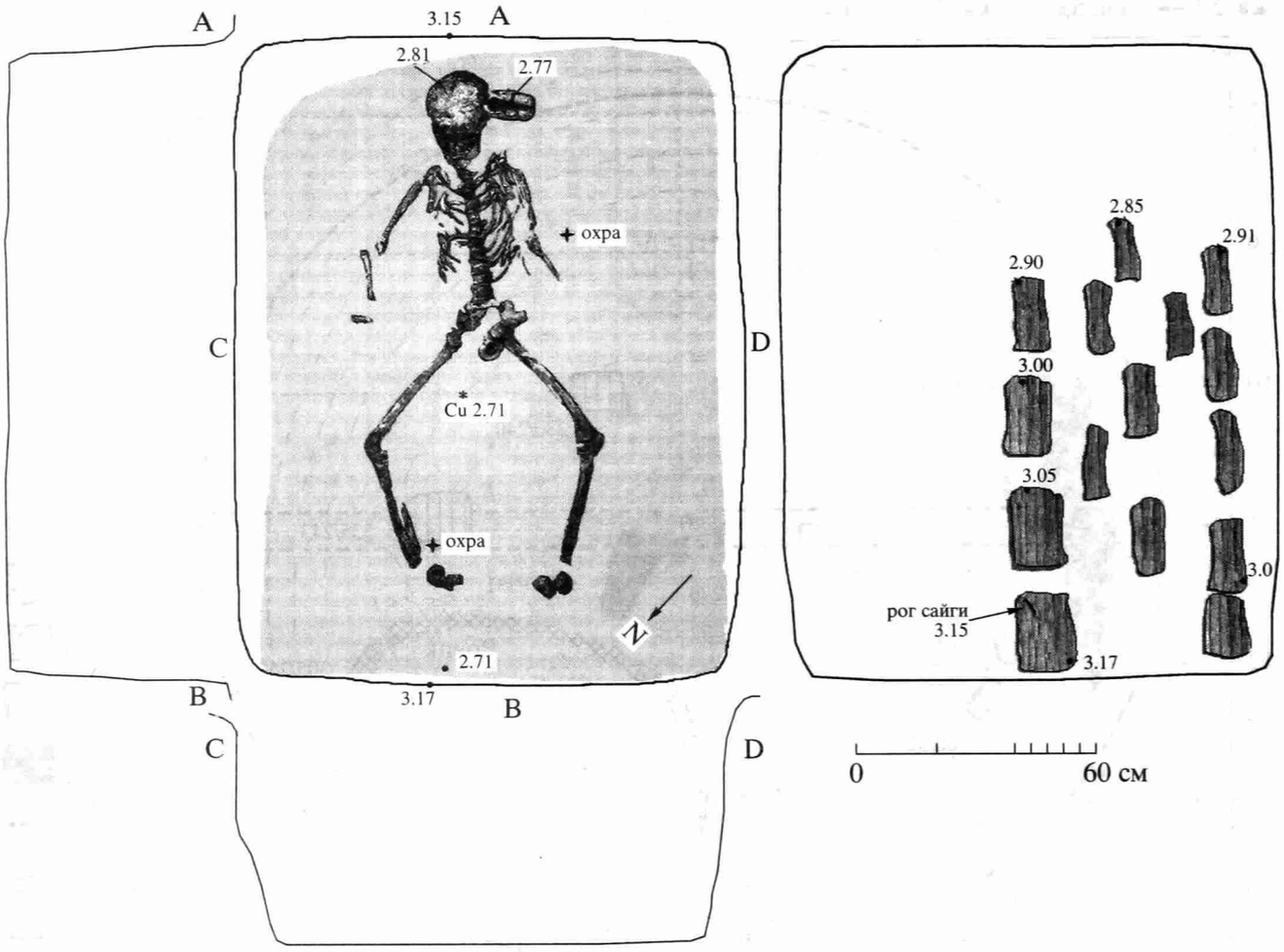


Рис. 8. Погребение № 4 юноши-литейщика. План и разрезы могильной ямы. а также расположение деревянного перекрытия. Порядок чтения высотных отметок см. на рис. 7.

ка именно этих прослоек могла бы явиться наиболее важной отметкой при определении времени сооружения карьера.

Однако в любом случае можно утверждать, что разведочно-поисковые работы на холме Горный проводились, безусловно, не позднее IV–III тыс. до н.э., т.е. приходились на период бытования ямно-полтавкинской общности. Другим доказательством столь раннего периода освоения Каргалинского горно-металлургического комплекса стал Першинский курганный некрополь.

КУРГАН 1 У ХУТОРА ПЕРШИН

Курган 1 Першинского могильника отличался на фоне других внушительными размерами (Черных и др., 2000б. С. 62–84). Проведенные в 1998 г. раскопки этого кургана приоткрыли относительно сложную в культурно-хронологическом отношении картину. На исследованном участке зафиксированы, как минимум, следы девяти погребальных сооружений и двух курганных насыпей (рис. 7); причем южная пола позднейшей и наиболее мощной насыпи перекрывала раннюю, а вместе с ней и древнейшие могилы. Большой основной курган датировался сарматским временем и его насыпали, по всей вероятности, в IV в. до н.э. над основным погребением сармата-воина, сопровождавшегося большим железным мечом (погр. 7). Однако задолго до момента сооружения большой насыпи на площадке длинного и полого спускавшегося к месту слияния речек Каргалки и Усолки мыса было совершено не менее четырех захоронений (№ 1, 2, 4 и 5).

Самая примечательная и древняя из могил (№ 4) относилась к ямно-полтавскому времени (рис. 8, 9). В подпрямоугольной яме размерами 160 (163) см на 120 (130 см) при глубине от древней поверхности в 45 см был погребен юноша-литейщик 12–14 лет (Бужилова, 2000. С. 86). Тело молодого мастера уложили на спине с согнутыми в коленах ногами, головой на ЮВ. Погребальная яма перекрыта настилом из березовых бревен. Могилу окружал ровик, откуда и извлекали песок и супесь для невысокой надмогильной насыпи овальной формы. Ровик, по всей видимости, оконтуривал наиболее ранний здесь небольшой курган, насыпанный над могилой литейщика. Диаметр этого овального кур-

гана колебался приблизительно от 9 до 11 м. Высоту насыпи надмогильного сооружения проследить не удалось, тем более что она была нарушена позднейшими работами сарматского времени, а также многочисленными сурчинами.

У левого виска покойного лежала намеренно и ритуально поврежденная двустворчатая литейная форма втульчатого топора (рис. 9). Она была изготовлена из глинисто-песчаниковой обожженной массы. Сердечник для формовки втулки отсутствовал. Форму до ее помещения в могилу использовали для отливки орудий, что следует из хорошо заметного высокотемпературного прокала на сломе обеих створок (рис. 10). Морфологически форма относится к раннему или же I типу древнейших среди разряда многочисленных и аналогичных изделий, встречающихся в основных металлургических и металлообрабатывающих очагах Циркумпонтийской металлургической провинции (Chernykh, 1992. P. 61, 151–154. Fig. 18, *55–58*). Для данного типа весьма характерен широкий и полностью открытый со всей спинки орудия литник (рис. 10, *2*).

Кроме литейной формы, но уже между ног покойного, был замечен полностью корродированный крохотный кусочек меди. Лобные кости черепа хранили следы охры; кусочки охры лежали также близ левого локтя и правой щиколотки юноши (рис. 8). Поверх одного из березовых бревен перекрытия лежал рог сайги. Скорее всего, после завершения работ по сооружению насыпи, в стороне от курганчика, в трех метрах от юго-западного конца ровика сложили ритуальный очаг. От него сохранились плоская, неправильной формы ямка, глубиной не более 10 см при максимальной длине 63 см. Ямка была заполнена плитками сильно обожженного песчаника, между которыми сохранились кусочки древесного угля. Не вызывает сомнения, что сооружение очажка ритуально связывалось с профессиональным занятием покойного юноши.

Культурная верификация этого захоронения кажется безусловной: ямно-полтавкинская культура (общность). Напомним при этом, что погребения мастеров-литейщиков, отличавшихся к тому же столь юным возрастом, встречаются в культурах бронзового века Евразии исключительно редко.

Для радиоуглеродного анализа был взят кусок березового перекрытия могилы (рис. 8 – часть бревна с лежащим на нем рогом сайги). Его исследование проводилось в лаборатории Британского музея (таблица). Калиброванное значение даты указывает на отрезок времени 2890–2670 гг. до н.э., т.е. на наиболее характерный хронологический отрезок для раннебронзового времени Циркумпонтийской провинции (Черных и др., 2000а. С. 18, 19, 69. Рис. 11). Следовательно, радиоуглеродная дата полностью отвечает предварительным заключениям о возрасте этого исключительно важного для нас захоронения.

Рис. 9. Череп юноши-литейщика из погребения № 4 с литейной формой.

Из расположенной к западу могилы № 2 (рис. 11) взяли еще один образец для датирования. Это было весьма необычное захоронение полугодовалого козленка, сопровождавшегося глиняным горшком абашевского типа (Черных и др., 2000б. С. 67). Полный скелет животного лежал в северо-западной части могильной ямы, вплотную к ее стенке. В противоположном – юго-восточном углу ямы находился положенный набок сосуд. Присутствия костей человека в могиле не отмечено. Любопытно, что в расположенной рядом могиле 5 (рис. 7) обнаружен довольно близкий по форме сосуд также абашевского типа, сопровождавший плохо сохранившийся костяк полугодовалого младенца.

Для радиоуглеродного анализа были взяты трубчатые кости козленка. Датировка проведена в Аризонской AMS лаборатории: XX–XVIII вв. до н.э. при 68.2% вероятности (таблица). Определение возраста подтверждает, что это абашевское захоронение на Каргалах относится к более раннему времени, нежели основной комплекс хорошо датированных слоев срубной общности на Горном, о хронологии которых мы уже упоминали в начале статьи.

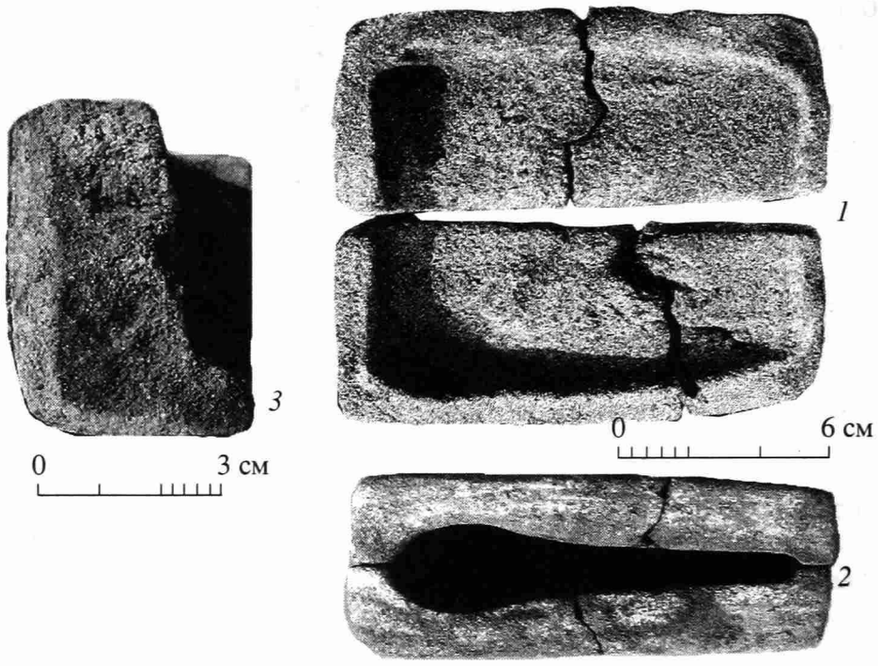


Рис. 10. Литейная двустворчатая форма втульчатого топора из погребения литейщика: *1* – внутренний вид обеих створок формы; *2* – парно сложенные створки, вид со стороны литника; *3* – темный след высокотемпературного прокала на сломе глинисто-песчаниковой массы литейной формы.

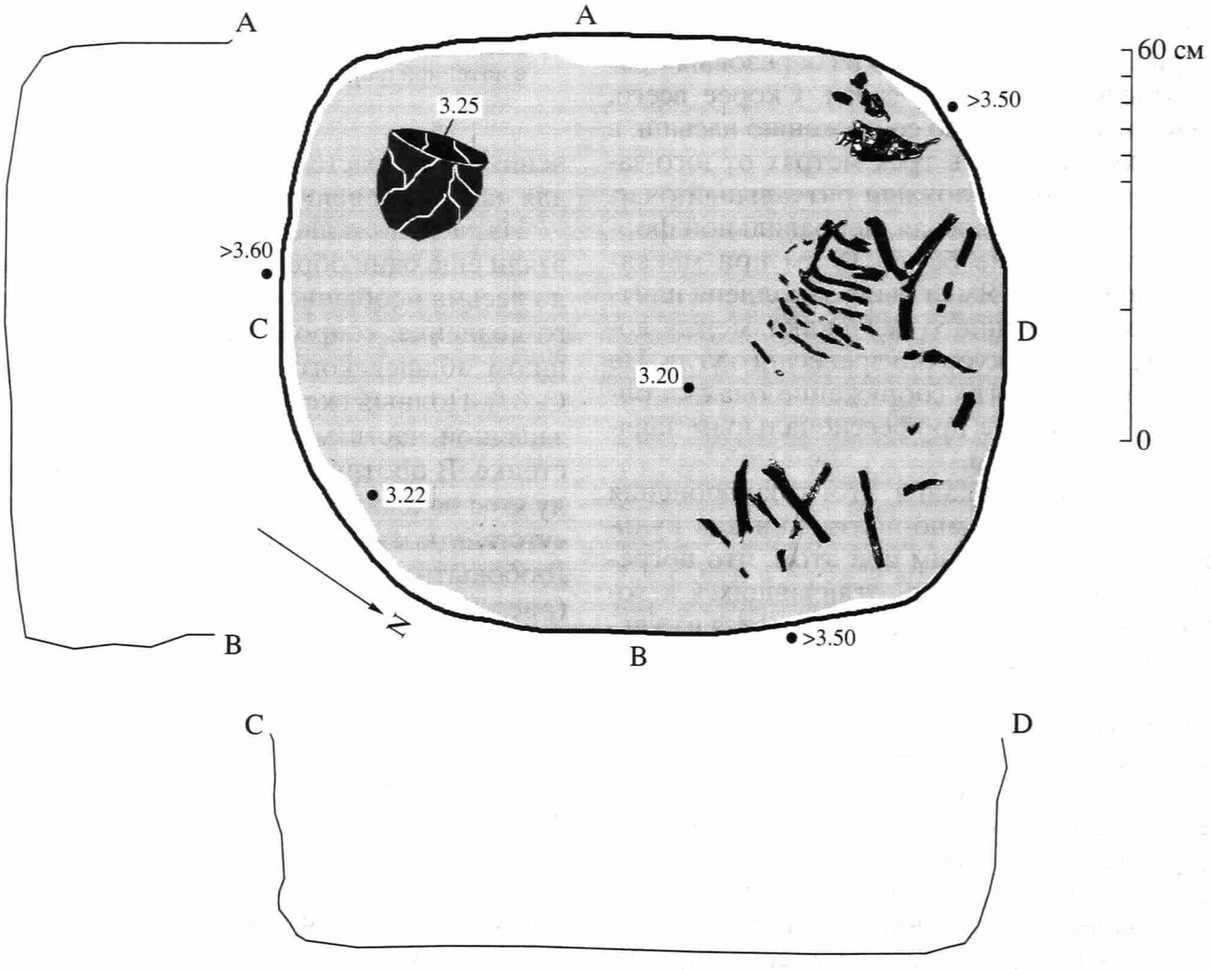


Рис. 11. Скелет козленка и глиняный сосуд абашевского типа из могилы № 2 Першинского кургана. Порядок чтения высотных отметок см. на рис. 7.

Восточноевропейские комплексы абашевской общности содержат по преимуществу медь химической группы МП (медистых песчаников). Однако мы никогда не ставили вопрос об эксплуатации абашевцами Каргалинских рудников. И поныне на Каргалинском рудном поле мы не смогли найти ни единого селища с материалами безусловно абашевского стиля, хотя их и обнаруживают всего в 20–25 км к северо-востоку от Каргалов: к примеру, Буланово на р. Салмыш (Моргунова, 2000. С. 244). В сущности, Першинский курган дал первые свидетельства присутствия абашевцев на самом Каргалинском рудном поле. Без всякого сомнения, поиски памятников этой культуры здесь следует продолжать.

Комплекс свидетельств беспрерывной эксплуатации Каргалинских рудников, начиная с ямно-полтавкинского времени вплоть до финала ПБВ, ныне вряд ли может вызвать сомнения. Радиоуглеродная дата начала IV тыс. до н.э., относящаяся к пробе из самой нижней свиты отложений в центральном разрезе (таблица, А-10262), заставляет нас размышлять о возможном до-ямном времени начала здесь горных работ. Однако вплоть до появления серийных доказательств мы предпочитаем оставить данный вопрос открытым.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 99-06-80426.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А.П. Антропологические материалы из курганной группы у с. Першин: предварительные итоги исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской степи. Воронеж, 1980.

Моргунова Н.Л. Раскопки в Оренбургской области // АО–1998. 2000.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

Черных Е.Н. Каргалы. Потерянный мир. М., 1997а.

Черных Е.Н. Каргалы – крупнейший горнометаллургический комплекс Северной Евразии в древности // РА. 1997б. № 1.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000а.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю. и др. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселения Горный и другие) // РА. 1999. № 1.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000б.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Polach H., Gower J., Fraser I. Synthesis of high-purity benzene for radiocarbon dating // Proceedings of the 8th International C^{14} Conference. 1 / Eds. Rafter T.A., Grant-Taylor T. Wellington, 1973.

Ramsey B.C. Probability and Dating // Radiocarbon. 1998. 40(1).

Stuiver M., Reimer P.J. Extended C^{14} database and revised CALIB 3.0 C^{14} age calibration program // Radiocarbon. 1993. 35.

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E. et al. INTCAL 98. Radiocarbon Age Calibration. 24000-0 cal BP // Radiocarbon. 1998. 40(3).

The Beginning of Exploitation of the Kargaly Center: Radiocarbon Dates

E. N. Chernykh, C. J. Eastoe

Summary

The Kargaly center is the most ancient and impressive mining and metallurgical complex in Northern Eurasia. Information about the age of earliest exploitation of Kargaly copper resources can cast light on the time of appearance of copper use in the vast Eurasian region. In this connection, two important objects were excavated in the Kargaly area during field seasons 1997 and 1998: 1) the large and deep open prospecting cast (trench) in Gorny hill (fig. 1–5) and 2) kurgan graves Nos. 4 and 2 at Pershin cemetery (fig. 7–11). Ten radiocarbon dates were obtained from five laboratories: Arizona (two laboratories), London, Madrid and Moscow. Eight of the dates relate to the open cast and the remaining two to the Pershin cemetery (table; fig. 6). The dates related to the trench denote *terminus post quem* for prospecting open cast digging. The main group of dates from this feature falls within III mill. BCE, but the most ancient sample (A-10262), representing the deepest stratigraphic level, dates from the first half of IV mill. BCE. The analysis of the birch from Pershin (grave 4) is most important for our problems. It was the burial of a young copper founder (fig. 7–10) with a casting mold for a shafthole axe – most typically a chief's weapon during the Early Bronze Age in the giant Circumpontic metallurgical province. The date of 29–27 cent. BCE (BM-3157) corresponds very well with archaeological materials in grave 4. The date of grave 2 (AA-33510, kid bones with clay pottery) demonstrates the beginning of the Late Bronze Age in the Urals area. In any case, there is now evidence for exploitation at Kargaly during the Early Bronze Age (IV–III mill).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 56–66

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ПОСЕЛЕНИЯ САМПСОНИЕВ ОСТРОВ НА СРЕДНЕЙ СУЛЕ

© 2002 г. Ю. Ю. Моргунов
Институт археологии РАН, Москва

Городище и селище Сампсониев Остров близ с. Сенча (Лохвицкий р-н Полтавской обл. Украины) в литературе были поверхностно известны еще с конца XIX в. и неоднократно посещались археологами. На протяжении 1990–1992 гг. этот многослойный памятник исследовался совместной экспедицией Институтов археологии РАН и НАН Украины.

Среди полученных в процессе раскопок древнерусских материалов определенный интерес представляют остатки 20 жилых построек, снабженных неглубокими котлованами различной величины, конфигурации и ориентации относительно сторон света (рис. 1). Хронологически одна из построек (Г-24)[1] относилась к рубежу X–XI – началу XI в., 11 сооружений датируются серединой – концом XII в., а 8 возведены в первой половине XIII в.

Незначительная мощность неперемешанного культурного слоя на данном памятнике не всегда позволяла исчерпывающе проследить стратиграфические детали поверх углубленных котлованов, что, конечно, сказалось на качестве интерпретации материалов раскопок. Отчасти этот досадный пробел компенсировался хорошей читаемостью заполнения самих котлованов, где в большинстве случаев достаточно подробно прослеживались затеки, слои разрушения, пожарища, междуэтажные перекрытия и т.д.

Переходя к обзору отдельных параметров сооружений, необходимо отметить, что на данном памятнике наименьшие колебания прослеживаются в глубинах котлованов. В большинстве случаев они насчитывают 0.4–0.5 м с небольшими отклонениями в обе стороны.

В какой-то мере видимость стандартности углубления построек может быть связана с топографическими особенностями памятника, занимавшего часть поверхности невысокого надпойменного всхолмления среди некогда сильно заболоченной поймы: высокое стояние подпочвенных вод не позволяло поселенцам создавать глубокие и сухие искусственные углубления в материке. С другой стороны, здесь повсеместно прослежено необычное залегание подстилающих слоев: именно на этой глубине, под верхним материковым песком, на Сампсониевом Острове повсеместно размещается нетолстый геологический слой плотного желтовато-коричневого суглинка, который наиболее пригоден в качестве твердого пола для углубленных жилых построек.

И все же подобное толкование не вполне согласуется при сравнении объектов Сампсониева Острова с другими раскапывавшимися нами памятниками, размещавшимися в иных топографических условиях, где аналогичную степень углубления жилых котлованов нельзя связать ни с почвенно-гидрологическими условиями, ни с наличием ленточных материковых пород различной плотности. В этой связи любопытно и заслуживает проверки неоднократно слышанное нами в процессе раскопок мнение местного населения, единодушно связывавшего "стандартную" глубину котлованов со среднестатистическим уровнем промерзания почв.

Наибольшим колебаниям подвержены планиметрические размеры углубленных частей построек. Для получения реальной картины этих колебаний на горизонтальной оси предлагаемой диаграммы мы разместили математические размеры площадей изучаемых котлованов (рис. 2). Для сравнения на полученной диаграмме без заливки представлены и углубления хозяйственных сооружений. Вне графика площадей из соображений компактности осталась постройка С-6: ее остатки нетипично большие для этого ряда, и о ней речь пойдет отдельно.

Как показывает эта диаграмма, все котлованы распределились на три количественно и качественно неравноценные группы, разделенные ощутимыми по продолжительности лакунами, что говорит о неслучайности первоначального замысла древних строителей.

Группа 1 объединила 6 наименьших по площади котлованов, размерами от 3.5 до 6 м^2. Четыре незалитых на диаграмме кружка представляют остатки хозяйственных построек (С-4, Г-20, Г-21, Я-29). Эти объекты не содержали остатков отопительных сооружений, в их котлованах встречено крайне мало археологических материалов. Не-

[1] Для удобства остатки построек, изученных на городище, индексированы буквой "Г", а сооружения с территории селища – буквой "С".

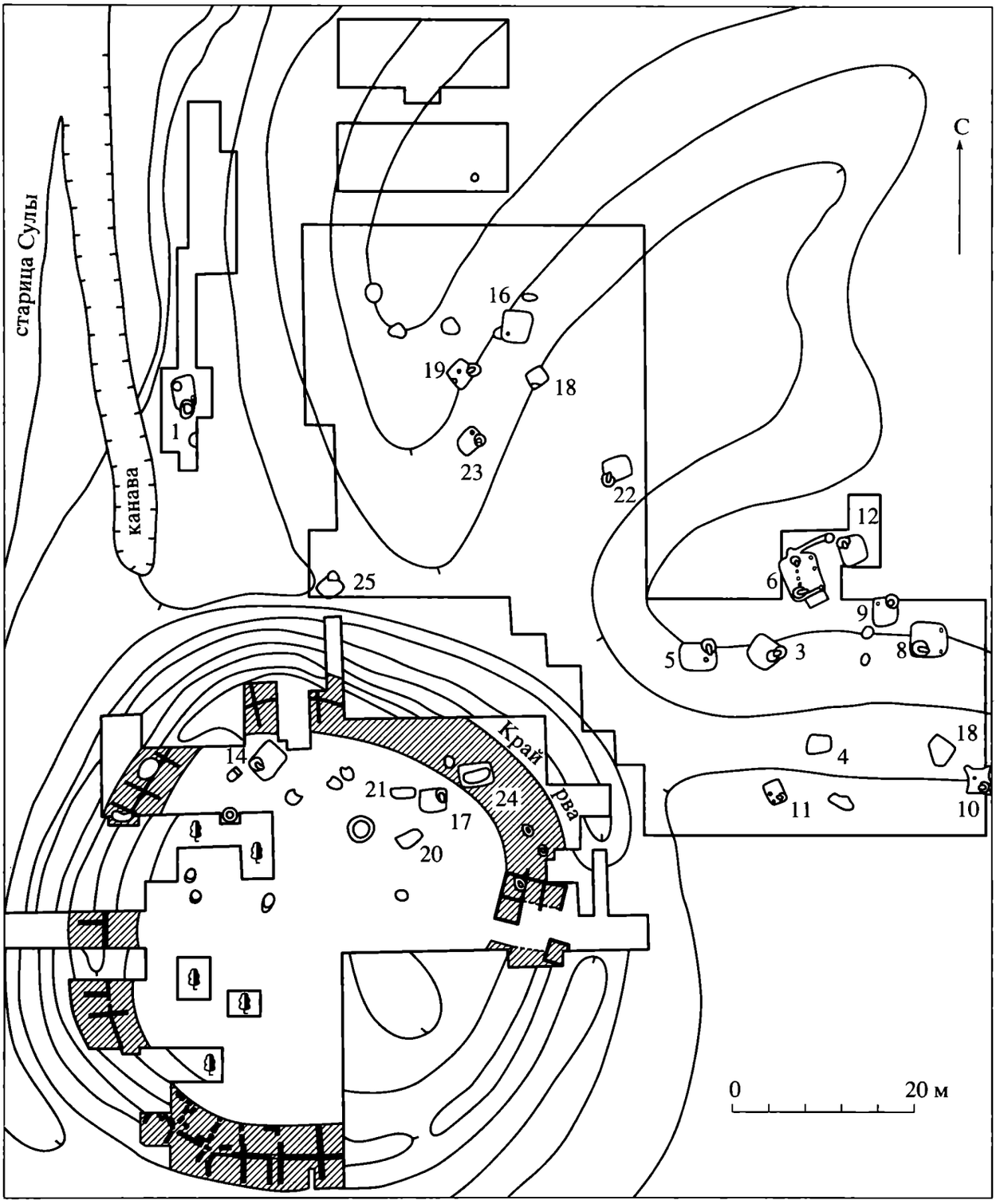


Рис. 1. Сводный план размещения древнерусских сооружений на раскопанной части городища и селища Сампсониев Остров.

сколько сложнее ситуация с остатками жилых построек этой группы (С-11 и С-18), имеющих площадь, соответственно, 6 и 4.9 м^2. Если принимать площадь наземных частей этих построек за равновеликую углубленным котлованам, то очевидно, нельзя говорить о возможности проживания людей в подобных сооружениях.

Забегая вперед, следует отметить, что стратиграфия и особенности интерьера этих построек заставляют вывести их из разряда наименьших. Позже мы остановимся на этих объектах подробнее, а сейчас важно констатировать, что фактически группа наименьших по площади сооружений объединяет только остатки хозяйственных построек.

В группе 2 объединены 13 котлованов площадью от 7.1 до 11.2 м^2, причем наибольшая плотность их концентрации наблюдается в промежут-

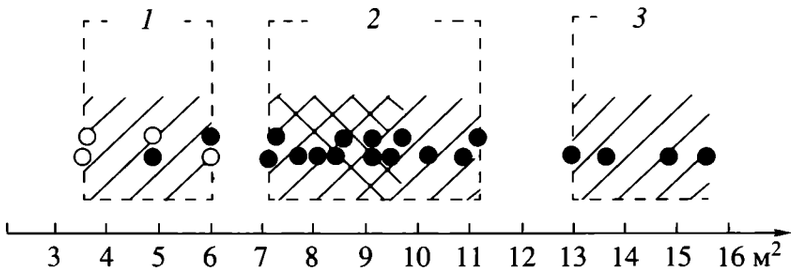


Рис. 2. Диаграмма площадей котлованов древнерусских построек (обозначения хозяйственных сооружений даны без заливки).

ке между 7.1 и 9.6 м² (С-1, С-2, С-3, С-7, С-9, С-10, С-12, Г-17, С-19, С-22, С-23, Г-24, С-25). Вероятно, к этой же группе относились и упоминавшиеся жилые сооружения С-11 и С-18.

Третья группа котлованов наиболее разнообразна по размерам: площадь углубленных частей колеблется от 13 до 20 м² (С-5, С-6, С-8, Г-14, С-16). Построек такого размера насчитывается в три раза меньше, чем малых. На первый взгляд, малочисленность объектов и относительно большие размеры сооружений этой группы могли бы свидетельствовать о более высоком имущественном положении их владельцев. Тем не менее инвентарь этих сооружений не отличается особым богатством или разнообразием. Сказанное не относится только к самой большой постройке С-6, которая по величине и сложности конструкции, по составу и обилию встреченного в ней инвентаря представляет для данного памятника исключительное явление.

Форма котлованов в плане в подавляющем большинстве случаев прямоугольная или прямоугольная с различной степенью приближения к квадрату.

В ориентации котлованов прослеживаются две традиции: сторонами или углами по сторонам света (в ряде случаев прослеживаются и отклонения от точных значений ориентации, которые принято считать сезонными). Мы не располагаем достаточным количеством фактов для достоверной интерпретации различной ориентированности грунтовых углублений. Доступные нам наблюдения свидетельствуют лишь о том, что из 15 котлованов средних размеров по сторонам света было ориентировано 66.6% объектов, на пяти сооружений больших размеров углами по сторонам света было ориентировано лишь одно. В хронологическом плане для второй половины XII в. наблюдается двойное преобладание широтной ориентации над угловой, а для первой половины XIII в. оно уже имеет подавляющее превосходство.

Внутреннее оснащение котлованов достаточно однообразно. В первую очередь, в отличие от хозяйственных сооружений, подавляющее большинство углублений жилых построек было снабжено хорошо сохранившимися остатками глинобитных полусферических печей.

По форме и размерам печи представлены двумя типами. В пяти случаях это небольшие (внешним диаметром 0.9–1.0 м) отопительные устройства круглой в плане формы. Двенадцать других – более крупные, в плане они имеют форму овала, а их внешние размеры насчитывают от 1.4 × 1.2 до 1.8 × 1.7 м. Промежуточное положение занимает лишь овальная печь из постройки Г-17: ее размеры 1.25 × 1.1 м. Особняком стоит и двухкамерная постройка С-6: в ее котловане размещалось по одной печи обоих типов.

Определенный намек на различный характер использования неодинаковых печей прослеживается только в указаном случае (С-6): здесь маленькая круглая печь была одноподовая и крайне низкого качества, а большая овальная отличалась мастерством изготовления и содержала три вымощенных керамикой пода. Это наводит на осторожное предположение о том, что данная малая печь могла предназначаться только для обогрева и приготовления пищи, в то время как соседняя большая, с уплотненным подом значительных размеров, могла быть более универсальной, использоваться и для производственных надобностей.

Анализ инвентаря из построек с небольшими отопительными устройствами как будто подтверждает подобное толкование: сооружения С-1, С-2 и С-9 содержали всего по 1–2 находки бытового назначения (пряслице; нож, отдельные стенки амфор; 2 ножа и оселок). Немногим больше находок известно и из заполнения постройки С-11 (к ножу и оселку здесь добавились железная пряжка, шило и керамический кружок с отверстием). Только небольшое количество керамики было найдено и в котловане Г-17, где печь имела промежуточные размеры.

В то же время состав инвентаря из построек с большими печами был более разнообразен и богат, часто отражая занятие его обитателей земледелием, ремеслами или показывая их владение воинскими навыками. Большие печи сопровождали все котлованы больших размеров и большинство материковых углублений меньшей площади.

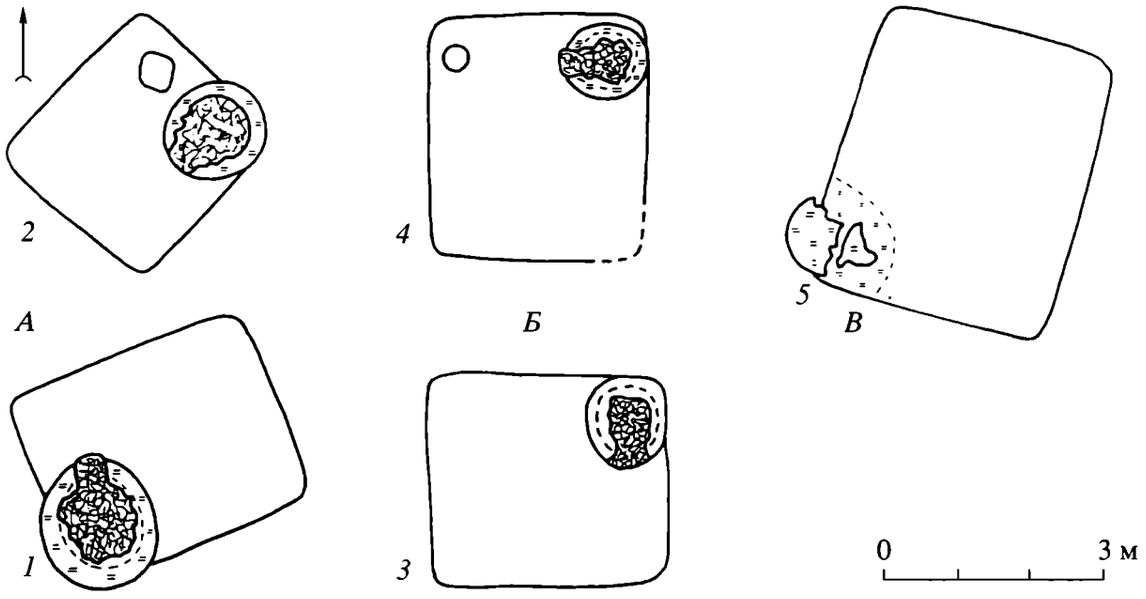


Рис. 3. Примеры непосредственной взаимосвязи отопительных устройств с земляными стенками котлованов построек: А – врезка печей в вертикальные стенки; Б – соприкосновение печей со стенками; В – размещение печи на краю котлована. *1* – С-22; *2* – С-23; *3* – Г-17; *4* – С-9; *5* – С-16.

Количественно меньшая часть раскопанных на Сампсониевом Острове печей была размещена на дне котлованов в 10–20 см от вертикальных земляных стенок углублений (С-1, С-2, С-8, С-10, С-11). Это строительное решение теоретически допускает размещение между печью и земляной стеной котлована какой-то несущей деревянной конструкции (рис. 3; 4).

Другая, количественно преобладающая, часть печей была вылеплена непосредственно на дне котлованов или вплотную к их стенкам (С-6, С-9), или же в специально вырезанных в стенках выемках (С-3, С-5, С-12, Г-14, С-19, С-22, С-23, С-25). В единичном случае (Г-17) отопительное устройство помещено поверх специально вылепленной придонной суглинистой подушки. В другом случае (С-16) печь одной половиной размещалась на предварительно расчищенной поверхности предматерика на самом краю котлована, а другой стороной как бы нависла над котлованом, опираясь на специально прилепленную к его песчаной стенке суглинистую консоль.

Все печи, как круглые, так и овальные, имеют различное количество (от одного до пяти) подов, в большинстве случаев содержащих вмазанную для твердости специально раздробленную керамику. Этот прием не всегда являл собой следствие последовательно чередовавшихся ремонтов отопительных сооружений. Напротив, на данном памятнике неоднократны примеры одновременного изготовления нескольких подов; в таких случаях керамика из выше- и нижележащих подов принадлежала одним и тем же сосудам (в процессе реставрации они склеивалась в единые формы).

Кроме отопительных сооружений, сохранившихся in situ, в некоторых котлованах прослежены выразительные остатки печей, упавших с верхних ярусов построек и рассыпавшихся от удара. В одних случаях они сохранились в виде утолщающихся к середине мощных прослоек, значительно реже имели вид достаточно монолитных скоплений. Скорее всего, характер скоплений напрямую зависел от высоты падения, но в любом случае среди этих остатков непременно прослеживались хорошо различимые фрагменты сводов, подов и обломки керамики вторичного обжига из вымостки этих подов. Другой признак рухнувшей сверху печи – размещение ее остатков поверх различимой прослойки, оставшейся от упавшего потолочного перекрытия.

На дне девяти котлованов вдоль их внутреннего периметра расчищено от одной до четырех округлых столбовых ям обычных размеров; часть из них размещалась по углам сооружений, иные – на небольшом расстоянии от середины боковых сторон. В двух случаях (С-10 и С-11) столбы были помещены в специальные выемки, вырезанные в углах или посередине сторон котлованов. Следует подчеркнуть, что только в одном случае (С-10) угловые выемки составляли полный "комплект" из четырех подобных строительных деталей, занимавших все четыре угла котлована, но и в этом случае не все выемки содержали столбовые ямы в количестве, достаточном для создания каркаса несущей столбовой конструкции (для размещения выступающих "остатков" срубных венцов величина угловых выемок была слишком недостаточной), см. рис. 4.

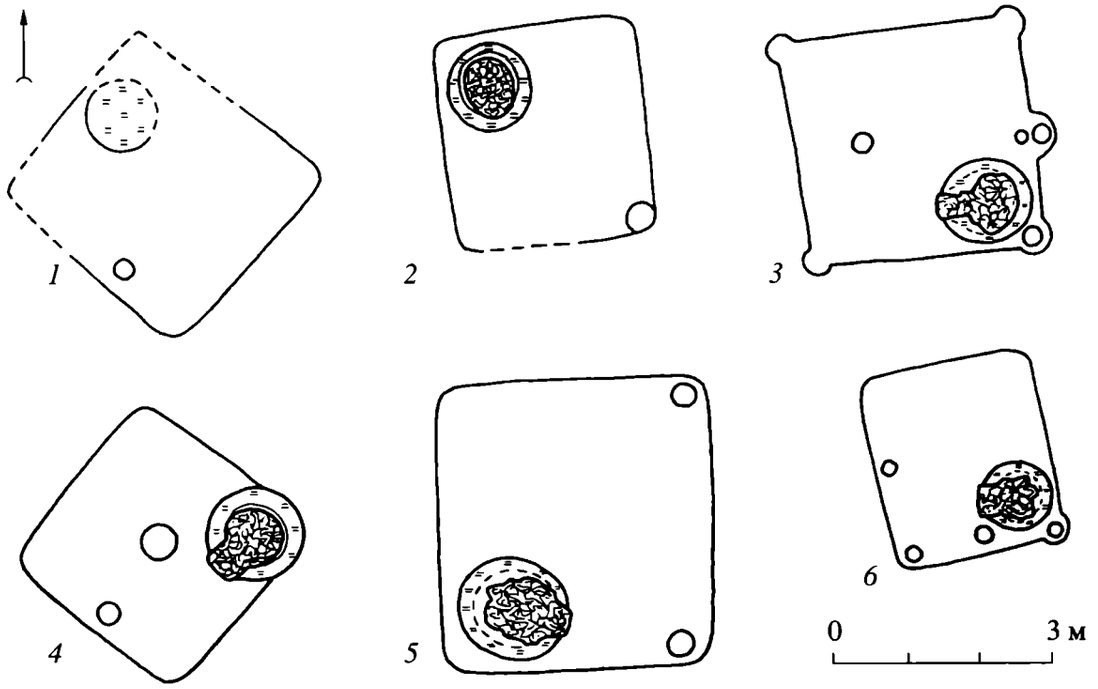


Рис. 4. Размещения столбовых ям и земляных выемок в котлованах: *1*, *2* – по одной яме; *4*, *5* – две ямы; *3*, *6* – применение угловых и серединных выемок (*1* – С-2; *2* – С-1; *3* – С-10; *4* – С-19; *5* – С-8; *6* – С-11).

На дне котлованов, несмотря на нередкие следы пожаров, ни разу не встречены остатки дощатого покрытия пола, что, впрочем, для лесостепи является привычной картиной. Чаще встречающаяся здесь подмазка полов была зафиксирована лишь однажды: в постройке С-9 материковый песок неоднократно, для состояния плотной корки, подмазывался жидкой белой глиной, выходы которой в ближайших окрестностях памятника нам не известны.

Ни в одном котловане не были прослежены следы наружного входа.

Среди остатков построек крайне редко встречалась и глиняная обмазка. Так, всего несколько ее фрагментов найдено в котловане хозяйственного сооружения Г-20. Выше дна котлованов обмазка в небольших количествах была обнаружена лишь в трех случаях: в сооружении С-10 она каким-то образом была связана с упавшим потолочным перекрытием. В лучше стратифицированных постройках С-6 и С-19 обмазка размещалась поверх потолочных засыпок, в то же время принципиально отличаясь от остатков рухнувших вниз печей второго этажа. Наиболее крупные куски обмазки из постройки С-6 сохранили отпечатки обшивки неясного назначения, состоявшей из параллельных рядов нешироких и, видимо, тонких деревянных планок или досок. Таким образом, в жилом строительстве изучаемого поселения обмазка применялась исключительно для оборудования элементов интерьера верхнего этажа. Количественно фрагменты обмазки могут быть сопоставимы, к примеру, с объемом глины, необходимы для предохранения от огня внутренней поверхности печной трубы верхнего этажа, однако соответствующего нагара ни один обломок не содержал.

Как мы видим, раскопками Сампсониева Острова представлена достаточно привычная для исследователей картина домостроительства, весьма типичная для лесостепных регионов Древней Руси. Как обычно для результатов любых более или менее масштабных раскопок, типично и появление отдельных деталей древней техники и быта, не совсем точно вписывающихся в устоявшиеся исторические схемы: это объективно обусловлено неполнотой наших знаний о древних реалиях.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о реальной оценке конструкции углубленных в грунт построек и взаимоотношении полуземляночных жилищ с наземными.

Краткая предыстория вопроса состоит в следующем.

В свое время общепринятым было мнение о том, что любая достаточно углубленная в окружающий грунт южнорусская жилая постройка в древности являлась столбовой полуземлянкой с присущей ей теснотой и низким уровнем освещенности. Конструктивный смысл подобного жилища предполагал принципиальное уменьшение высоты надземных стен, что в условиях южного недостатка в лесоматериалах представлялось единственно разумным решением. Противовесом южнорусской техники выступали изукрашенные

резьбой обширные северные срубные постройки с подклетами и горницами. Эта очевидная разница в основополагающих принципах домостроительства этнически близкого населения объяснялась исключительно историческими традициями патриархального крестьянского уклада.

Со временем в подобных представлениях наметились заметные сдвиги, особенно они проявились после выхода в свет монографического исследования П.А. Раппопорта (1975), который, в частности, оговорил условность применения понятия "полуземлянка" применительно к котлованам различной степени углубленности (Раппопорт, 1975. С. 116). К этому времени в литературе уже имелись отрывочные сведения о фактическом несоответствии размеров археологических котлованов наземным срубным довершениям некоторых построек в Среднем Поднепровье (Раппопорт, 1975, С. 127). Тем не менее отсутствие развернутого объяснения этих наблюдений на многие годы сохранило в литературе представления о полуземляночном характере и каркасно-столбовой конструкции южнорусского жилья (Раппопорт, 1975. С. 116; Раппопорт и др., 1985. С. 138).

Должного развития не получила и плодотворная идея об условности применения термина "полуземлянка", что вызвало определенное несоответствие в отражении существовавших в древности реалий. Так, признавая для XII–XIII вв. широкое распространение наземных построек по всей территории Руси, исключительно "полуземляночными" были объявлены экономически наиболее развитые регионы Среднего Поднепровья, – Киевщина, Переяславщина и Чернигово-Северские земли (Раппопорт, 1975. С. 127; Раппопорт и др., 1985. С. 139, 140).

Версия о господстве здесь полуземлянок в 1978 г. была сильно поколеблена Г.В. Борисевичем, предложившим новые методические подходы к изучению остатков древнерусских построек. Исследователь наглядно показал, что относительно неглубокие котлованы, ранее относимые к полуземлянкам, принадлежали к углубленной части наземных срубных сооружений, в большинстве представлявших собой аналог лучше известных северных наземных двухэтажных построек и сооружений на подклетах (Борисевич, 1978. С. 284, 286).

Эта работа, которая привела археологические источники в полное соответствие с мнением письменных, внешне не вызвала в литературе заметного резонанса. Тем не менее основные выводы Г.В. Борисевича сыграли положительную роль. К примеру, исследователями признано, что основная масса жилищ Верхнего Киева была наземной и в большинстве случаев двухэтажной (Толочко, 1980. С. 77). Наиболее яркие примеры срубного строительства известны из раскопок Подола, а над неглубокими котлованами Верхнего города возводились столбовые (фахверковые) постройки (Толочко, 1981. С. 66–73). Еще более выразительным оказалось сопоставление основных элементов массовой застройки "полуземляночного" Верхнего города и срубного Подола (Толочко, 1981. С. 76, 77). В последующие годы срубные наземные постройки и жилье на подклетах были исследованы на обширных территориях Киевского и Черниговского Поднепровья (Блажевич, 1983. С. 102; Петрашенко, 1997. С. 126; Козюба, 1998; Веремейчик, 1996. С. 69; Шекун, Веремейчик, 1997. С. 71).

К настоящему времени сооружения с неглубокими земляными котлованами, кажется, уже никто не интерпретирует как остатки полуземлянок, не совсем ясен лишь их конструктивный характер, поскольку во многих случаях они сопровождаются различным количеством столбовых ям.

На Переяславском Посулье наземные жилые постройки с незначительно углубленными котлованами в свое время раскапывались нами на размещенном высоко над уровнем поймы городище и посаде летописного г. Снепорода. Постройкам Сампсониева Острова, представляющего собой первую надпойменную террасу, также свойственны неглубокие котлованы. Существование одинаково мелких сооружений на памятниках, размещенных в различных гидрологических и почвенных условиях, указывает на вероятность того, что одинаково неглубокие котлованы присущи особому виду строительных объектов.

Определенную уверенность в формировании подобного представления нам придали наблюдения над остатками двухкамерной постройки С-6, представляющими наиболее крупное по площади жилое сооружение с двумя печами и содержавшее в заполнении большое количество находок. Ее незначительно (на 0.5 м) углубленный в материк котлован в плане имел подквадратную форму и размеры 4.7 × 4.2 м (площадь 19.9 м^2).

Вокруг основного котлована были прослежены три насыщенных скопления и отдельные полосы древесного тлена от нижнего венца наземного сруба, который возводился отступя 30–50 см от краев материкового углубления. По этим остаткам сруб реконструируется как квадратное в плане сооружение со стороной 5 м, что соответствует двум великим саженям (4.98 м). Площадь получившейся в результате реконструкции фигуры насчитывает 25 м^2, т.е. она на 25% больше площади углубленного котлована (рис. 5).

Итак, постройка С-6 представляла собой наземную срубную постройку с углубленной на 0.5 м центральной частью, содержавшей одновременно два отопительных устройства. Этим особенности жилого сооружения не исчерпывались: стратиграфическими наблюдениями в заполнении котлованы были выявлены остатки пожара со следами потолочного перекрытия, поверх которого прослеживались скопления обожженной глины. При-

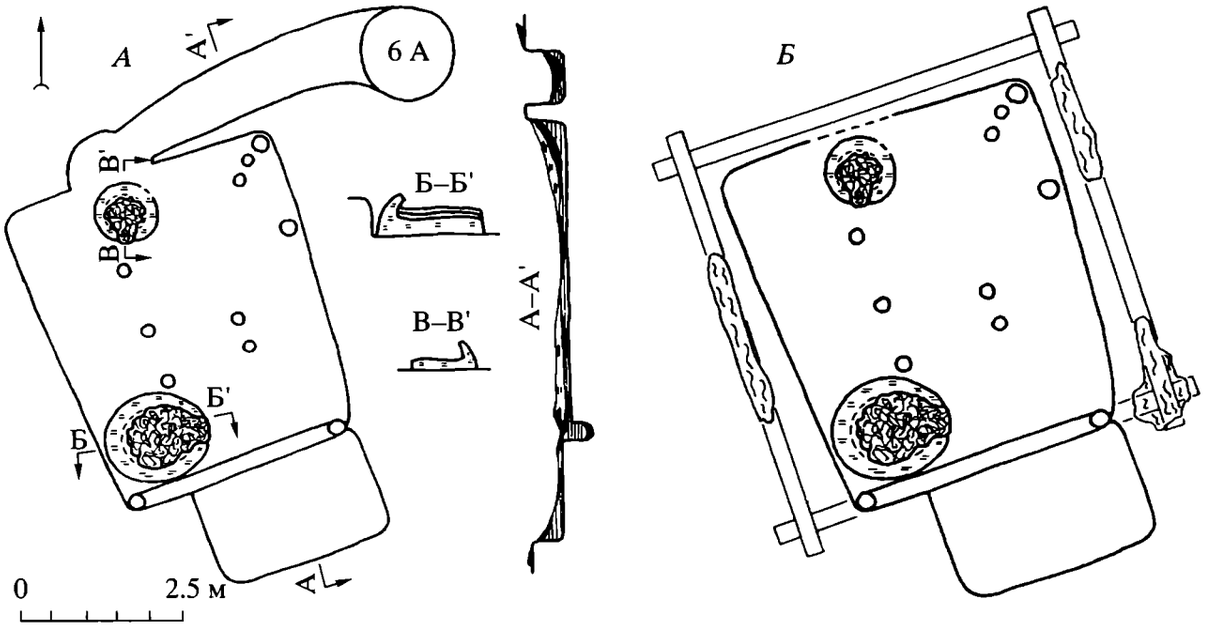


Рис. 5. Наземная срубная постройка С-6 с углубленным котлованом: А – план и профиль сооружения; Б – реконструкция нижнего венца наземного сруба по скоплениям древесного тлена.

мечательно, что среди этих скоплений хорошо различались как следы обмазки с отпечатками узких досок, так и фрагменты печины с опознаваемыми обломками третьей печи, очевидно, устроенной на верхнем этаже дома. Следы пожара, не содержавшие печины, стратиграфически перекрывали и остатки небольших сеней, пристроенных к сооружению с юга, и производственный комплекс (С-6А), размещавшийся к северу от постройки.

Аналогична ситуация и с постройкой С-10, где после пожара верхняя печь упала и перекрыла стоявшее на дне котлована другое отопительное сооружение, а обгоревшие субструкции потолочного перекрытия выходили за пределы углубленной в материк части. И в этом случае второй этаж мог опираться только на срубную несущую конструкцию, вынесенную за пределы котлована. Две последние постройки можно считать двухэтажными, так как стационарными отопительными устройствами были снабжены оба жилых строительных яруса.

Возвращаясь к вычисленному выше 25-процентному соотношению между наземной и углубленной частями жилых сооружений, необходимо оговориться, что мы далеки от стремления диагностировать им постоянную и реальную пропорциональность элементов наземных построек: оснований для этого слишком немного.

Тем не менее с известными оговорками применение этого коэффициента может дать несколько более ясное представление о величине наземных срубов. Так, если вновь обратиться к котлованам средней размерной величины (площадь от 7.1 до 11.2 м^2), то применение коэффициента очерчивает возможные размеры срубов площадью от 8.9 до 14 м^2. Данные размеры построек вполне сопоставимы с размерами двух типов срубных клетей оборонительного вала городища Сампсониев Остров (9.7 и 13.7 м^2). Близки они и к величине среднего однокамерного жилища Верхнего города в Киеве (12 м^2: Гупало, 1981. С. 111).

Для группы основного массива наибольших котлованов Сампсониева Острова, имеющих размеры от 13 до 15.6 м^2, применение гипотетической поправки покажет площадь от 16.3 до 19.5 м^2. Вероятно, совсем не случайно эти цифры близки размерам срубных клетей древнекиевского Подола второй половины XII в. (15–20 м^2: Сагайдак, 1991. С. 121). За пределами вычислений размеров сооружений этой группы осталась постройка С-6 с площадью ее наземной срубной части (основной камеры) 25 м^2: она необычна для нашего сельского поселения и по иным признакам. Но неслучайность вычислений в какой-то мере подчеркивается ее соразмерностью с однокамерными срубными жилищами киевского Верхнего города (24.8–26 м^2). Довольно близка к 25-процентному соотношению и разница в величине срубных построек обеих частей Древнего Киева.

К сожалению, остатков построек с сохранностью, близкой с объектом С-6, на Сампсониевом Острове более не встречено, поэтому продолжим анализ раскопанных сооружений под иным углом зрения.

В разных местах памятника нами изучены три жилых сооружения без хорошо сохранившихся отопительных устройств (рис. 6). Котлован позднероменской постройки (Г-24) был углублен на 0.7 м от уровня материка, а сооружения второй половины XII в. (С-7 и С-18) – на 0.4 и 0.5 м. В плане

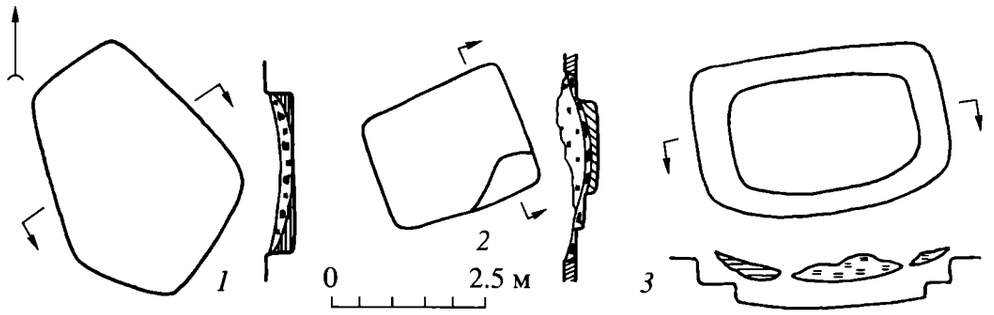


Рис. 6. Остатки построек с неотапливаемыми подклетами и упавшими с верхних ярусов печами: *1* – С-7; *2* – С-18; *3* – Г-24.

сооружения имели различную форму, а размеры уже упоминавшейся среди группы наименьших котлованов постройки С-18 насчитывали всего 4.9 м^2. Все три постройки объединены общим стратиграфическим признаком, это следы потолочных перекрытий, несущие многочисленные остатки разрушившихся от падения сверху отопительных устройств. В котловане С-7 печина рассыпалась почти равномерно по всей площади углубления, в других случаях она сохранилась в виде более или менее толстых подушек, но во всех трех случаях прогнутые к середине дна котлована субструкции потолочного перекрытия выходили далеко за пределы углубленной части построек.

Полное отсутствие в котлованах и около них каких-либо следов столбовых опорных конструкций показывает, что перед нами остатки срубных наземных построек с холодным (хозяйственным?) подклетом и обогреваемым жилым вторым ярусом.

Выход следов сгоревших субструкций верхнего этажа за пределы котлована, равно как и удручающе скромные размеры некоторых углубленных частей (например, С-18), показывают, что действительные размеры жилого наземного сруба на самом деле были более значительными, чем углубленные в материк котлованы, ранее интерпретировавшиеся как "полуземлянки". В действительности это остатки построек наземных, в подклетах которых для различных хозяйственных нужд население устраивало углубления разного рода, форм и размеров. Пример подобного углубления подклетов в Карелии приводился Г.В. Борисевичем (1978. С. 286).

Двухъярусные постройки на холодных подклетах на территории лесостепного Левобережья Днепра периодически встречаются еще на роменских памятниках финальной фазы существования этой культуры (Григорьев, 2000. С. 95, 100), а в поздние времена они известны вплоть до XVII–XVIII вв. (Чижикова, 1988. С. 72, 88).

Приведенные выше наблюдения могут объяснить сложившееся в литературе представление о разнице в размерах срубных наземных северных построек и менее обширных южных "полуземлянок".

Итак, на данный момент установлено, что из 20 жилых построек со слабо углубленными материковыми котлованами по стратиграфическим показателям достоверно наземный характер с двухъярусным вертикальным членением и срубной конструкцией стен на Сампсониевом Острове имели пять объектов изучения. Следовательно, техника создания многоэтажных жилых построек не являлась прерогативой крупных городов, а практиковалась и на скромных сельских поселениях.

В определении конструкции иных построек интересен и характер сочетания отопительных устройств со стенками углубленных котлованов.

Известно, что соображения противопожарной безопасности не допускают непосредственного соприкосновения печей с деревянными стенами жилья. Следовательно, для размещения несущих стеновых конструкций внутри котлованов необходимо наличие определенного зазора между печами и земляными стенками углубленной части сооружения. В силу этого было бы логичным представление о том, что в случаях непосредственной конструктивной связи отопительных устройств с земляными стенками котлованов несущие стены постройки должны были выноситься за пределы углубленной части сооружения.

Выше уже были показаны три варианта подобной тесной взаимосвязи: а) печи вплотную соприкасались с земляными стенками (С-6, С-9, Г-17); б) печи были врезаны в стенки (С-3, С-5, С-12, Г-14, С-19, С-22, С-25); в) печь устраивалась на верхнем краю котлована (С-16). Таким образом, ввиду отсутствия следов внутреннего (в котлованах) и внешнего столбового каркаса подобное размещение отопительных сооружений может отражать исключительно наземный и срубный характер конструкции еще десяти жилых построек с углубленными в материк котлованами.

Для нашего краткого обзора немаловажен и вопрос о наличии в постройках столбовых ям: ког-

да-то именно с неглубокими котлованами связывалось представление о столбовых несущих конструкциях (Толочко, 1972. С. 118). Позже мнение о решительном преобладании в Южной Руси "полуземлянок со столбовой конструкцией стен" стало общепринятым (Раппопорт и др., 1985. С. 140). Подобное толкование предполагает наличие в котлованах четырех (по углам) или восьми (включая середины боковых сторон) столбовых ям. На деле нередко приходится слышать о недоумении исследователей по поводу довольно часто встречающегося в полевой практике "некомплекта" столбовых пар и отсутствия значительных следов глиняной обмазки в подобных жилищах (как известно, непромазанные каркасно-столбовые конструкции плохо держат тепло).

Рассмотрим практику применения несущих столбов в постройках Сампсониева Острова.

В уже упоминавшейся выше постройке С-6 пятью близкими по размерам углублениями были маркированы две (?) продольные осевые линии опорных столбов, поддерживавших середину обширного потолочного перекрытия. В южной части котлована еще одна пара столбов скрепляла горизонтально лежавшее бревно на границе теплого помещения с сенями. Это конструктивное звено в нижней части служило частью облицовки земляного котлована, а на дневной поверхности оно сменялось нижним венцом несущей срубной стены. Неясной осталась функциональная нагрузка еще двух столбовых ям, помещенных в северный угол и около середины восточной стены земляного котлована.

С одной стороны, эти ямы было бы привычным связать с внутренней каркасно-столбовой конструкцией жилища, тем более, что большая площадь углубленной части сооружения вполне позволяла устроить несущие стены внутри котлована. С другой стороны, выше уже было установлено существование для этой постройки наземного деревянного сруба. В то же время "некомплектные" столбовые элементы были физически не приспособлены для опорной нагрузки, а имели какое-то иное назначение.

Очевидно, это именно тот случай, на котором в свое время настаивал Г.В. Борисевич: вынесенные за пределы котлована наземные срубные стены здесь сочетаются с каркасно-столбовыми элементами подпорной облицовки полуметровых земляных стенок углубленного котлована (Борисевич, 1978. С. 284). Южная торцовая стенка котлована была закреплена бревнами наиболее прочно, поскольку входной порог подвергался дополнительным нагрузкам, а по иным стенкам или облицовка делалась менее аккуратно, или предполагала менее прочную конструкцию, сохранившуюся лишь частично.

Абстрагируясь от вариантов с единичными опорами, которые могут оказаться и случайностью, рассмотрим примеры котлованов с несколькими столбовыми ямами. Таковых на Сампсониевом Острове встречено немного, это остатки построек С-8, С-10 и С-11 (рис. 4).

Во всех трех случаях угловые и пристенные столбовые ямы не насчитывают необходимого для создания прочной несущей конструкции количества. Конечно, в единичных примерах, в условиях черноземовидного культурного слоя, пронизанного обилием кротовин, невозможно полностью исключить вероятность существования в древности несколько большего, чем мы проследили, количества несущих столбов, но в данном случае и при отсутствии глиняной обмазки явление приобретает симптоматичный характер.

Не соответствуют предоставлению о столбовой конструкции и размеры котлована постройки С-11, насчитывающего всего 6 м^2. Его слишком незначительная площадь, еще более уменьшавшаяся в случае размещения внутри него опорной конструкции, никак не допускала бы интерпретации этой постройки в качестве стационарного жилья.

В ином примере котлован постройки С-10, содержавший аналогичные столбовые ямы, сохранил остатки потолочного перекрытия с обломками упавшей сверху второй печи: эти субструкции выходили за пределы углубленного котлована, следовательно, несущая конструкция размещалась вне пределов последнего. Думается, то аналогичным образом можно интерпретировать подавляющее большинство других случаев существования "некомплектных" столбовых ям в постройках с незначительно углубленными земляными котлованами.

В результате нашего толкования конструкций несущей срубной стеной и краем котлована в интерьере неминуемо оставалась земляная ступенька. Аналогичные ступеньки-"лавки" хорошо известны на Левобережье в полуземлянках предшествующей Древней Руси роменской культуры. Подобные же приступки реже, но все же встречаются и в древнерусских углубленных постройках XII–XIII вв. Их высота здесь насчитывает 20–40 см при ширине от 30 до 70 см (Раппопорт и др., 1985. С. 140).

На Сапсониевом Острове реальными следами существования ступенек-лавок внутри срубных наземных жилых построек являются артефакты, найденные непосредственно на краях котлованов. Среди них в наибольшем числе представлены оселки, ножи и наконечники стрел. Найдены также: развал гончарного сосуда, ключ, керамический кружок с отверстием, подпружное кольцо, обломок сошника, железной пластинки и даже череп лошади. Находки встречены при 10 постройках из 20, т.е. случайность в данном случае исключена.

Все указанные предметы располагались узкой полосой вдоль края углубления: в восьми случаях эта полоса насчитывала 10–30 см (С-3, С-7, С-8, С-9,

С-12, С-22, С-23, С-25). По периметру постройки С-6 полоса порой расширялась до 50 см и точно соответствовала прослеженной по древесному тлену ширине промежутка между котлованом и нижним венцом сруба: в северной части объекта она была уже, чем в южной. И, наконец, вокруг котлована С-11, который, как мы видели выше, был слишком невелик для отражения реальных размеров постройки (6 м^2), краевая полоса достигала ширины 50 см. Добавление лишнего метра к линейным параметрам котлована этой постройки (50 см к ее каждому краю) в итоге давало вполне реальную площадь наземного сруба – 11.9 м^2, сопоставимую с величиной среднего однокамерного жилища Верхнего города в Киеве (Гупало, 1981. С. 111). Небезынтересно также, что 50-сантиметровая разница между размерами углубленной и наземной составляющих прослеживалась, к примеру, и в постройках средневековой Болгарии (Балабанов, 1988. С. 13).

Длительность традиции создания в жилищах ступенек-лавок прослеживается по этнографическим параллелям: одной из типичных деталей интерьера крестьянской избы XIX в. на изучаемой территории являлись деревянные лавки, установленные по периметру стен. Примечательно, что несмотря на вполне транспортабельный материал, из которого они были изготовлены, их реликтово продолжали плотно прикреплять к стенам жилища (Чижикова, 1988. С. 109).

Между тем прослеженная на материалах постройки С-11 50-см ступенька между облицовкой котлована и несущими срубными стенами своим существованием противоречит выведенному выше гипотетическому коэффициенту: при столь широком уступе площадь наземной части не на 25%, а вдвое больше площади котлована. Вероятно, это исключение можно связать со столь же исключительно небольшой площадью земляного заглубления: задачи создания привычных условий жизни для обитателей постройки С-11 в данном случае потребовали и устройства более широкого зазора между углублением и срубными стенами.

В итоге нашего краткого анализа выяснилось, что из остатков 20 изученных построек 17 с достаточной степенью надежности были объяснены как срубные наземные с незначительно углубленными в материковый грунт котлованами, облицованными строительными конструкциями иного характера. Из оставшихся сооружений только 2 (С-2 и С-8) с известными оговорками могли иметь каркасно-столбовую конструкцию несущих стен: для этого они имели достаточные размеры (10.9 и 15.6 м^2), отопительные устройства, не прилегавшие к стенкам земляных котлованов, в которых археологически прослежены соответственно 1 и 2 столбовые ямы. С определенной долей вероятности в этот список можно было бы внести и остатки постройки С-1, сильно пострадавшей в процессе современной производственной деятельности, но площадь ее котлована (8.4 м^2) все же не представляется нам достаточной для размещения внутри него несущих кровлю стен.

В целом домостроительство рядового сельского поселения Сампсониев Остров, расположенного на далекой степной окраине Переяславской земли, вероятно, должно отражать картину южно-русских строительных традиций второй половины XII – первой половины XIII в. В этом плане особый интерес представляет тот факт, что археологические остатки подавляющего большинства построек при проверке по различным признакам и их сочетаниям оказались наземными срубными жилыми сооружениями. Кроме того, из 20 жилых объектов два дома были двухэтажными, а 3, в том числе и постройка позднероменского времени, были возведены на срубных неотапливаемых подклетах.

Близкая картина постепенно вырисовывается по всей территории Южной Руси, а ее кристаллизация напрямую связана с максимально кропотливым стратифицированием остатков жилых и хозяйственных сооружений.

В этом плане южнорусское домостроительство XII–XIII вв. практически ничем не отличалось от северного, как и достаточно единообразными, к примеру, после их кропотливого изучения стали для нас киевские постройки Подола и Верхнего города. Кажущееся различие в домостроительстве этнически единого населения оказалось обусловленным лишь консервирующими свойствами культурного слоя, связанными с почвенно-гидрологическими условиями, и только в значительно меньшей степени с различной возможностью обильного использования древесных стройматериалов.

По всей видимости, на протяжении домонгольского времени в Южной Руси действительно происходил переход от типичной роменской полуземлянки к наземным постройкам путем уменьшения глубины котлованов, устройства для них индивидуальной облицовки и выноса срубов за пределы заглубленных частей жилых сооружений. Но, судя по новейшим археологическим материалам, этот процесс начался еще в роменский период, а в XII–XIII вв. наземные постройки количественно преобладали даже на глухих степных окраинах лесостепного Левобережья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балабанов Т. Массовое жилище в Плиске (VIII–XI вв.) // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988.

Блажевич Н.В. Житла давньоруського Чучина // Археологія. 1983. Вип. 44.

Борисевич Г.В. Рец.: Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е1–32. Л., 1975 // СА. 1978. № 4.

Веремейчик О.М. Матеріальна культура сільского населення IX – п.п. XIII ст. межиріччя Нижньої Десни та Дніпра // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янской археології. Київ, 1996.

Григорьев А.В. Северская земля в VII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гупало К.Н. Конструктивные типы древнекиевских построек // Толочко П.П., Боровский Я.Е., Вознесенская Г.А. и др. Новое в археологии Киева. Киев, 1981.

Козюба В.К. Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленного житла XI–XIII ст.) // Археологія. 1998. № 1.

Петрашенко В.О. Поселення Канівського Под-ніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.

Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1–32.

Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Жилище // Древняя Русь. Город. Замок. Село. Археология СССР. М., 1985.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Київ, 1991.

Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972.

Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980.

Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. М., 1981.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988.

Шекун О.В., Веремейчик О.М. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997.

Some Features of House-building at the Dwelling Site of Sampsoniev Ostrov on the Middle Sula River

Yu. Yu. Morgunov

Summary

In the article the investigations of ancient Russian dwellings at the rural settlement of Sampsoniev Ostrov are presented. The site is situated in eastern part of Pereyaslayaslavl land, far from significant urban centres. The dwellings discovered at the settlement had shallow subterranean divisions, which is typical of surface buildings. Having examined the material the author demonstrates that 5 of the total 20 dwellings had log walls, two of these houses appeared to be two-storied ones, and three had non-heated lower divisions. The latter are similar to well-known log dwellings of North Russia. The houses where the ovens were attached to the walls of the sunken parts could only have surface walls also. The same concerns the subterranean constructions where separate post-holes were cleared up, since only pair number of posts could provide a strong framework for wall construction. Evidently, separate post-holes discovered in the sunken divisions of the dwellings indicate the existence of different patterns of house-building: framework lining the dwelling's underground part, and surface log walls. The results obtained prove that in the 12th – 13th cc. even on the distant forest-steppe fringes of ancient Rus' the lading type of dwellings was not semi-subterranean one, but surface log buildings, often two-storied ones, or with the upper part built above the non-heated lower division.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 67–80

ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КОНЦА XV–XVI вв. ИЗ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

© 2002 г. А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии УрОРАН

На левом притоке Нижней Оби – реке Ендырь, в 68–70 км к ЮЮВ от г. Нягань в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл. расположены городок Эмдер и могильник Ендырский I, образующие единый поселенческо-погребальный комплекс. Сведения о городке и его обитателях сохранились в фольклоре южных хантов (Былина..., 1900. С. 10–17). Научная значимость данного комплекса становится очевидной, если обратиться к состоянию изученности позднесредневековых памятников таежного Обь-Иртышья.

В периодизации средневековых древностей Нижнего Приобья, предложенной В.Н. Чернецовым, материалы первой половины II тыс. н.э. объединены в рамках кинтусовского этапа X–XIII вв. (Чернецов, 1957. С. 213–237). В последующие годы эта схема почти не претерпевала изменений, что нашло отражение в итоговом исследовании, подготовленном В.А. Могильниковым в соответствующий раздел многотомной "Археологии СССР" (Могильников, 1987. С. 163–235). Следует признать, что наиболее уязвимым местом обеих работ была и остается неразработанность хронологии материалов и находок, относящихся к XIV–XVI вв.

В последние годы наметился устойчивый интерес исследователей-сибириеведов к археологическим объектам XIII–XVII вв. Так, раскопки серии могильников и поселений в Сургутском Приобъе позволили екатеринбургским археологам значительно уточнить периодизацию Чернецова–Могильникова. Они обосновали выделение сайгатинского этапа XIII–XVI вв., который, соответственно, сменяет кинусовский (Федорова и др., 1991. С. 141–142). Позже нижняя граница сайгатинского этапа была незначительно скорректирована – конец XI – середина XII в. (Чемякин, Карачаров, 1999. С. 58, 59. Рис. 19, 20).

К настоящему времени на территории Северо-Запада Сибири изучены раскопками могильники, поселения, городища, единичные святилища, а также выявлено множество случайных находок, которые относятся к XII–XV вв. (Чемякин, Карачаров, 1999. С. 205–212; Зыков и др., 1994; Сокровища Приобья, 1996). Вместе с тем поздние сайгатинские памятники и материалы XV–XVI вв., отражающие культуру таежных аборигенов Обь-Иртышья накануне включения региона в состав Русского государства, представлены крайне фрагментарно. На этом фоне публикация поселенческо-погребального комплекса Эмдера конца XV–XVI в. представляется очень актуальной. Новые материалы необходимы как для обоснования хронологии позднесредневековых древностей Западной Сибири, так и для понимания процессов в недрах таежного общества, которые в итоге привели к сложению такого исторического феномена, как остяцкие и вогульские княжества.

Городок Эмдер (гор. Ендырское I) расположен на высоком (37.5 м) левом берегу реки, в верхнем ее течении. Памятник удален от водотока на 80 м и занимает оконечность мыса, образованного склоном коренного берега и глубоким логом, уходящего под прямым углом вглубь террасы (рис. 1). Площадка находится на вершине холма, заросшего черемухой. Его склоны заняты темно-хвойным и смешанным лесом. Наличие в почве гумуса угадывается по наличию крапивы, пиона отклоняющегося и различных видов зонтичных трав.

Вершина холма имеет форму неправильной окружности, ее размеры 34 × 28 м. Высота холма над уровнем напольной поверхности 5–6 м. С юга и востока от холма видны остатки оборонительной стены (вал) и два заплывших рва: один – в основании холма, другой – перед валом.

Тремя раскопами общей площадью 230 м^2 обследованы остатки сооружений жилой площадки и фортификаций. В ходе работ выделены девять строительных горизонтов (с.г.), по которым установлена последовательность застройки городища в период с VI–VII по конец XV–XVI в. Непрерывное существование крепости в рамках позднекинтусовского-сайгатинского этапов (с конца XI по XVI в.) демонстрируют напластования 2–9-го с.г. Интересующие нас напластования 9-го с.г., синхронные мог. Ендырскому I, содержали наибольшее количество фрагментов деревянных конструкций и иных органических остатков.

С 9-ым с.г. связаны остатки наземных жилищ 1–2, двух построек, проходной башни, бревенчатой башни, бревенчатой мостовой, выхода из крепости, внешних и внутренних оборонительных стен и двух рвов (рис. 2, 3).

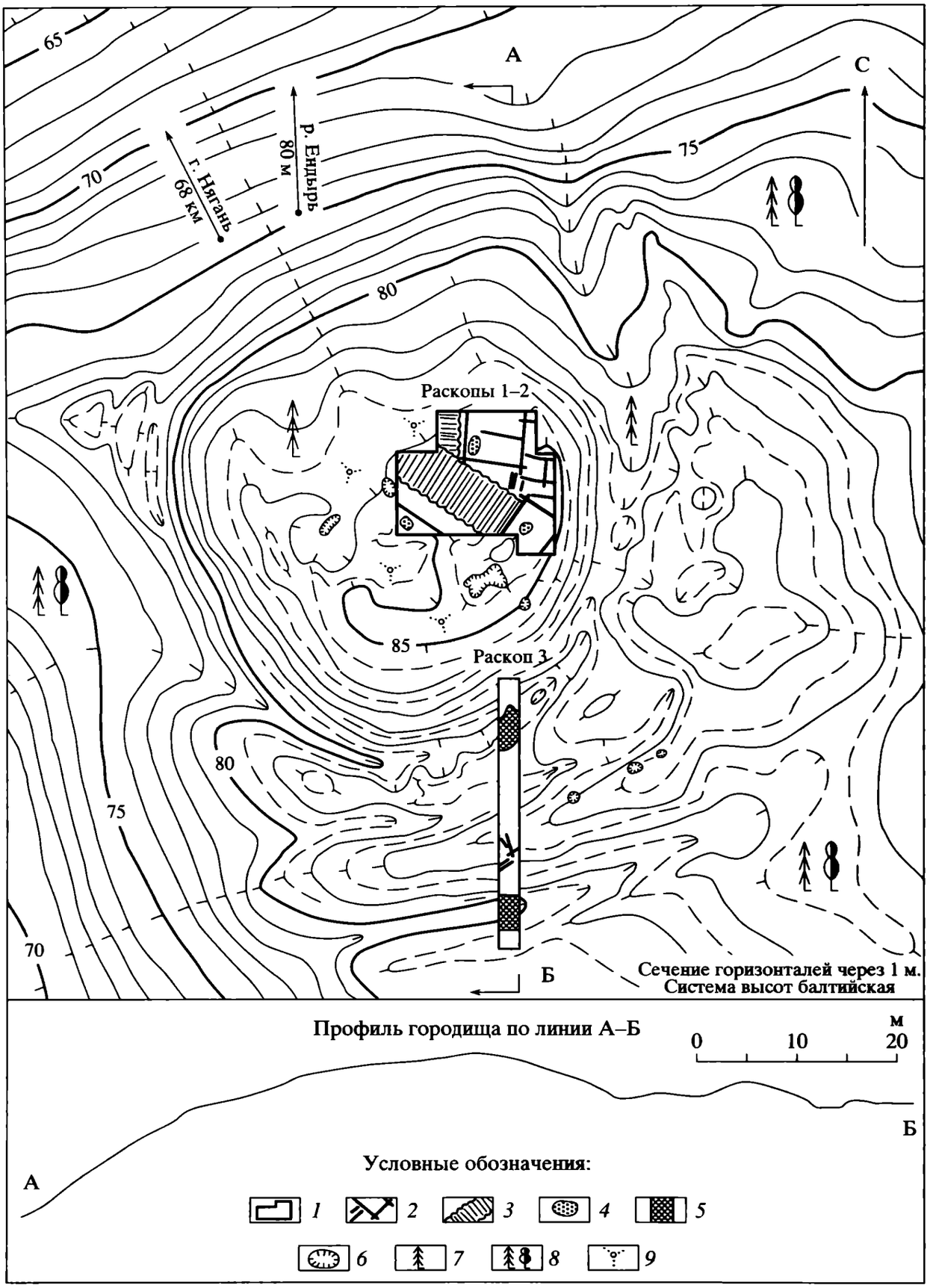


Рис. 1. Городище Ендырское I (городок Эмдер). План расположения раскопов 1–3. Условные обозначения: *1* – очертания раскопов; *2* – нижние венцы срубов и деревянные конструкции 9 с.г.; *3* – мостовая; *4* – глиняные подушки чувалов; *5* – фрагменты раскопанных рвов; *6* – грабительские шурфы; *7* – темно-хвойный лес; *8* – смешанный лес; *9* – заросли черемухи.

Рис. 2. Остатки сооружений 9-го с.г. на городищенской площадке. Условные обозначения: *1* – остатки деревянных конструкций и срубных построек; *2* – столбы; *3* – угли; *4* – камни; *5* – остатки очагов-чувалов; *6* – ямы и углубления; *7* – грабительский шурф.

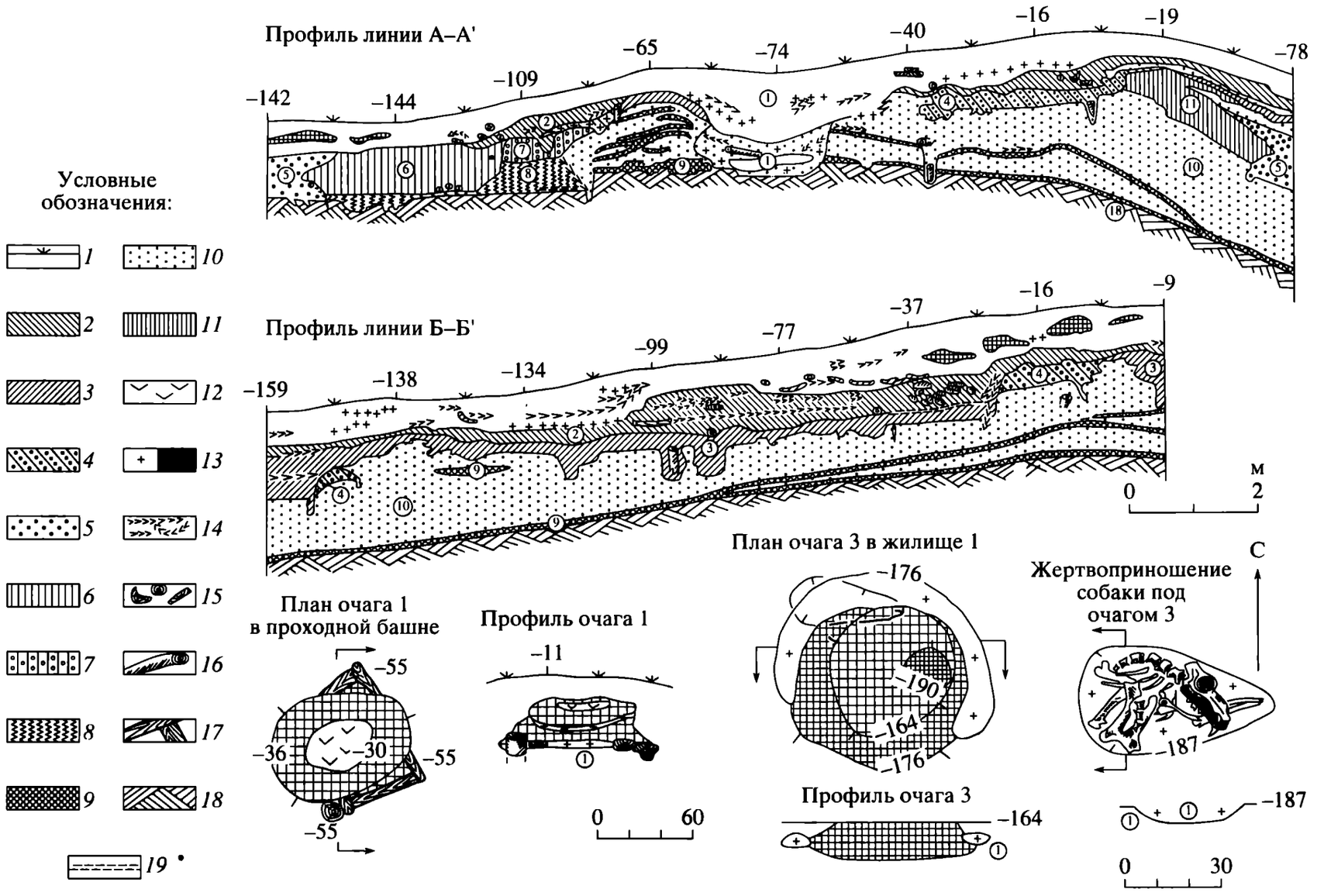


Рис. 3. Профили раскопа Ендырского I городища, планы и профили чувалов и жертвоприношения собаки. Условные обозначения: *1* – дерновый слой и напластования 9-го с.г.; *2* – напластования 8-го с.г.; *3* – напластования 7-го с.г.; *4* – напластования 6-го с.г.; *5* – напластования 5-го с.г.; *6* – напластования 4-го с.г.; *7* – напластования 3-го с.г.; *8* – напластования 1-го с.г.; *9* – погребенный подзол; *10* – переотложенный желтый материковый песок; *11* – падающие слои 2–4-го с.г. на склоне холма; *12* – зола; *13* – угли и углистые прослойки; *14* – древесный тлен; *15* – торцы бревен и досок; *16* – столбы и бревна; *17* – деревянные конструкции; *18* – материк; *19* – береста.

Жилище 1 расположено на уч. П–Т/4–6. В раскоп вошли его южная стена, юго-восточный и юго-западный углы (уч. С–Т/6 и П/5–6). Длина южной стены составляет 6.3 м. Судя по древесным остаткам и их расположению, оно было срубной конструкции. Самое крупное бревно длиной не менее 6 м, шириной более полуметра лежало в основании восточной стены. На уч. Т/4 под него был подведен большой выравнивающий столб. Восточная стена жилища образовывала единое целое с крепостной стеной.

В пределах жилища 1 отмечены остатки пяти разновременных очагов-чувалов, три из которых (№ 1–3) располагались в различное время в центральной части помещения. Они представляли скопления необожженной глины с включениями золы, угля и прокаленной обмазки. Очаги хорошо заметны на фоне углистого заполнения постройки. Судя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, самым ранним из них был очаг 3, который перекрыт очагом 2. Очаги 2 и 5 лежат в целом выше очагов 1 и 3.

Очаг 3 – самый крупный из числа центральных (рис. 3). Он любопытен тем, что под северной его частью на ур. –187 см находилась строительная жертва: костяк собаки без нижней челюсти, задних и передней правой конечностей. По костяком лежала лучевая кость медведя (рис. 3).

Из других деталей, прослеженных в жилище 1, следует отметить длинную плаху на уч. Р–Т/5, которая, возможно, маркирует разделение дома на две половины: северную и южную, в каждой из которых находилось по чувалу. В южной камере у восточной стены отмечен настил из 7 плотно лежащих досок, 6 из которых параллельны восточной стенке дома. Их длина достигает 1 м, ширина 19 см. В юго-восточном углу жилища наблюдалось скопление органики (рыбьей чешуи, позвонков, спрессованной травы-осоки). Разлагавшиеся кухонные остатки периодически засыпалась светлым речным песком. В северной части жилища 1 расположены плахи еще одного настила, плахи в котором ориентированы по линии север–юг.

Остатки жилища 2 зафиксированы на уч. М–Н/8–9. Здесь отмечены фрагменты бревенчатой стены дома, стоявшего параллельно мостовой. Расстояние от стены до мостовой 2.5–3 м. Судить о параметрах сооружения сложно, так как оно целиком уходит за пределы раскопа. С ним связан глинобитный очаг подпрямоугольной формы, размерами 74 × 61 × 43 см, ориентированный длинной стороной по линии СВ–ЮЗ.

К северо-западу от очага, на уч. М/8–9, отслежен угол еще одного срубного объекта (?), в котором насчитывается не менее четырех венцов, рубленых "в лапу".

Остатки постройки 1 отмечены к западу от жилища 1, где находился ее юго-восточный угол. О параметрах объекта судить сложно, но можно уверенно отнести ее к числу срубных сооружений. Длина отдельных деревянных деталей достигала 190 см, ширина – 24 см. Ниже угла постройки отмечена крупная яма.

В отличие от других сооружений 9-го с.г. постройка 2 имела углубленный (более 1 м) котлован. Она примыкала непосредственно к мостовой и находилась напротив жилища 1.

Основание проходной башни зафиксировано в юго-восточной части раскопа. Это сруб размерами 6 × 4.5 м, скатанный из различных по длине и ширине бревен, ориентированный длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ. В раскоп вошел один из четырех его углов (уч. Т/7–8). Башня имела деревянный пол, настланный поверх лаг; она отапливалась и освещалась тремя разновременными чувалами.

Очаг 1, перекрывший очаг 2, представлял собой сложную глинобитную конструкцию, которая покоилась на деревянной раме трапециевидной формы (рис. 3), с размерами оснований 66 и 86 см и высотой 54 см, ориентированную сторонами по линии СЗ–ЮВ. На уровне 36 см отмечено пятно прокаленной глиняной обмазки размерами 88 × 69 см, ориентированное по линии СВ–ЮЗ. Пятно подстилалось углистым слоем, мощностью 3–10 см, а внутри содержало линзу золы размерами 45 × 32 × 3 см.

От северо-западной длинной стороны башни через центр городищенской площадки вела деревянная мостовая (Р–Т/6–9). Направляющие ее лаги были перпендикулярны этой стене башни и заходили под нижние венцы ее северного угла. Лаги мостовой образуют линию протяженностью не менее 6 м. Судя по направляющим, ширина мостовой достигала 5.4 м и была почти равна по ширине длинной стороне проходной башни. Настил мостовой образуют плотно лежащие тесаные бревна и плахи длиной 4 м, шириной до 35 см. Они лучше сохранились у северо-западной стены башни, которая была перекрыта слоем щепы и других органических остатков.

От противоположной юго-восточной стены башни вниз по склону холма вели ступени, отмеченные на уч. У/10.

Остатки оборонительной стены террасной конструкции сохранились восточнее жилища 1 и в восточных профилях раскопа. Это фрагменты перерубов, располагавшихся с интервалом 1.2–1.5 м под прямым углом к восточной стене упомянутого дома, которая являлась одновременно внутренней стороной фортификаций. Оборонительная стена была пустотелой. В отсеках много строительного мусора (щепы, стружки), а в одном из них находилась спрессованная куча мха-сфагнума, которым обычно конопатят срубные постройки. С остатками стены связаны также столбы-стулья, с помощью которых она выравнивалась, а

также парные столбы, укреплявшие от расползания нижние венцы срубов.

Раскопом 3 изучены внешние фортификации городища. В основании холма находился ров шириной 2–3.7 м, глубиной 1.45 м от уровня напольной стороны. Его профиль аморфный, на дне фрагменты оборонительной стены, скатившейся по склону. Внешняя оборонительная стена была возведена на почти двухметровой земляной платформе, образовавшейся на месте фортификаций 2–8-го с.г. Перед строительством платформа была выровнена новой подсыпкой, закрывшей пожарище 8 с.г., и впоследствии на ней возвели новую оборонительную стену шириной не менее 2 м. Ров перед валом являлся по существу оплывшим рвом 8-го с.г. Его ширина до 2.6 м, глубина 0.5–0.6 м.

Вещевой материал с памятника представителен, но не во всех случаях удается расчленить его по строительным горизонтам, поскольку крепость, как отмечалось выше, функционировала непрерывно почти 500 лет. Что касается напластований 9-го с.г., то, в отличие от более ранних слоев, они практически не потревожены и не деформированы. Это позволяет уверенно отчленить комплекс поздних находок городища, на рассмотрении которых мы и остановимся.

Коллекция находок 9-го с.г. представлена изделиями из черного и цветных металлов, кости, камня, керамики и фаунистических остатков.

Вещи из железа включают серии ножей, наконечников стрел, очажные крючья, шилья и индивидуальные находки.

Ножи в целом однотипны: они имеют прямую спинку, выступающую над шиловидным черешком четырехгранного сечения, некоторые имели деревянные (из капа) или костяные рукояти. Оригинален кожевенный нож с отогнутым вверх острием (рис. 4, *12*). Его длина 10 см, в том числе лезвия – 6.8 см. На плоском обушке нанесена насечка в виде зигзага.

Из наконечников стрел отметим следующие. Плоские наконечники с одним иногда раздваивающимся асимметрично расположенным шипом у основания килевидного пера (рис. 4, *1*). Наконечники с коротким ланцетовидным пером, длинной массивной четырехгранной шейкой и коротким шиповидным черешком без упора (рис. 4, *3*). Один бронебойный наконечник с кинжаловидным пером ромбического сечения, упором и коротким черешком (рис. 4, *2*).

Очажные крючья (рис. 4, *22*) откованы из железных прутов, чаще всего они лежали возле чувалов. Шилья имели четырехугольное сечение, у одного из них имелась костяная рукоять (рис. 4, *4*). Тонкие плотницкие работы выполнялись стругами (рис. 4, *19*), а обработка кож – скобелями (рис. 4, *21*). О наличии на территории городка кузницы свидетельствуют находки железного молотка (рис. 4, *20*), бракованного калачевидного кресала и обрывки кольчужного плетения. Интерес представляет железная ложка (рис. 4, *23*), имеющая овальный черпак и рукоять из двух перекрученных четырехгранных стержней, которые соединены сваркой на конце рукояти.

Из цветных металлов изготовлены украшения. Они включают серебряную височную подвеску, перстни, лапчатые и одну зооморфную подвески, пуговицы, бубенчик и другие предметы.

Серебряная подвеска (рис. 5, *1*) выполнена из серебряного раскованного стержня, один из концов которого оформлен в "S"-образный завиток. На одной плоскости резцом нанесен узор: ряд заштрихованных треугольников, а на концах стержня – оттиски инструмента в технике "шагания".

Из трех перстней один имел чашку для вставки (рис. 5, *11*), по обе стороны от нее располагались три рельефных пояска. Два других перстнях различаются по материалу и технике изготовления. Один сделан из серебряной пластины (рис. 5, *16*), на его щитке размещен сетчатый узор, составленной из ячеек-ромбов. Узор охвачен по краю щитка чеканной каймой, а внутри разделен на три части. Ромбы заполнены симметричными лучами. Другой предмет (печатка?) отлит из олова (рис. 5, *17*). На подовальном щитке размещена "S"-образная фигура.

Лапчатые подвески западносибирского типа (рис. 5, *24–25*) отлиты в односторонних формах, плоские, отполированные с внешней стороны. Они украшены кантами из "перлов". По центру одного из предметов проходит поясок ромбов, а на концах "лапки" размещены выпуклые окружности (рис. 5, *24*).

Интересна подвеска, представляющая собой стилизованное изображение рыбы (?) (рис. 5, *31*). Отливка имеет овальную форму, на лицевой стороне "перлами" передана линия позвоночника, окружностями обозначены глаза, а параллельными углублениями – жабры. Предмет снабжен петелькой для подвешивания.

Пуговицы и бубенчики сходны по технологии изготовления: они паялись из половинок-полусфер, изготовлявшихся, по-видимому, в технике басмы из тонкого медного листа. Предметы имели петельки для подвешивания. В отличие от бубенчиков пуговицы украшались резным, иногда изысканным орнаментом и покрывались позолотой (рис. 5, *3*). Бубенчики (рис. 5, *19*) имели в нижних створках отверстия, соединенные прорезью, и снабжались билом.

Из прочих предметов отметим серьгу в виде знака "?" с напускной бусиной плохой сохранности, и найденные в оборонительной стене восемь медных полусфер, из которых могли быть изготовлены, например, наборные височные кольца (рис. 5, *15*).

Предметы из кости включают большое количество находок со следами резания, строгания, а

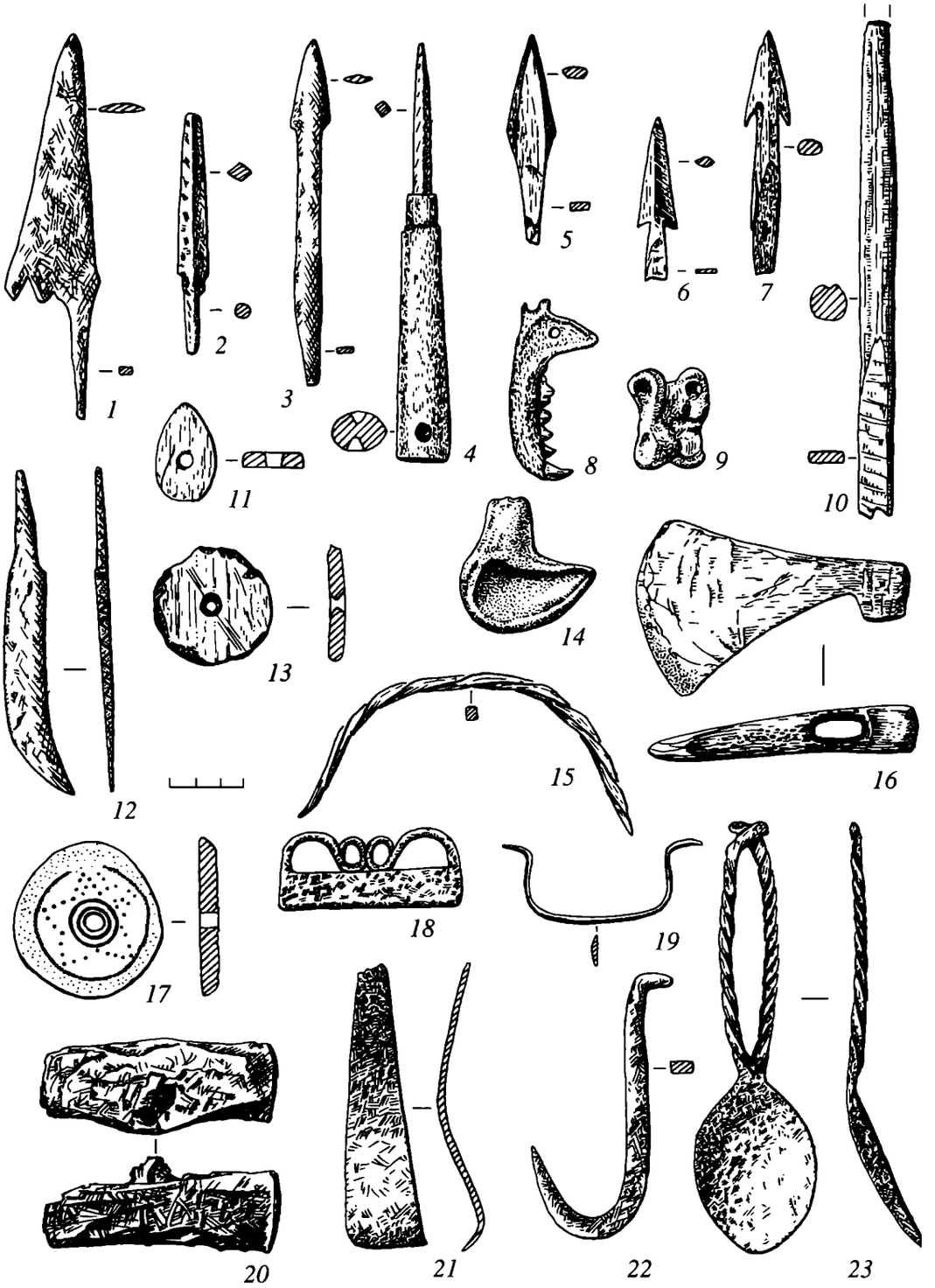


Рис. 4. Находки из напластований 9-го с.г. гор. Ендырского I: *1–3, 5–7, 10* – наконечники стрел; *4* – шило; *8, 9* – подвески из челюсти соболя и астрагала овцы; *11* – костяное изделие; *12* – нож; *13, 17* – пряслица; *14* – льячка; *15* – браслет; *16* – модель боевого топора; *18* – кресало; *19* – струг; *20* – молоток; *21* – скобель; *22* – очажный крюк; *23* – ложка: *1–3, 12, 18–23* – железо; *4* – железо и кость; *5–11, 16* – кость; *13–14* – керамика; *15* – медь; *17* – камень.

также явные изделия. Среди последних вычленяются разнообразные наконечники стрел (рис. 4, *5–7, 10*), подвески из половинок нижних челюстей соболя или куницы (рис. 4, *8*), единственная подвеска из астрагала овцы (рис. 4, *9*), детская игрушка в виде уменьшенной модели боевого топора (рис. 4, 16). Кроме того, в коллекции есть кости крупных млекопитающих со следами залощения и предметы неясного назначения (рис. 4, *11*).

Подавляющее количество каменных орудий представлено абразивным инструментом: оселками и шлифовальными плитами. Они несут на себе характерные следы сточенности. На мостовой, неподалеку от башни, найдены каменные грузила

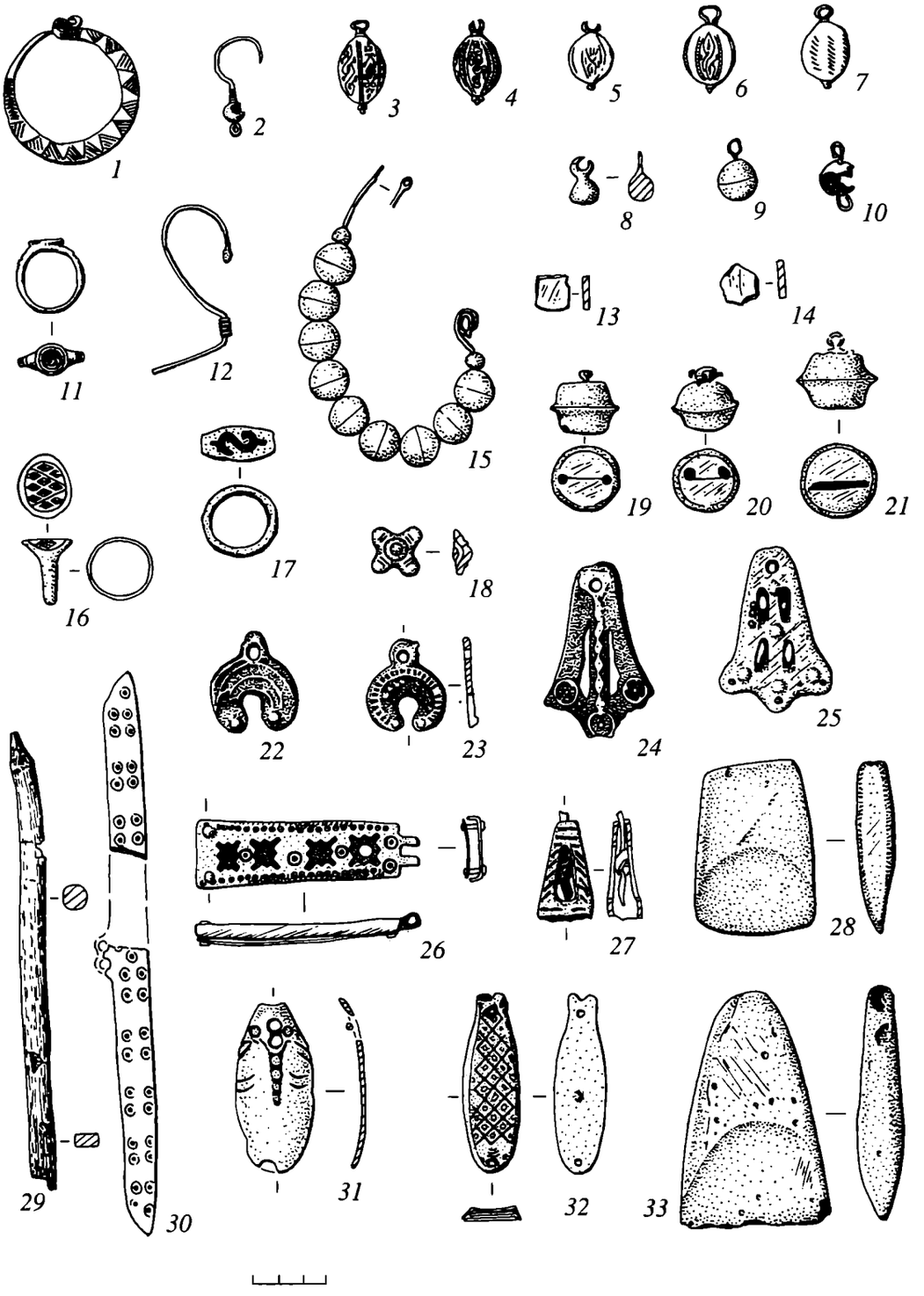


Рис. 5. Находки из напластований 9-го с.г. гор. Ендырского I (*1*, *3*, *17*, *18*, *20*, *25*, *26*, *29*, *32*, *34*) и мог. Ендырского I: *1*, *2*, *12*, *15* – височные кольца и серьги; *3–10*, *18* – пуговицы; *11*, *16*, *17* – кольца; *19–21* – бубенчики; *22*, *23* – подвески-"лунницы"; *24*, *25* – лапчатые подвески; *21*, *32* – зооморфные подвески; *26* – пряжка; *27* – пронизка; *28*, *33* – тесла; *29* – наконечник стрелы; *30* – накладка: *1*, *16* – серебро; *2–12*, *15*, *18–25*, *31* – медь и бронза; *13*, *14*, *17* – олово; *28*, *33* – камень; *26* – медь и железо; *27* – бронза и кожа; *29*, *30* – кость; *32* – олово и серебро.

от сетей со сквозными отверстиями. Следует отметить также пряслице из песчаника серого цвета, снабженное центральным отверстием и украшенное концентрическими окружностями и фигурой в виде пятиконечной звезды, выполненной неглубокими лунками (рис. 4, *17*). На полу жилища 1 найдены два каменных тесла (рис. 5, *28*, *33*). Эти явные раритеты, намеренно принесенные в дом его обитателями, можно рассматривать как одно из свидетельств почитания громовержца.

В напластованных 9-го с.г. найдены немногочисленные фрагменты бытовой и технологичес-

кой керамики. К числу кухонной посуды относятся единичные лепные сосуды баночных и слабопрофилированных горшечных форм. Технологическая керамика включает один тигель и две льячки. Тигель имеет форму низкого блюдца овальной формы, размерами 13.4 × 12 см, с хорошо намеченным сливом. Высота его бортов – 3 см, толщина стенок – 2.5 см. Одна из льячек сохранилась полностью: она имеет каплевидный черпак (рис. 4, *14*) и сужается в месте слива. Предмет снабжен втулкой для съемной рукояти. В отличие от льячек позднекинтусовских памятников XI–XII вв., она лишена декора.

Остатки объектов, прослеженных в культурном слое 9-го с.г., позволяют говорить о неоднократных перестройках жилых и оборонительных сооружений. Это свидетельствует об относительно длительном периоде существования позднейшей крепости – на протяжении нескольких десятков лет. Окончательная ее гибель связана с каким-то драматическим событием, в результате которого сгорела и рухнула кровля жилищ и обгорели их стены. Пожар затронул верхнюю оборонительную стену, башню и мостовую. Судя по сохранности деревянных конструкций, пожар быстро утих или был потушен. Во всяком случае, внешняя оборонительная стена городища не горела. О внезапной гибели крепости свидетельствуют также состав и расположение находок, связанных с данным с.г.

Могильник Ендырский I (рис. 6А) расположен в 2 км к ЮЮЗ от гор. Ендырского I. Он занимает участок левой надпойменной террасы, ограниченной с запада склоном берега, с востока просекой. Терраса заросла темно-хвойным лесом с небольшой примесью сосны и березы. На поверхности, покрытой зелеными мхами и хвойным опадом, хорошо различимы заплывшие могильные ямы. В 1997–1998 гг. на могильнике было изучено 250 м^2 культурного слоя, в котором обнаружены 32 захоронения и другие связанные с некрополем объекты.

Материалы могильника указывают на значительную вариативность погребального обряда. Здесь в равной степени представлены захоронения, совершенные по обряду ингумации и кремации (рис. 7А–Б). Если при ингумации тела помещались в могильные ямы с соответствующим обустройством погребальной камеры (погр. 6, 9, 10, 22, 23 и др.) – рис. 7А, *3*, то при захоронении кремационного пепла наблюдается ряд вариантов. Он мог быть размещен в обычные могильные ямы (погр. 12, 16, 20) – рис. 7А, *2*, сопутствовать ингумации (погр. 18, 19), помещаться в берестяные туеса – специфические таежные оссуарии – и в таком виде захораниваться либо в стороне (погр. 14) – рис. 7Б, *3*, либо подхораниваться в выкиде из другого погребения (погр. 17, 21) – рис. 7Б, *1*, *2*. Очень вероятно, что некоторые емкости с кремационными останками не закапывались, а устанавливались непосредственно на дневной поверхности, вследствие чего содержимое могло рассыпаться по террасе (погр. 31, 32). В двух случаях в могилах были обнаружены кости собак: в погр. 11 среди человеческого костного пепла лежал кальцинированный фрагмент лопатки животного, а из погребения 8 извлечены правое бедро и тазовая кость собаки со следами рубящего удара.

С функционировавшим могильником связаны два кремационных очага-кострища (рис. 6Б), расположенных на расстоянии 16–18 м друг от друга. В их заполнении также обнаружены человеческие останки. Учитывая распространение на могильнике обряда кремации, можно предполагать, что границы памятника, намеченные по видимым на поверхности погребениям, условны.

Вещевой материал могильника удивительно единообразен. В коллекции имеется большое количество фурнитуры (пуговиц, бубенчиков, блях, подвесок), серия височных колец с напускными медными бусинами-полусферами при небольшом числе орудий труда и оружия.

Пуговицы делятся на луженые (рис. 5, *4–7*, *9*), литые (рис. 5, *8*) и составные (рис. 5, *10*). Первые идентичны найденным на городище. Они часто украшались резным орнаментом и иногда покрывались позолотой (рис. 5, *4*).

Другие виды фурнитуры – крестовидные и полулунные подвески (рис. 5, *18*, *22*, *23*), пронизки (рис. 5, *27*), накладки (рис. 5, *32*) связаны с отдельными погребениями и не являются массовыми находками. Это касается и находок стекла (фрагментов зеркал?) в погр. 10, пастовых бус из погр. 9, колчанного набора из костяных наконечников стрел и накладки с циркульным орнаментом из погр. 6 (рис. 5, *29*, *30*).

В межмогильном пространстве найдена пряжка (рис. 5, *26*), изготовленная из медной пластины. На внешней стороне щитка просечены четыре восьмилучевые розетки, окаймленные циркульным орнаментом, нанесенным поверх узора в виде "шагающего" резца. Окружности, выполненные циркулем большего диаметра, помещены также между розетками и утерянным приемником и язычком.

Найденные на могильнике паяные пуговицы и бубенчики, височные кольца с наборными бусинами-полусферами, серьги в виде знака вопроса ("?"), карандашевидные наконечники стрел из кости и другие предметы имеют полные аналогии среди материалов 9-го с.г. городища. Могильник и городище образуют единый поселенческо-погребальный комплекс периода позднего средневековья, подобные которому не изучены на северо-западе Сибири (рис. 8).

Поселенческо-погребальный комплекс Эмдера занимает достаточно четкую хронологическую позицию среди памятников сайгатинского

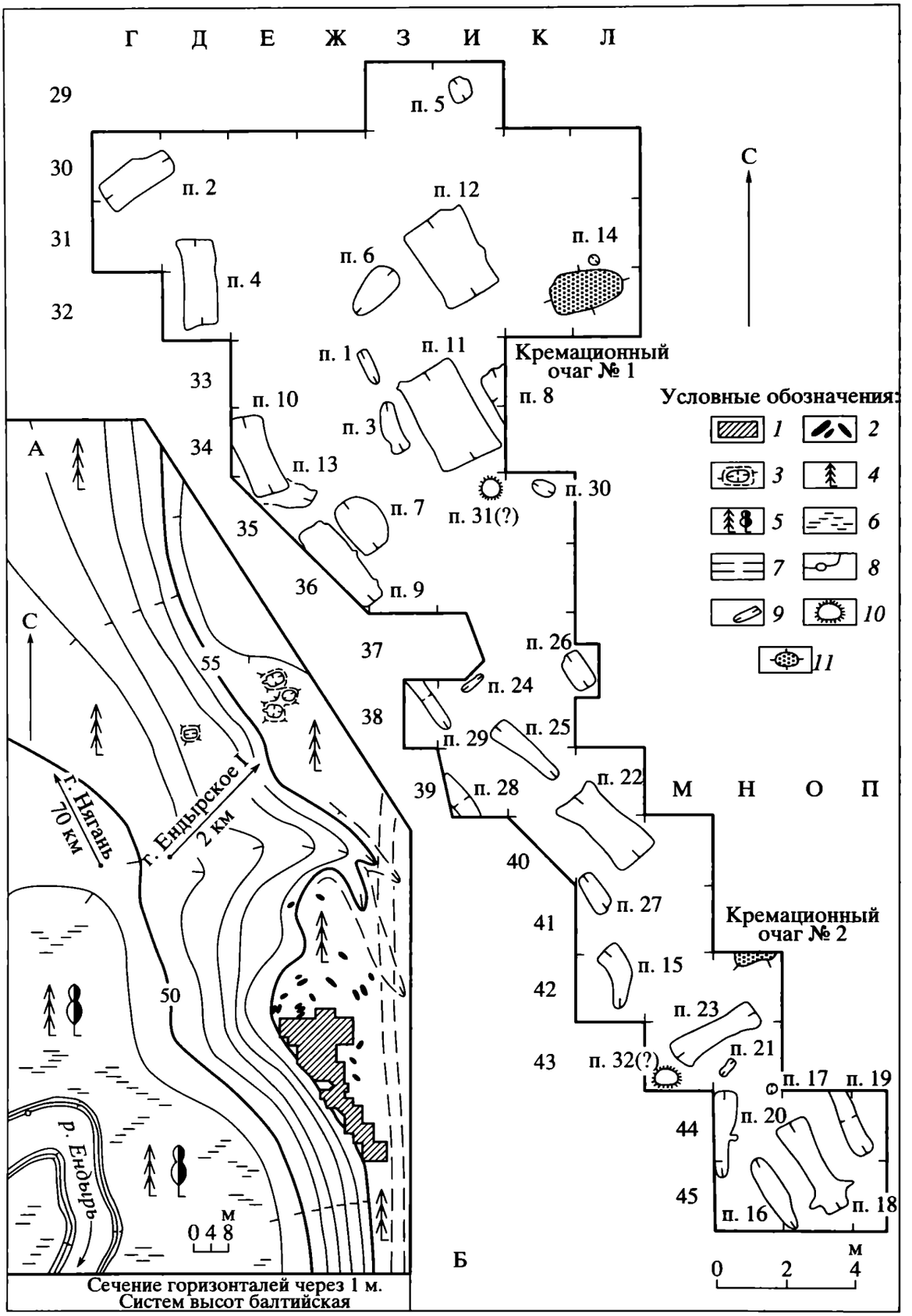


Рис. 6. План Ендырского I могильника (А) и расположение объектов в раскопе (Б). Условные обозначения: *1* – площадь памятника, изученная раскопками; *2* – нераскопанные могильные ямы; *3* – остатки жилищ; *4* – хвойный лес; *5* – смешанный лес; *6* – болото; *7* – просека; *8* – значения абсолютных высот; *9* – очертания могильных ям в раскопе; *10* – скопления кальцинированных костей человека на древней поверхности; *11* – кремационные очаги.

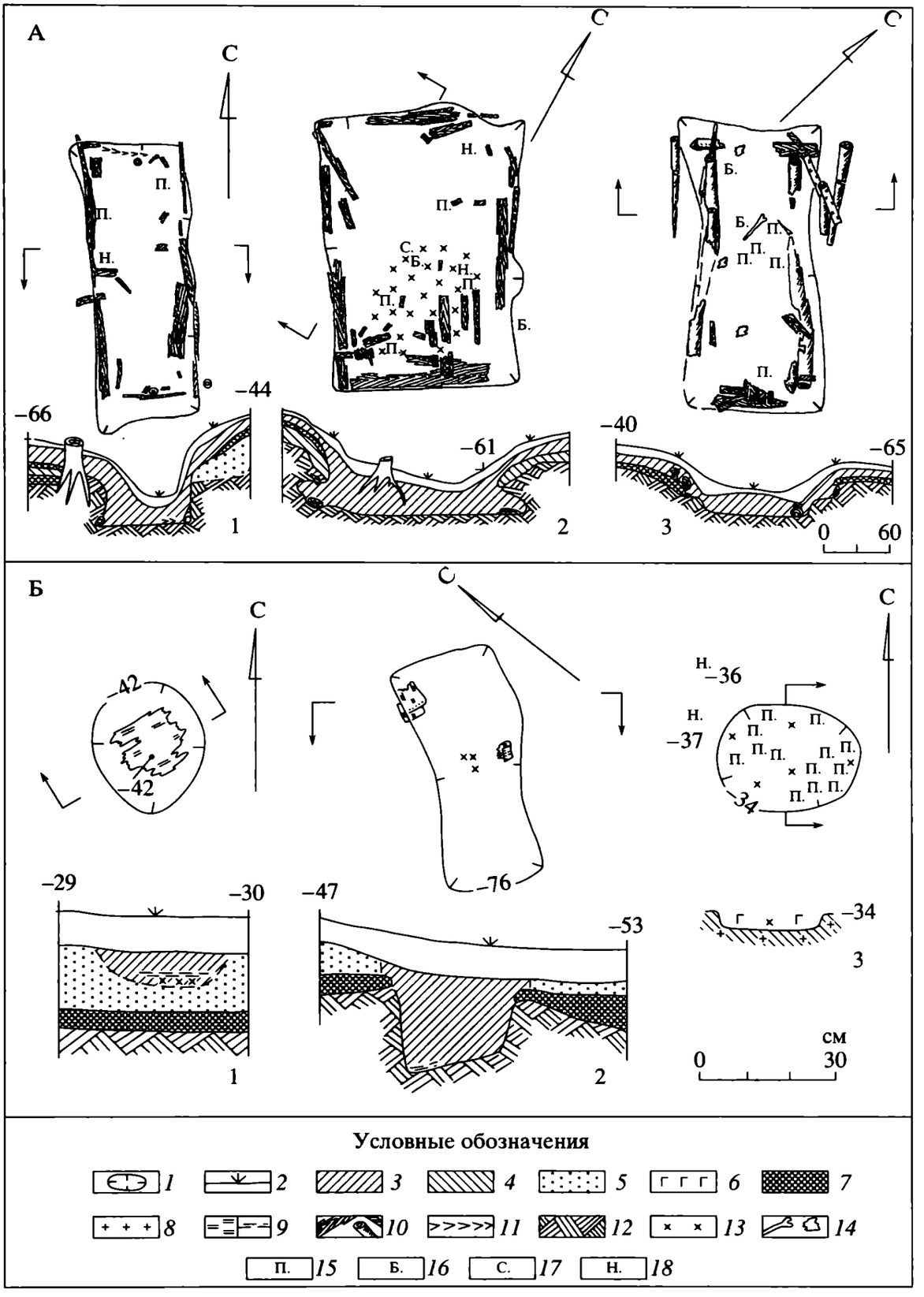


Рис. 7. Варианты погребений, открытых на могильнике Ендырском I: А – погребения 4, 12 и 22; Б – погребения 17, 21 и 14. Условные обозначения: *1* – очертания могильных ям; *2* – слой подзола с дерном; *3* – заполнение средневековых могильных ям (желтый – желто-серый песок); *4* – культурный слой раннего железного века (серый песок различных оттенков); *5* – переотложенный желтый песок; *6* – очажный слой кремационных площадок; *7* – погребенный подзол; *8* – угли; *9* – береста в плане и профилях; *10* – остатки деревянных конструкций; *11* – древесный тлен; *12* – материк; *13* – кальцинированные кости человека; *14* – некальцинированные кости человека; *15* – пуговицы; *16* – бубенчики; *17* – стекло; *18* – железные ножи.

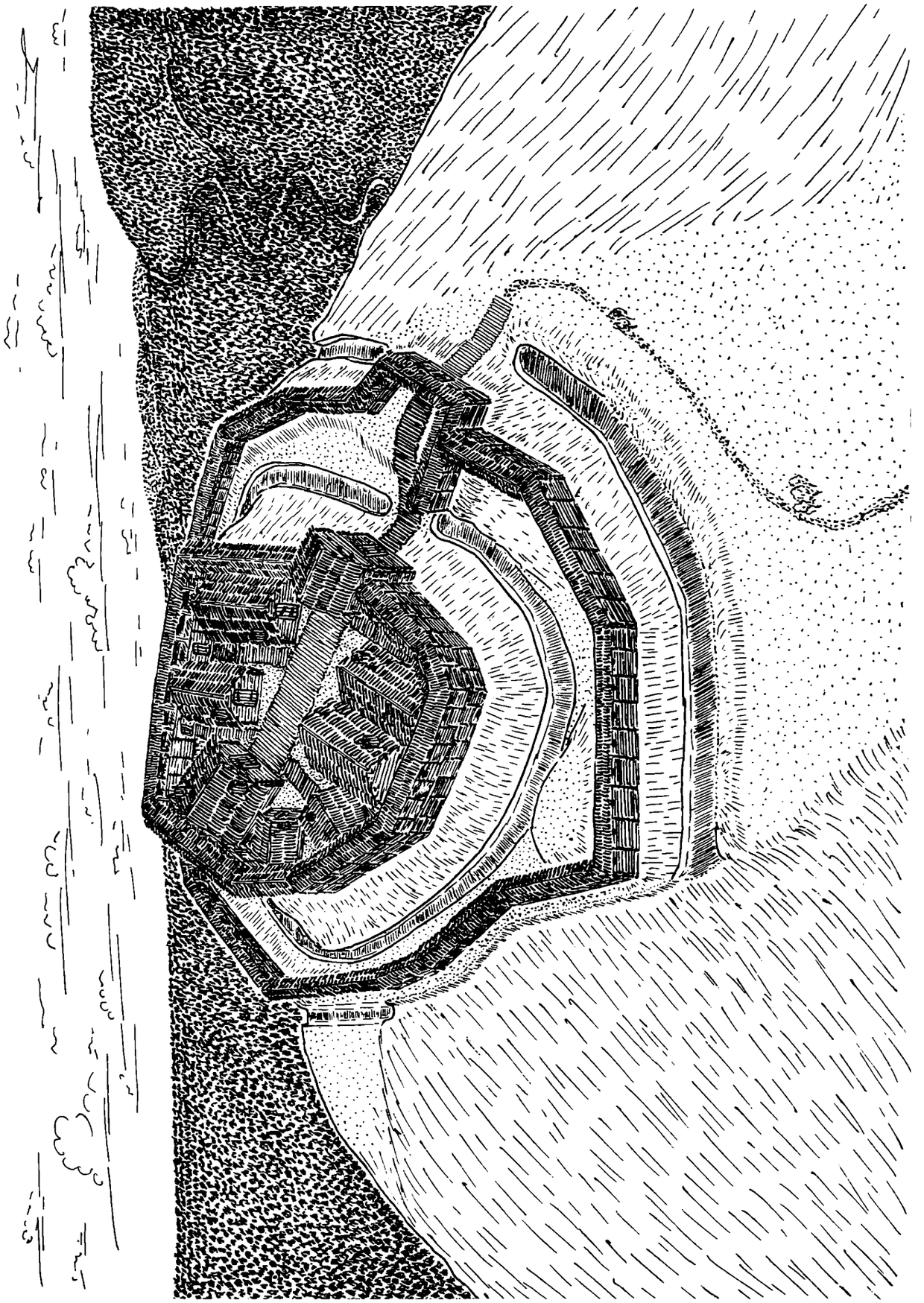


Рис. 8. Вариант реконструкции городка Эмдер конца XV–XVI вв. (по материалам 9-го с.г.).

этапа обь-иртышской культурно-исторической общности (Федорова, 1991. С. 126–145; Зыков, Федорова, 1993. С. 66). Непосредственно им предшествуют комплексы Барсовского IV, позднейшие погребения Сайгатинского IV могильников в Сургутском Приобье, материалы одного из слоев городища Шеркалы I и однослойного городища Перегребное I в Нижнем Приобье, датирующиеся второй половиной – концом XIV–XV в. Для погребений этой поры очень характерны бронзовые полые зооморфные подвески, крупные крестовидные бляшки, шумящие подвески (Карачаров, 1991. С. 205. Рис. 1), уже не встречающиеся на Ендырском I могильнике. На городищах Перегребное I и Шеркалы I, где найдены бронзовые изделия указанных типов, зафиксированы и остатки срубных домов с печами-каменками (Морозов, Пархимович, 1985. С. 89–91. Рис. 1; 1997. С. 23, 24), которые аналогичны жилищам 8-го с.г. Ендырского I городища.

Более поздними (по сравнению с рассматриваемым комплексом Эмдера) являются могильники Сургутского Приобья: Сайгатинский II, Моховая 46, поздняя группа захоронений Кинтусовского некрополя, погребения на городище Частухинский урий, датированные самым концом XVI – первой половиной XVII в. (Чемякин, Карачаров, 1999. С. 59; Борзунов, Стефанов, 1999. С. 242–244). Для перечисленных памятников характерны почти полное отсутствие местного бронзового литья, хорошо представленного на Ендырском I могильнике, и появление разнообразных русских привозных вещей: украшений из серебра, бронзы, железных изделий, керамических сосудов и т.д. Важнейшим критерием обоснования хронологии погребений становится появление в них русских серебряных монет. Памятники этого периода отражают процесс трансформации аборигенной культуры, обусловленный вхождением Северо-Запада Сибири в состав Русского государства и разрушением прежних торговых и культурных связей, ориентированных на татарские государства. Начало этому было положено событиями "Сибирского взятия" – крушением Сибирского ханства в 80-е годы XVI в. и строительством русских опорных пунктов в Зауралье и Приобье: Обского (1585) и Лозьвинского (1588) городков, Березова (1593), Пелыма (1593), Сургута (1594).

Таким образом, напластования 9-го с.г. городка Эмдер и Ендырский I могильник должны быть отнесены к периоду между концом XV в. и концом XVI в., чему не противоречит и происходящая с них коллекция находок. Памятники этого времени, исследованные археологами, очень немногочисленны: четыре остяцких погребения могильника Моховая 45 в Сургутском Приобье (Борзунов, Стефанов, 1999. С. 240–242); вогульское святилище Эсский остров в верховьях р. Конда (Югорск..., 1997. С. 39, 43, 52–54; Зыков, Кокшаров, 1999. С. 132, 133) и городище Рачевское I в Нижнем Прииртышье (Терехова, 1986. С. 114–123). Для перечисленных памятников характерны некоторые типы вещей, типичные для предшествующего периода – серьги в виде знака "?", медные паяные двудырчатые бубенчики, бронзовые лунницы, лапчатые подвески и произки. Для западносибирских памятников конца XV–XVI вв. типичны медные паяные пуговицы, нередко покрытые позолотой и посеребрением, височные кольца с наборными бусинами из медных полусфер, украшения из серебряной фольги, выполненные в технике басмы. Одновременно они не содержат находок русского производства, массово появляющихся в памятниках следующего периода. Единственное исключение – серебряный перстень со святилища Эсский остров, имеющий близкие соответствия среди перстней-печаток Северо-Восточной Руси (Седова, Курганова, 1998. С. 231–236. Рис. 1, *4–6*; 2, *1*). Рисунок на его щитке, имеющем сердцевидную форму, очень любопытен: в центре расположено дерево, а по сторонам от него две человеческие фигурки с саблями, направленными остриями вниз. Вероятно, изображение передает сцену принесения присяги – шерти. С подобной процедурой шертования русские впервые столкнулись при заключении мирного договора с князьями Югры в конце 1484 г. (Бахрушин, 1935. С. 86–87). Возможно, этот перстень был изготовлен для одного из вогульских князей и служил ему своеобразной "опасной грамотой" во время нахождения на русских землях, а уже после смерти владельца кольцо попало на святилище.

К концу XV–XVI в., времени теснейших связей таежного угорского населения с южными тюркоязычными соседями, относится появление на севере Западной Сибири глинобитных печей-чувалов, исследованных в сооружениях 9-го с.г. городка Эмдер и Рачевского I городища. Причем на первом памятнике прослежена последовательная смена отопительных систем в жилищах от открытых очагов (1–7-го с.г.) к печам-каменкам (8-го с.г.), а затем к глинобитным печам (9-го с.г.). Примечательно, что последние совершенно аналогичны чувалам, изученным на таких городищах сибирских татар, как Кучум-гора и Искер (Голдина, 1969. С. 153. Табл. 67, 69, 71; Зыков, 1998. С. 23).

В настоящее время очевидна актуальность изучения позднесредневековых памятников северо-запада Сибири. Эти материалы позволят заполнить лакуну, имеющуюся между археологическими источниками и данными истории, фольклора и этнографии.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 98-01-00403.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.

Борзунов В.А., Стефанов В.И. Могильники "Бардакова княжества" // Интеграция археологических и этнографических исследований. М., Омск. 1999.

Былина про богатырей города Эмдера // Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Völkspoesie. Teil II. St.-Pbg., 1900.

Голдина Р.Д. Городище Кучум-гора // ВАУ. 1969. Вып. 8.

Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары. Матер. 1-го симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири". Омск, 1998.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Святилище позднего средневековья в таежном Зауралье // Этнокультурная история Урала. XVI–XX вв. Матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.

Карачаров К.Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.

Морозов В.М., Пархимович С.Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Изв. Уральского гос. ун-та. 1997. Вып. 7.

Седова М.В., Курганова Н.М. Перстни-печатки XV–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: традиции и перспективы. М., 1998.

Сокровища Приобья. СПб., 1996.

Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // МИА. 1957. № 58.

Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997.

The Habitation and Burial Site of the 15th–16th cc. from the Lower Ob' basin

A. P. Zykov, S. F. Koksharov

Summary

The characteristic materials and finds discovered during the excavations of the fortified settlement Yendyrskoe I are published in the paper. The site is known under its historical name of Emder. The southern Khanty have preserved the information on this medieval fortress and its inhabitants in their folk-lore. In the late 19th c. bylina-tale "On the heroes from Emder town" was recorded by S.K. Patkanov. The town of Emder was discovered in 1993 and investigated archaeologically in 1994–1998. The citadel functioned constantly since the late 11th–12th cc. to the 16th c. Chronological stages of its development are mirrored by numerous building horizons. The uppermost one dates to the late 15th–16th cc. The finds from this layer are published in the article. The coeval cemetery of Yendyrskoe I was discovered; typical features of burial rite are also highlighted. At present the necessity of investigations of late medieval sites in North-west Siberia is obvious. They provide the opportunity to realise the historical phenomena of local Voguls' and Ostyaks' principalities, as well as the historical processes that were developing there just before West Siberian territory was incorporated into Russian state.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 81–98

ДРУЦК В XII–XVI вв. (ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА)

© 2002 г. Л. В. Алексеев

Институт археологии РАН, Москва

Древний полоцкий княжеский Друцк расположен в верховьях Друти Витебской обл. Белоруссии[1]. Девять сезонов его исследования (1956–1967) показали, что жизнь здесь возникла в X – начале XI вв. Древнейший слой (№ 4) перекрыт пожарищем, лежащим в зоне начала массового распространения стеклянных браслетов, т.е. близко к рубежу XI–XII вв., и датируется 1116 г. В западной части детинца жил князь, в южной – его обслуга и ремесленники, центр занимала городская площадь (Алексеев, 1966. С. 153–157). На детинце высилась церковь, построенная первоначально в 1001 г. (Алексеев, 1998а. С. 14, 15). Отдельную церковь имел и окольный город (см. ниже).

В настоящей статье мы рассматриваем напластования памятника, отложившиеся выше пожара Мономаха (на детинце слои I–III). Культурный слой на детинце по мощности неравномерен. У южного вала, где жизнь шла особенно интенсивно, его мощность в общем достигает 3.6–3.8 м (18–20 штыков), в остальных частях – 1.5 м (6–7 штыков). Наиболее выразителен слой южных раскопов (I–III, VIII), где пожарище на раскопах I и III залегает на 10 штыке (Алексеев, 2002).

ЮЖНЫЕ РАСКОПЫ ДЕТИНЦА

Первый послепожарный горизонт слоя 3 (на раскопах I–III лежит на 8–9 штыках, на раскопе VIII – на 13–14 штыках) имел уже не хаотическую застройку (как в слое 4), но редкую и еще подчиненную сторонам света (сруб III-40, рис. 1 и др.). Первые послепожарные строения были положены непосредственно на землю выше пожарища 1116 г. на 5–10 см (рис. 1). Подобная же картина открылась и на раскопе XI, где в так же ориентированном срубе (XI-6) выявились остатки жердевого пола, с настеленным выше досчатым полом (амбар). Был расчищен на этом уровне еще сруб (XI-13) той же ориентировки, однако, его большая часть была за пределами раскопа XI.

Второй послепожарный горизонт слоя III (6-й и 7-й штыки от поверхности) перекрывал первый, но застроен был иначе. Сооружений не так много, все они подчинялись теперь направлению вала (диагональны сторонам света – рис. 1). Представляется, что именно в это время кардинальной перестройки детинца и был вырыт к западу от южных раскопов I и II глубочайший колодец, необходимый при осаде. Это, несомненно, был опыт предыдущей осады, когда в 1116 г. жители детинца оказались, видимо, без воды. Его воронка четырехметровой глубины отчетливо видна и теперь (Алексеев, 2002). К колодцу была проложена улица (№ 17), вскоре замощенная бревнами на двух лагах (рис. 2). Начавшись у колодца, улица № 17 пересекала юго-западный угол раскопа I, проходила по диагонали в северной части раскопа III, где и соединялась с замощением № 23, движение по которому шло с юга на север восточной стороны раскопов VIII и III. Если улица № 17 соединяла город с колодцем, то мостовая № 23 (сохранившая бревенчатое замощение тоже на двух лагах) выводила на центральную часть детинца и далее к выезду из него (Алексеев, 1966. Рис. 33 – видна часть улицы № 17 и ее окружение на раскопах I–III).

По сторонам мостовых № 17 и 23 расчищены следы маленьких усадеб отдельных хозяев (видимо, княжеских ремесленников, обслуги и т.д. – находки кожи, обуви III. Т. 11 и т.д.). Несколько севернее кто-то занимался литейным делом (тигельки раскопа XIX. В. 5, 2 шт.; XX. Ж. 4; XX. В. 4; VIII. К. 5; VIII. Т. 7 и т.д.), у выезда с детинца стояла кузня (найдены куски сопел). Усадебки ограждал частокол (III-41 и III-42; I-12, III-71 – рис. 2). Центром каждой усадьбы был, естественно, дом. В южных раскопах (I–III; VIII) были выявлены целиком

[1] Настоящая работа продолжает предыдущую (Алексеев, 2002), где дан план памятника, указано, что площадь каждого раскопа равна 1 ару с нумерацией раскопов римскими цифрами. Двухметровые квадраты единообразно обозначаются буквами А–Д – северная линия квадратов, АЕЛРХ – западная. Постройки обозначаются римской цифрой – раскоп, арабская – номер сооружения в нем. Находки: римская цифра – раскоп, буква – квадрат, арабская цифра – штык (пласт в 20 см). С огорчением отмечаю, что в 1999 г., не поставив меня в известность и не дождавшись моей публикации и выводов по девятилетним раскопкам в Друцке, белорусский археолог О.Н. Левко продолжила работы и спешно опубликовала их результаты (см.: Друцк старажытны, 2000). Это наносит работе на памятнике непоправимый ущерб: введена вторичная нулевая отметка глубин, вторичная нумерация раскопов и т.д., что вносит огромную путаницу в обозначение построек и находок, делая несводимыми чертежи Л.В. Алексеева и О.Н. Левко.

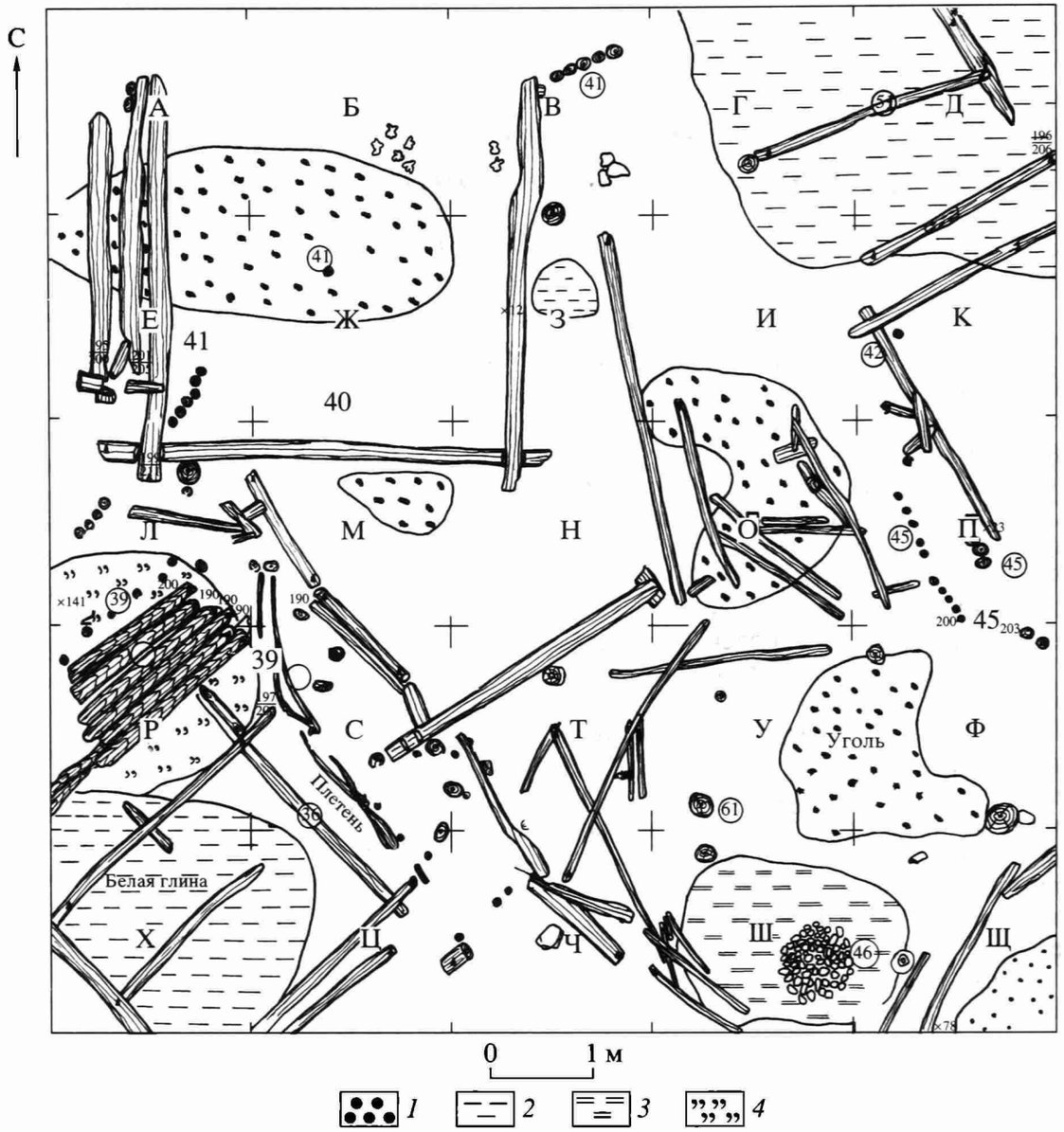


Рис. 1. План раскопа III друцкого детинца (9-й и 8-й штыки). Сооружения, ориентированные по сторонам света – штык 9, по диагонали – штык 8. *1* – Пожарище 1116 г.; *2* – глина; *4* – обожженная глина; *4* – песок. 39 – Плетень III-39; 40 – сруб III-40; 41 – частокол III-41; 45 – плетень III-45.

усадьба "А" с домом II-15 и фрагменты других усадеб (Алексеев, 1966. Рис. 33).

Усадьба "А" имела небольшие (только и возможные здесь) размеры – 12 × 12 м, т.е. около 150 м^2 (рис. 2). Она примыкала к улице № 17, охватывала большую часть раскопа II, весь раскоп VIII, юго-западную часть раскопа III и захватывала юго-восточную часть (угол) раскопа I. Центром усадьбы был, как сказано, дом II-15, выходивший северо-восточной стеной на юго-восточную сторону улицы № 17. Северо-восточная часть усадьбы первоначально была ограждена березовым, начинавшимся от угла дома, плетнем II-39, округло охватывавшим усадьбу с северо-востока (рис. 1, 2) с сараем III-36, имевшим вход в юго-восточной его стене. Юго-западная часть усадьбы "А" ограничивалась частично сохранившимся частоколом (кв. Т раскопа II), и частично постройками соседней усадьбы "Б" – II-20, II-14; II-31, выходившими на ту же улицу (рис. 2). Северо-западной границей усадьбы "А" была улица № 17 (с несохранившимся частоколом), а юго-восточной служил вал.

Рассмотрим усадьбу "А". Стены дома II-15 сохранились на четыре венца – он, следовательно, простоял достаточно долго (рис. 2). От пожарища 1116 г. сруб II-15 был отделен тонкой прослойкой глины под домом (против сырости), ниже – серой землей мощностью 12–15 см (первый послепожарный горизонт слоя III), под ней – тонкой прослойкой глины. Таким образом, второй послепожарный горизонт слоя III здесь начался строительством дома II-15. Он невелик – 3.1 × 3.1 м, его переводины пола врублены во второй венец (сохранившиеся доски пола располагались в направ-

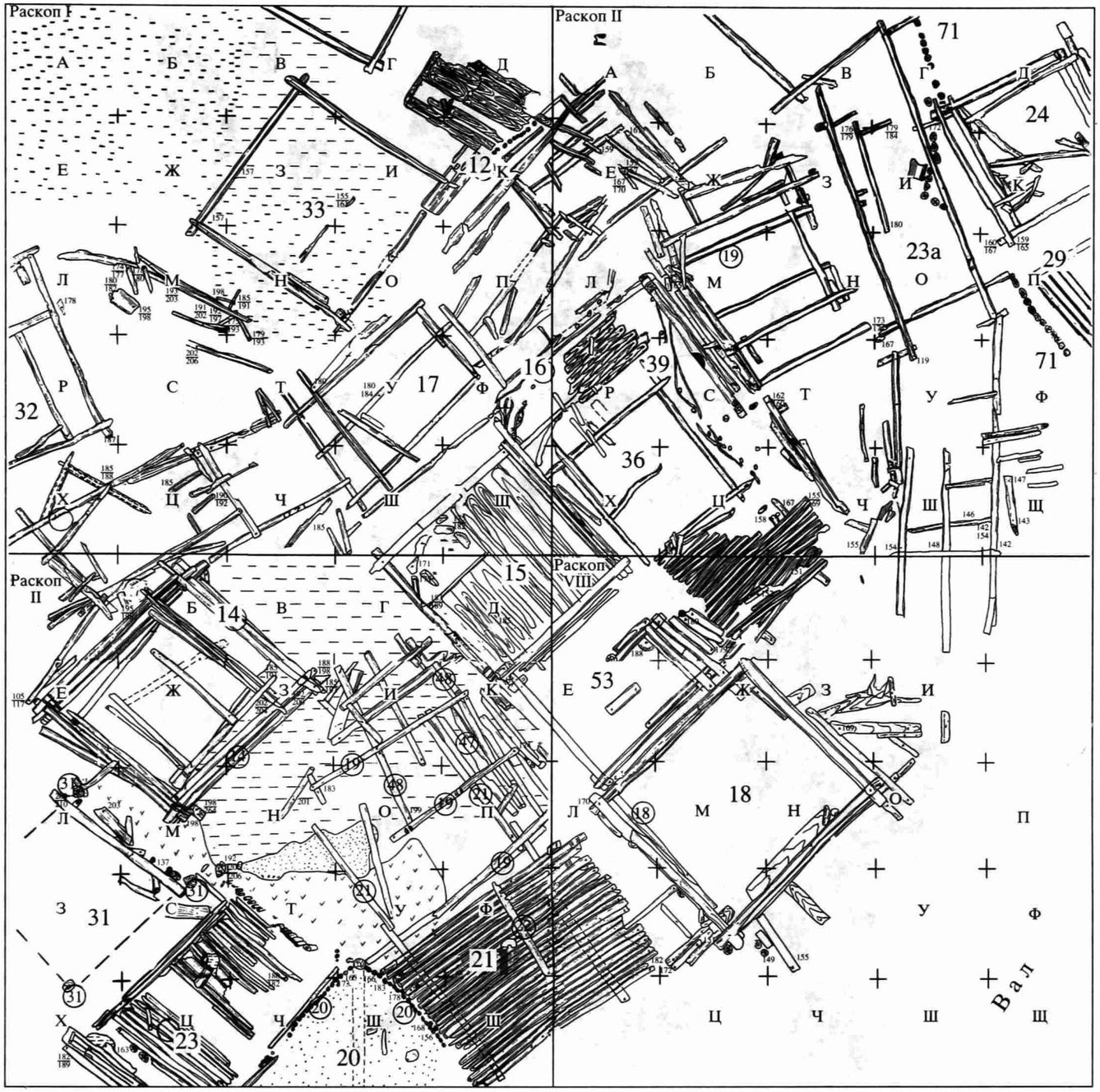


Рис. 2. Деревянные сооружения южных раскопов детинца (I–III, VIII) на 7-м штыке. Полевые обозначения: *12* – частокол; *14* – хлев усадьбы "А"; *15* – дом с печью-каменкой усадьбы "А"; *16* – остатки строения; *17* – улица, ведущая на юго-запад к колодцу; *18* – сарай дома усадьбы "А"; *20* – курятник соседней усадьбы; *21* – замощение двора усадьбы "А"; *23* – лаги замощения проезда ко двору усадьбы "А"; *23а* – хлев; *24* – хозяйственная постройка; *29* – замощение; *31* – столбовой сарай; *32* – дом; *33* – хозяйственное строение; *36* – остатки сооружения усадьбы "А"; *39* – плетень усадьбы "А"; *53* – крытый двор усадьбы "А"; *71* – плетень между усадьбами.

лении северо-запад–юго-восток). В западном углу дома была расчищена печь-каменка из шести больших валунов, дугообразно окружавших глиняный, положенный на мелкие камушки, под (рис. 2; Алексеев, 1966. Рис. 33). Печь оконтурена с двух сторон переводинами, на которые опирались доски пола. Подпечной ямы не было. Устье печи было обращено ко входу в дом в юго-восточной стене. Свод обрушился. Через незамощенный крытый двор II-53 обитатели дома сообщались с пристроенным к нему сараем VIII-18 (его размеры – 4.5 × 3.3 м; рис. 2). Внутри двора к сараю примыкала бревенчатая пристройка, где, судя по находке части жернова, мололи зерно. Песчаный глинистый грунт южнее этого угла сарая VIII-18 указывал на близость подошвы вала. Здесь, "на задворках", расчищена мусорная яма, куда был выброшен железный светец VIII. Р. 11 (рис. 3, *9*), отдаленно напоминавший новгородский (Колчин, 1959. Рис. 3, *3*).

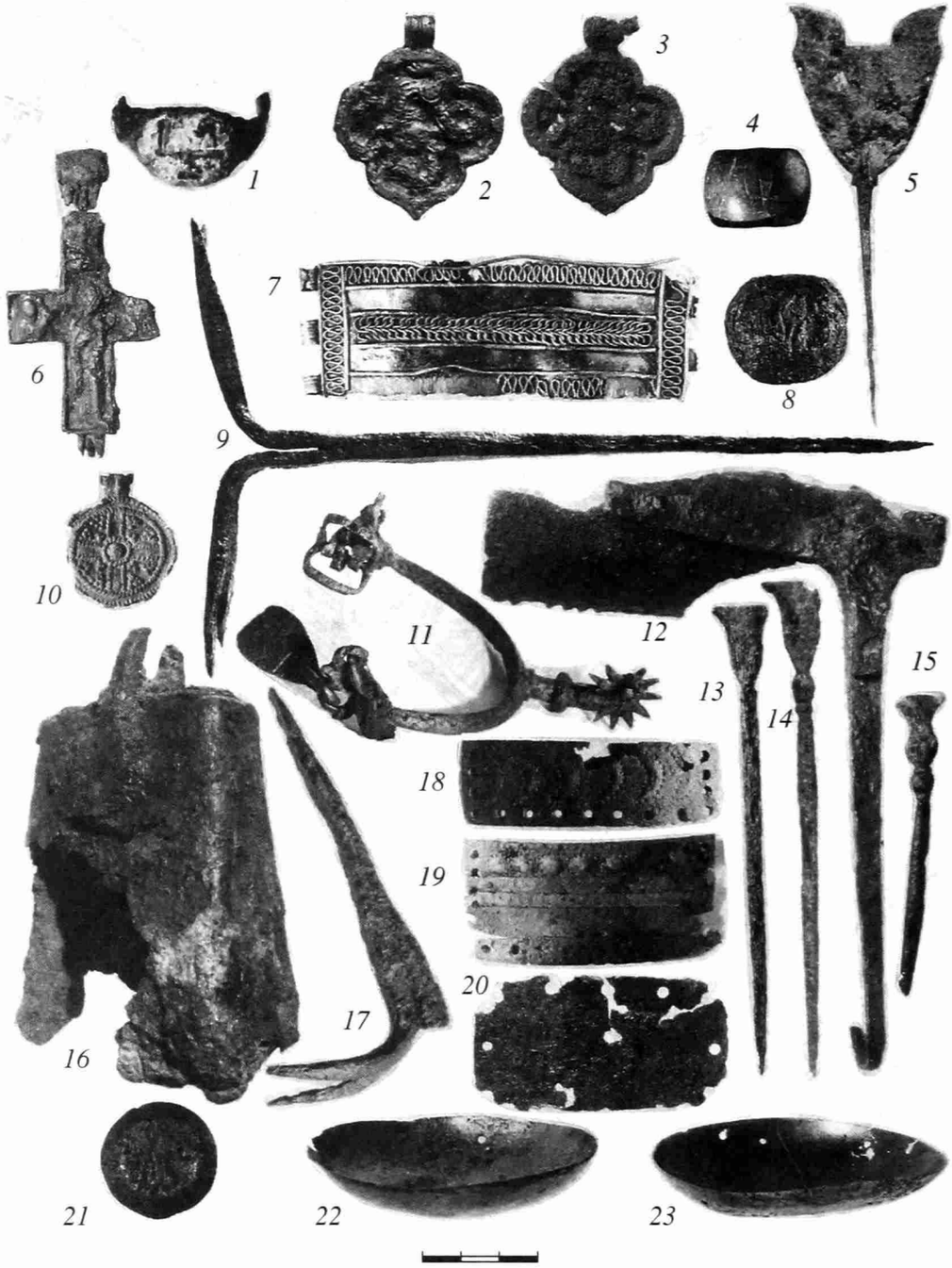


Рис. 3. Находки из друцкого детинца: *1* – серебряный перстень с княжеским знаком; *2*, *3* – золотоордынские змеевики; *4* – шиферное пряслице с княжеским знаком; *5* – наконечник стрелы (XIV в.); *6* – крест-энколпион; *7* – серебряный пластинчатый браслет со сканью; *8* – железная гирька; *9* – светец; *10* – подвеска с зернью; *11* – шпора; *12* – скребница; *13–15* – писала; *16* – ботало; *17* – светец; *18–20* – части стального панциря; *21* – бронзовая гирька; *22*, *23* – чашечки весов из бронзы.

С юго-западной стороны построек II-15, II-53 и VIII-18 усадьба "А" распространялась, как мы сказали, до частокола II-11. Единственной постройкой здесь был хлев II-14 (2.8 × 2.8 м) со стенами на два венца, дважды возобновлявшимися и оба раза с бревенчатым полом (рис. 2, 3). Лаги соединялись со стенами способом сквозной врубки (их концы выходили наружу на 20 см). С юга был пристроен небольшой "хлевец" (по навозу внутри – свинарник). Большая часть двора между частоколом II-11 и домом II-15 и сараем VIII-18 многократно замащивалась настилами, о которых свидетельствуют лаги II-48, II-47, II-21, II-22. Видимо, здесь была главная часть двора усадьбы, а ворота должны были находиться между домом II-15 и хлевом II-14, но следов их не обнаружено (пространство, где они моли быть, как и под указанными настилами, заполнено слоем глины) (рис. 2).

Усадьба "Б" примыкала к усадьбе "А" с юго-запада, но о ней судить сложно – она вошла в раскоп II только в его юго-западный угол (рис. 2). Там было обнаружено три хозяйственных сооружения: столбовая постройка II-31, три столба которой вошли в раскоп, остатки хлева (?) с жердевым полом II-23 и жердевая постройка, оконтуривающая заполнение из песка II-20, очевидно, ограждение курятника (рис. 2). Это задворки усадьбы "Б".

Северо-восточнее усадьбы "А", на месте упомянутого плетня II-39, позднее стояла новая хозяйственная постройка II-16, увеличивавшая прежние пределы усадьбы "А". От нее сохранилось лишь два бревна (рис. 2) и видна замощенная бревнами небольшая площадка, заполнявшая свободное место пересечения двух мостовых № 17 и 23. Замощение № 23 было положено не на три, а на две лаги. От пересечения с мостовой № 17 она шла к югу в раскопе III с небольшим изгибом к востоку и оканчивалась в северной части раскопа VIII (рис. 3). На ее восточной стороне был забит частокол III-71; к мостовой № 23 он выходил углом на запад, но угол этот мостовая перекрыла, а в образовавшемся в частоколе перерыве возникли хозяйственные постройки III-24 и III-29.

За частоколом III-71 начиналась усадьба "В", вошедшая в раскоп лишь небольшой частью в его восточном углу (рис. 2). На северо-западной стороне улицы № 17 выявилась еще одна усадьба – "Г", большая часть которой оказалась тоже за пределами раскопа. Здесь были остатки двух построек – I-31 и I-33 (рис. 2). Не исключено, что каждая принадлежала отдельной усадьбе, о чем, возможно, свидетельствуют "разделяющие" их горизонтальные бревна, которые могли служить укреплением частокола (что часто бывает). Надо сказать, что в первом послепожарном ярусе слоя III эта часть не обживалась, и пожар 1116 г. был ближе ко второму послепожарному горизонту ("ярусу") слоя III по высоте. Лишь в самой западной части раскопа I (кв. X под мостовой № 17) виднелся угол сгоревшей постройки I-34 (рис. 2). Постройка I-32 была небольшой, вошла в раскоп лишь юго-восточной частью и сохранилась на два венца. Ее соорудили на слое белой глины, а переводины пола показывают, что она была двухкамерной, и пол, возможно, был настелен в большой камере. Следов печи не было – мы имеем дело явно с амбаром усадьбы "Г". Квадратная в плане постройка I-33 лежала тоже на слое белой глины, но сохранилась на один венец. В ней, похожей на предыдущее строение, видны как бы следы переводины, или перегородки. Если это действительно другая усадьба, то и она могла быть амбаром (следов печи и здесь не было). Выход из I-33 был, видимо, в северо-восточной стене. От него по несохранившимся ступеням спускались к замощению, примыкавшему к частоколу I-12, отделявшему усадьбу от улицы № 17 (рис. 2).

Третий послепожарный горизонт слоя III при желании может считаться вторым ярусом предыдущего горизонта – общая планировка на южных раскопах не менялась, но улица 17 перемащивалась – кое-где лаги второго яруса лежали поверх остатков плах нижнего яруса (раскоп I, квадраты Ц, У и др., рис. 4). В основном же плахи мостовой при ее ремонте выбирались почти полностью. На мостовой № 23 плахи были полностью сохранены, и эта мостовая однажды перемащивалась.

На усадьбе "А" дом II-15 и теперь продолжал стоять, его двор получил замощение VIII-19, а сарай VIII-18 сменила небольшая клеть (3.4 × 3.1 м) VIII-13, рубленная в обло (рис. 4). Ее стены, сохранившиеся на два венца, состояли из бревен разной толщины. Внутри клети, перпендикулярно ее юго-западной стене, на расстоянии 80 см от западного угла отходил ряд небольших бревен – опора лагам пола, досчатая часть его сохранилась в восточном углу. Клеть VIII-13 была сложена на песчаной подушке (смесь глины и песка) толщиной в 30 см. Верхний ее венец (как, впрочем, и некоторые горизонтальные бревна около – ими укрепляли забитый частокол) были обуглены. Клеть погибла от пожара. Вход в нее был, естественно, из крытого двора. По песчаной подушке можно заключить, что и это был амбар.

Сруб II-15, крытый двор II-53 (с мощением VIII-19), клеть VIII-13 и другие сооружения и настилы раскопов I–III залегали в среднем на глубине 1.2 м (лишь в раскопе VIII "ниже", благодаря близости вала), это условно соответствует шестому штыку, что в дальнейшем для нас очень важно.

Участок усадьбы "А" к юго-западу от описанных сооружений прежнюю планировку сохранил (был лишь заново перестроен хлев II-14, получивший новый жердевой пол II-13 и замощен подход к хлеву – настил II-18). В кв. "И" раскопа II видны следы настила выезда на улицу № 17 (но следов ворот, по-прежнему, нет). У северо-восточной стены дома II-15 удалось расчистить остатки квадратного в плане сооружения III-29, стоявшего на месте более раннего сооружения III-16 (сменившего некогда частокол III-39, о котором речь уже шла (рис. 3). Характер того и другого сооружений неясен – слишком мало от них сохранилось, это какие-то хозяйственные срубы, поставленные тесно и вскоре убранные.

На этом уровне отчетливо выделилась граница усадьбы "А" у вала. В кв. "Т" раскопа VIII сохранились частично горизонтальные обгорелые бревна, подпиравшие не дошедший до нас частокол (кв. "Т", "Ц", "О" раскопа VIII; рис. 4). Очевидно, развитие жизни на детинце потребовало в это время дополнительных ограждений усадеб со стороны валов.

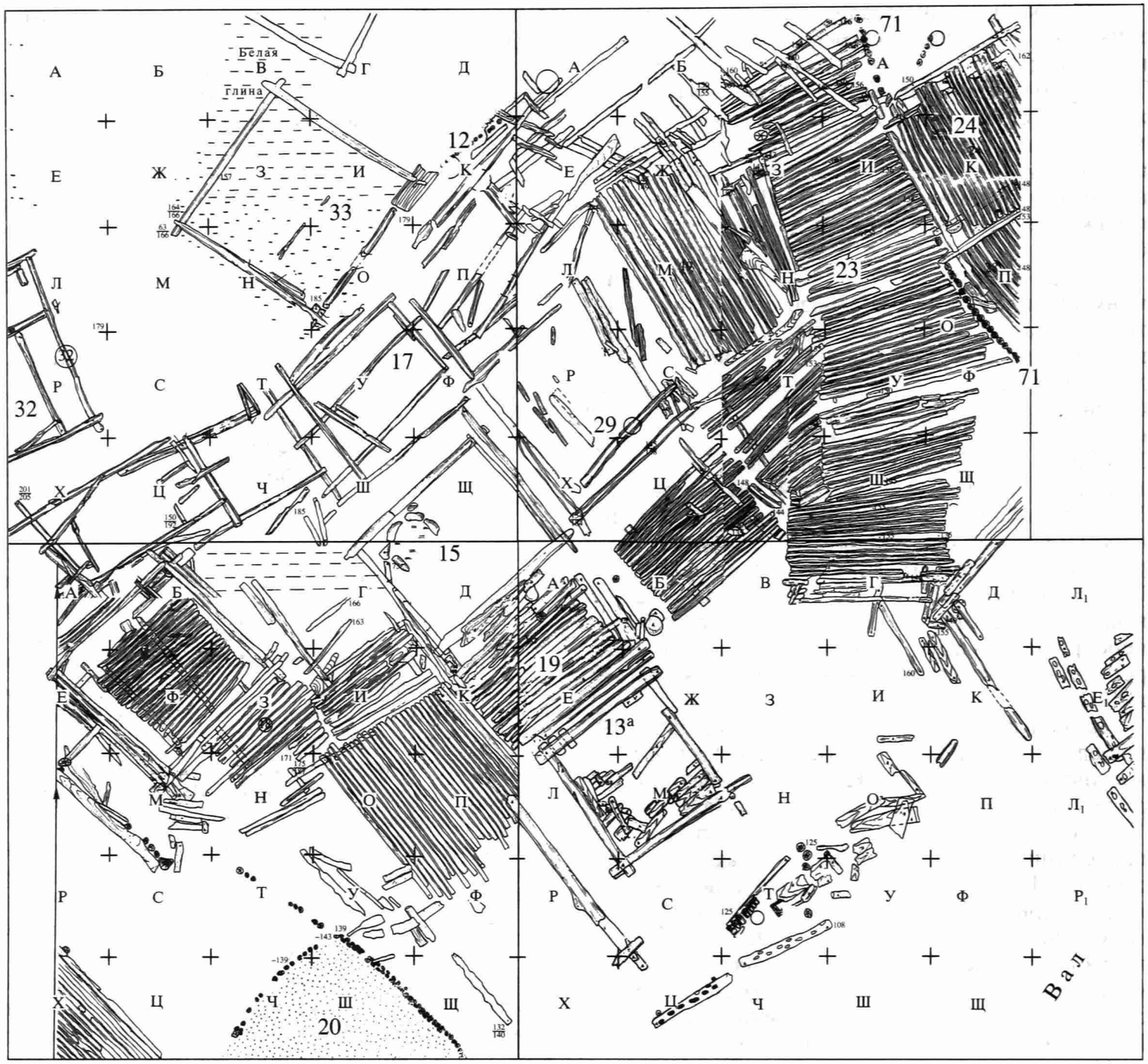


Рис. 4. Деревянные строения южных раскопов детинца (I–III, VIII) на 6-м штыке. *12* – Частокол; *13* – хлев усадьбы "А"; *13*[а] – хлев усадьбы "А"; *17* – улица, ведущая на юго-запад к колодцу (лаги мостовой); *19* – замощение крытого двора усадьбы "А"; *20* – курятник; *23* – мостовая проезда ко двору усадьбы "А"; *24* – хлев; *32* – дом; *33* – постройка; *71* – частокол между усадьбами.

Планировка усадеб "Б" и "В" в частях доступных нам осталась неизменной.

Слой II в среднем соответствовал в раскопах I–III – глубине в 1 м, т.е. приблизительно пятому штыку, в раскопе VIII – восьмому штыку от современной поверхности. В рассматриваемой южной части детинца планировка сильно изменилась. Дерево здесь сохранилось хуже, но можно было понять, что на месте сруба II-15 теперь был поставлен хлев с бревенчатым полом III-12 (рис. 5). Восточнее сруба II-15 расчищено еще какое-то сооружение, квадратное в плане (3.4 × 3.4 м); было заметно в оторфовавшемся грунте, что к нему подходили еще постройки, наметились три клети (VIII-11, VIII-9 с восточной пристройкой к ней).

От сруба VIII-11 сохранился лишь северный угол в два венца, а в 1 м от него – череп лошади (зарытый в ритуальных целях под углом?). С востока к VIII-11 примыкали остатки частокола – сруб и частокол погибли явно одновременно. То же юго-восточнее: у пристройки к срубу VIII-9 забито продолжение частокола VIII-12 с обычным в Друцке горизонтальным бревном, его подпирающим. Яма между VIII-11 и VIII-9 уничтожила как

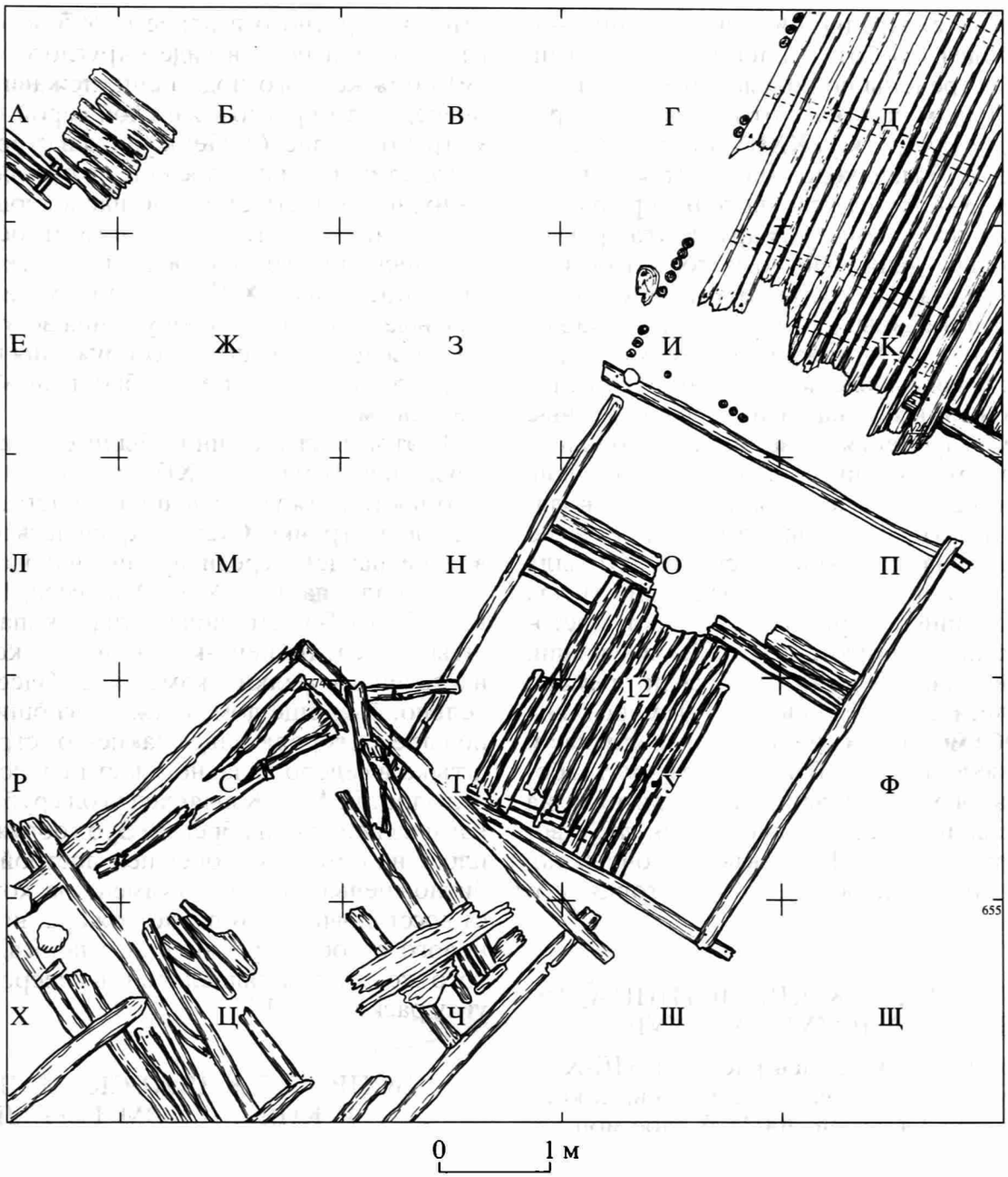


Рис. 5. План раскопа III на 5-ом штыке (новая перепланировка территории). *12* – Хлев.

VIII-11, так и частокол. Сруб VIII-9 прослеживался лишь в северо-западной части. Назначение всех этих строений неясно (не исключено, что они играли какую-то роль в укреплениях вала). Постройки VIII-11 и VIII-9, перекрытые суглинком, перемешанным с угольками, и перекрытые вторым пожарищем, оканчивали слой II. На раскопах I–III этот уровень соответствовал глубине в 80 см, т.е. четвертому штыку, на раскопе VIII его глубина была большей.

Слой I – самый поздний (в раскопах I и III – верхние 60 см, 1–3-й штыки), в раскопках II и VIII – 70–80 см (1–4-й штыки) и 1–1.2 м (1–6-й штыки). На всей площади памятника слой имеет одинаковую консистенцию, связанную, несомненно, с гибелью города. Это земля, везде перемешанная с золой и угольками и с кусочками обожженной глины от печей. В основании слоя часто видно пожарище. Слой I – слой гибели города, после которой остатки его долго выступали на поверхности, выветривались и вымывались дождями. Рассмотрим остальные части детинца.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАСКОПЫ И ВЪЕЗД

Культурный слой в этих раскопах (раскопы V, VI, IX, X и XXII) достигает 140 см мощности (до 7-го штыка). Следы строений в них почти отсутствуют (лишь в верхнем горизонте – "развезенная" печина). На 7-ом штыке – материк, на 6-ом штыке – пожарище Мономаха. Из находок более всего стеклянных браслетов, более интересные находки в

X раскопе (вблизи западной части памятника – о них речь пойдет особо). В раскопах V и VI на 4-ом штыке встречены поливные плитки пола.

К центральным раскопам от въезда вела бревенчатая мостовая (раскоп XXII). Мощность слоя здесь доходит до 3 м, находок мало, строений нет. На глубине 123–126 м от условного репера расчищены остатки двух сменивших друг друга бревенчатых мостовых, движение по которым осуществлялось от въезда на северо-восток. Обе мостовые прогорели в разных, по-видимому, пожарах, нижний из которых – пожар Мономаха (1116). Верхняя мостовая выявлена по следам обгорелых бревен, положенных не на лаги, а в специальные продольные углубления в земле с небольшим промежутком между ними. Конструкция очень оригинальна: продольные пазы в земле позволяли бревнам лежать неподвижно при проезде по мостовой. Ширина мостовой в раскопе XXII была около 6 м. С боков мостовую ограждали откосы валов, в основании которых с двух сторон мостовой был поставлен густо плетень, ограждавший ее от размыва вала при дожде. Вторая по времени мостовая залегала выше первой на 60 см, но была у́же – 4 м. Обе мостовых сильно прогорели, как и ограждающие их плетни. Въезд в детинец требовал специального исследования. По-видимому, на детинец попадали через въездной "туннель" с воротами с двух сторон. Верх въезда, очевидно, представлял небольшую башню, которая его обороняла.

ЗАПАДНЫЕ РАСКОПЫ ДЕТИНЦА (РАСКОПЫ XIII–XVI, XVII, XVIII)

Главными здесь оказались раскопы XIII-XVI, заложенные у западного вала – самого высокого вала на детинце (Алексеев, 2002). В слое мощностью 1.2–1.3 м дерево почти не сохранилось, но стратиграфия – с теми же двумя пожарами и четырьмя напластованиями – та же самая: *первый* (30–45 см) – непосредственно под гумусом (золистая земля с угольками и глиняной крошкой), подстилаемая пожарищем (10–15 см); *второй* слой (20–30 см) – серый без древесных остатков; третий слой (30–40 см) – коричневый, оторфовавшийся с остатками перегнившего дерева и глиняными прослойками. От *четвертого* слоя темного цвета (10–20 см) его отделяла прослойка пожара 1116 г. *Материк* – серо-желтого цвета с искусственными углублениями и западинами (от бывших здесь строений?).

По фрагментарным остаткам строений и глиняных пятен от печей на 4-ом и 5-ом штыках можно понять, что застройка здесь была совсем не столь тесной, как в южных раскопах, но и здесь подчинялась валу.

В раскопе XIII на 5-ом штыке выявились остатки сравнительно большого сооружения, вероятно, квадратного в плане (5 × 5 м) с остатками глинобитной печи в виде округлого (диаметр 70 см) обожженного пода печи, лежавшего в свою очередь на округлом же слое серой глины (диаметр 1.6 м) (рис. 6). Печь упала в сторону севера, когда стены при пожаре еще не обгорели, накрыла их, и эта часть стены до нас не дошла (полностью сгнила). Остальные части строения фиксировались по его обгорелым остаткам. Внутри этой постройки XIII-1 обилие углистой земли указывало на гибель сооружения во втором друцком пожаре. Назначение сооружения неясно, очевидно лишь, что пол ее не был глинобитным или жердевым.

В этой части детинца были еще какие-то сооружения. В раскопе XIV на 6-ом штыке в его юго-восточном углу расчищены остатки хозяйственной постройки. Стена сохранилась на длину 4 м, внутри найдена среди прочих находок костяная петля колчана XIV. У. 6 (Алексеев, 1966. С. 266. Рис. 72, *3б*). В восточной части раскопа XV на 4-ом штыке – следы печи-каменки, под которой был настелен из мелких камешков. Здесь, следовательно, был еще дом, также погибший в том же пожаре. Сгорели еще какие-то строения 4-го штыка в северо-западной части раскопа XVI, где в квадратах АБЕЖ выявлен угол сруба с подкладками из небольших бревен. Это сооружение покоилось на остатках сгоревшей постройки с глинобитной печью с подом из камешков: хозяин пытался восстановить дом после пожара, но очертаний нового строения уловить не удалось. Следы все того же пожара виднелись и в северо-восточном углу раскопа XVI.

ВОПРОС О КНЯЖЕСКОМ ДВОРЕ И КНЯЖЕСКОМ ТЕРЕМЕ

Определяя назначение этой части детинца, я указывал, что она особенно интересна и прежде всего тем, что защищена самым высоким валом детинца, а также вторым валом окольного города или острога. Ни улиц, ни мелких, тесно поставленных домов и строений, столь частых у южного вала, здесь нет. Обнаружены две разновременные, сравнительно большие постройки с глинобитным полом (в одной) и очагами в виде печи-каменки.

Здесь иной характер находок и, в частности, много украшений из серебра. Шиферное пряслице с надписью "КЪНЯЖИНЪ" XIII. Щ. 4 (рис. 7, *1б*), два перстня с княжескими знаками (серебро) X. В. 4 (Алексеев, 1966. Рис. 34, *3*) и X. И. 4, шиферное пряслице с процарапанным княжеским знаком (Алексеев, 1966. Рис. 34, *2*) XIII. Ч. 2 (рис. 3, *4*), пластинчатый серебряный браслет со сканью XIV. Ф. 2 (рис. 3, *7*), полная аналогия которому в единственном экземпляре известна на Княжье Горе (древний город Родня – Хойновский, 1896.

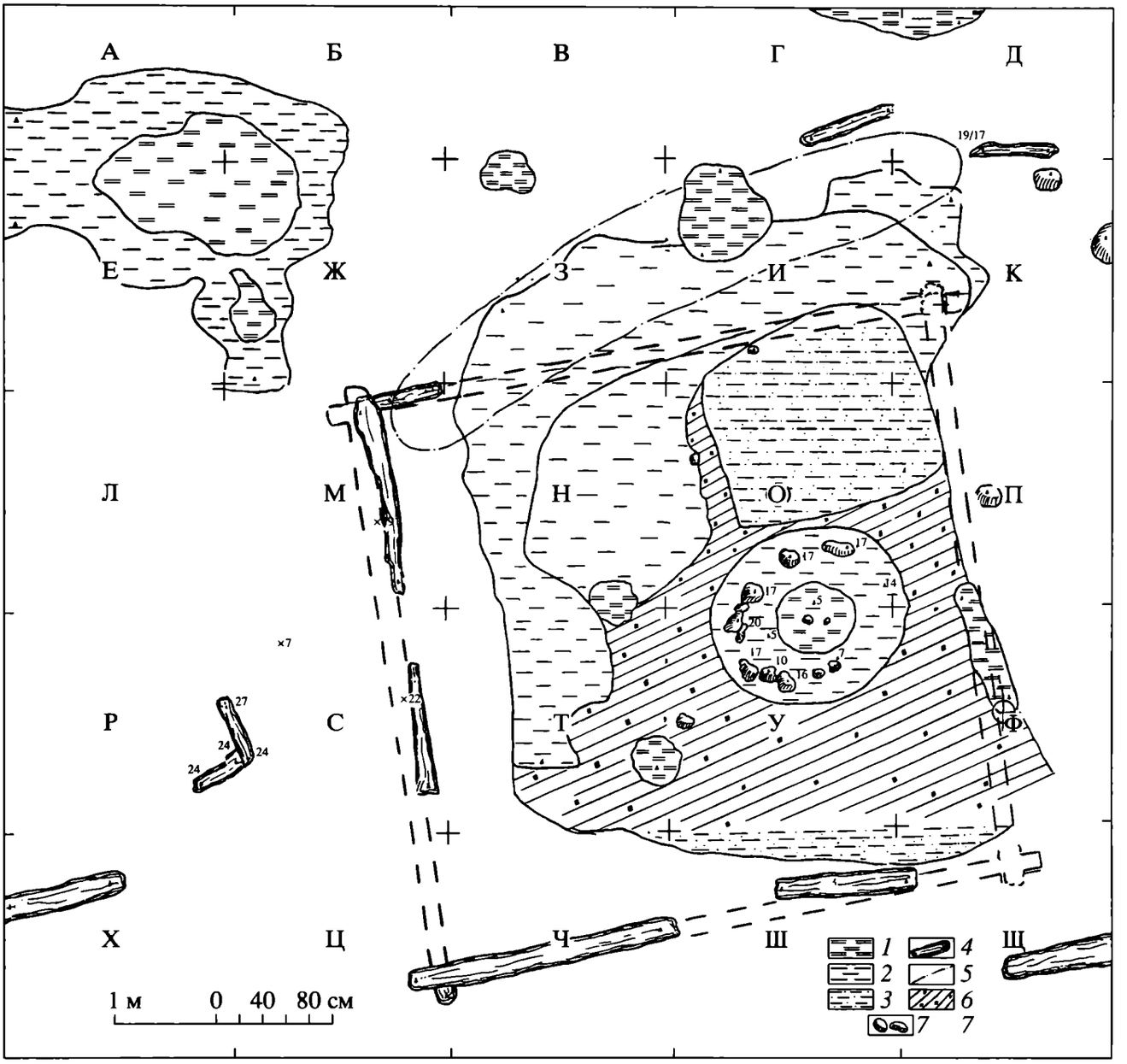


Рис. 6. Остатки деревянного строения с печью-каменкой в раскопе XIII, штык 5. *1* – Обожженная глина; *2* – белая глина; *3* – светлая супесь; *4* – древесные остатки; *5* – граница углистой земли; *6* – культурный слой с вкраплением угля; *7* – камни.

Табл. XI, *694*). Упомянем еще две золотые бусины XV. Л. 3, днище сосуда с княжеским знаком XIII. Л. 2, круглодротовый серебряный витой перстень XIV. З. 3 (Алексеев, 1966. Рис. 37, *4*), бронзовый витой браслет с плоскооткованными концами XV. К. 3 (Алексеев, 1966. Рис. 34, *1*). В западных раскопах найдено 27 поливных плиток пола из 45, полученных на детинце (табл. 1)[2]. Размер 9 × 9 см, полива традиционна: вишневого (коричневого), зеленого и желтого цветов, большинство было в пожаре, следов раствора нет нигде (рис. 8, *13*, *14*, табл. 1). Отсутствие раствора не должно удивлять: И.Г. Сахарова выяснила, правда, на материале XVII–XVIII вв., что в это время продолжала существовать "техника укладки плиток на песчаной подушке (... как) и в Владимирской Руси XII–XIII вв." (Сахарова, 1957. С. 141). Итак, мозаичный пол иногда выкладывался на песчаной или глиняной подушке, но все-таки кажется вероятнее, этот прием использовали лишь в деревянных постройках – церквах, теремах и т.д. (Тимощук, 1967. С. 7; Рыбаков, 1969. С. 331; Ионисян и др., 1983; Алексеев, 1993. С. 231). Итак, в западной части детинца

[2] В моей работе "Минск и Друцк" (Алексеев, 1998а. С. 15) указаны предварительные подсчеты количества поливных плиток детинца Друцка. Ныне, после проверки всей коллекции плиток, описей и полевых дневников их оказалось больше – на детинце – 45 (в таблицу не вошли три плитки VIII. И. 14; XI; XIX. Ш. 5 с детинца и все плитки с окольного города. О них – ниже).

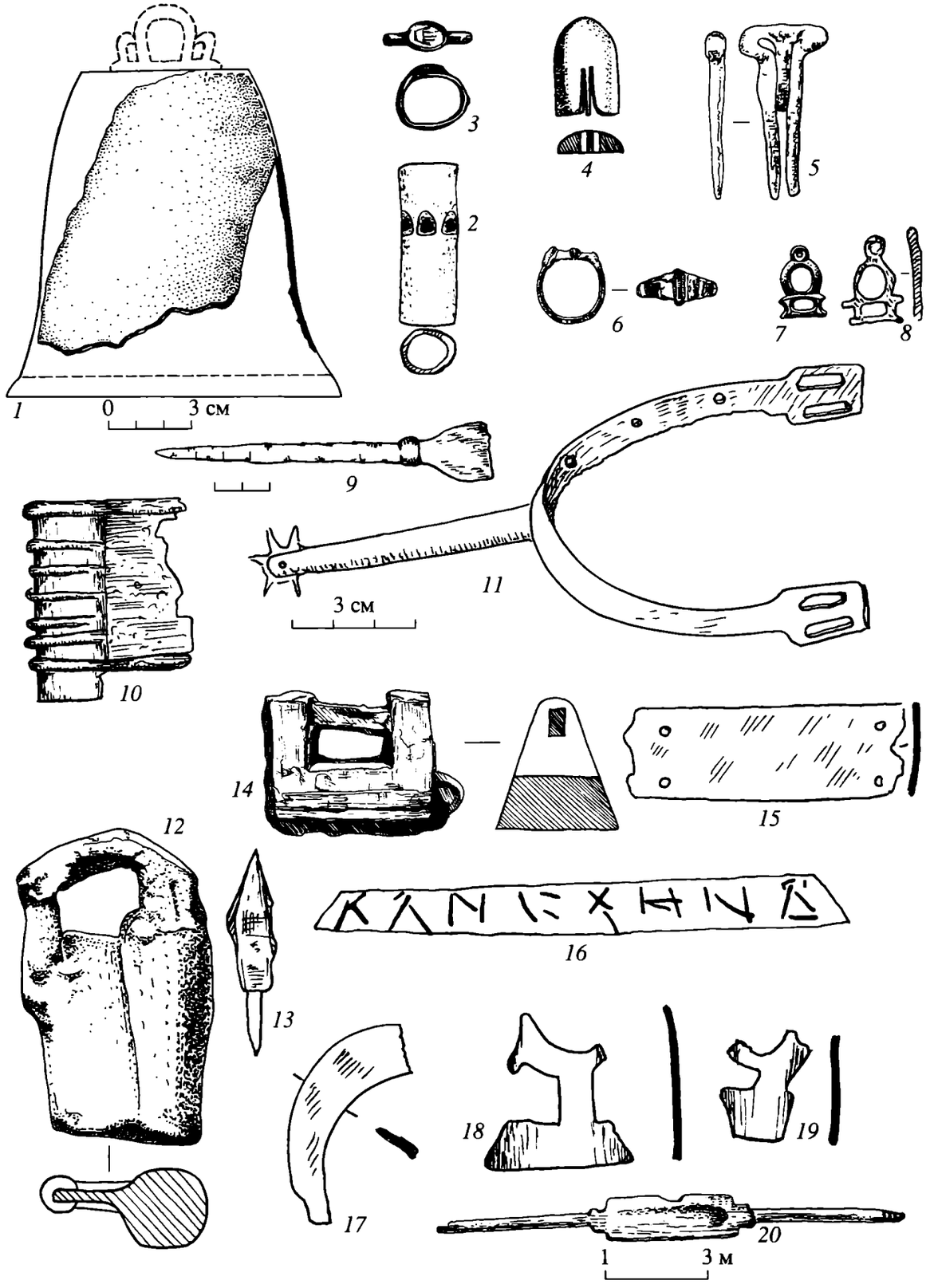


Рис. 7. Друцк. Находки из раскопок детинца, верхние слои. *1* – Часть бронзового колокола; *2* – юрок костяной; *3* – бронзовый перстень с изображением руки; *4* – костяной предмет; *5* – варган железный; *6* – серебряный перстень; *7, 8* – застежки от книги; *9* – писало железное; *10* – замок типа Г; *11* – бронзовая шпора с колесиком (XV–XVI вв.); *12* – замок цилиндрический; *13* – арбалетная стрела; *14* – замок типа Е (XV–XVI вв.); *15* – пластина железного панциря; *16* – шиферное пряслице с надписью "КЪНЯЖИНЪ"; *17* – часть серебряного оклада иконы (нимб); *18, 19* – части бронзового хороса; *20* – дубовая ось телеги.

Таблица 1. Распространение плиток детинца в раскопах

Штык	Южные раскопы			Центр					Западные			Итого
				Восточная часть			Западная часть					
	I	II	Ш	V	VI	XX	IX	X	XIII	XIV	XV	
1				И					В			2
2			А Е И	А Е					м		А з	8
3					З О				В		З З И М И	8
4	г			Н	Ф	Б С П Ж				Ф Х	Ж	10
5	о		о		Н	Д	Щ	н	В Л Л У			10
6	д		д				Г					3
7												
8												
Итого			Д									1

Обозначения: буквы указывают квадрат, где найдена плитка; заглавная буква – плитка обгорела, строчная – плитка в пожар не попала.

было построено здание с мозаичными полами, устланными единообразными, но трехцветными поливными плитками. Первоначально я предполагал, что это была особая княжеская церковь (Алексеев, 1998а. С. 15), однако кроме плиток здесь не было находок церковного характера, а находки с надписью "КЪНЯЖИНЪ", с княжескими знаками с несомненностью тянут к другому заключению: здесь, у самого высокого вала, закрытый со стороны окольного города еще одним дополнительным валом, скрывался княжеский терем, который и имел залу для приема послов и других надобностей торжественного характера, выложенную мозаичным полом. Поиски этого терема – дело будущих исследователей.

Церковь Богородицы на детинце, построенная в Друцке в 1001 г. (Тихомиров, 1968. С. 9), была, несомненно, деревянной и, следовательно, время от времени перестраивалась на одном и том же месте (как это было, например, с церковью-донжоном в Мстиславле – Алексеев, 1993. С. 217–238). На место, где она стояла, по-видимому, прежде всего указывает братская могила в северо-восточном углу детинца (над наспех положенными на землю покойниками насыпан общий курган – видимо, при осаде) (Алексеев, 2002). Неподалеку от кургана найдена часть сильно оплавившегося колокола XX. Л. 4 (рис. 7, *1*)[3]. Небольшой, с диаметром верхней части 15–20 см, он восстанавливается по форме с известным трудом: это, по-видимому, не был "ульеобразный" колокол, типичный для XII в. (Шашкина, 1985. С. 118. Рис. 1) – такой найден в Слободке на Орловщине (Никольская, 1987. С. 142. Рис. 75, *3*) – наш же колокол "переходной" формы рубежа XIII–XIV вв. (Шашкина, 1985. С. 218. Рис. 3). Эти колокола были "язычными", висели неподвижно (Кавельмахер, 1985. С. 40). Близкий к нему колокол, судя по рисунку (Лысенко, 1999. С. 180. Рис. 53, *16*), не оцененный автором раскопок и даже поименованный им "кусками колокольной бронзы из слоя XIV–XVI вв." (Лысенко, 1974. С. 43), найден в Турове. В Друцке, помимо кусков колоколов, в раскопе XX оказалась часть нимба серебряного оклада иконы (XX. Л. 4; рис. 7, *18*), неподалеку, в северных квадратах раскопа Ш найдены три бронзовых куска церковного хороса Ш. Д. 7, (рис. 7, *18*, *19*; рис. 8, *11*); три бронзовых крышечки кадила древней формы, тоже в северной части раскопа Ш (Ш. 777. 7) (рис. 8, *12*). В близких раскопах III, V, VI, XX найдено 19 поливных плиток пола, из которых только 2 не обгорели (табл. 1). Ясно, что деревянное здание с мозаичным полом, хоросом и колоколами было где-то возле названных раскопов (да и тяжелый колокол не мог отлететь от него далеко!). Плиток по сторонам этого района почти нет, то же и ниже 5-го штыка (табл. 1). Ясно, что 4–5-й штыки соответствуют дневной поверхности, на которой была выстроена церковь с мозаичными полами, вероятно, сменившая более раннюю 1001 г. Храм погиб в пожаре, многие плитки разлетелись, и колокола с их тяжелыми частями упали вниз. Разлетелась, видимо, и вся церковная утварь, которую не успели вынести из здания. Очень вероятно, что несколько найденных поблизости писал – VI. Н. 3 (рис. 7, *9*); XX. С. 2; XI. Щ. 5; XXII. И. 4 (рис. 3, *13*, *14*, *15*), также погибли при пожаре церкви: грамотными на Руси были, как мы знаем, в первую очередь служители церкви.

[3] Маленькая часть (4 см) нижней части колокола IX. Т. 6 найдена без следов огня и в раскопе IX (она сюда, очевидно, отлетела при его падении).

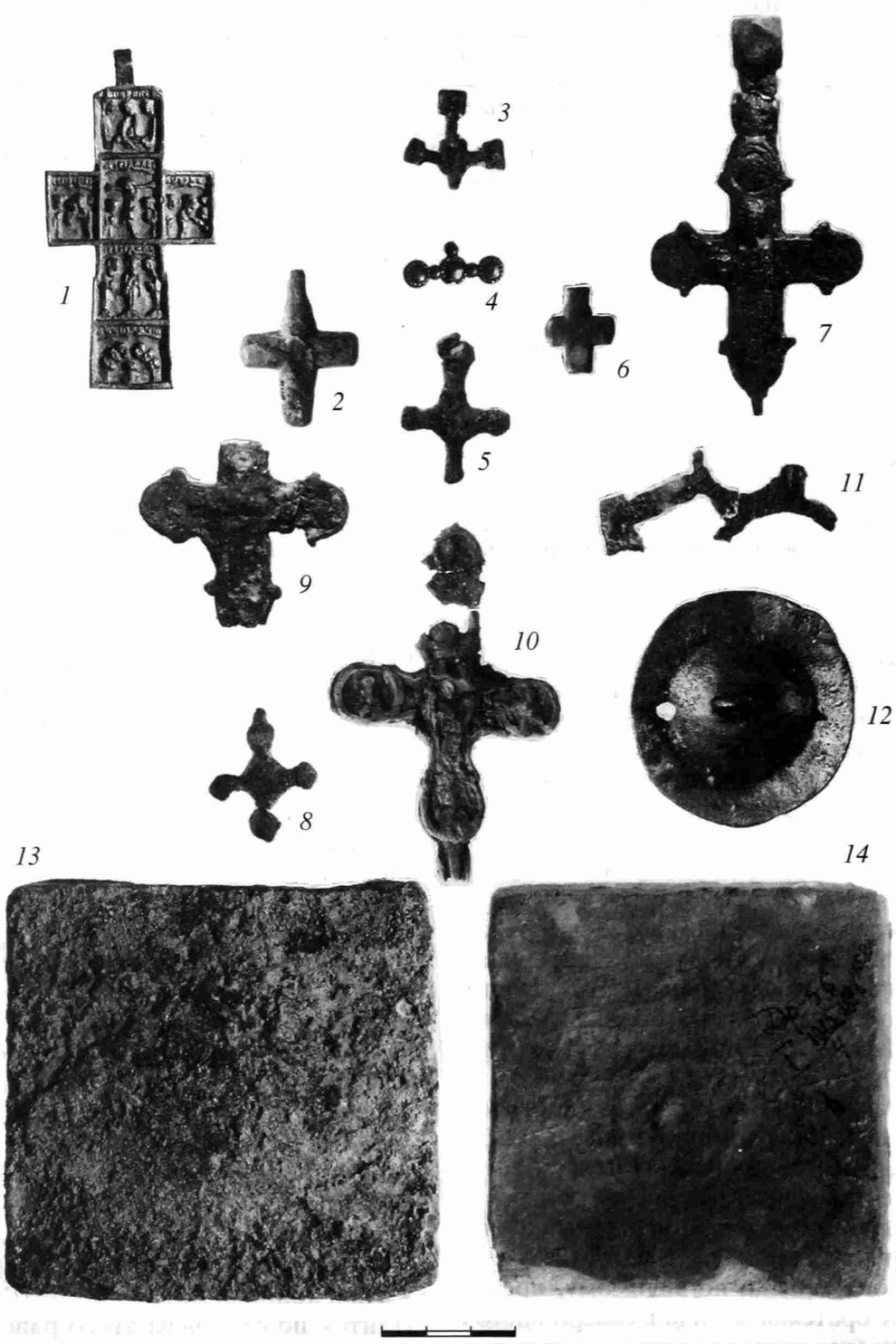


Рис. 8. Друцк. Предметы, связанные с христианским культом. *1* – Бронзовый односторонний крест из дернового слоя детинца (П. Ж. 1); *2* – каменный крестик; *3–6*, *8* – нательные крестики из бронзы; *7* – бронзовый энколпион (Х. Ц. 3); *9* – обратная сторона того же энколпиона; *10* – бронзовый энколпион; *11* – часть бронзового хороса; *12* – крышка кадила древней формы (?); *13*, *14* – керамические поливные плитки полов.

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ПОСТРОЕК НА ДЕТИНЦЕ

Трудно говорить о датировке наслоений, когда из-за состояния древесных остатков на памятнике дендрохронологическое исследование исключено, к тому же в основных слоях отсутствуют датирующие монеты, а датировки находимых древних вещей чаще всего растянуты во времени. Однако наш памятник все-таки дает возможность продвинуться и здесь, используя прямые и более всего косвенные соображения по двум этапам: установление относительной хронологии единовремен-

Таблица 2. Сводная таблица распространения стеклянных браслетов в южных раскопах детинца

р. III	Штыки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	колич.	–	3	4	7	28	42	53	20	7	4	2	2		
р. VIII	Штыки	4	5	6	7	8	9	10	11	12	14	15	16		
	колич.	–	–	–	4	14	47	60	25	20	13	25	20	13	
Общ. даты		XV–XVI вв.				н. XIV в.		1240		н. XII в.	XI в.				
						Массовое распространение стеклянных браслетов									

ных поверхностей памятника, а затем хронологии абсолютной тех из них, которые этому поддаются.

1. Материк – "единовременная" поверхность, которая нам дана и на которой поселились люди в конце X – начале XI в. (Алексеев, 2002).

2. Пожарище, перекрывающее 4-й слой, – вторая единовременная поверхность. Нам удалось ее датировать 1116 г. (Алексеев, 2002).

3. Выше этого пожарища лежат напластования с обилием стеклянных браслетов, общее распространение которых на Руси падает на рубеж XII–XIII – начало XIV в. (Полубояринова, 1963. С. 173; Колчин, 1982. С. 159). На этом материале выделяются 3 этапа:

А. Появление массовых находок браслетов на рубеже XII–XIII вв. (в Новгороде – с 1197 г.)

Б. Максимальное распространение браслетов на Руси – 1230–1240-е годы.

В. Исчезновение браслетов в русских городах в связи с прекращением их производства в Киеве (в связи с его разрушением в 1240 г. татарами в первые два десятилетия XIV в.).

Таблицы 2–4 характеризуют это явление в Друцке по раскопам южным (раскопы III и VIII), центральным (раскопы IX и X) и западным (раскопы XIII–XVI).

Любопытно, если сравнить количество шиферных пряслиц из Друцка по штыкам, то выяснится, что они распространены почти также, как и стеклянные браслеты, правда, в XII в. их несколько больше. Та же картина выяснена в раскопах Г.В. Штыхова в Полоцке (Штыхов, 1975. С. 53. Табл. 1, 2).

Что касается наших таблиц, приведенных выше, то они указывают нам следующие единовременные поверхности на детинце:

А. Поверхность, соответствующая *первому массовому распространению стеклянных браслетов*, датирующемуся, как мы сказали, рубежом XII и XIII в., на раскопе III залегала на 8-ом штыке, а на соседнем раскопе у вала – раскопе VIII – на 12-ом штыке (вал оплыл), на раскопах IX, XIII–XVI – на 5-ом штыке. На раскопе III это соответствовало новой планировке – второму послепожарному горизонту слоя III, когда возникла усадьба "А" и соседние, ориентированные по валу, когда был, по-видимому, вырыт к западу от раскопа I глубокий колодец и к нему протянулась первоначально незамощенная улица (объект № 17). Севернее, в районе раскопа XX, на этом уровне была возведена деревянная церковь с мозаичным полом, колоколом и т.д. На западных раскопах была возведена сравнительно большая в плане деревянная постройка с глинобитной печью вблизи восточной стены, раскоп XIII (рис. 6). Никаких строений западнее на этом уровне не встретилось (раскопы XIV–XVI). Может быть, именно тогда (первая половина XIII в.) здесь была свободная площадь княжеского двора?

Б. *Расцвет массового распространения стеклянных браслетов* (20–30-е годы XIII в.) на Друцком детинце соответствуют 7-му и 6-му штыкам раскопа III, 10-му–9-му штыкам раскопа VIII, 4-му и 3-му штыкам раскопов IX, X, XIII, XVI (табл. 2–4). На южных раскопах это дальнейшее развитие усадьбы "А" и соседних (3-й послепожарный горизонт слоя III), когда кое-где перемащивались мостовые, ремонтировался дом II-15, хлев VIII-18 сменили хлевом VIII-13 и т.д. Обилие плиток пола в западных раскопах указывает, что где-то здесь

Таблица 3.

Штыки	Раскоп IX	Раскоп X	Всего:
1	6	3	9
2	1	5	6
3	11	4	15
4	**51**	**63**	**114**
5	15	–	15
6	2	6	8
7	–	–	–
Всего:	85	81	167

Примечание: здесь и в табл. 4 полужирным дано максимальное количество находок.

Таблица 4.

Штыки	Раскоп XIII	Раскоп XIV	Раскоп XV	Раскоп XVI	Итого:
1	3	3	1	4	11
2	3	3	8	8	22
3	**13**	**24**	**23**	**52**	**112**
4	**10**	**27**	**28**	**53**	**118**
5	9	29	10	25	73
6	–	17	–	7	24
7	–	3	–	–	3
Всего:	38	106	70	151	363

стоял терем, парадная зала которого имела мозаичные полы. Плиток более всего встретилось на 5-ом штыке раскопа XIII, на 3-м раскопа XV (табл. 1). Во время гибели терема они, видимо, разлетелись довольно далеко (от раскопа XIII до раскопа XV), что могло произойти в том случае, если зал с плитками был на втором этаже (а постройка с печью в раскопе XIII могла быть нижней, отапливаемой частью терема).

С разгромом Киева в 1240 г. прекратилось поступление стеклянных браслетов в русские города. Их количество начало немедленно сокращаться. Этому времени соответствуют в Друцке 5-й и 8-й штыки на раскопах I, III, VIII (табл. 2) и 3-й штык на раскопах IX, X, XIII–XVI (табл. 3 и 4). В этот период на южных раскопах произошла полная перемена планировки, исчезли усадьбы "А" и соседние, на раскопе III, например, на месте проезда с мостовой № 23 была построена усадьба с хлевом III-12, от которой шел частокол к северо-востоку, ограждая еще какую-то новую усадьбу (рис. 5). Летописец Быховца сообщает, что при разгроме Киева "князь великий киевский Димитрий (...) бежал в Чернигов (...) и услышал, что мужики живут без государя, и зовутся дручане. Он собрал люде/й пошел к Друцку, и осел в земле друцкой и срубил город Друцк и назвался великим князем друцким" (Хроника Быховца, 1966. С. 36, 37). Такого киевского князя не было, был тысяцкий Димитр, наместник. Его пощадили татары не "мужьства ради его", как думает летописец, а потому, что он уговорил Батыя идти, видимо, на "богатых" угров, и хан ушел из Киева (Ипатьевская летопись, 1962. Стб. 782, 785, 786). Известно также, что после битвы у Могильно (1284) он бежал и именовался, как другие князья, "Дмитрий Друцкой" (Хроники литовские, 1975. С. 25). Нам ясно, что перемена планировки детинца связана с деятельностью Дмитрия с "людми". Керамика XII в., попадающаяся в верхнем слое вала окольного города, указывает на то, что он действительно "срубал город" (Алексеев, 2002), а земля шла из слоя XII в.

В. *Прекращение массового распространения стеклянных браслетов* на детинце дает нам еще один датированный слой – *первые десятилетия XIV в.* На южных раскопах это 4-й (раскоп I–III) и 7-й (раскоп VIII) штыки (табл. 3 и 4).

Выше, следовательно, залегают отложения XIV и XV вв., отражающие гибель города. Здесь найдено 43 наконечника железных и костяных стрел (из 70, происходящих из Друцка), преобладают стрелы XIV и XV вв. (например, рис. 9, *8*, определение А.Ф. Медведева), стрелы XI. А. 2–4; VIII. О. 3; VI. Г. 3; XIV. Н. 2; XI. О. 5; VIII. К. 1–3 (соответственно, рис. 9, *11–13*). Для даты важны шпоры со звездочкой – IX. К. 4 – XIV–XV вв. (рис. 3, *11*) и самая поздняя – со звездочкой, вынесенной на 6.5 см и сделанная в одной плоскости (XVI–XVII вв.; Никитин, 1971. С. 40. Табл. 4, *2*, *3*). Эта шпора в Друцке (траншея I. 3. 3) – единственный предмет этого времени (рис. 7, *11*), видимо, она сделана *в начале XVI в.*, что и датирует гибель города.

Из поздних слоев детинца происходят замки типа Г (XIII–XV вв., рис. 7, *10* – III. Г. 2) и типа Е, XIV–XVI вв. – X. Е. 2, рис. 7, *14* – Колчин, 1982. С. 162. Рис. 3. Сосуды, большая часть которых датирована Г.П. Смирновой (по Новгороду, личная консультация) XIV в. (IX. В. 3; XI. К. 3; X. М. 3 – поливной зеленый кубок; VI. Х. 2; XV. III. 1; XIII. М. 4; X. Е. 3; X. Л. 3 – соответственно, рис. 9, *2*, *6*, *10*, *11*, *15*). Красноглиняный кувшин X. Ц. 2. датирован (лично) Т.И. Макаровой XIV–XV вв. (рис. 9, *1*). Сероглиняный кувшин XX. М. 1, рис. 9, *7*, по Г.П. Смирновой "скорее, XIII в.". Третий уникальный кувшин – серо-глиняный, с коричневозеленой поливой (глазурью) и горизонтальными налепами по тулову X. Е. 5, датирован Т.И. Макаровой – XII–XIII вв. (рис. 9, *16*). Уникальной находкой из верхнего слоя является серебряный пластинчатый браслет со сканью XIV. Ф. 2 (рис. 9, *7*), также золотоордынские змеевики из бронзы X. Ж. 3 и VIII. М. 7 (рис. 3, *2*, *3*; Сокровища..., 2000. С. 69, 151), пряслице с княжеским знаком XIII. Ч. 2 (рис. 3, *4*). Интересны бронзовые чашки весов X. Г. 2 (рис. 3, *22*, *23*) и бронзовая гирька к ним V. В. 1 (рис. 3, *21*), светец XIV. Щ. 2 (и VIII. Р. 11, рис. 3, *9*, *17*); четыре писала XX. С. 2; XXII. И. 4 (рис. 3, *13*, *15*); VI. Н. 3 (рис. 8, *9*); XI. Щ. 5 (рис. 3, *14* – из слоя несколько более раннего). Части панциря: две VIII. М. 6; II. 859. 3 (рис. 3, *18–20*); бронзовые энколпионы: XIII. Ж. 3 (рис. 3, *6* – подобный см: Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1899. С. 4. Табл. X, *23*; Алексеев, 1974. С. 206. Табл. 1, *1*): такая отливка происходит из Киева – найдена на полу дома ювелира Максима, погибшего в 1240 г. в Десятинной церкви (Каргер, 1958. С. 387. Табл. LVIII, слева второй ряд). Видимо, энколпионы переходили из поколения в поколение. К несколько более раннему времени относятся бóтало XI. А. 5 (рис. 3, *16*) и

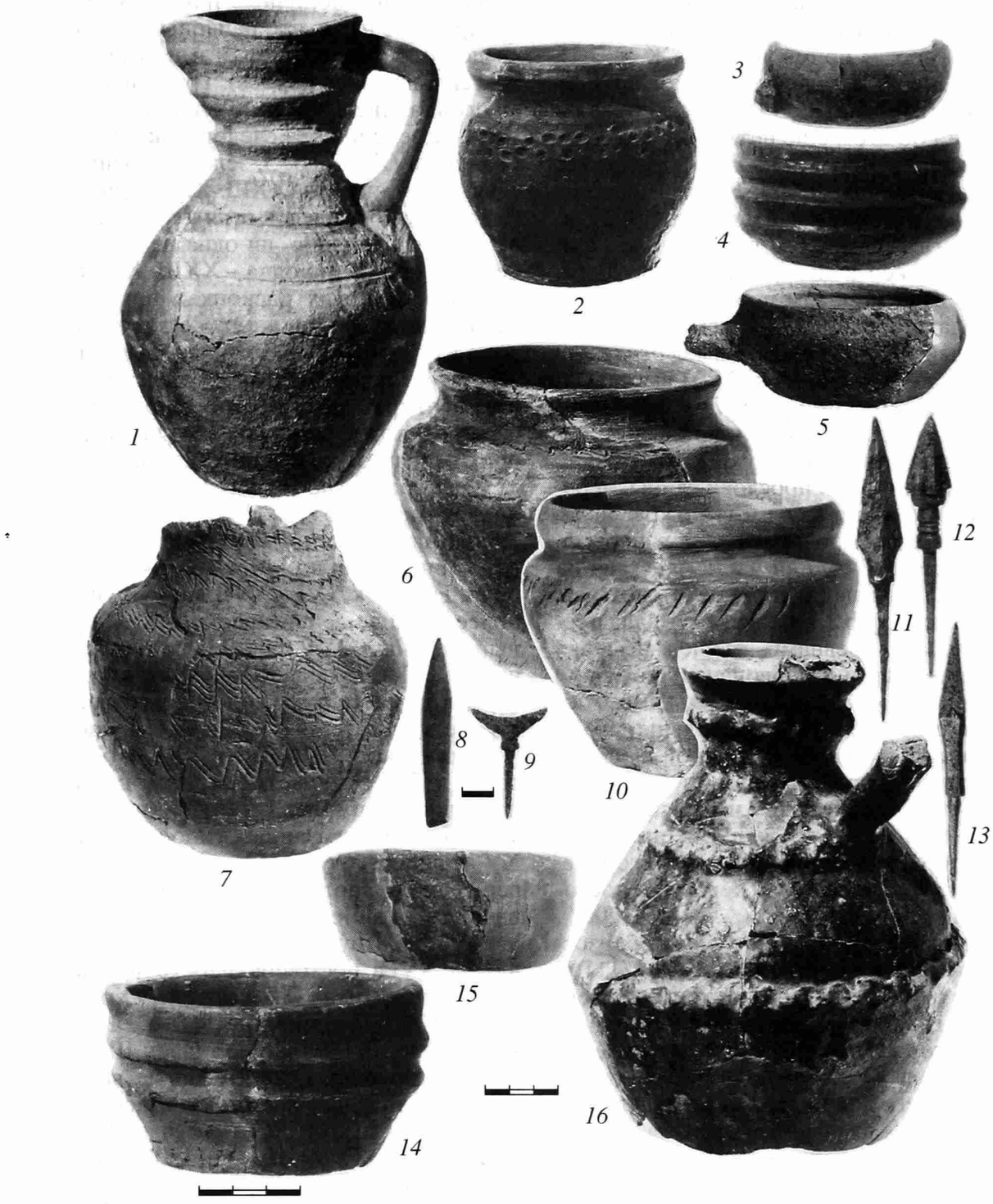


Рис. 9. Друцк. Находки из раскопок детинца (средний и верхний слой): *1* – красноглиняный кувшин XIV–XV вв.; *2* – сосуд XIV в.; *3* – сосуд XIV в.; *4* – зеленополивной кубок XIV в.; *5* – глиняный ковшик XIV в.; *6* – сосуд XIV в.; *7* – сосуд XIII–XIV вв.; *8* – костяная стрела; *9* – железная стрела; *10* – сосуд XIII–XIV вв.; *11* – наконечник стрелы железной; *12* – наконечник арбалетной стрелы; *13* – наконечник стрелы железной; *14*, *15* – глиняные чашки XIV в.; *16* – сероглиняный кувшин, покрытый зелено-коричневой поливой с горизонтальными налепами XII–XIII вв. Датировки сосудов даны Г.П. Смирновой по новгородским аналогиям.

скребница XXII. Г. 4 (рис. 3, *12*). Любопытны шахматные фигуры из кости – король X. Н. 2; ферзь X. В. 3 (Алексеев, 1966. Рис. 68, *9*, *13*), конь и слон, найденные при зачистке склона древнего колодца (Алексеев, 1966. Рис. 68, *10*, *11*).

ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД

На этой части памятника мы произвели лишь рекогносцировочные работы: неподалеку от конюшни Гордзялковского – шурф 1 × 1 м и пробный раскоп у вала (20 м^2), также у въезда произ-

веден разрез вала (Алексеев, 2002). В последние годы белорусские археологи в северо-западной части окольного города, примерно ары Ж и З-17 (Алексеев, 1966. Рис. 31), заложили раскоп в 132 м^2 (Друцк старажытны, 2000. С. 95), но сообщения в научном издании об этом еще нет.

Наш разрез вала пришелся на ар Г-20 (Алексеев, 1966. С. 150. Рис. 31; 2002). Ныне вал здесь имеет высоту от материка 6.4 м и ширину 27 м. Западнее – ров глубиной 1.6 м при ширине 12 м. Под валом обнаружен культурный слой в 20 см, отделенный от вала мощным пожарищем (до 0.5 м), вероятно, датирующийся все тем же 1116 г. Вал, возведенный над пожарищем, имел *основную* внутреннюю часть (9 м ширины, 2.7 м высоты) и часть снаружи к нему, *присыпанную* до максимальной высоты вала. Основная часть, внутренняя, в разрезе представляла полукруг, состоящий из многочисленных тонких прослоек глины, чередующихся с прослойками золы и угольков. Ясно, что, как и обычно, для прочности слои глины обжигались хворостом. *Внешняя* часть налегала на внутреннюю – присыпана позднее (Алексеев, 2002). Как показал шурф 2, нижняя часть вала в середине укреплялась бревнами, выше насыпана земля, еще выше (как и в первоначальном валу) прослойки глины чередовались с угольками и золой, но мощность прослоек здесь больше (15–20 см). Так укреплено ядро вала толщиной в 3.7–3.9 м. Вся конструкция продолжалась и выше, но слои глины и угля здесь толще и насыпаны небрежнее: подкоп здесь не угрожал. Внешнее ядро вала было без находок – глину брали на стороне. В верхней же части вала находки керамики постоянны, и вся она датируется XII в. (Алексеев, 2002). Здесь брали землю из культурного слоя поблизости, уже по сожжении города Мономахом (1116), отмеченном и в окольном городе нижним пожарищем, о котором говорилось. Нижний допожарный слой окольного города отражает, несомненно, неукрепленный посад XI в. Дата эта определяется по находкам нижнего допожарного слоя (Алексеев, 2002).

Наши небольшие работы в окольном городе велись в юго-западной части площадки у вала в аре Е-21, где слой меньше затронут помещиком Гордзялковским (Алексеев, 2002). Раскоп XXIII захватил лишь западную часть названного ара: квадраты – АЕЛРХ и БЖМСЦ – 40 м^2. Мощность слоя здесь оказалась 1.6 м (8 штыков). Остатки строений обнаружились лишь на 6-м штыке благодаря пожару – хозяйственная постройка, очевидно, квадратная со стороны 2.4 м, сгоревшая в 1116 г. Ниже, в слое XI в., сооружений не оказалось. Находки редки: на 8-м и 7-м штыках браслетов еще не было, пряслица редки. Лепной керамики, которую севернее находила белорусская экспедиция (Друцк старажытны, 2000. С. 96), в окольном городе нам не встретилось. Наиболее интересны среди находок поливные плитки мозаичного пола, похожие на те, что найдены на детинце, но гораздо более вытертые ногами (здание с этим полом сильнее посещалось). Три плитки с четвертого штыка (две с желтой поливой, обе XXIII. С. 4, одна – с зеленой без следов огня), по одной – с 5-го штыка (XXIII. Б. 5, зеленая полива без следов огня), с 6-го штыка (XXIII. Х. 6, коричнево-вишневая полива, без следов огня), с 7-го штыка (XXIII. М. 7). К сожалению, ни одна из плиток не имела целой стороны (но одна – XXIII. Х. 6 имела следы извести). В новых раскопках плитки оказались также квадратными и тех же тонов, но одна сторона их было 10 см (Друцк старажытны, 2000. С. 97), что отличает их от плиток детинца и показывает, что храм здесь построен другими мастерами и, вероятно, в иное время. Он предназначался прихожанам округи, а не князю с дружиной.

Когда же погиб Друцк? После второго пожара он, видимо, не возрождался, был заброшен, строения сгнивали, печи размывались дождями, что и дало консистенцию 1-го слоя, о которой мы говорили. Находок XVI и XVII вв. в Друцке нет. Наиболее поздние вещи (крест II. Ж. 1, красноглиняный кувшин Х. Ц. 2 (рис. 9, *1*) датируются XV – началом XVI в. (крест), XIV–XV вв. (кувшин). Шпора с далеко вынесенным колесиком известна в Вышгороде и датируется XV в., в Новгороде – до 1420 г. (Кирпичников, 1976. Табл. XXI, *4*, *6*). Наша шпора Тр. I. З. 3 отличается от них: она сделана в одной плоскости (рис. 7, *11*). Это явно позднейшая модификация указанных типов второй половины XV – начала XVI в. И вообще надо сказать, что вещи XV в. вполне могли быть использованы в начале XVI в. Летопись свидетельствует, что в начале XVI в. Друцк, князья которого в конце XV – начале XVI в. постоянно переходили на службу то к Руси, то к Литве – "к королю" (Хроники литовские, 1975; Летописи..., 1980. С. 234), еще был крепостью. В 1505 г. умер Иван III, в 1506 г. король Александр. Ожесточенные войны продолжались и при их преемниках Василии III (1505–1533) и Жигимонте (Сигизмунде) Казимировиче (Кром, 1995. С. 99–101). В 1507 г. к мятежному Михаилу Глинскому "пристали княжата друцкие" (Хроники литовские, 1975), а когда Глинский "пошол из городов русских к Москве (...) князь Михаил Мстиславский и князь Друцкий с городами своими Рша и Кричев и Мозыр отдались королю" (Летописи..., 1980. С. 234). Жизнь на друцком детинце прекратилась, по-видимому, в 1513–1514 гг., когда при Василии III русские воеводы "воевали Оршу, Дрьютескъ и Борисово" (Иоасафовская летопись, 1957. С. 192).

Обратимся к итогам. 1. Во второй половине X в. на холме высокого берега р. Друти пришедшими с севера кривичами был основан племенной центр "малого племени" – Друцких кривичей. Он был, видимо, на месте окольного города, как полагает

О.Н. Левко (Друцк старажытны, 2000. С. 95, 96) – о чем может говорить обилие там лепной керамики IX–X вв. (на Замковой горе ее редкие кусочки в материковых западинах).

2. В 1001 г. в Друцке строят церковь Богородицы – очевидно, при сыновьях Рогнеды он начал феодализироваться.

3. По раскопкам Э.М. Загорульского (1982. С. 139, 148), новую цитадель Минск строили в 1063–1066 гг. Очевидно, в эти же годы Всеслав строил подобную крепость на Замковой горе и на Друти (Алексеев, 1998а,б).

4. Пожар, отделивший слой XI в. и его близость к начальному распространению браслетов в Друцке позволяет отнести его к 1116 г. (Алексеев, 2002).

5. Послепожарный горизонт с постройками по сторонам света (возможно, частная инициатива) вскоре был сменен ориентировкой строений по валам: князьям нужна была крепость и восстанавливались укрепления. Действительно, в 1127 г. Друцк уже выдерживал осаду Ростислава Смоленского (результаты ее неизвестны; Лаврентьевская летопись, 1927. Стб. 298). Юг детинца был населен персоналом князя – его ремесленниками и т.д. Здесь возникло несколько маленьких частновладельческих усадеб (усадьба "А" и др.). Княжеская часть детинца была на его западе. Постройки здесь были несколько бóльшими и редкими. В центре памятника была городская площадь, церковь Богородицы была в восточной части детинца, ближе к реке.

6. Вопрос о сооружении окольного города не вполне ясен, ибо раскопки на нем еще не опубликованы О.Н. Левко. Он возник в XII в. либо при князе Борисе Всеславиче по смерти его отца (1101), либо при его сыне Рогволоде Борисовиче по возвращении из византийской ссылки, т.е. в середине XII в. Первое кажется вероятнее: начало XII в. – время, когда, получив княжения, Всеславичи отстраивались, как в Полоцке, так и в своих землях (Минская церковь и т.д.; Алексеев, 1993. С. 99–105), к тому же, в начале XII в. Борис не отвлекался еще на полоцкий стол, а его сын, наоборот, с 1146 г. был князем Полоцка и Друцким уделом занимался, несомненно, меньше. Все это пока предположения.

7. Вопрос о времени построения княжеского терема и княжеской церкви на детинце (с мозаичными полами то и другое), по-видимому, нужно решать в связи с расположением комплекса стеклянных браслетов. Поливные плитки полов расположены, мы видели, не ниже 5-го штыка, все они одного образца и, следовательно, сделаны одновременно (несмотря на то, что в западных раскопах, как, впрочем, и восточных они залегают и выше, что связано с гибелью зданий в пожаре). Пятый штык раскопов I, III датируется по браслетам временем гибели усадеб "А" и соседних и перепланировкой детинца, что мы связали с перестройками городища при князе Димитрие, очевидно, во второй четверти XIII в. Им, видимо, и возведены здания с мозаичными полами – терем и церковь Богородицы.

8. Трудно сказать, когда все эти строения были уничтожены: слишком перемешан культурный слой на 1–3 штыках, где много вещей XIV–XV вв. и есть даже находки XVI в. (по-видимому, его начала). Окончательно город прекратил существование, как мы говорили, в 1514 г. при нападении на него войск Василия III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966.

Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из Западно-русских земель // СА. 1974. № 3.

Алексеев Л.В. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // РА. 1993. № 4.

Алексеев Л.В. Минск и Друцк // Славяне и их соседи. К 70-летию Э.М. Загорульского. Минск, 1998а.

Алексеев Л.В. "Менские дреговичи" и полоцкие князья // РА. 1998б. № 2.

Алексеев Л.В. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. // РА. 2000. № 2.

Алексеев Л.В. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения) // РА. 2002. № 1.

Друцк старажытны. Мінск, 2000.

Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982.

Ионисян О.М., Могитыч И.Р., Свешников И.К. Церковь Параскевы-Пятницы в Звенигороде на Белке // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983.

Иосафовская летопись. М., 1957.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. II.

Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. М., 1985.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1927. Т. I.

Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. 1980. Т. 35.

Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.

Лысенко П.Ф. Туровская земля. Минск, 1999.

Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. 1971. Вып. Е1-34.

Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

Полубояринова М.Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117.

Рыбаков Б.А. Раскопки на Белгороде киевском // АО–1968. 1969.

Сахарова И.Г. О технике настила майоликовых полов // КСИА. 1957. Вып. 68.

Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.

Тимощук Б.А. Северная Буковина IX–XIV вв. по археологическим данным. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Черновцы, 1967.

Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.

Хойновский И.А. Археологические сведения о предках славян и Руси. Вып. 1. Киев, 1896.

Хроника Быховца. М., 1966.

Хроники литовские // ПСРЛ. 1975. Т. 32.

Шашкина Т.Б. Модульный метод колокольного ремесла // Колокола. История и современность. М., 1985.

Штыхов Г.В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

Drutsk in the 12th–16th cc. (General Problems of History on the Site)

L. V. Alekseev

Summary

The paper is a continuation of the article published in Rossiyskaya Arkheologiya, 2002, № 1; it discusses the upper cultural layers of Drutsk town known from the chronicles. The tribal centre of the Krivichians on the upper Drut' river emerged in the second half of the 10th c. Later this place was occupied by the walled town of Drutsk. The lowermost layer is dated back to the 10th–11th cc., it is followed by the fire horizon of 1116. The superimposed layer is characterised by the buildings oriented to the cardinal points constructed within the citadel. The buildings of the second layer following the fire were oriented according to the rampart; evidently, the latter was renovated. A number of city-manors were identified. The houses were divided by street signed № 17 leading to the well dug in the 12th c. The citadel area is 1 ha large, in its western part the prince's estate was situated (the spindlewhorl inscribed "КНЪЯЖИНЪ" and some artefacts with princely signs were found there). A church was built in the citadel near to the river, the spot is marked with floor glazed tiles, identical to those discovered at the place where probably the prince's chambers were situated. The chambers and Our Lady church, both adorned with glazed tiles on the floors were constructed probably by prince Dimitry. The southern part of the citadel was inhabited by the dependent tradesmen, whilst its centre was left uninhabited. Unfortunately, dendrochronological studies are impossible in Drutsk, therefore its chronology was based on the statistic distribution of numerous glass bracelets. Their mass spread falls within the early 13th c., in the late 14th c. they ceized (Tables 2–4). In the suburbs only ground survey was undertaken. Evidently, the territory was settled in the 12th c., a separate church with floor covered with glazed tiles existed there. The uppermost layer shows the picture of the town's destruction in the early 16th c. by the Moscow prince Vasily III in the course of his raid to Smolensk in 1514.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 99–110

ДИСКУССИИ

ПРИЗРАКИ И РЕАЛЬНОСТИ ЯМАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

© 2002 г. Н. В. Федорова

Институт Истории и Археологии УрО РАН
Екатеринбург

Полуостров Ямал до сих пор прочно удерживается в ранге "белого пятна" на археологической карте циркумполярной зоны Евразии и Америки. Американская Арктика, Гренландия, Фенноскандия, Кольский полуостров, северо-восток Сибири известны достаточно для того, чтобы дискутировать о частностях. На территориях Малоземельской и Большеземельской тундр зафиксировано большое количество памятников от эпохи камня до позднего средневековья. Полуостров Таймыр перестал быть "белым пятном" в результате выхода монографии Л.П. Хлобыстина (1998). Ямал же по-прежнему является, по выражению В. Фитцхью[1], "призрачным берегом арктических древностей" (Fitzhugh, 1997). Между тем археологические исследования, проведенные там в последние годы (1995–1997 гг.), позволяют несколько рассеять эту "призрачность" и поставить ямальскую археологию на более или менее прочное основание из фактов анализа раскопочных материалов, радиокарбоновых и дендрохронологических дат, палеозоологических и палеоклиматических исследований.

В статье я попытаюсь ответить на два вопроса:

1. Как появились наиболее "живучие" гипотезы в ямальской археологии?

2. Как они согласуются с фактами, полученными в результате новых исследований?

ПО СЛЕДАМ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА ИЛИ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В АРХЕОЛОГИИ (1920-е–1950-е ГОДЫ)

Роль В.Н. Чернецова как основателя западносибирской археологии утверждена в науке – с констатации этого факта начинается почти каждая работа, касающаяся археологии любой части Обь-Иртышского бассейна или полярной зоны Западной Сибири. Нет сомнения, что им был заложен фундамент всех последующих построений, но поставлю вопрос иначе: какую цель он ставил перед собой, закладывая этот фундамент, создавая первую для западносибирских древностей культурно-хронологическую схему? Внимательное изучение работ Валерия Николаевича приводит меня к мысли, что главными для него были этногенетические построения, а фундамент из археологических культур должен был служить лишь почвой для исторических корней культуры обских угров, которые он прослеживал вплоть до эпохи неолита. В результате этнографические приоритеты определяли археологические выводы, а не наоборот, что было бы логичнее. Характерным примером является судьба его работ на полуострове Ямал.

История изучения ямальских древностей фактически началась в 1928 г., когда руководитель экспедиции Уральского комитета Севера В.П. Евладов открыл первый археологический памятник на Ямале на мысе Тиутей (Моржовый мыс): "Я рассказал (Н. Котовщиковой – *Н.Ф.*) о моем открытии поселений сказочных людей "сирите" на мысе Тиутей. Это ее очень заинтересовало" (Евладов, 1992. С. 207; на этот сюжет обратил мое внимание А.В. Головнев, – *Н.Ф.*). 31 мая 1929 г. член экспедиции научно-исследовательской секции Комитета Севера В.Н. Чернецов прибыл на мыс Тиутей с целью изучения этих поселений. Будущему основоположнику западно-сибирской археологии, в то время – студенту, было 24 года. В результате обследования района, а именно, части берега Карского моря и залива, образованного слиянием рек Тиутей-яха и Сер-яха, В.Н. Чернецов зафиксировал два археологических памятника: поселение и дюнную стоянку. Итоги этих работ, дополненные его изысканиями на самом севере полуострова, на мысу Хаен, были опубликованы в 1935 г. в статье "Древняя приморская культура на полуострове Я-мал" в журнале "Советская этнография". Впоследствии он еще раз остановился на них в своих капитальных трудах "Древняя история Нижнего Приобья" (1953) и "Нижнее Приобье в I тыс. н.э." (1957). Статья 1935 г. скоро стала известна не только в СССР, но и за рубежом, породив массу откликов и дискуссий. Выход в свет в 1974 г. английского перевода основных работ по археологии Нижнего Приобья, принадлежащих В.Н. Чернецову и В.И. Мошинской (Chernetsov, Mozhinskaya, 1974), окончательно закрепил их точку зрения на древности Ямала в умах западных коллег. В отечественной же археологии авторитет В.Н. Чернецова был столь велик, что

[1] В. Фитцхью (William W. Fithugh) – директор Центра арктических исследований, департамент антропологии, Смитсониевский институт, США.

никому не приходило в голову анализировать основания его концепции.

Относясь с глубочайшим уважением к личности и деятельности В.Н. Чернецова, рискну, тем не менее, предложить критический разбор его данных о культуре древних обитателей Ямала. Необходимость такой работы давно назрела, так как проводимые нами в последние годы археологические работы на полуострове Ямал (памятники микрорайона Тиутей, городище Ярте VI) заставляют пересмотреть многие из его выводов. С этой целью позволю себе обратиться непосредственно к работам В.Н. Чернецова, а именно: его дневниковым записям лета 1929 г., опубликованным в 1987 г. в издательстве Томского университета (Источники..., 1987); статье 1935 г. и вышеупомянутым публикациям (Чернецов, 1953; 1957). Для простоты восприятия факты будут сгруппированы по следующим сюжетам: 1. Что В.Н. Чернецов проводил на мысу Тиутей: разведочные работы с ограниченной шурфовкой или более-менее стационарные раскопки? 2. Что он зафиксировал на поселении Тиутей-Сале: землянки, т.е. остатки углубленных в грунт жилищ, выглядевших в его время как впадины, или следы наземных жилищ? 3. Анализ находок на поверхности и в культурном слое, в том числе, находок костей животных. 4. Незначительный сюжет об эполетообразной застежке, вызвавший неожиданно серьезный резонанс. 5. Некоторые вопросы интерпретации результатов.

Сюжет первый: разведка или раскопки? В.Н. Чернецов, как уже упоминалось выше, прибыл на мыс Тиутей 31 мая 1929 г. Не совсем ясно, сколько всего времени он там провел, так как трагическая смерть от скоротечной цинги Н.А. Котовщиковой заставила его свернуть работы и срочно выехать на север Ямала. Последняя дневниковая запись с мыса Тиутей датируется 15 июня, а запись 17 июля (последняя из ямальских) сделана уже в чуме самоеда Сэйко Ямал близ устья р. Тамбей, на противоположном берегу Ямала. К сожалению, точно восстановить события и даты практически невозможно, но можно представить их более или менее вероятную модель. Н.А. Котовщикова умерла 16 или 17 июня, вскоре после этого в ее временный лагерь прибыл К. Ратнер, также участник этой экспедиции. Надо полагать, что К. Ратнер постарался сообщить о случившемся В.Н. Чернецову как можно скорее, но у последнего не было рации, поэтому известие к нему, скорее всего, пришло с ближайшей фактории с оказией. Предположим, от момента события до получения В.Н. Чернецовым известия прошло 10 дней – это довольно маленький срок для ямальской тундры 1920-х годов. Следовательно, В.Н. Чернецов, вероятно, узнал о случившейся трагедии 25–27 июня, и выехал из своего лагеря 28–29 июня. 17 июля, как достоверно известно, он был на р. Тамбей. Сколько дней ему потребовалось, чтобы пересечь Ямал с запада на восток? По-видимому, временной отрезок чуть более двух недель с момента его предполагаемого выезда до зафиксированного прибытия в устье р. Тамбей и был временем его пути. Для сравнения: маршрут от мыса Марре-Сале до р. Морды-Яха, который приблизительно вдвое короче расстояния от мыса Тиутей до р. Тамбей, он прошел более чем за 20 дней, с 23 августа по 13 сентября "на восьми нартах с легким грузом" (Источники..., 1987. С. 50). Естественно, в устье р. Тамбей он пытался добраться так быстро, как это возможно, и, тем не менее, своих оленей у него не было, их нужно было брать в чумах у ненцев, ему необходимо было как минимум две нарты для того чтобы вывезти снаряжение и добытые материалы, и так далее. Словом, вряд ли будет ошибкой считать, что В.Н. Чернецов свернул свои работы на мысу Тиутей около 26–27 июня. Обратимся еще раз к дневниковым записям, которые доведены до 15 июня. До этого срока нет ни одной записи о *раскопках* на поселении. Более того, снег в этой местности сходит окончательно только в июле, а многолетнемерзлые почвы не протаивают в течение всего лета на глубину большую 15–20 см. Что и подтверждают записи в дневнике: от 1.06 – "холм еще не совсем обтаял" (Источники..., 1987. С. 110); от 2.06 и 3.06 – "буран ююз, 3–5 баллов...", "сегодня буран еще сильнее..." (Источники..., 1987. С. 111). Только 7.06 В.Н. Чернецов еще раз посещает поселение: "холм почти обтаял" (Источники..., 1987. С. 113). Запись от 9.06: "каждый раз, *посещая* (курсив мой – *Н.Ф.*) стоянку..." (Источники..., 1987. С. 114), от 13.06: "зашел на холм..." (Источники..., 1987. С. 116). Таким образом, до 15.06 упоминания о раскопках нет. В оставшиеся до отъезда 10–11 дней, учитывая ситуацию с многолетней мерзлотой, В.Н. Чернецов мог, в лучшем случае, разобрать несколько кочек из разрушенных ненцами фрагментов культурного слоя и зачистить границы разрушений с целью выяснения его мощности. Тем не менее в статье 1935 года он пишет именно о раскопках поселения на мысу Тиутей: "...раскопки были произведены..." (Чернецов, 1935. С. 110). Да и весь контекст его рассуждений о конструкции жилищ и их отдельных деталях приводил читателя к стойкому убеждению, что в основе его рассуждений лежат именно результаты раскопок сооружений. Лишь один раз он обмолвился: "Известие о внезапной смерти моего товарища по экспедиции заставило меня бросить начатую *разведку* (курсив мой – *Н.Ф.*) и выехать к месту ее смерти" (Чернецов, 1935. С. 110). Представление о *раскопках* В.Н. Чернецовым жилищ на мысу Тиутей было настолько прочным, что никогда не подвергалось сомнению: "Им были открыты и раскопаны жилые комплексы на мысах Тиутей-сале и Хэйн-Сале" (предисловие к сборнику статей, по-

священных памяти В.Н. Чернецова: Проблемы..., 1973). Между тем этот сюжет представляется достаточно принципиальным, поскольку дает основание судить о надежности информации, сообщаемой В.Н. Чернецовым далее. Итак, кажется можно считать установленным, что В.Н. Чернецов не производил раскопок на Тиутей-Сале, ограничившись незначительными по объему работами: шурфовкой или зачистками обнажений культурного слоя.

Сюжет второй: землянки или наземные жилища? В статье 1935 г. В.Н. Чернецов называет остатки жилищ землянками: "...группа из трех землянок расположена на краю берегового обрыва..." (Чернецов, 1935. С. 111, 112). И далее: "Характер землянок удалось восстановить лишь частично, так как они сильно были разрушены ненцами, неоднократно раскапывавшими их в поисках медных предметов. Можно лишь указать, что они были круглые, одна диаметром 7 метров, две другие несколько менее. В центре землянки помещался очаг. По окружности землянок можно обнаружить остатки вертикальных столбов, но конструкцию кровли восстановить не удалось..." (Чернецов, 1935. С. 112). Представление о том, что В.Н. Чернецов обнаружил на поселении Тиутей-Сале остатки углубленных в грунт жилищ, землянок, кочует из работы в работу, не вызывая ни у кого ни малейшего сомнения. Обратимся снова к дневниковым записям: "...я повернул на ВСВ по направлению к устью Сэряга, где в бинокль был виден обтаявший холм сиртя ма" (Источники..., 1987. С. 110). И далее В.Н. Чернецов описывает почти ежедневные посещения этого холма, разрушения культурного слоя, случившиеся в результате "раскопок", производимых ненцами. В записи от 13.06 читаем: "В стороне от холма-3..." (Источники..., 1987. С. 116). Кстати, на приведенной в статье 1935 года иллюстрации под названием "Землянка на мысу Тиутей-сале" (Чернецов, 1935. С. 115. Рис. 3) сооружение выглядит именно как холм, а не углубление. История превращение холмов в землянки становится понятной, если вспомнить, что В.Н. Чернецов был учеником В.Г. Богораза и не только находился всецело под влиянием и обаянием его теорий, но и имел прямые инструкции поискать на Ямале следы древней культуры, ориентированной на морскую охоту. Найдя холмы, состоящие из культурного слоя, и не имея физической возможности провести их раскопки и разобраться в характере напластований, он посчитал их итогом разрушения жилищ типа подземных построек эскимосов, а сами напластования, достигавшие мощности 40 см – остатками кровли.

Здесь необходимо отметить следующее: почвенные условия в местной тундре таковы, что при снятии 20 см верхнего слоя последующие слои тут же превращаются в мокнущую, иногда даже полужидкую субстанцию, требующую проведения дренажных работ даже только для разборки культурного слоя, не говоря уже о невозможности обитания на ней. Но В.Н. Чернецов был абсолютно уверен в том, что нашел следы углубленных жилищ. Более того, когда через много лет они с В.И. Мошинской раскопали жилище усть-полуйского времени в Салехарде (Мошинская, 1953), то в интерпретации его исходили опять же из пресловутой теории эскимосоподобия. Так, описав фиксирующуюся вдоль одной из стенок жилища канавку и посчитав ее дренажным сооружением (что, вероятно, совершенно справедливо), и далее приведя аналогии в конструкции построек у нарымских селькупов, автор статьи (и отчета) дальнейшие аналогии ищет на северо-востоке Азии: у айнов и чукчей. А затем следует весьма многозначительный вывод: "*Очевидное* (курсив мой – *Н.Ф.*) сходство в конструкции салехардской землянки с подземными жилищами северо-востока Азии является еще одним штрихом, характеризующим древнюю культуру Нижнего Приобья и близость ее с палеоазиатскими культурами северо-востока Азии" (Мошинская, 1953. С. 182).

Сюжет третий: находки. Описывая кости животных, обнаруженные как на поверхности, так и в культурном слое, В.Н. Чернецов в статье 1935 года пишет: "Подавляющее количество костей принадлежало морскому зверю, преимущественно моржу, черепа которого можно найти вокруг землянок *десятками*. Кости сухопутных животных встречаются в *значительно меньшем количестве*". В работе 1957 г.: "Вокруг землянок можно было найти *десятки* черепов моржей" (курсив мой – *Н.Ф.*). Цитирую дневниковые записи: "Что сразу бросается в глаза, так это обилие костей. С краю лежит *несколько* моржовых черепов (курсив мой – *Н.Ф.*), уже почти истлевших, а по всему холму разбросаны кости как ластоногих, так и оленей..., песцов, птиц (несколько лебединых) и обломок мамонтового клыка" (Источники..., 1987. С. 110). Не менее интересную трансформацию претерпевают останки кита. Запись в дневнике от 8.06: "На самой середине холма нашел кусок *китового уса*" (Источники..., 1987. С. 113), и далее, среди описания находок опять же упоминаются два фрагмента пластинок из *китового уса*. В статье 1935 г.: "Здесь были найдены *остатки* моржа, тюленя, кита, белого медведя, песца и северного оленя" (Чернецов, 1935. С. 112). Наконец, в работе 1957 г. читаем "здесь найдены *кости* моржа, тюленя, кита, белого медведя, песца и северного оленя" (Чернецов, 1957. С. 193; курсив всюду мой – *Н.Ф.*). Поясню разницу. Находки пластин китового уса в культурном слое памятников Приполярья и Заполярья не редкость, даже если памятник удален от морского побережья, и ни в коем случае не являются свиде-

тельством занятия морским зверобойным промыслом. Кости кита, даже если они не добыты в результате охоты, а являются остатками выброшенной на берег китовой туши, дают совершенно другой контекст культуры, тем более на Тиутей-Сале, где выброс туши по природным условиям весьма проблематичен. Итак, приходится констатировать, что резкое "увеличение" количества моржовых черепов по сравнению с дневниковыми записями, а также "появление" костей кита являются влиянием изначально заданной гипотезы о приморском характере культуры населения Тиутей-Сале. Небольшое недоразумение произошло и с находками на дюнной стоянке (второй памятник, найденный и обследованный В.Н. Чернецовым в районе мыса Тиутей, расположенный непосредственно на берегу Карского моря). В статье 1935 года после описания керамики читаем: "кроме перечисленных предметов на дюнах был найден кусочек листовой меди и обломок совершенно изоржавевшего железного предмета вроде ножа" (Чернецов, 1935. С. 111). Эти строчки отсутствуют в работе 1953 г. Опять же, умолчание довольно серьезное. Дело в том, что "кусочек листовой меди", вернее, фрагмент стенки медного котла, как и железный нож, никак не могли оказаться в материале памятника, который в 1953 г. В.Н. Чернецовым был отнесен к самому началу железного века, к доустьполуйскому времени.

Маленький сюжет об эполетообразной застежке, породивший значительные отклики и даже дискуссии, выглядит следующим образом. В.Н. Чернецов приводит в статье 1935 г. рисунок эполетообразной застежки пьяноборского типа и пишет следующее: "...бронзовые предметы, найденные ненцами в условиях, видимо, схожих с землянками Тиутей-Сале. Из этих предметов мне известны: бронзовая эполетообразная застежка пьяноборского типа с изображением медведя..." (Чернецов, 1935. С. 123). В дневниковых записях ситуация выглядит несколько иной: "В чуме Нюмзи Вануйты я увидал пояс с украшениями на нем, несомненно древнего происхождения... он сказал, что пояс не его, и он не знает, чей" (Источники..., 1987. С. 61, 62). Сюжет этот в контексте его рассуждений не имеет никакого значения, но, повторюсь, он получил неожиданно большой резонанс, о чем речь пойдет ниже.

Сюжет пятый: некоторые вопросы интерпретации результатов. В заключительной части статьи 1935 года В.Н. Чернецов приводит данные о приморской культуре из описаний путешественников XVI–XVII вв., касающиеся региона Баренцева моря, островов Варандея, Вайгача и Новой Земли. И делает окончательный вывод: "Итак, на основании раскопочного и литературного материала можно установить основные моменты, характеризующие древнюю культуру побережья Баренцева и Карского морей. Экономической базой этой культуры являлась охота, в основном на морского зверя, причем ряд данных позволяет говорить о высоком (так! – *Н.Ф.*) развитии морского зверобойного промысла. "..." Параллельно с этим следует отметить широкое бытование гарпуна, по типу схожего с палеоазиатско-эскимосским. О степени развитости морского промысла можно судить также по наличию кожаного каюка..." (Чернецов, 1935. С. 130). Во-первых, вызывает удивление упоминание гарпунов "палеоазиатско-эскимосского типа". Для эскимосских культур северо-востока Азии и севера Америки характерны поворотные костяные гарпуны, ничего похожего на которые в памятниках Ямала не встречено. В рисунках, иллюстрирующих материалы В.Н. Чернецова из раскопок (?) на Хаэн-Сале, приведен обломок железного изделия, которое он считает обломком гарпуна, и которое может быть фрагментом наконечника стрелы типа срезень (Чернецов, 1935. С. 121. Табл. III, *4*). Об остальных он упоминает в тексте: "Во всех землянках найдены несколько наконечников гарпунов, все они более или менее однообразной треугольной формы" (Чернецов, 1935. С. 120). Даже если эти орудия и являлись фрагментами или наконечниками гарпунов, ничего общего с палеоазиатскими они не имеют. Во-вторых, система доказательства наличия культуры морских зверобоев строится по схеме: описывается некая сумма археологических фактов, далее приводятся этнографические данные, приблизительно с этой территории, без связи с археологическими фактами, потом, в результате, общая концепция создается, исходя из данных этнографии или письменных источников, а факты археологии служат в лучшем случае иллюстрацией к ней. Хорошим примером является история с каюками, которые перекочевав из записок путешественников XVI–XVII вв., стали элементом ямальских археологических культур и одним из доказательств их "зверобойности".

Так создается призрак эскимосоподобной культуры с приморским типом адаптации. Довольно скоро этот призрак начинает свое победное шествие по Европе. В 1948 г. выходит знаменитая статья Х. Ларсена и Ф. Рейни о возможных связях культуры Ипиутак и культуры типа Тиутей-сале, которую они рассматривают в качестве одного из возможных предков Ипиутака (Larsen, Rainey, 1948). Более того, они пишут: "Чернецовым (!) сделана еще одна не менее значимая находка – металлическая брошь или подвеска пьяноборского типа с изображением лежащей между передними лапами медвежьей головы. Ее присутствие на Ямале показывает, что арктические морские зверобои были как-то связаны с металлопроизводящими культурами более южных территорий" (Larsen, Rainey, 1948. P. 158). А далее говорится о параллелях в искусстве культуры Ипиутак и Пермского звериного стиля, объясняемых родст-

вом первой с ямальскими морскими зверобоями (так незначительный, казалось бы, сюжет об эполетообразной застежке получает значительный резонанс). Статья таких авторитетов сильно укрепила позиции эскимосоподобия Ямальских древностей. В 1959 г. Честер Чард попытался опровергнуть идею о западносибирских предках эскимосских культур: "утверждения в американской и другой западной литературе, что все... ямальские памятники содержали поворотные гарпуны, жировые лампы и остатки каяков, не имеют каких бы то ни было оснований... простая утилизация ресурсов морских млекопитающих не соответствует эскимосской или иной подобной ей культуре" (Chard, 1959. P. 84). И далее: "...данные сибирской археологии... совсем не подтверждают перемещения Ипиутак или иной любой эскимосской культуры из Обского региона на Аляску" (Chard, 1959. P. 85). Тем не менее "призрак" остается на редкость живучим. "...По форме хозяйства усть-полуйская культура близка к культурам прибрежно-материкового типа, так называемой докитобойной стадии палеоэскимосов, представленных такими памятниками, как Ипиутак" (Мошинская, 1965. С. 41, 42); Л.П. Лашук, 1968 г.: "...*в землянках* на мысу Тиутей-Сале в изобилии разбросаны кости моржа, тюленя, *кита*, белого медведя") (Лашук, 1968. С. 192, курсив мой – *Н.Ф.*); "По археологическим данным на побережье Ямала в конце I – середине II тыс. н.э. существовали поселения оседлых (полуоседлых) охотников на морского зверя" (Головнев, 1993. С. 43).

Подводя итог археологическому изучению полуострова Ямал в 1920-е–1950-е годы, нужно констатировать следующее. Во-первых, В.Н. Чернецовым были сделаны первые шаги по изучению археологических памятников на полуострове Ямал. Он соотнес их с древностями таежного региона и включил в общую культурно-хронологическую схему эпохи железа, предложенную им для всей территории Западной Сибири. Это явилось несомненной заслугой В.Н. Чернецова, а его идея о родстве таежных и тундровых культур Западной Сибири отнюдь не утратила своей актуальности. Во-вторых, в литературе прочно утвердилась теория о существовании на Ямале в эпоху железа эскимосоподобной культуры оседлых морских зверобоев, которая в силу некоторой аксиоматичности восприятия наследия В.Н. Чернецова не только советскими и российскими археологами, но и нашими зарубежными коллегами, до сих пор практически никем не оспаривалась.

ВРЕМЯ "СБОРА КАМНЕЙ" (1960-е–1980-е годы)

В 1960-е годы пальма первенства в полевых исследованиях советских археологов постепенно переходит к работам в зонах новостроек, а изучение таких удаленных и – тогда еще – промышленно не осваиваемых районов, как полуостров Ямал, остается всецело уделом энтузиастов североведения. Отсюда небольшие объемы и определенная точечность (чтобы не сказать – случайность) их обследований и в результате отсутствие сколько-нибудь крупных обобщающих работ. Для сравнения: в это время появляется несколько таких работ, написанных на материалах культур таежной зоны Западной Сибири (Косарев, 1974; 1984; Чиндина, 1977; 1984). В 1960-е – 1970-е годы на Ямале работали экспедиции ЛОИА АН СССР и МГУ под руководством Л.П. Хлобыстина и Л.П. Лашука. Л.П. Хлобыстин стационарных раскопок не производил, но обследовал разведками южные районы полуострова. На основании этих разведок им (в соавторстве с Л.П. Лашуком) выделены культурные типы памятников эпох камня–раннего металла, а именно: йоркутинского типа на юго-западе Ямала, ортинской культуры в ее пернашорском варианте, тазовской и хэяхинской культур (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 45, 46).

Л.П. Лашук в 1961 г. произвел стационарные раскопки на двух памятниках юго-восточного побережья полуострова в районе бухты Находка: жертвенном месте Харде-Седе и поселении Находка. В результате анализа материала из раскопанных памятников Л.П. Лашук, упомянув большое сходство его с тиутейсалинским, выделил особую тиутейсалинскую культуру, распространенную, по его мнению, в Большеземельской тундре, на Ямале и далее, вплоть до р. Таз. По мнению Л.П. Лашука, выделенная им культура имеет очевидные связи с оронтурской культурой Обского бассейна (Лашук, 1968. С. 188). Далее он замечает: "...ставить знак равенства между их (тиутейсалинским – *Н.Ф.*) хозяйством и хозяйством оседлых обитателей оконечности Чукотки не совсем правомерно... Создатели приполярной культуры типа Тиутей-Сале, Находки, Хэйбидяпэдара были прежде всего охотниками на дикого оленя и рыболовами, кочевавшими в зависимости от времени года от границ тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей" (Лашук, 1968. С. 192). Будучи этнографом по специальности и кругу интересов, Л.П. Лашук основное внимание в этой работе уделяет проблеме "сиртя" – ушедшему под землю народу ненецких легенд или "досамодийскому" "палеоазиатскому" населению Ямальских тундр. С этого времени ямальская археология становится на долгое время археологией сиртя (сихиртя). К сожалению, ни тема, ни объем данной статьи не оставляют мне возможности хоть сколько-нибудь углубиться в эту интереснейшую проблематику.

После почти десятилетнего перерыва, с середины 1980-х годов приоритет в изучении археологических памятников на Ямале переходит к экспедиции Тобольского пединститута (ТГПИ) под

руководством А.В. Головнева. Я бы рискнула назвать это время "героическим периодом" ямальской археологии. Действительно, небольшая группа исследователей, довольно скудно (на современный взгляд) экипированная, менее чем за 10 лет открыла около 40 археологических памятников на всей территории Ямала от крайних северных до южных границ полуострова, в их числе такие, как необыкновенное для тундровых районов по мощности культурного слоя городище Ярте VI (сводку памятников см. Косинская, Федорова, 1994). Благодаря им археологическая карта Ямала както заполнилась, их данные позволили нам в дальнейшем делать выводы о времени и путях заселения полуострова человеком. Результаты работ этого коллектива воплотились, главным образом, в печатных работах и фильмах его руководителя А.В. Головнева, в которых история археологических древностей Ямала предстает в виде ярких, зрительных, запоминающихся эпизодов. Краткий итог был подведен им в учебном пособии "История Ямала" (1-е издание вышло в 1992 г., 2-е – в 1994) и ряде статей (Golovnev, 1992; Головнев, 1998). К сожалению, как всякий "героический" период, он имеет и вполне определенные недостатки – не всегда хорошо сняты планы памятников, иногда отсутствует фотофиксация, трудно привязать местонахождения на местности. Последнее, впрочем, скорее отражает не субъективные недостатки исследователей, а объективную реальность тундры, где точная привязка памятников часто просто невозможна. Ими были проведены и стационарные раскопки нескольких памятников, в том числе уже упоминавшегося городища Ярте VI, расположенного в нижнем течении р. Юрибей. Мощный культурный слой и обилие находок из кости, дерева, кожи и других органических материалов сразу поставили этот памятник в разряд уникальных. Опять же скажу, к сожалению, экспедиция ТГПИ не остановилась на небольших по площади раскопках 1990 года, а исследовала приблизительно 2/3 площади памятника. Руководитель раскопа А.В. Соколков пока не представил в печатном (и даже в рукописном – за последние годы) виде результаты работ, которые, боюсь, медленно, но верно превращаются в типичный археологический "долгострой", существующий ныне в виде великолепной, но – увы – лишенной контекста коллекции артефактов.

Попытки подвести итоги концептуального развития ямальской археологии за предыдущие 60 лет были сделаны в первой половине 1990-х годов под эгидой ИПОС СОРАН в двух изданиях: "Памятники древних и средневековых культур Ямала" (Матвеев, Зах, 1994) и "Ямал – знакомый и неизвестный" (Матвеев, 1995). Толчком для написания этих работ послужили разведки в бассейне р. Морды-Яха, проведенные В.А. Захом в 1991 г., где им были обнаружены шесть памятников. В этих публикациях довольно подробно освещаются результаты исследований Л.П. Хлобыстина и Л.П. Лашука по созданию периодизации памятников эпох неолита–раннего металла, эпоха железа излагается по работам В.Н. Чернецова.

Более основательно итоги изучения археологических древностей Ямала были, между тем, подведены за рубежами России. В 1995 г. В. Фитцхью совместно со своим аспирантом С. Хаакансоном представили доклад на встрече антропологической ассоциации Аляски в Анкоридже. На английском языке статья опубликована в сборнике, посвященном Йоргену Мелдгаарду (Fitzhugh, 1997. P. 99–118), на русском языке в переводе А.В. Головнева она выходит в первом выпуске "Древностей Ямала" (Фитцхью, в печати). Автора статьи, естественно, прежде всего интересовал "поиск общеисторических и культурных связей между народами Арктики", который он назвал "давней и стойкой идеей циркумполярной антропологии и археологии" (Фитцхью, в печати). В. Фитцхью отмечает две альтернативные реконструкции хозяйственных систем у населения Ямала до XVII в. 1. Специализированная морская охотничья культура с постоянным круглогодичным проживанием на северном Ямале в местах с высокой концентрацией биоресурсов типа Тиутей-Сале, дополненная промыслом оленей и рыболовством в глубинных районах тундры (версия Чернецова–Головнева). 2. Двойственная экономика, при которой одна часть местного населения занималась выпасом небольших оленьих стад и мигрировала между лесом и северным Ямалом, а другая вела оседлую жизнь, промышляя морского зверя и тундровую дичь на севере Ямала (версия Мошинской–Крупника) (Fitzhugh, 1997). Собственные исследования на Ямале в 1994–1996 гг. также приводят его к заключению о двойственном характере экономики ямальского населения в эпоху железа, когда часть населения пасет оленей и мигрирует вслед за стадами, часть оседло промышляет морского зверя и тундровую дичь на севере Ямала. "...Очевидно, что до 1700-х годов на Ямале существуют как домашние, так и дикие олени, что ранние, или доненецкие поселения, были более оседлыми, чем современные, состояли из меньшего числа чумов и жителей (по 2–3 жилища на стойбище) и были приурочены к прибрежным и глубинным районам, которые до сих пор используются ненцами, однако редко заселялись более, чем на один сезон. Радикарбоновые даты показали, что эта ранняя, более многообразная адаптация длилась более тысячелетия прежде чем на рубеже XV–XVI вв. появились исторические сведения о самоедах" (Fitzhugh, 1997). Обращаю внимание на то, что статья была написана в 1995 г., до проведения нами совместных работ на археологических памятниках микрорайона Тиутей, после которых тезис об "оседлом населении,

промышлявшим морского зверя и тундровую дичь на севере Ямала" несколько видоизменился.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

В 1993 г. была образована Ямальская археологическая экспедиция Института истории и археологии УрО РАН. В 1993–1995 гг. мы работали в Приуральском районе ЯНАО, изложение результатов наших раскопок на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй и разведочных обследований рек Полуй, Войкар, Сыня выходит за рамки этой статьи – территориально, поэтому здесь я не буду их касаться. На полуострове Ямал мы начали работать с 1995 г. при поддержке двух программ: "Панорама культур Ямала" (заказчик – Главное управление культуры Администрации ЯНАО) и "Живой Ямал" (совместная программа с Арктическим центром Смитсониевского института, Вашингтон, США; заказчики – грант AMOCO Eurasia Corporation). За это время нами было проведено детальное обследование двух археологических микрорайонов – Тиутейского (Федорова и др., 1998) и Яртенского (Брусницына, Ощепков, в печати), а также нижнего течения р. Щучьей, дельты р. Оби и района пос. Яр-Сале на юге Ямала (рисунок 1). Было открыто около 30 новых археологических памятников, датированных временем от энеолита до позднего средневековья. Таким образом, в настоящее время на полуострове Ямал известно более 100 памятников археологии, самый древний из которых – стоянка Юрибей I, открытая в 1989 г. А.В. Соколковым, может быть отнесен к эпохе мезолита. Стационарными раскопками, кроме уже упоминавшихся исследований Л.П. Лашука, изучены поселение Тиутей-Сале I и городище Ярте VI. За это время вышли из печати свод Л. Косинской и Н. Федоровой "Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа" (Екатеринбург, 1994), монография Н.В. Федоровой, П.А. Косинцева и В. Фитцхью "Ушедшие в холмы". Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке" (1998). Сданы в печать статья А.Г. Брусницыной и К.А. Ощепкова по результатам обследования археологических памятников Яртенского микрорайона (в печати) и ряд публикаций, написанных по материалам наших работ. Подготовлена к печати монография, посвященная проблеме формирования системы хозяйственной адаптации у населения внутренних тундр Ямала в XI–XII вв., в основу которой положены наши исследования 1995–1996 гг. на городище Ярте VI. Созданы базы радиокарбоновых и дендрохронологических датировок, в их числе датированы оба раскопанных и несколько разведанных памятников. Обработан и обобщен огромный археозоологический материал, для стационарно раскопанных памятников получены результаты спорово-пыльцевого анализа, палеоклиматические и палеоботанические реконструкции. Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеется достаточное количество вполне доброкачественного материала, пригодного для "закладки фундамента" ямальской археологии или, с учетом местной специфики строительных работ, – забивания свай под будущее строение.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Этим фундаментом мне видится решение двух вопросов. 1. Время, пути и способы заселения человеком полуострова Ямал. 2. Формирование основных хозяйственно-культурных типов у населения Ямала. Впоследствии на этой основе можно будет решать и другие проблемы, в том числе такие дискуссионные, как проблемы этногенеза северосамодийских народов.

В. Фитцхью полагает, что сильная эрозия низких мерзлотных глинистых берегов Карского моря, размываемых сегодня и, очевидно, размывавшихся в течение тысячелетий, препятствовала сохранению памятников в этих районах (Fitzhugh, 1997. P. 99–118). К сожалению, мы пока не располагаем заключением геологов по этой проблеме, так что наши выводы о времени и способах заселения полуострова человеком носят предварительный характер. Тем не менее, 20 поселений, расположенных к северу от р. Юрибей: 10 открытых в 1989–1990 гг. экспедицией ТГПИ, 4 памятника микрорайона Тиутей, поселение Хаэн-Сале, открытое в 1929 г. В.Н. Чернецовым, 3 памятника, обнаруженные разведкой А.В. Головнева и В. Фитцхью в 1994 г. на р. Се-Яха и 2, найденные там же в 1999 г. А.П. и М.А. Зенько, относятся к эпохе железа, причем ко времени не ранее рубежа эр, более же ранних памятников на территориях севернее р. Юрибей пока не зафиксировано. Более или менее точные датировки имеет поселение Тиутей-Сале I, ранний комплекс которого и по археологическим и по радиокарбоновым датам относится к концу V – началу VI в. н.э. (Федорова и др., 1998. С. 66). На сегодняшний день можно констатировать, что к рубежу эр полуостров Ямал был освоен только до широты р. Юрибей, а северные районы заселяли начиная с этого времени. Ситуация выглядит понятной, если посмотреть на карту полуострова. Огромная протяженность равнинной тундры (около 600 км) и отсутствие рек, текущих в меридиональном направлении, делают более раннее освоение Ямала весьма проблематичным. Оно, с моей точки зрения, становится возможным только после того, как было освоено транспортное оленеводство, так как только на оленьей упряжке можно было достичь северных территорий. Каботажное плавание на деревянных или кожаных лодках вдоль берегов Кар-

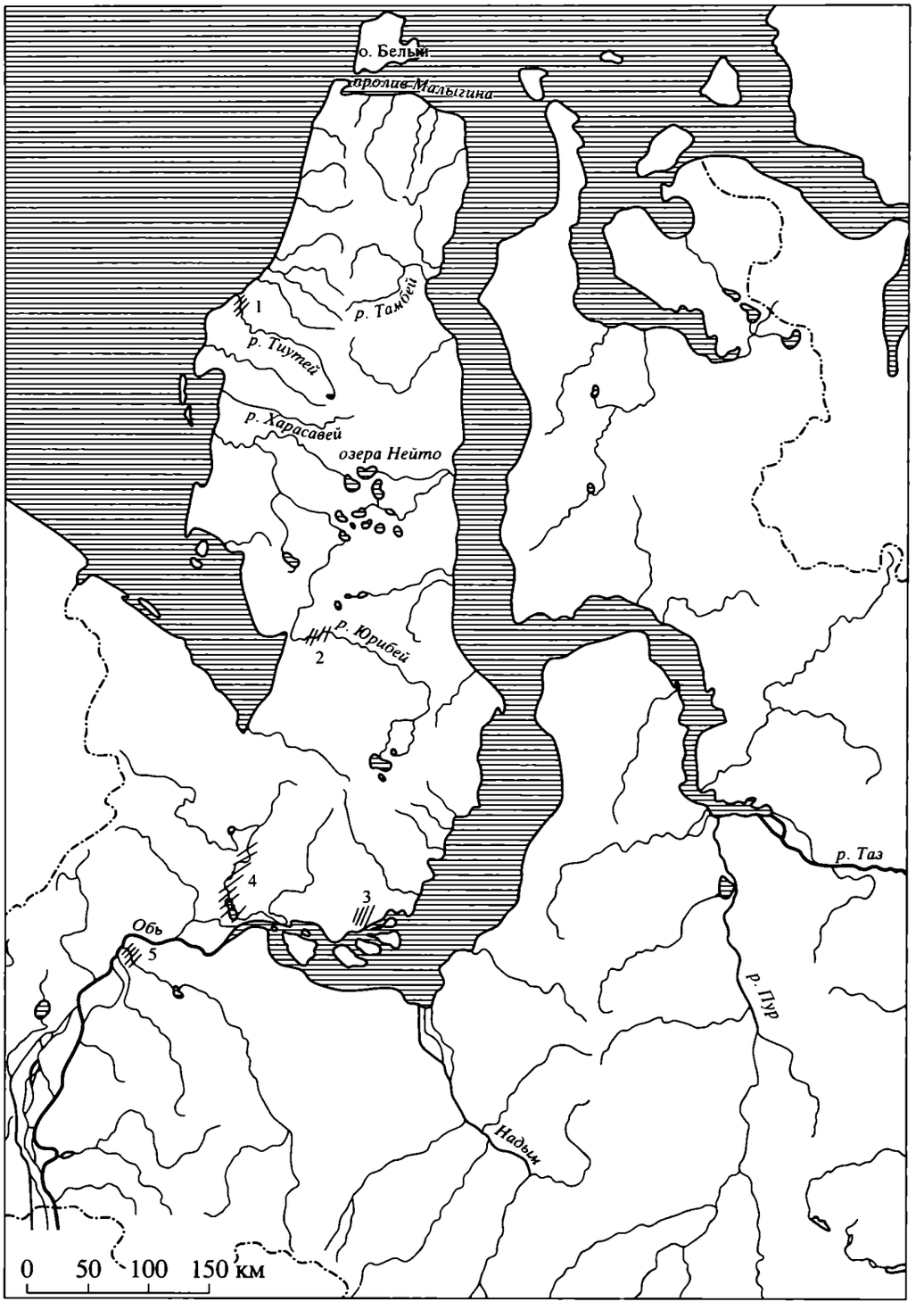


Схема расположения археологических памятников: *1* – памятники микрорайона Тиутей; *2* – Яртенский микрорайон; *3* – памятники района п. Яр-Сале; *4* – памятники нижнего течения р. Щучья; *5* – памятники в районе г. Салехарда.

ского моря и даже Обской губы выглядит весьма опасным предприятием, и вряд ли могло быть постоянным фактором местной истории. Тем более что, несмотря на великолепную сохранность дерева в культурном слое раскопанных нами памятников, мы нигде не нашли никаких остатков, указывающих на употребление лодок их населением. В то же время, в материалах всех поселений присутствуют либо фрагменты нарт, либо их игрушечные копии. Хронологически первые археологические свидетельства использования оленьей упряжки мы обнаружили в комплексах городища (жертвенного места) Усть-Полуй, а именно, костяные части упряжи и снаряжения, которые раньше считались частями собачьей упряжи (Мошинская, 1965), полоз нарты (Федорова, в печати). Археозоологические определения костей собак из комплекса этого памятника свидетельствуют,

что все обнаруженные там собаки принадлежат к мелкой, скорее всего, охотничьей породе, употребление их в качестве транспортных животных сомнительно. Основной комплекс Усть-Полуя датируется по дендрохронологическим датам I в. до н.э. (определение профессора С.Г. Шиятова), следовательно, наиболее ранние из имеющихся на сегодня свидетельств наличия ездового оленеводства относятся к этому времени. Но, по-видимому, климатические, а возможно, и исторические условия первых веков нашей эры не слишком способствовали дальним странствиям населения низовьев Оби. Во всяком случае, пока самая северная керамика кулайского (саровского) облика также известна на р. Юрибей (поселения Юр-Яха I, II, Ярте II, Юрибей III, возможно, Юрибей XV; Брусницына, Ощепков, в печати).

Предварительный анализ расположения археологических памятников показывает, как мне кажется, совпадение его с современными маршрутами касланий. Приведу цитату из статьи А.Г. Брусницыной, К.А. Ощепкова: "В настоящее время рассматриваемая территория (нижнее течение р. Юрибей, Яртенский археологический микрорайон – *Н.Ф.*) активно используется коренным населением для проживания в весенне-летний период года. Здесь проходят маршруты касланий минимум трех бригад совхоза "Ярсалинский"... Летом по всей длине "юрибейского прогиба" стоят чумы ненцев на расстоянии 7–10 км друг от друга" (Брусницына, Ощепков, в печати). Конечно, степень изученности полуострова Ямал настолько неравномерна, что констатировать совпадение концентрации археологических памятников и мест обитания современных ненцев можно только для некоторых районов, но в виде гипотезы это предположение выглядит вполне вероятным.

Итак, попробую сформулировать следующий вывод: освоение людьми полуострова Ямал в древности и, в частности, продвижение на его северные территории происходили по тем же путям, что и каслания ненцев в XIX–XX вв., которые мы можем проследить по сведениям путешественников, архивным данным и современному состоянию. Наибольшее количество археологических памятников, фиксируемое на юге полуострова (так, только в нижнем течении р. Малая Хадыта недалеко от пос. Яр-Сале Л.П. Хлобыстиным было открыто более 20 стоянок) соответствует местам "наибольшей оседлости" современного ямальского населения. Именно в дельте Оби концентрируется сейчас смешанное ненецко-северохантыйское население, в хозяйстве которого значительную роль играет рыболовство, по-видимому, бывшее одной из базовых отраслей хозяйства и у древнего населения этого района.

Изучение истории формирования хозяйственных систем у населения Ямала пока только начато. На наших материалах можно проследить их сложение в двух районах и только для эпохи железа. Необходимо отметить, что, за исключением памятников самого юга полуострова, мы почти нигде не обнаружили хорошо выраженного культурного слоя. Боюсь, что это может послужить серьезным препятствием для реконструкции хозяйства у населения более ранних, чем железный век, эпох. Система адаптации населения прибрежной зоны на северо-западе рассмотрена нами в монографии "Ушедшие в холмы" (Федорова и др., 1998). Позволю себе кратко повторить ее основные выводы. По нашим данным, поселение Тиутей-Сале I заселялось дважды: в VI–VIII и в XII–XIV вв. н.э. Системы жизнеобеспечения населения в оба эти периода были идентичны, поэтому остановлюсь на них суммарно. Сразу надо отметить, что никаких следов углубленных построек, а также разбросанных по поверхности костей или черепов морских млекопитающих мы не зафиксировали. Последнее, впрочем, возможно сильно скорректировано современным населением, в том числе и обитателями находящейся в этом районе полярной станции "Моржовая". Остатки трех жилых сооружений, вскрытых нами на поселении (даты по радиокарбону – конец V – начало VI в.; VI–VII вв.; XII–XIV вв. н.э.), представляют собой следы наземных жилищ, у которых был подправлен пол для придания ему горизонтальности. Пол сооружений дренировался обильным слоем древесных стружек и щепы. Кроме остатков жилищ была вскрыта "производственная площадка", где, по-видимому, занимались обработкой шкур и дерева. Площадка функционировала в XII–XIV вв. н.э.

Основой системы жизнеобеспечения населения поселка во все периоды его обитания была охота на северного оленя при значительном промысле водоплавающих птиц, белого медведя и моржа. Ловля рыбы практически не велась. Массовое скопление костей песца указывает на товарный характер его промысла в XII–XIV вв. Одним из основных занятий обитателей поселения Тиутей-Сале I была обработка дерева, о чем свидетельствует как количество готовых и находящихся в работе изделий, так и огромное количество щепы, употребленной для дренажа пола сооружений. Сырьем служили неограниченные запасы плавного дерева, сосредоточенные на побережье. Находки фрагментов тиглей и кусков разбитых бронзовых котлов позволяют констатировать наличие небольшой по объему "домашней" металлообработки. Все данные, на основании которых можно судить о сезоне функционирования поселения во все хронологические периоды, свидетельствуют о теплом времени года. Таким образом, памятник был не постоянным обиталищем прибрежных добытчиков морского зверя, как считалось ранее, а сезонной (июнь–октябрь) стоянкой сухопутных охотников, использовавших здесь морские ресурсы в дополнение к традици-

онным для них источникам жизнеобеспечения. При этом она заселялась не промысловыми, преимущественно мужскими коллективами, а хозяйственно-семейными группами, включающими также женщин и детей. Об этом свидетельствуют находки большого количества игрушек, производство на месте керамики и товарная выделка шкур (Федорова и др., 1998. С. 70, 71). Материал памятника позволяет отнести его к западносибирскому кругу культур, что признавали и В.Н. Чернецов, и Л.П. Лашук (Федорова и др., 1998. С. 69). На теории "эскимосоподобия" ямальских древностей, основанной на представлении о существовании пояса сходных циркумполярных культур, можно, наконец, поставить крест. В самом деле, наиболее яркие археологические воплощения "эскимосских" культур – культуры Российской Берингии и культура Туле севера Америки – демонстрируют совершенно иную модель жизнеобеспечения, чем мы фиксируем на побережье северо-западного Ямала. Главным их компонентом была охота на морских млекопитающих, что вполне отразилось в орудийном комплексе, устройстве жилищ и поселений, составе костных остатков из культурного слоя памятников (см., например: McGhee, 1984; Arnold, 1986).

Система хозяйственной адаптации населения внутренних тундр Ямала может быть реконструирована на материалах раскопок городища Ярте VI, расположенного на высоком мысу коренной террасы р. Юрибей в 20 км к востоку от фактории Усть-Юрибей. Основным занятием его населения была охота на северного оленя и утилизация результатов этого промысла – 95% костных остатков по определению П.А. Косинцева принадлежит именно северному оленю. Поселение обиталось в течение небольшого отрезка времени – самый конец XI – начало XII в. н.э. (дендрохронологические даты С.Г. Шиятова, предложенные им на основании исследования стволиков ивы полярной: самая ранняя дата – 1071 г., дата образца с пола котлована раннего жилища – 1086 г., самая поздняя дата – 1106 г.; Шиятов, Хантемиров, в печати), в теплый сезон, по-видимому, с мая по октябрь. Причем, как и на поселении Тиутей-Сале I, его жителями были не мужские коллективы охотников, а хозяйственно-семейные группы с женщинами и детьми: большой процент находок представлен детскими игрушками и женскими орудиями для обработки шкур. Восстанавливается практически весь цикл работы со шкурами оленей – от первичной обработки до выделки конкретных изделий, например ремней. Нам удалось проследить пять периодов заселения городища, двум из которых соответствуют неглубокие котлованы под жилища, а трем – строительство жилищ без котлованов. По-видимому, первые два периода свидетельствуют о "лесном" опыте их строителей, малоприменимом в условиях тундры из-за уже упоминавшегося выступания влаги и необходимости обильного дренажа при минимальных земляных работах. Пол жилищ первых двух периодов в соответствии с этой необходимостью был дренирован большим количеством веток полярной ивы и других растений, мхом, шкурами северного оленя.

Промысел велся недалеко от поселения, в культурном слое встречаются все части туши оленя, причем мяса, по-видимому, было много – некоторые части туши просто выбрасывались, например ноги, не всегда выбивался мозг из костей и т.д. Для охоты использовались собаки мелкой породы, похожие на современных ненецких оленегонок. Основным видом транспорта были оленьи упряжки, части которых, а также игрушечные нарты зафиксированы среди находок. Охотились с помощью лука и стрел, остатки которых обнаружены в культурном слое городища. Птиц ловили в том числе и сетями, несколько фрагментов которых сохранились. Костей рыб практически нет, несмотря на то, что памятник расположен вблизи двух, в настоящее время богатых рыбой, пойменных озер.

Упомянутый выше "лесной" опыт населения городища Ярте VI, выразившийся в сооружении котлованов под жилища, а также в создании оборонительных сооружений, приводит к интересному выводу: группа, оставившая этот памятник, осваивала тундровые пространства самостоятельно, не опираясь на навыки предшественников. И к идее строительства наземных жилищ они, по-видимому, пришли тоже самостоятельно, так как, судя по составу находок, население, приходившее на это место в течение 36 лет, было одним и тем же.

Один из главных вопросов, возникающих при изучении материалов городища Ярте VI, как мне кажется, следующий: только ли охотниками на оленей были его обитатели или мы сталкиваемся с постепенным переходом к своеобразному окарауливанию стад, к какой-то первой фазе признания оленей, за которыми в течение нескольких десятков лет совершаются сезонные перекочевки, своими? Во всяком случае, результаты раскопок городища Ярте VI, безусловно, дают возможность проследить начало формирования того хозяйственно-культурного типа, который мы фиксируем у современных ненцев, удревняя его тем самым на несколько столетий.

Итак, очевидно, что основой хозяйственно-культурной адаптации населения полуострова Ямал в железном веке был симбиоз человека и северного оленя. Зафиксирована линия развития этого симбиоза от только охоты к охоте с использованием небольшого количества домашних оленей как транспортных животных, затем к окарауливанию стад и – в перспективе – переходу к оленеводству современного ненецкого типа. Уже в VI в. н.э., а может быть, и раньше, сформировались систе-

ма и основные маршруты сезонных перекочевок хозяйственно-семейных групп людей за оленьими стадами. Вместе с тем можно выделить три варианта, различающихся между собой использованием "дополнительных" ресурсов в летнее время. Прибрежное население на берегах Карского моря и, возможно, Обской губы добывало еще и морских млекопитающих (моржа и тюленя), белого медведя, песца и водоплавающих птиц, занималось товарной обработкой плавной древесины и незначительной по объему цветной металлообработкой (характерный памятник поселение Тиутей-Сале I). Население внутренних тундр Ямала, концентрируясь в местах, где проводили лето наиболее крупные стада северных оленей, занималось исключительно добычей и утилизацией этих животных, производя некоторые изделия (ремни для упряжи и иных нужд), в том числе и для обмена (городище Ярте VI). Наконец, у населения, обитавшего в низовьях Оби и района юга полуострова, прилегающих к Обской дельте, большую роль в хозяйстве играло рыболовство, в связи с чем это население вело более или менее оседлую жизнь (городище [жертвенное место] Усть-Полуй). Надо отметить, в конце концов, совпадение этой картины с хозяйственными вариациями, зафиксированными у современных ненцев Ямала. На мой взгляд, это является свидетельством достаточно длительного периода формирования систем хозяйственной адаптации в этом регионе. Таким образом, вопрос о том, являются ли северные самодийцы и, в частности, ненцы, поздним пришлым населением на Ямале, как до сих пор считает большинство исследователей, в ближайшее время может получить совершенно иное разрешение.

Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ 97-01-00437 и РФФИ 98-06-80356.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брусницына А.Г., Ощепков К.А. Памятники археологии левого берега нижнего течения р. Юрибей // Древности Ямала. Вып. 1. В печати.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

Головнев А.В. Древний Ямал в контексте мифологии и археологии // ЭО. 1998. № 2.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Косинская Л., Федорова Н. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 1994.

Лашук Л.П. "Сиртя" – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185.

Матвеев А.В. Археологическое наследие // Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995.

Матвеев А.В., Зах В.А. Памятники древних и средневековых культур Ямала. Тюмень, 1994.

Мошинская В.И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. 1953. № 35.

Мошинская В.И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. 1965. Вып. Д3–8.

Проблемы археологии Урала и Сибири. Сб. статей, посвященных памяти В.Н. Чернецова. М., 1973.

Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. В печати.

Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фитцхью В.В. "Ушедшие в холмы". Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998.

Фитцхью В.В. В поисках Грааля: циркумполярная теория и реалии Ямальской археологии // Древности Ямала. Вып. 1. В печати.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.

Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. 1957. № 58.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте-6 на полуострове Ямал // Древности Ямала. Вып. 1. В печати.

Arnold Ch.D. Thule Pioneers // Occasional Papers of the prince of Wales Northern Heritage Centre. 1986. № 2.

Chard C.C. The Western Root of Eskimo culture // Congreso International de Americanistas. Actas del XXXIII (Bajo el patrocinio del Coberno de costa Rica). 1959. T. 11. Lehman; San Jose (Costa Rica).

Chernetsov V.N., Mozhinskaya V.I. The Prehistory of Western Siberia. Translated by Henry N. Michael. London, Montreal, 1974.

Fitzhugh W.W. Searching for the Grail: Virtual Archeology in Yamal and Circumpolar Theory // Publications of National Museum. Ethnographic Series, 1997.

Golovnev A.V. An Ethnographic Reconstruction of the Economy of the Indigenous Maritime Culture of Northwestern Siberia // Arctic Anthropology. 1992. V. 29.

Larsen H., Rainey F. Ipitak and the Arctic Whale Hunting Culture // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1948. V. 42.

McGhee R. Thule Prehistory of Canada // Handbook of North American Indians. 1984. V. 5.

Phantoms and Reality in the Yamal Peninsula Archaeology

N. V. Fedorova

Summary

The article deals with the two main questions, namely, how have the most long-living hypotheses in the Yamal peninsula archaeology emerged, and in particular, that on the existence there "Eskimos-type" cultures, and also, how do they correspond the facts obtained al a result of new complex researches. The latter were conducted by the Yamal archaeological expedition organized in the Institute of History and Archaeology, Uralian branch of RAS. Unlike earlier investigators, the author claims the absence of maritime hunters' settlements at the Yamal peninsula. According her hypothesis, the northern part of the peninsula beginning from the Yuribey river latitude was settled since the 4th century A.D. by the peoples who had used reindeers as main transport animal. Three types of economy developed by the Yamal inhabitants are outlined, each one based on the symbiosis of man and reindeer, the general basis of life-sustain in the north. A tendency to the transition from hunting to reindeer breeding is observed, and as early back as the 6th century A.D. the systems and main routes of seasonal movements of family economic groups may be traced.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 111–131

ПУБЛИКАЦИИ

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СТРЕЛКА I В БАССЕЙНЕ р. КЛЯЗЬМА

© 2002 г. О. С. Гадзяцкая, Д. А. Крайнов
Москва

Стрелка I – одно из немногих многослойных поселений Верхнего Поволжья с мощным слоем волосовской культуры и незначительной примесью материалов других культур. Этот памятник интересен тем, что позволяет проследить особенности развития материальной культуры одной из групп волосовских племен Волго-Клязьминского междуречья от ранней стадии к поздней. Результаты раскопок этого поселения, за исключением отдельных вещей, не публиковались, но были учтены Д.А. Крайновым при написании обобщающего раздела о волосовской культуре в Археологии СССР (Крайнов, 1987. С. 10–28. Рис. 1–3; там же библиография).

Поселение Стрелка I находится на мысу правого берега р. Лух при впадении в него р. Люлех, в 2 км к юго-западу от д. Рыбино Палехского р-на Ивановской обл. Оно занимает площадку около 3000 м^2 между р. Люлех и старицей "Сухой ручей". Восточная часть стоянки размывается р. Лух, высота берега здесь около 2 м. На поверхности ровной луговины, поросшей в западной части лесом, заметна углубленная на 60 см яма овальной формы, размерами 18 × 4 м, напоминающая контуры волосовского жилища (рис. 1*а*). В настоящее время песчаный остров, занятый стоянкой, окружен болотами, в начале же суббореального периода, когда возникло поселение, он был более сухим и удобным для жизни, так как в гидрологической сети центра Русской равнины отмечался спад воды (Хотинский, 1977).

Стоянка Стрелка I открыта в 1959 г. краеведом Н.М. Романовым. В 1962 г. место осмотрели сотрудники Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР, в 1967–1969 гг. под руководством Д.А. Крайнова проведены шурфовка (38 м^2) и раскопки (262 м^2) этого памятника (Крайнов, Гадзяцкая, 1968; Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1969).

Культурный слой стоянки насыщен находками главным образом в прибрежной части поселения. Раскопки выявили следующую стратиграфию: дерн и поддерновый слой серо-рыжеватого цвета (5–10 см) с единичными остатками селищенского и славянского времени XII–XIX вв; серовато-коричневый песчанистый слой, более рыхлый в восточной части раскопа (20–40 см) с редкими находками XII–XIV вв., а также эпохи бронзы и поздневолосовскими; темный гумус с золистыми прослойками (30–100 см), более светлый в нижней части, содержал только предметы волосовской культуры. У реки наслоения с находками подстилал материковый песок, а дальше от берега синеватая или бурая иловатая глина.

Таким образом, в раскопанной части поселения выделяется мощный слой волосовского времени. Остальные находки – редкие обломки сетчатой и ямочно-гребенчатой керамики, носят случайный характер. Волосовские наслоения условно можно разделить на два горизонта. Верхний с находками развитой поздневолосовской культуры начинался в светлом песке под дерном и шел до глубины 60–70 см. Нижний ранневолосовский соответствовал в основном более темному гумуссированному слою и в жилищах опускался до глубины 160–180 см. Временные отличия проявляются в основном в керамике – для позднего периода существования поселения характерна посуда с примесью органики, для раннего – толченой раковины.

Культурный слой стоянки Стрелка I насыщен находками (10794 экз. по описи), среди них 8164 обломка волосовских сосудов, 1981 кремневое орудие и отщепы, 107 каменных орудий и поделок, 539 костяных предметов и орудий, 3 изделия из глины. В слое сохранились кости животных, птиц, рыб, рыбья чешуя и раковины речного моллюска. Раскопаны жилища и хозяйственно-бытовые комплексы, в культурном слое, как и на многих волосовских памятниках, были захоронения. Частично сохранились два скорченных и одно вытянутое погребение в восточной части стоянки, три других полностью разрушены. Могильные ямы не выделялись в культурном слое, кости погребенных очень плохо сохранились, сопровождающий инвентарь отсутствовал.

Погребение 1 (кв. 1, 15) находилось на глубине 35 см. Скелет, вероятно, в скорченной позе, лежал на правом боку головой на северо-восток, левая рука вытянута вдоль тела. Погребение 2 (кв. 10) было на глубине 36–45 см, скорченное, на левом боку, головой на юго-восток, лицом на юго-запад, ноги не сохранились, кисть правой руки в области таза (рис. 1*б*). Погребения 3 и 4 (кв. 10, 11) разрушены, кости двух скелетов лежали на глу-

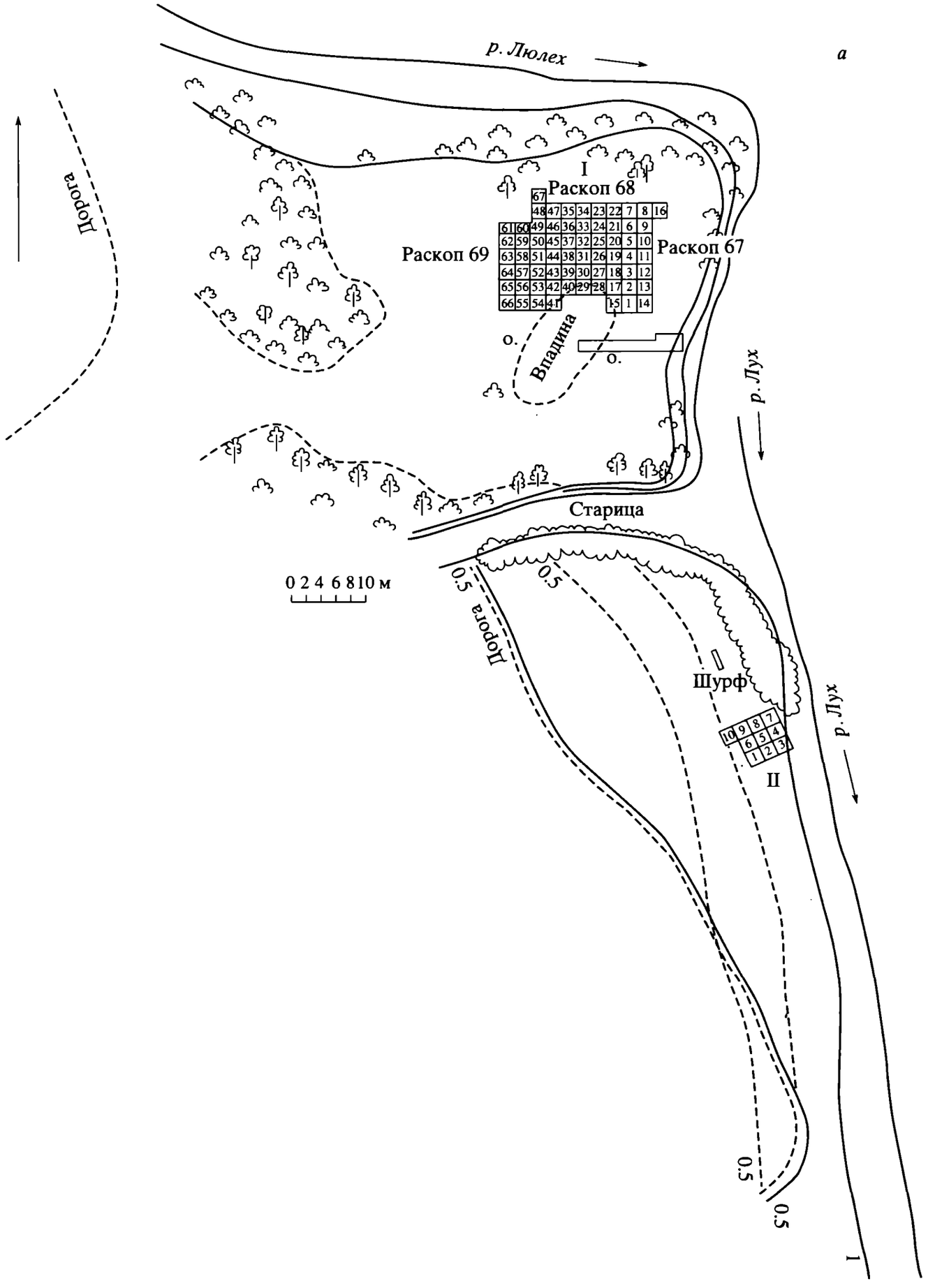


Рис. 1. Стоянка Стрелка I: *а* – план стоянки; *б* – погребение 2.

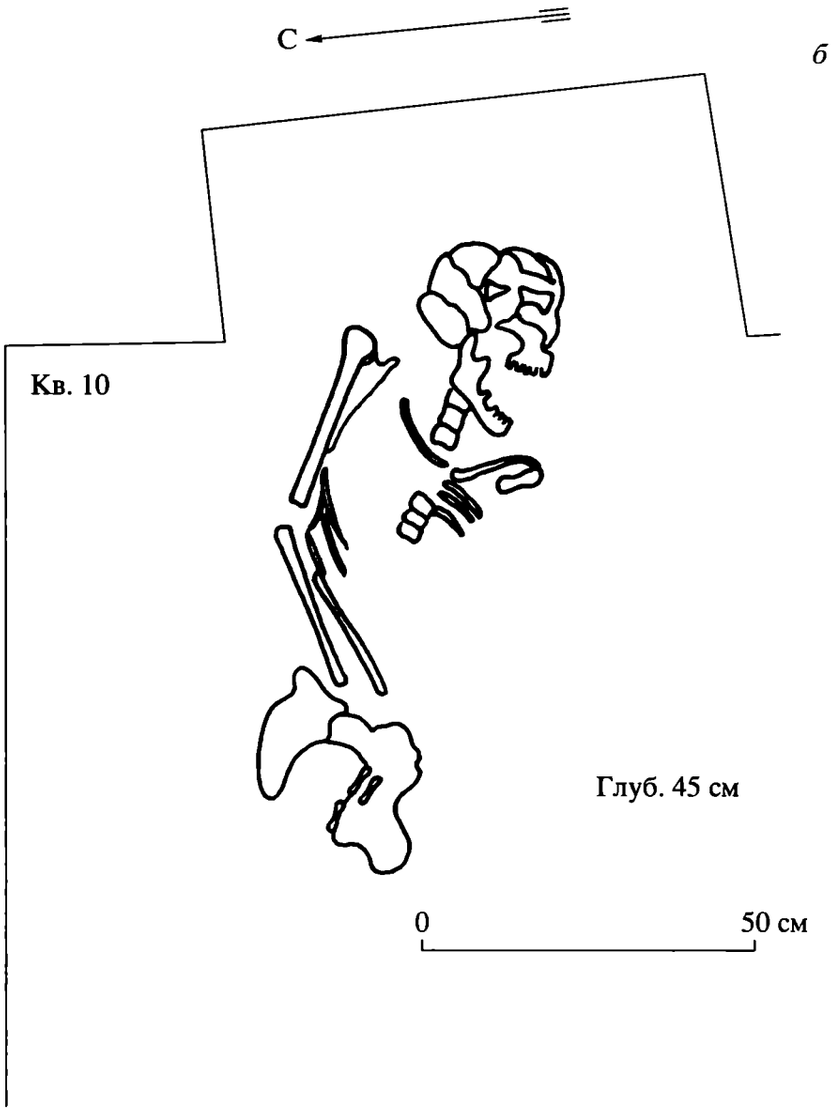


Рис. 1. Окончание.

бине 70 см в беспорядке. Погребение 5 (кв. 23, 24) мужское. Кости в нарушенном состоянии располагались по линии север–юг на 130 см на глубине 60–70 см, раздавленный череп ориентирован теменем на юго-восток. Погребение 6 (кв. 24, 33) вытянутое, судя по обломкам костей скелет длиной около 150 см лежал на спине, ориентирован на северо-восток, череп теменем на север.

Все погребения находились около или внутри жилищ. Жизнь на поселении продолжалась и после совершения захоронений, что объясняет их плохую сохранность. Вероятно, погребения, особенно вытянутые, можно считать волосовскими (Крайнов, 1987. С. 24). Скорченные погребения наряду с вытянутыми также изредка встречались на других стоянках данного региона в волосовских слоях, например, на Сахтыше I, II, VIII (Гадзяцкая, Крайнов, 1965; Крайнов, 1969; 1973; 1978), однако определить их культурную принадлежность трудно.

На стоянке открыты три жилища волосовского времени. Одно из них, № 1, раскопано почти полностью, второе и третье частично (рис. 2А). Границы жилищ установлены по многочисленным косвенным признакам. Они фиксируются частично и на разной глубине, поэтому вопрос о форме построек не во всем ясен. Это касается и границ между жилищами. Так, разделительный "вал" из песка между жилищами 2 и 3 был замечен только в профиле стенок кв. 63, 64 раскопа 1969 г. Контуры жилищ 1 и 2 лучше видны на глубине 70 см, песчаная полоса, отделяющая жилище 2 от жилища 1 и 3, прослежена на глубине 90 см.

Жилище 1 находилось на мысу, зафиксировано на глубине от 60 до 120–140 см, в центральной части 160 см от современной поверхности. Судя по заполнению темного цвета с находками и следам бревен от южной и северной стенок, размеры прямоугольного в плане жилища на глубине 80–100 см были 16 × 8 м, общая площадь около

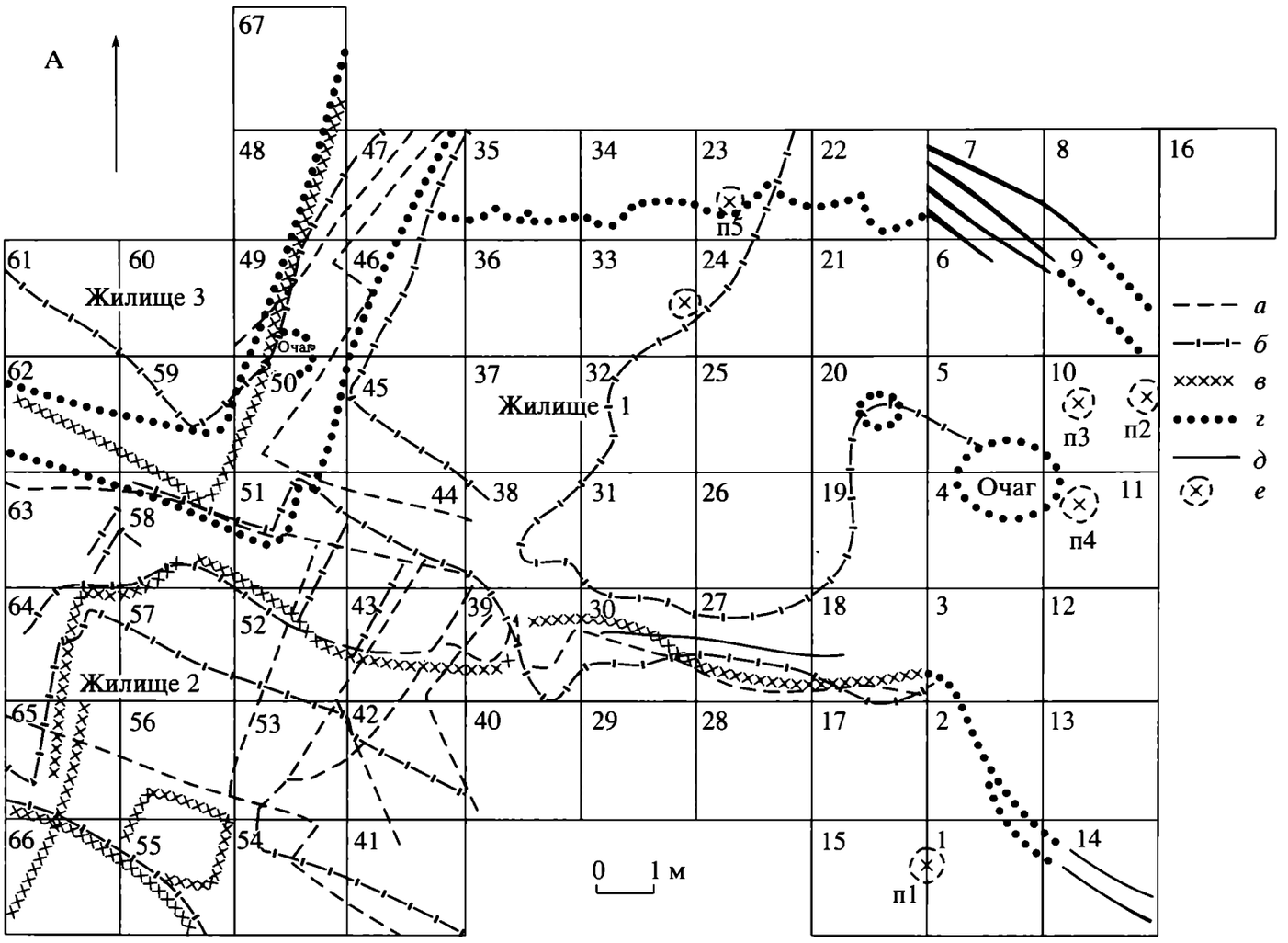


Рис. 2. А. План раскопа I с контурами жилищ и погребениями: *а* – на глубине 70 см; *б* – на глубине 90 см; *в* – на глубине 110 см; *г* – на глубине 130–140 см; *д* – на глуб. 150–160 см; *е* – погребения. Б. План раскопа I с ямами от столбов и кольев на глубине 140–160 см. В. Профиль западной стенки кв. 35–40: *1* – дерн; *2* – серый гумус; *3* – темный гумус; *4* – серый гумус с вкраплениями песка; *5* – песок; *6* – углистые прослойки; *7* – серый гумус с песком; *8* – глина; *9* – зола; *10* – ямы от столбов.

120–130 м^2. Ориентировано оно было с северо-запада на юго-восток вдоль р. Люлех и, вероятно, имело два выхода: один вел к реке (кв. 22, 23), где сохранились следы от столбов, расположенных по линии, перпендикулярной северной стенке жилища. Второй выход (кв. 2, 14) мог быть с южной стороны, где замечены "ступени" в виде темных прослоек на фоне песка. О деревянных конструкциях можно судить по тлену от дерева на дне жилища и в ямах от заостренных столбов и кольев, диаметр которых от 5 до 40 см, глубина 5–70 см. Самые глубокие ямы находились в центре жилища, вероятно, в них стояли столбы, поддерживающие кровлю. От стен жилища остались только полосы темного тлена или углистые прослойки шириной 10–15 см, вдоль них группируются ямы от наклонных внутрь столбов, у северной стенки они выявлены не только в жилище, но и с наружной стороны его. Крыша, судя по цепочке ям в центре помещения, вероятно, была двускатной, от нее сохранились следы тлена от плах, жердей, веток с остатками бересты.

Жилище функционировало долго и неоднократно ремонтировалось. Внутри него на разной глубине находились очаги и кострища, скопления костей животных, рыбьей чешуи, масса обломков сосудов, предметы из камня и кости, куски глины. Твердой темной глиной было покрыто дно жилища, она закрепляла подстилающий песок. В нижней части постройки выявлены 174 ямы, среди них есть крупные хозяйственные, а также ямы от столбов и кольев (рис. 2Б).

В центре жилища (кв. 4, 5, 10, 11) на глубине 70 см находился большой очаг (около 180 × 140 см), дно его отмечено на глубине 120–150 см. Вокруг очага концентрировались изделия из кремня и кости, развалы нескольких волосовских сосудов с примесью раковины, куски глины, предназначен-

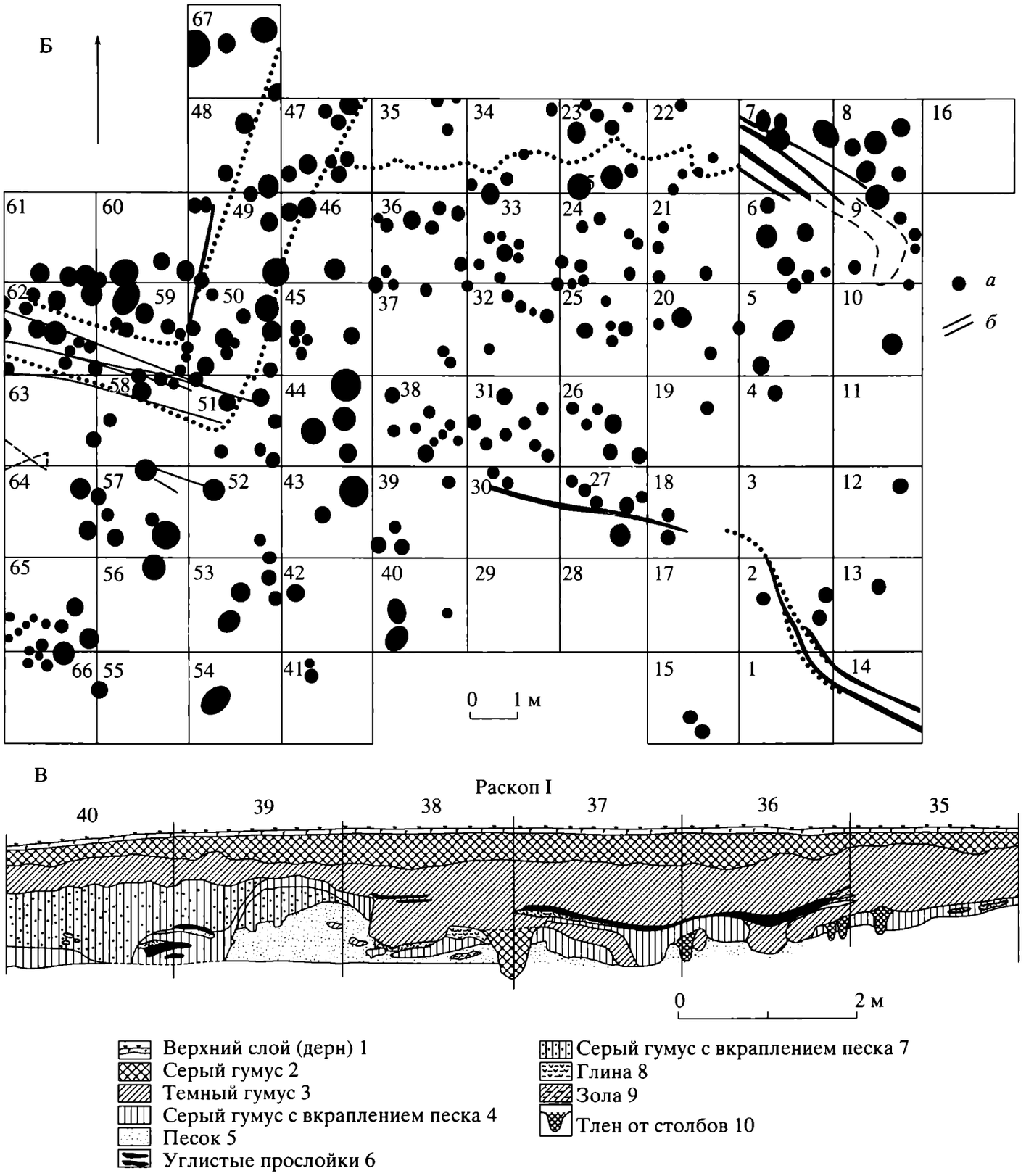


Рис. 2. Окончание.

ные для изготовления посуды. Второй очаг (кв. 20), диаметром 50 см, был на глубине от 120 до 140 см. В красноватом заполнении очага лежали угли, потрескавшиеся куски песчаника, под ними береста. Рядом с очагом находился развал крупного сосуда с примесью раковины, скопление костей рыб, птиц и животных. Кострища меньшего размера, тонкие прослойки угля и золы встречались в заполнении жилища на разной глубине. Жилище обогревали не только открытые очаги, но и очаги в ямах, имеющих форму перевернутого горшка, углубленных в пол на 20–40 см. Ямы за-

полнены только углями и золой, края и дно их обожжены, некоторые перекрыты берестой. Они отличаются от хозяйственных. В заполнении последних обычны обломки сосудов, кремневые орудия и отщепы, кости и чешуя рыб, раковины, кости животных. Хозяйственные ямы расположены у кострищ и очагов, так же, как скопления костей животных и птиц. Вероятно, основной горизонт пола жилища находился на глубине 120 см. Об этом свидетельствуют не только кострища и очаги, но и обломки не менее 15 ранневолосовских сосудов, которые могли стоять в небольших ямах, находящихся рядом с очагами. В жилище не выявлены специальные места для первичной обработки кремня, камня и кости, но все же находки, изготовленные из этих материалов, тяготеют к очагам и кострищам.

Интересны следы "гончарной мастерской" около главного очага. На глубине 70–100 см лежали большие куски темной глины и кучки толченых и целых раковин речного моллюска, которые были заготовлены для выделки сосудов. Подобные находки отмечены в волосовских жилищах на стоянках у оз. Сахтыш (Крайнов, 1987. С. 16). Аналогичны и находки на поселениях костей медведя. На стоянке Стрелка I череп медведя и скопление его костей найдены на глубине 80–100 см, выше пола жилища. Возможно, кости медведя лежали первоначально на крыше постройки и упали вместе с ней, на что указывают остатки веток и плашек от кровли в этом месте. По мнению Д.А. Крайнова, особенности заполнения и размеры жилища 1 свидетельствуют о его промысловом характере (Крайнов, 1987. С. 15).

Жилище 2 расположено параллельно жилищу 1 и, возможно, соединялось с ним переходом. Размеры его около 10 × 11 м, форма прямоугольная, жилище раскопано не до конца, его очертания проявились на глубине 70–90 см, дно на уровне 130–150 см. Вдоль частично обгоревших стен прослежены ямы от столбов и кольев, на дне жилища были очаги, кострища, зольники и хозяйственные ямы. Выделяется центральный очаг, размеры его на глубине 110 см – 100 × 120 см и на глубине 120 см – 150 × 170 см, мощность 40 см. По краям очага находились четыре ямки, возможно, для установки сосудов, в одной из расположенных рядом хозяйственных ям найден развал сосуда с примесью раковины. Почти по всей площади жилища прослежены ямы с золой, горловина их заужена, размеры ям от 30 × 40 см до 65 × 85 см, глубина 20–30 см. Они служили для просушки и обогрева помещения. Вероятно, некоторые ямы закрывали берестой, остатки которой встречаются в верхней части ям.

Жилище 2, как и жилище 1, было полуземляночного типа с бревенчатыми стенами. Крыша держалась на столбах и покрывалась жердями, берестой и ветками, тлен от которых остался внутри жилища. Ямы от столбов особенно четко выделялись в песчаной подсыпке снаружи вдоль северной стены жилища. Развалы сосудов на глубине 100 см и 140 см (на дне) фиксируют два горизонта наслоений, что говорит о длительном использовании помещения. На дне жилища 2 было особенно много костей животных и птиц, рыбьей чешуи.

Жилище 3 находилось в северо-западном углу раскопа 1969 г., проявилось на глубине 70–80 см. Жилище имело прямоугольные очертания, судя по его юго-восточному углу. Прослежены ямы от столбов и тлен от плах, лежавших в три ряда с юго-востока на северо-запад, вероятно это след от упавшей стены. Предположительно выход из жилища вел к р. Люлех, возможно, имелся и переход в жилище 1. Следы от рядов кольев и столбов в основном находились с внутренней стороны южной стенки жилища, а также по контуру стен. Не исключено, что часть из них служила основанием нар или настилов. На дне жилища было много ям, среди них выделяются хозяйственные с находками и золисто-углистые для обогрева, а также большое кострище на глубине 140 см (кв. 49, 50).

Таким образом, все исследованные жилища поселения Стрелка I однотипны. Их объединяют такие признаки, как прямоугольная форма контуров, углубленность в землю, сложные деревянные конструкции, возможно, двускатная крыша, очаги в центре постройки и у выхода (?), хозяйственные ямы и ямы для обогрева.

По форме и размерам жилища Стрелки I аналогичны волосовским жилищам на многих поселениях Верхнего Поволжья и Оки (Крайнов, 1987. С. 15, 16).

Основную массу находок на стоянке Стрелка I, как и на других памятниках эпохи неолита–энеолита, составляют обломки сосудов. Господствует типичная волосовская посуда[1]. Сосуды открытой формы или со слегка суженным горлом, в основном крупные толстостенные, сделаны из глины с примесью органики или толченой раковины, небольшое число фрагментов с примесью шамота (определение визуальное) (рис. 3; 4).

В культурном слое поселения удается проследить два уровня концентрации керамики с разными примесями: сосуды с раковиной в тесте характерны для нижних слоев, их число резко возрастает с глубины 40–50 см, тогда как сосуды с примесью органики и шамота встречаются выше, преимущественно в верхних слоях.

Орнаментация керамики разнообразна, основу узоров составляют пять групп повторяющихся элементов. Первая группа – ямочные вдавления:

[1] В обобщающий раздел о керамике волосовской культуры Д.А. Крайнов включил отдельные данные и по стоянке Стрелка I (Крайнов, 1987. С. 14, 17. Рис. 1, *7*, *11–13*).

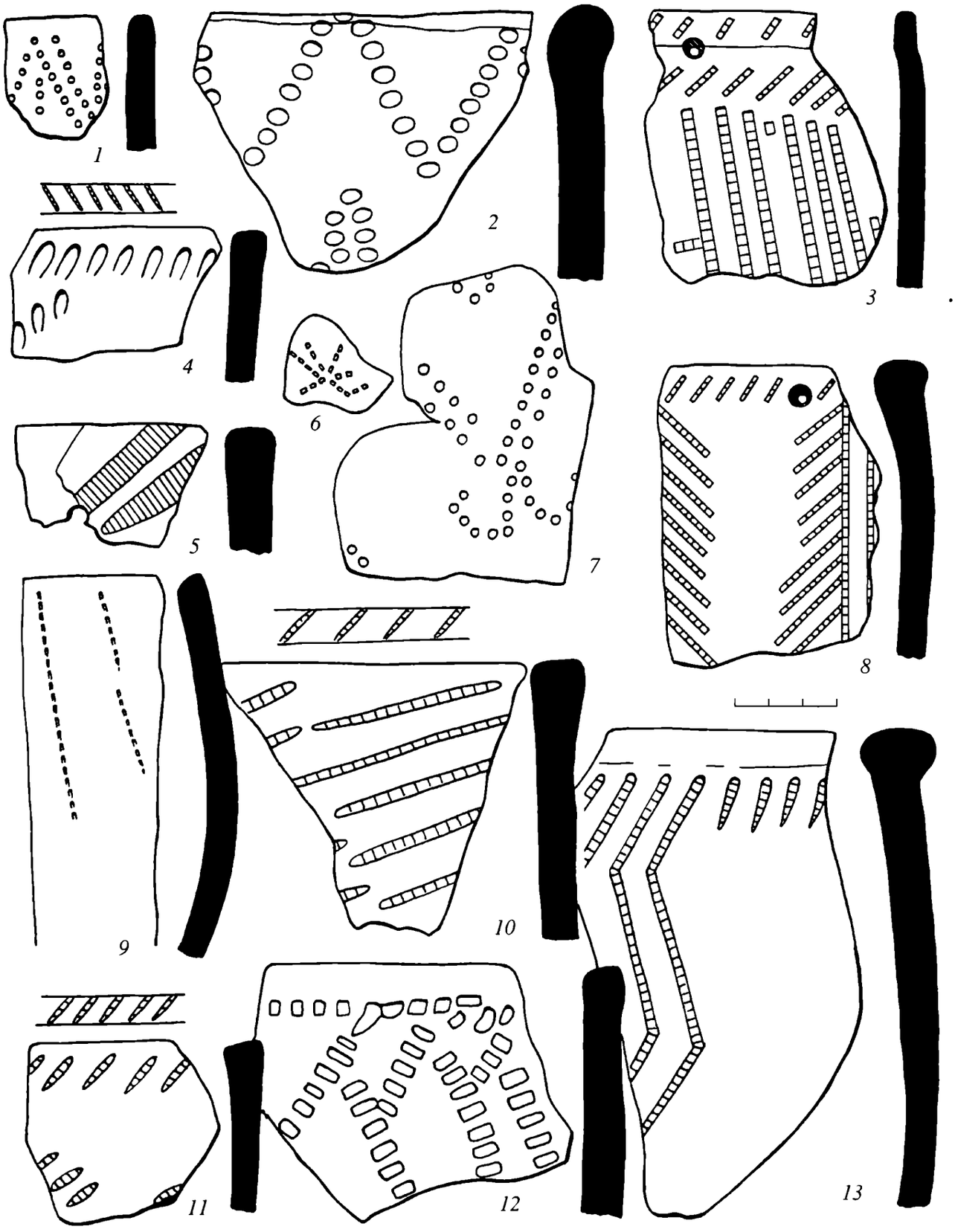


Рис. 3. Волосовская керамика с ямчатым и зубчатым орнаментом.

они чаще округлой (диаметр 0.3–1.6 см) или овальной формы (размеры от 0.6 × 1.4 см до 0.6 × 2.5 см), редко встречаются прямоугольные и треугольные (рис. 4, *10*), есть вдавления неопределенной формы (рис. 3, *1, 2, 4, 7;* 5, *1*). Вторая группа – зубчатые и гребенчатые оттиски штампов. Зубчатые оттиски разной длины и ширины, узкие короткие, в 3–5 зубцов, и длинные в 9–14 зубцов, а также широкие в 8–15 зубцов.

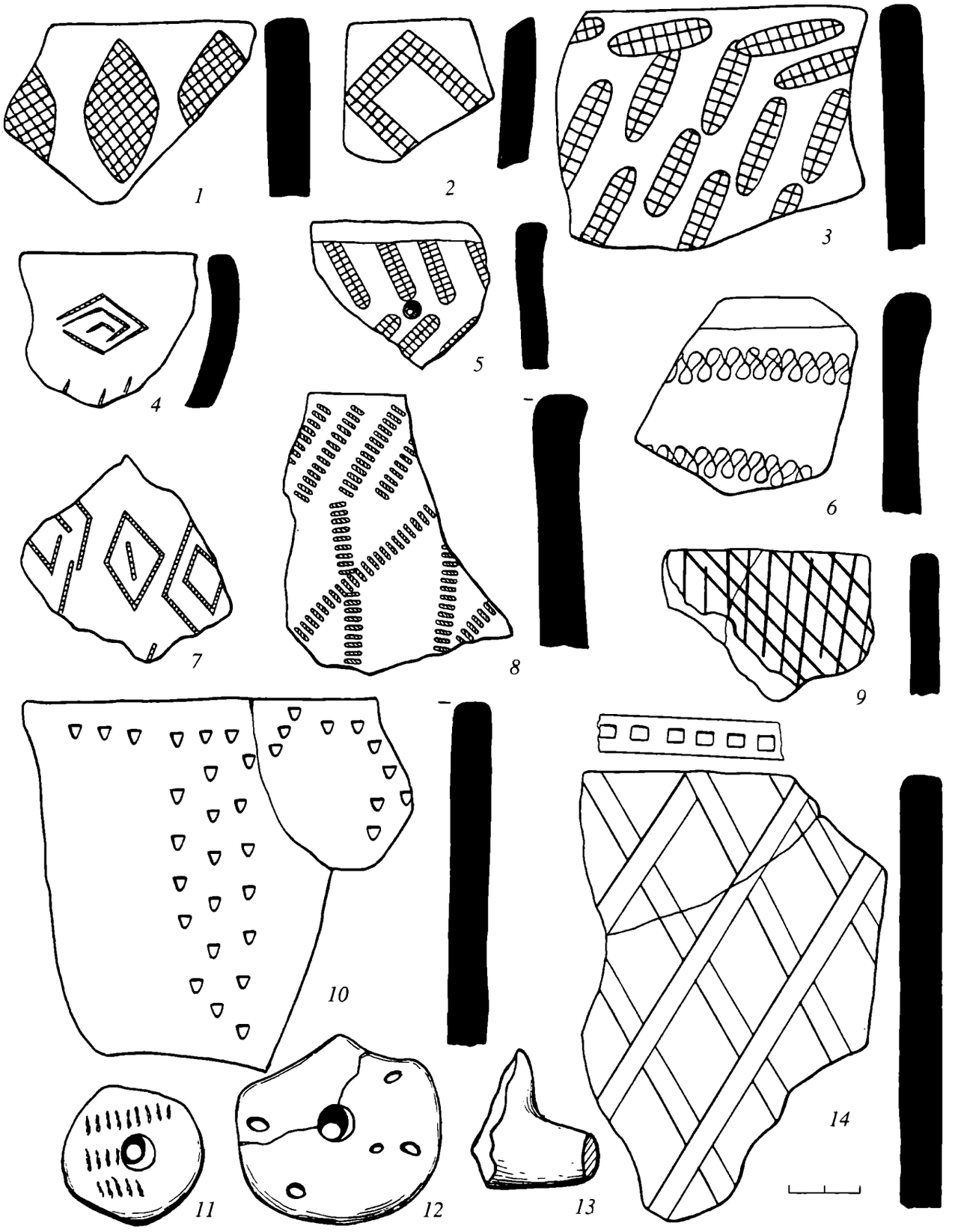


Рис. 4. Волосовская керамика (*1–10, 14*) и поделки из глины (*11–13*).

Гребенчатые штампы крупнее, среди них есть с прямыми и косыми нарезками (рис. 3, *3, 5, 6, 8-13*; 5, *2*).

Третья группа объединяет различные рамчатые штампы с прямой или косой решеткой. Чаще применялись штампы с прямой решеткой, которые образуют овальные короткие (длиной 1–2 см) и длинные (в 4–7 см) оттиски. Оригинален штамп в виде ромбов с прямой решеткой.

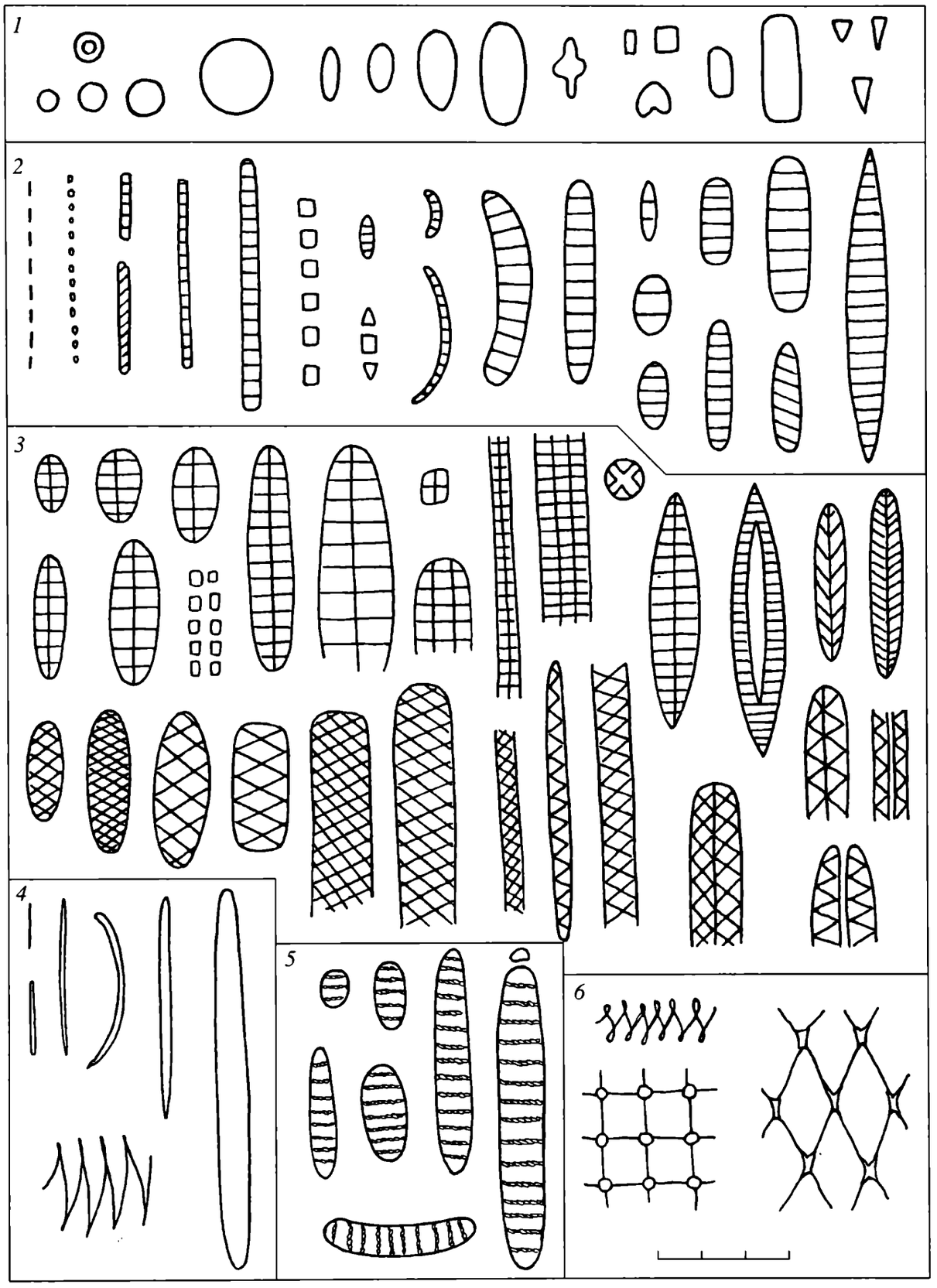


Рис. 5. Разновидности оттисков штампов на волосовской посуде стоянки Стрелка I.

Рамчатые штампы с косой решеткой имеют больше разновидностей, но употреблялись реже. Среди них "елочка", "зигзаг", сдвоенные косые нарезки, ромбическая сетка – все они образуют удлиненные оттиски (рис. 4, *1–3, 5;* 5, *3*).

Четвертую группу элементов образуют прочерченные линии – прямые, узкие и широкие (до 0.5 см) и дуговидные (рис. 4, *9, 14*; 5, *4*).

Пятая группа объединяет отпечатки шнура, намотанного на палочку: овальные шириной

Таблица 1. Распределение элементов орнамента на сосудах стоянки Стрелка I (раскопки 1967–1969 гг.)

Гладкие			Прочерченные	Гребенчатые	Зубчатые	Шнуровые	Рамчатые	Без орнамента
Ямочные	Разные	Неопределенные						
С примесью раковины								
I – у венчиков								
14/156	2/21	9/100	4.1/43	1.4/15	35/363	6.5/68	18.8/196	7.3/77
II – на стенках								
17.5/927	1.9/103	6.8/365	3.7/197	1.7/91	39.7/2105	6/323	11.9/630	10.4/554
С примесью органики								
I – у венчиков								
21.9/61	10.7/30	4.3/12	2.8/8	2.8/8	37.4/104	8.2/23	4.6/13	6.1/19
II – на стенках								
17.4/236	2.6/36	6.1/83	2.8/38	2.2/31	41/555	7.2/97	5.9/80	10.4/196

Примечание: в числителе – проценты, в знаменателе – количество учтенных элементов орнамента.

0.5–0.7 см, длиной 1–3 см, или прямоугольные длиной до 6 см (рис. 4, *8*; 5, *5*).

Результат анализа распределения элементов орнамента на волосовской керамике стоянки Стрелка I приведен в табл. 1. Не абсолютизируя эти данные, которые могут быть уточнены специалистами по технологии выработки волосовской керамики, приведем наши наблюдения об особенностях украшения посуды. Общий облик орнаментики определяет преобладание зубчатых элементов, в меньшей степени рамчатых и ямчатых вдавлений, что характерно для сосудов с примесью как раковины, так и органики. Другие элементы встречаются редко. Можно отметить некоторые тенденции в изменении орнамента во времени, что проявляется в процентном соотношении отдельных элементов: так, на относительно поздней волосовской посуде с примесью органики больше гладких вдавлений и широких штампов и значительно меньше рамчатых оттисков по сравнению с ранними сосудами с примесью раковины. Попытки выделить орнаментальные зоны, у горловины и на тулове сосуда, показали, что разница между ними незначительна. По элементам орнамента прослеживается преемственность поздней керамики от ранней, что позволяет говорить о единой линии развития волосовской посуды на поселении.

Элементы орнамента образуют своеобразные узоры. Прослеживаются повторяющиеся композиции, выполненные одним, двумя, редко несколькими штампами. В табл. 2 приведены данные об основных композициях.

Наиболее характерны горизонтальные по отношению к горловине пояса из прямых, наклонных или горизонтально поставленных оттисков всех видов элементов, разновидностью подобной композиции является горизонтальная елочка. Другой излюбленный мотив – зигзаг, в основном горизонтальный, выполненный одним из шести элементов. На значительной части сосудов композиция построена по диагонали, пояса образованы повторяющимися оттисками всех видов элементов, кроме прочерченного.

Редко встречаются иные композиции – косые кресты и косая решетка (рис. 4, *8, 9, 14*), геометрические узоры, ромбы (рис. 4, *2, 4, 7*), редкие группы оттисков штампа, беспорядочные вдавления. Есть и оригинальные узоры (рис. 3, *6, 7*).

Для керамики стоянки Стрелка I типичны композиции, в которых использована одна из разновидностей элементов орнамента, но иногда на одном сосуде сочетаются оттиски ямчатые с зубчатыми, или шнуровыми, или рамчатыми, или прочерченными, а также зубчатые с прочерченными, или рамчатыми, или шнуровыми. Особо отметим отпечатки сетей с прямоугольными и ромбическими ячейками, которые сохранились на двух сосудах (рис. 5, *6*).

Форма сосудов полностью не восстанавливается. В основном емкости большие, горловина слегка заужена, есть и более закрытые сосуды (рис. 6, *9, 10*), появляются отдельные экземпляры с отогнутой шейкой (рис. 6, *14–18*).

Таблица 2. Орнаментация керамики стоянки Стрелка I

Композиции	Элементы				
	Зубчатые	Рамчатые	Ямчатые	Прочерченные	Шнуровые
Горизонтальные ряды, пояса					
а – вертикальные оттиски	+	+	+		+
б – наклонные оттиски	+	+		+	+
в – горизонтальные оттиски	+	+			
Зигзаги					
а – горизонтальная	+	+	+	+	+
б – вертикальная	+				
Елочка					
а – горизонтальные	+	+	+	+	
б – вертикальные	+				
в – со стеблем	+				
Группы оттисков	+		+		+
Диагональные пояса	+	+	+		+
Геометрические фигуры					
а – треугольники			+		
б – ромбы простые и со штриховкой	+				
в – сложные фигуры			+		
Косые кресты					+
Косая решетка	+			+	
Звезды		+			
Беспорядочные вдавления			+	+	+
Сложный узор	+		+		

Горловины посуды имеют ровный или слегка утолщенный край, срез венчика округлый или уплощенный (рис. 6, *1–20*). Эти особенности прослеживаются на сосудах с примесью как раковины, так и органики. Небольшое количество шеек сосудов имеет Г-образный (рис. 6, *25, 26, 29–35*) или Т-образный (рис. 6, *27, 28, 40–42, 45, 46*) венчик, преимущественно это сосуды с примесью органики и иногда шамота.

Обломки доньев немногочисленны, форма их плоская, уплощенная и округлая: с примесью раковины соответственно – 6.1 и 7 экз., с органикой – 8, 3, 2. Судя по этим данным, группа керамики из глины с примесью органики в основном плоскодонная или с уплощенными доньями (рис. 6, *43, 44*). Отметим два диска округлой формы с отверстием в центре, которые вырезаны из стенок сосудов с примесью органики, с вдавлениями и шнуровыми отпечатками (рис. 4, *11, 12*), и поделку из глины конусовидной формы (рис. 4, *13*). Последняя найдена среди обломков волосовских сосудов, возможно, обломок ручки?

На поселении Стрелка I множество изделий из камня, среди которых выделяются серии однотипных кремневых орудий. Самая многочисленная категория из них – скребки (562 экз.). Как правило, они сделаны из разнообразных отщепов, 34 орудия из пластинчатых отщепов и пластин. Форма скребков трапециевидная, подпрямоугольная, треугольная, округлая, средние размеры 4 × 5 см (рис. 7, *4–9, 12–14*), есть и более крупные, небольших скребков всего 9 (рис. 7, *27*). Скребки и скребущие орудия обработаны как тщательно, так и небрежно, многие из них сломаны. В культурном слое скребки концентрируются на глубине от 30 до 90 см.

Другим массовым бытовым предметом были ножи (161 экз.) различной формы и степени обработки (рис. 7, *15, 25, 26, 29–32*). В качестве режущего инструмента использовались в основном орудия из отщепов, реже пластины с ретушью по краям (15 экз.) и без ретуши (17 экз.), а также пластинчатые отщепы (93 экз.) и отщепы случайной формы со следами ретуши (136 экз.).

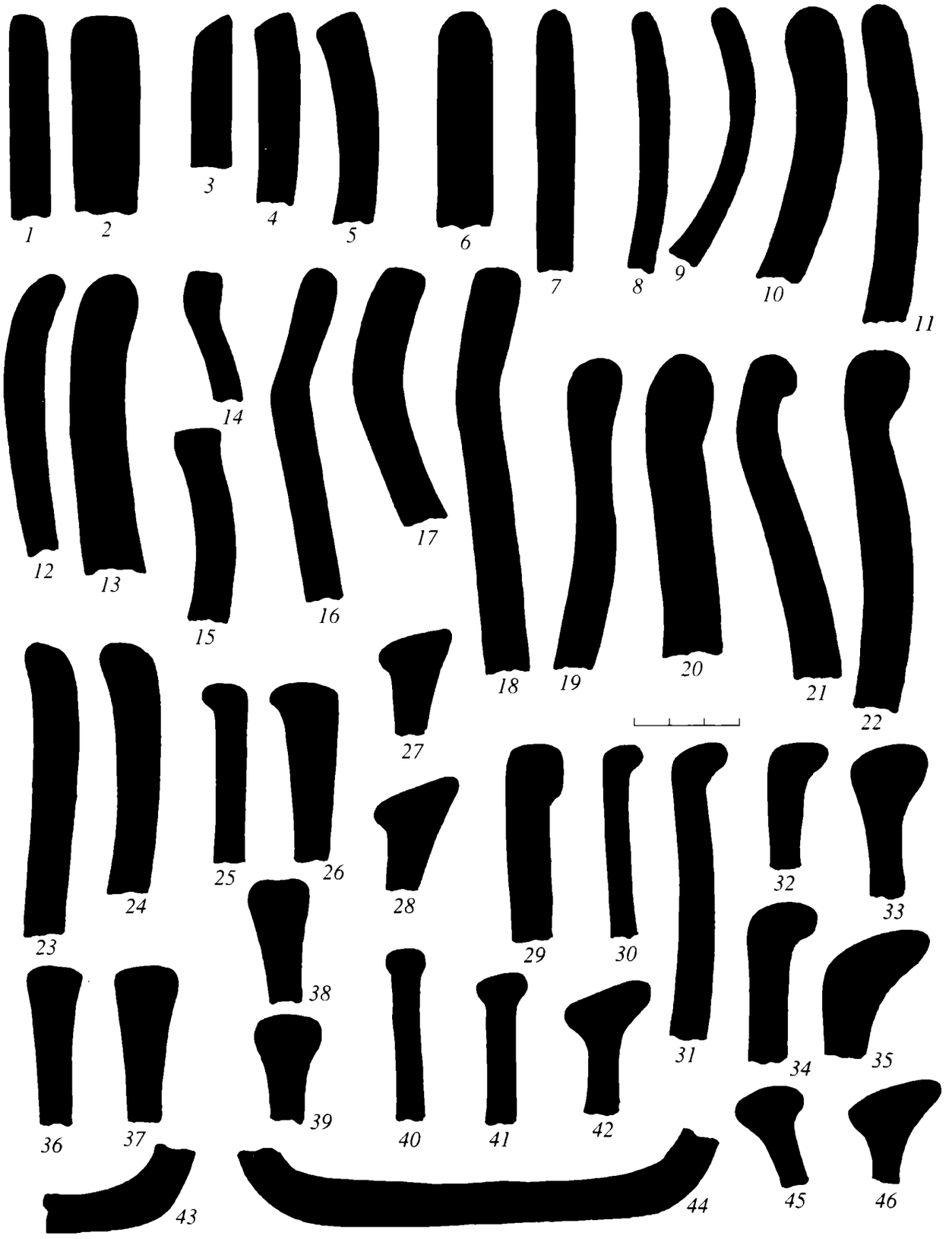


Рис. 6. Разновидности венчиков и днищ волосовских сосудов.

В коллекции много перфораторов из отщепов. Проколки (44 экз.) отличаются удлиненной рабочей частью, некоторые имеют овальное тулово с двусторонней ретушью (рис. 7, *10, 19–24*). По форме на проколки похожи сверла (101 экз.), на рабочей части некоторых из них нанесены один–два резцовых скола, собственно резцов всего два.

Разнообразны по форме скобели (70 экз.) с широкой или узкой рабочей частью (рис. 7, *19, 29, 33–35*).

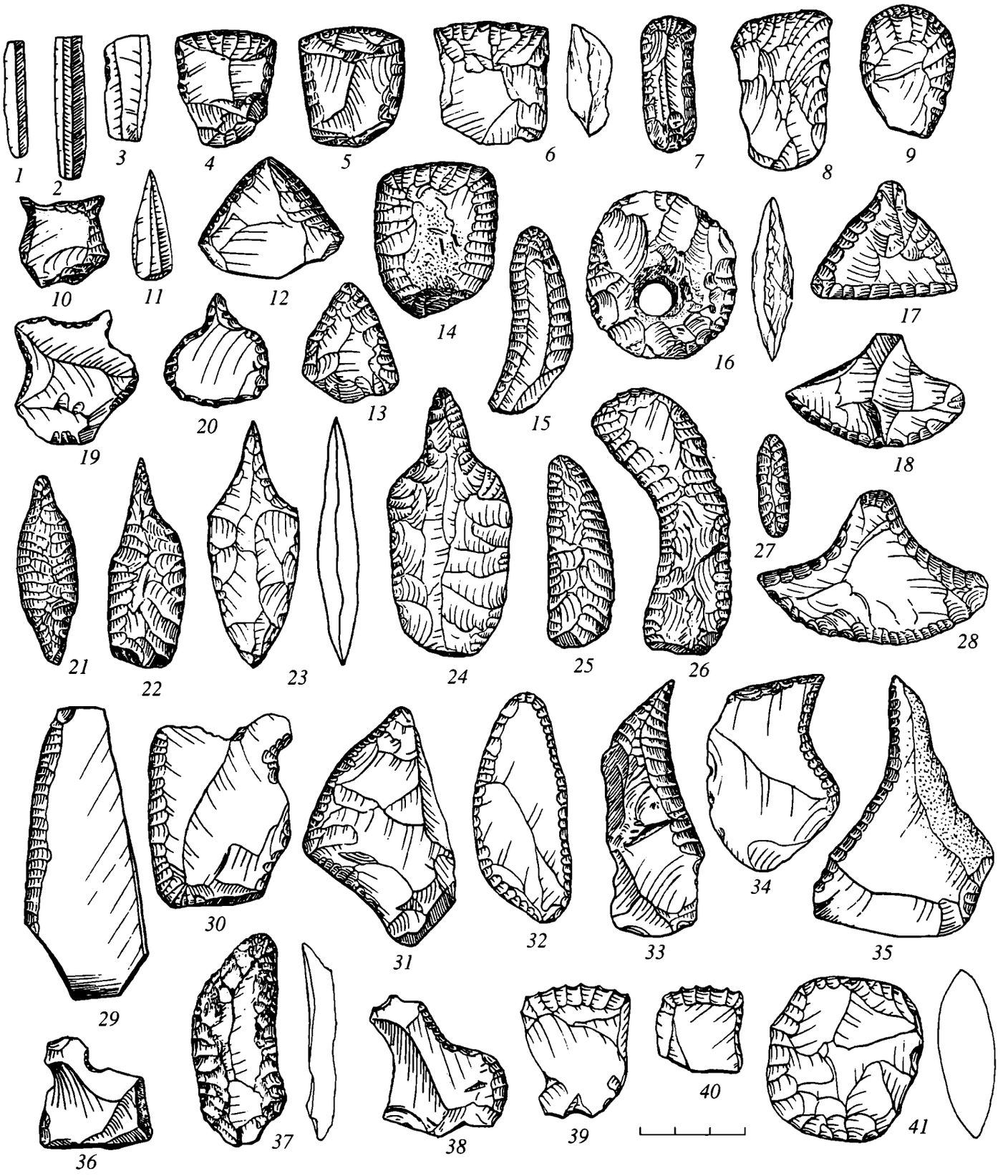


Рис. 7. Кремневые орудия стоянки Стрелка I.

На стоянке Стрелка I найдены и характерные для волосовской культуры комбинированные орудия. Это 28 ножей-скобелей, 15 ножей-проколок, 10 ножей-скребков, 7 скобелей-проколок, 4 скребка-проколки, 2 ножа-сверла (рис. 7, *25, 26, 30, 32, 33*). Для орнаментации посуды применялись "скребки"-штампы с зубчатым краем (рис. 7, *39, 40*). Оригинальны напоминающие фигурный кремень три орудия секировидной формы (рис. 7, *17, 18, 28*).

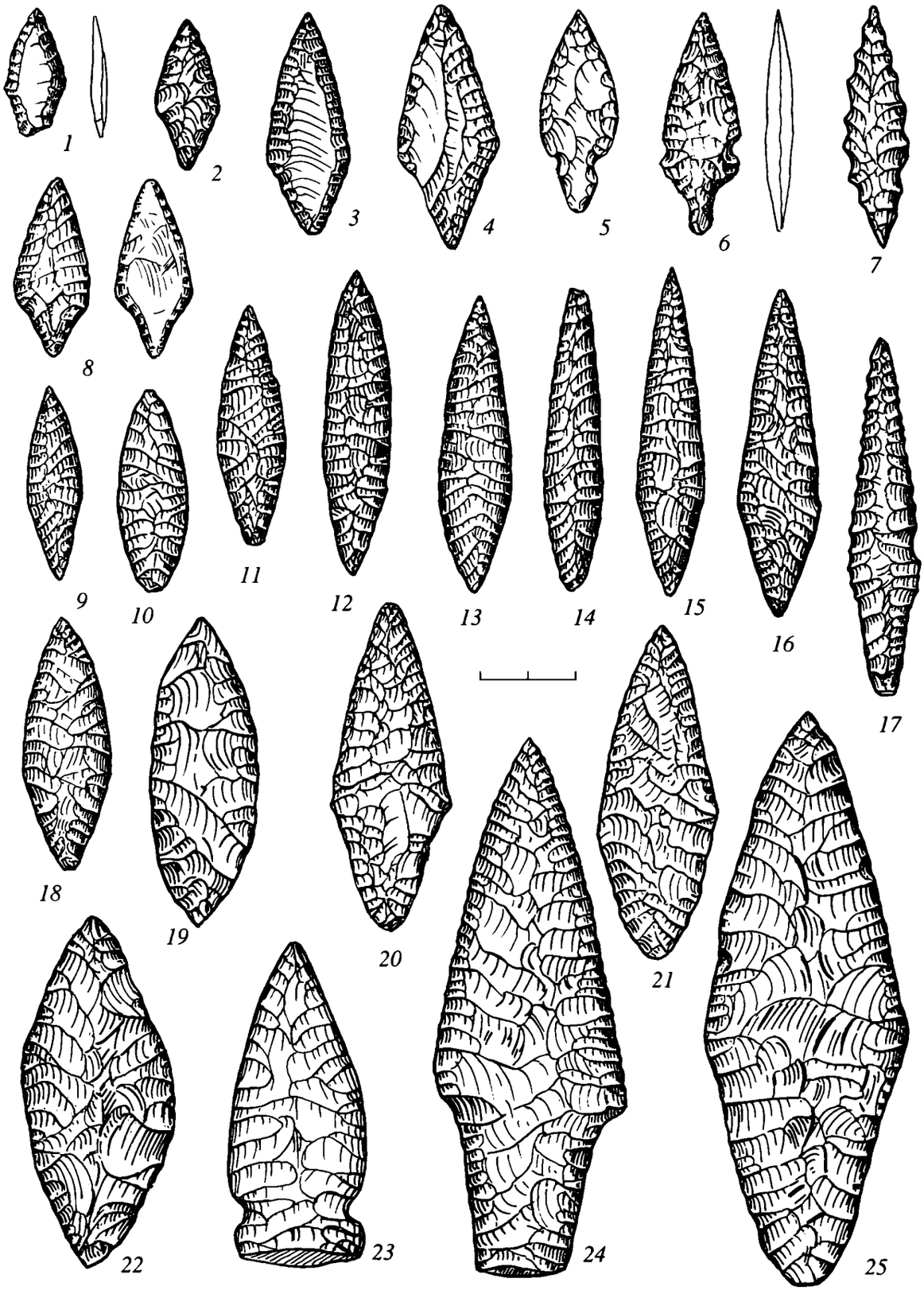


Рис. 8. Кремневые наконечники стрел, дротиков и копий.

Оружие – стрелы, копья, дротики, со стоянки Стрелка I соответствуют распространенным на памятниках волосовского времени типам. Наконечники стрел (118 экз.) относятся к трем основным разновидностям (рис. 8, *1–18*). Преобладают листовидные (58 экз.), 34 с ромбическими контурами, среди них есть черешковые, единичны наконечники с боковыми выемками (рис. 8, *5*, *6*). Размеры наконечников стрел от 3 до 7 см, пропорции их различны, имеются и широкие, и уз-

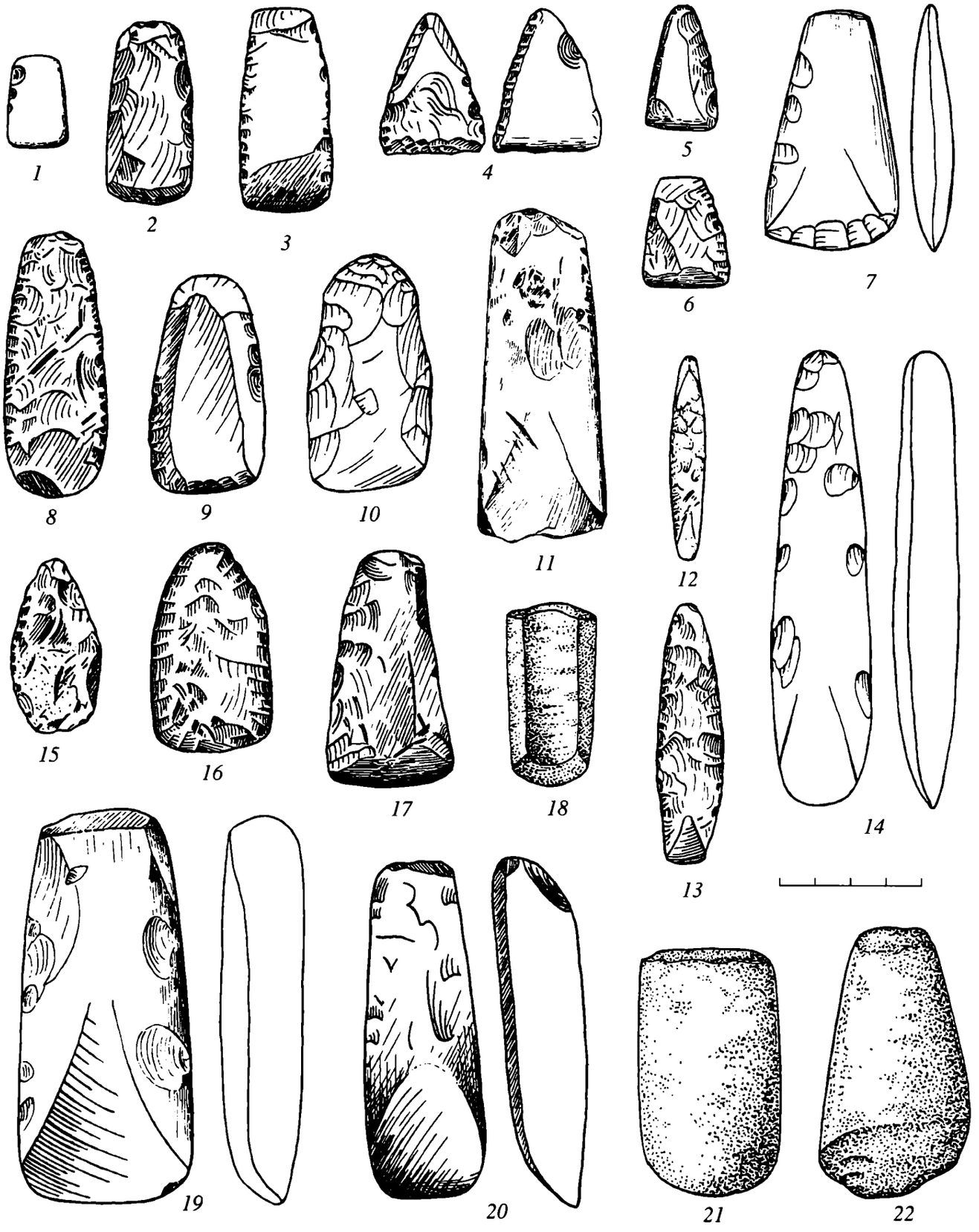


Рис. 9. Каменные топоры и долота.

кие. В основном они обработаны с двух сторон, с частичной подработкой изделий мало (рис. 8, *1, 3, 8*).

Отдельные экземпляры отличаются прекрасной выделкой, например, с пильчатым краем (рис. 8, *7, 17*). К сожалению, почти половина наконечников сломана, что затрудняет их классификацию.

Наконечники дротиков и копий похожи по форме на стрелы, но более массивны, длина их

7–12 см (рис. 8, *19–25*). 54 изделия, часть которых в обломках, имеют двустороннюю обработку, более грубую у заготовок (34 экз.).

Выделяются два крупных наконечника копий (рис. 8, *24, 25*). Наконечник подромбической формы был найден в верхней части жилища 1, черешковый – на его дне.

Рубящие орудия из кремня редки, это три топора и их обломки (рис. 9, *7, 10, 17*).

Изделия из других пород камня немногочисленны. Среди рубящих орудий можно выделить зашлифованные топоры (13 экз., многие в обломках) трапециевидной или прямоугольной формы, с дуговидным или прямым лезвием (рис. 9, *2–4, 8, 9*), длина их от 5 до 10 см. Топоры сделаны в основном из беловатого сланца, некоторые из диорита и других пород камня (рис. 9, *21, 22*).

Сходны с ними по форме пять топоровидных орудий (рис. 9, *15, 16*) и три небольших тесла (рис. 9, *1, 5, 6*). Разнообразны желобчатые долота разного размера, их 29, большая часть их в обломках (рис. 9, *11–14, 18–20*).

Для обработки каменных орудий использовались шлифовальные плиты из красного песчаника, точильные бруски разных размеров и формы (найдено 56 плиток и 139 обломков шлифованных орудий). О технике обработки камня можно судить и по нуклевидным кускам кремня, которые служили для снятия пластин и отщепов (рис. 7, *11*)[2].

Изделия из кости сравнительно хорошо сохранились в культурном слое поселения и встречаются на глубине от 40 до 160 см. Это орудия, оружие, украшения, различные поделки. Орудия труда довольно разнообразны и связаны с изготовлением одежды, обработкой шкур, дерева, различными плетениями и пр. Небольшую группу образуют долота (12 экз.), долотца с узкой рабочей частью (26 экз.) и долотовидные орудия (9 экз.), орудия с поперечным узким лезвием (рис. 10, *36–38*). Размеры их 9–12 см. Из ребер лося и кости изготовлены три крупные лощила длиной до 40 см.

Больше всего среди орудий проколок и шильев (162 экз.), сделанных из метаподий животных и трубчатых птичьих костей. Одно орудие имеет рукоятку с восьмью бороздками (рис. 10, *34*), у одной проколки просверлено отверстие в верхней части (рис. 10, *25–27*). Найдены 25 иголок длиной 4–7 см, многие с ушком, из тонких костей животных, птиц и рыб (рис. 10, *17, 18*).

Другие орудия связаны с различными способами охоты и рыболовства. Самые крупные из них гарпуны, их 25 (большинство в обломках). Выделяются односторонние, массивные и средние по размерам, длиной 9.5–23.5 см (рис. 10, *22, 31, 39, 40*). Самый большой гарпун имеет насад с выемками по краям (рис. 10, *41*). Единичен гарпун с заостренным концом и мелкими частыми зубцами (рис. 10, *24*).

Рыболовные крючки (10 экз., многие сломаны) по типам делятся на цельные и составные. Они разной формы, с закругленной или прямо срезанной нижней частью, длина их от 3.5 до 7.5 см, редко 12 см (рис. 10, *1–7*). Леска прикреплялась при помощи специальных выемок на конце или просверленного отверстия, как на большом крючке (рис. 10, *8*). В коллекции имеются 10 крупных орудий с острым концом, которые, вероятно, применялись в качестве кинжалов (рис. 10, *35*).

11 костяных наконечников стрел, в основном уплощенные с выделенным насадом, длина около 5 см, форма листовидная. Два сломанных наконечника имели конические головки (рис. 10, *9, 10*), единственный игловидный наконечник имеет плоские срезы в нижней части для насада (рис. 10, *32*). Наконечниками могли служить и некоторые из костяных стержней (32 экз.). Они разной длины и диаметра, у пяти из них конец заострен. Есть костяные предметы неопределенного назначения, такие как уплощенная поделка с двумя острыми концами или с заостренным концом и двумя отверстиями (рис. 10, *30*), на шести пластинчатых поделках также имеются просверленные дырочки (рис. 10, *12, 13, 14*). Оригинально изделие с узким концом и двумя сквозными отверстиями (рис. 10, *29*). Подобные предметы изредка встречаются на стоянках у оз. Сахтыш, пока нет данных о том, как они использовались (Гадзяцкая, 1966. Рис. 5, *29, 34*). Среди прочих находок укажем свисток или манок из трубчатой кости с отверстием у конца, рукоятку орудия с круговыми нарезками. На многих обломках неопределимых предметов заметны следы обработки, зарубки, надрезы, кольцевые резные линии на птичьих костях (заготовки для игольников?)[3].

Наиболее интересна группа оригинальных находок, имеющих отношение к сфере верований и первобытному искусству. Из изделий подобного рода из камня и кости выделяется так называемый фигурный кремень (18 экз.). В основном это условные изображения, выполненные из кремневых отщепов, полностью или частично покрытых ретушью. Некоторые из них настолько выразительны, что позволяют узнать то или иное животное (8 экз.). Почти все изображения сделаны в профиль. Такова фигурка медведя из беловатого кремня длиной 5.1 см. Изображение схематично, выделены большая голова и массивный торс,

[2] О каменных орудиях волосовцев см.: Д.А. Крайнов (1987. С. 18. Рис. 4).

[3] См. также костяные орудия (Крайнов, 1987. Рис. 5).

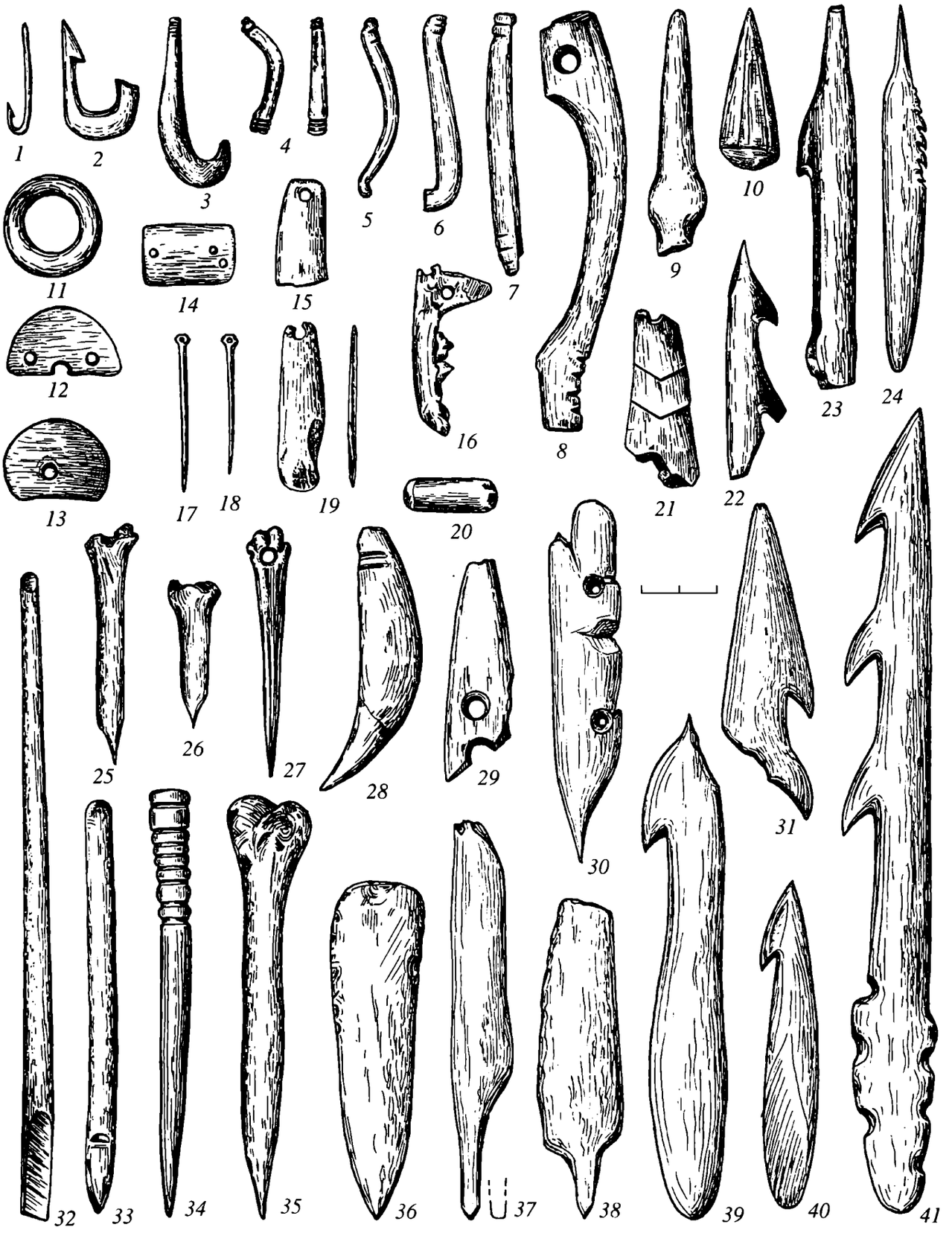


Рис. 10. Изделия из кости.

ноги и хвост обозначены выступами (рис. 11, *6*), три изображения, возможно, того же зверя, менее характерны. Среди других фигурок можно узнать лося. Тонкой ретушью на одной стороне отщепа намечена голова с горбоносой мордой. Туловище небольшое, ноги показаны выступами. Длина изделия 5 см, цвет желтый (рис. 11, *5*). Более тщательно сделана фигурка куницы, покрытая ретушью с двух сторон. Хорошо видна голова, короткие лапы-выступы и хвост; живот округлый,

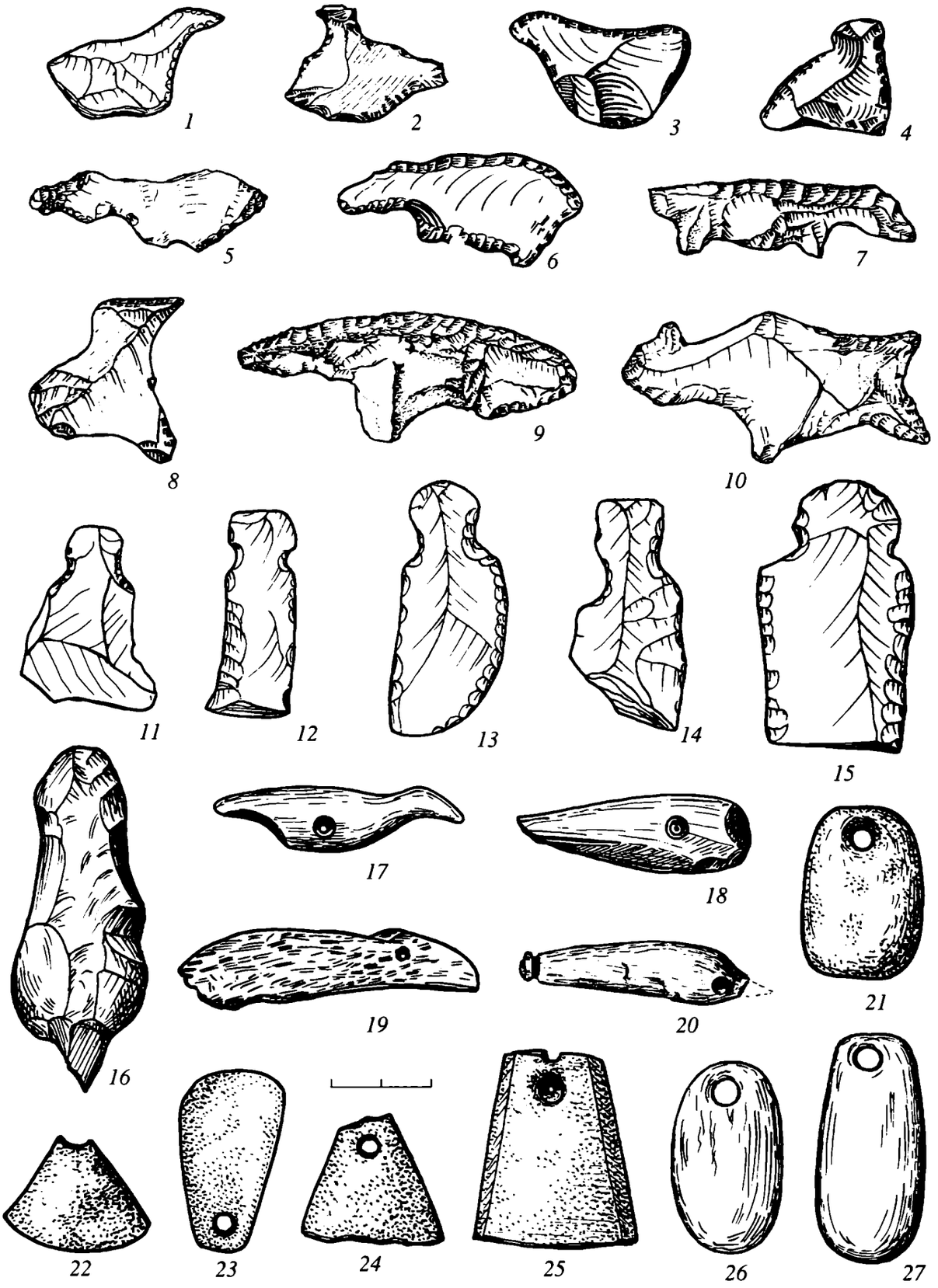


Рис. 11. Стоянка Стрелка I. Изображения птиц и животных, украшения: *1–15* – кремень; *16–20, 26, 27* – кость; *21* – глина; *22–25* – камень.

возможно, подчеркнута беременность зверя. Куница красноватого цвета, длина фигурки 5.7 см (рис. 11, *7*). Изображение барсука (?) более схематично, сделано из желтого кремня, обработано ретушью с одной стороны по краям. Спина зверя плавно переходит в опущенную голову, ноги не проработаны, длина фигурки 7.2 см (рис. 11, *9*).

Фигурки найдены в жилище в нижней части заполнения. Вероятно, они могут быть связаны с культом животных. Особенно почитался медведь, кости которого – черепа, клыки-амулеты, подвески из фаланг, часто встречаются на поселениях волосовской культуры. Уже упоминалось, что и на стоянке Стрелка I в жилище 1 найдено было скопление костей медведя, включая череп. Другое крупное животное – лось мог почитаться как основной объект охоты.

Среди пушных зверей первое место занимает куница. На стоянке Стрелка I 80% найденных определимых костей принадлежат ей[4]. Не случайно и изображение "беременной" куницы. Есть в коллекции и менее выразительные фигурные поделки (рис. 7, *10, 36, 38*; рис. 11, *10*).

В группу "фигурных кремней" кроме животных можно включить изображения птиц. Профильные фигурки водоплавающих птиц и боровой дичи сделаны из отщепов. Две плывущие птицы изготовлены из коричневого кремня. У обеих подняты головки; одна фигурка с двусторонней обработкой (рис. 11, *1*), другая ретуширована только по краям (рис. 11, *2*). Две птички желтого и коричневого цветов напоминают глухаря или тетерку (рис. 11, *3, 4*), похож на птицу и отщеп с клювовидным концом (рис. 11, *8*). Остальные шесть поделок лишь отдаленно напоминают птиц.

Обращает на себя внимание серия из 10 орудий с выделенной головкой. Благодаря этой детали они сходны с антропоморфными изображениями, но "головки" могли выполнять и определенную рабочую функцию, служить для крепления орудия к рукоятке, а выемки использоваться в качестве скобелей (рис. 11, *11–15*). Размеры предметов от 3.5 до 6 см.

Другим распространенным материалом, из которого изготовляли фигурки, была кость. Изображения гусей, уток и других птиц (всего 9 экз.) небольшие, сделаны более реалистично, чем кремневые, а некоторые объемные скульптурки можно считать произведениями примитивного искусства. Особенно интересна антропоморфная фигурка, найденная в жилище 1 на глубине 50–60 см. Длина ее 7.1 см, наибольшая ширина 2.8 см. Вероятно, это схематичная заготовка изображения женщины, так как выделены широкие бедра (рис. 11, *16*).

Более тщательно сделана птичка-подвеска длиной 5.2 см из уплощенной кости, с отверстием для подвешивания на животе. По облику это не утка, а скорее боровая птица (рис. 11, *17*). Другая птичья головка может быть утиной, она объемная, углубленные глаза переданы ободком и точкой-зрачком, вытянутый клюв с продольной бороздкой, затылок округлый. Длина головки 4.8 см (рис. 11, *18*). Вероятно, изображение какой-то птицы и плоская поделка длиной 6.2 см, на головке просверлен маленький глаз, клюв не выделен (рис. 11, *19*). Четвертая поделка – подвеска с птичьей головкой. Круглые глаза расположены близко к обломанному клюву, на узком конце подвески сделана бороздка для привязывания, общая длина около 5 см. Эта поделка напоминает и рыбку-блесну (рис. 11, *20*). Костяные фигурки, как и кремневые, вероятно, имеют какое-то культовое назначение.

Некоторые костяные изделия примитивно орнаментированы. В основном это резные елочные узоры (рис. 10, *21*) или кольцевые нарезки (от двух до семи), которыми украшены шилья, проколки и игольники из птичьих костей.

Украшения представлены различными подвесками (147 экз.). Больше всего подвесок (41 экз.) из просверленных зубов и клыков куницы, волка, лисицы, собаки, медведя (рис. 10, *28*), семь из челюстей куницы (рис. 10, *16*), две вырезаны из кости и имитируют зубы, шесть подвесок из крупных рыбьих позвонков (рис. 10, *11*). Пластинчатых подвесок овальной формы с одним или двумя сверлинами 12, одна сделана в виде стержня. Единичны подвески из рога. Среди 26 костяных уплощенных подвесок есть различные по форме: трапециевидные, прямоугольные, овальные, круглые, каплевидные и др. (рис. 11, *26, 27*), с просверленным одним или двумя отверстиями у края, встречаются круглые подвески с отверстием в центре (рис. 10, *12, 13*), длина изделий от 2.5 до 5 см. Подвески той же формы изготавливали и из плоских галек или пластинок сланца (16 экз.) (рис. 11, *22–25*), одна сделана из глины (рис. 11, *21*). Встречаются заготовки подвесок без сверлин.

Многие подвески, особенно из зубов животных, могли служить амулетами. В состав ожерелий входили пронизки из разрубленных полых птичьих костей (15 экз.), их же могли нашивать на одежду. В качестве "пуговиц"-застежек, вероятно, использовались костяные короткие стержни (рис. 10, *20*).

Кремневые и костяные фигурки, украшения, другие разнообразные находки поселения Стрелка I, бесспорно, связывают этот памятник с многими памятниками волосовской культуры лесного энеолита (Крайнов, 1987. С. 20–23. Рис. 6; Искусство..., 1992. С. 83–108. Рис. 122–133).

Охотничье-рыболовный характер хозяйства волосовского коллектива, основавшего поселение Стрелка I, не вызывает сомнения. Об этом говорят и удобное для промыслов местоположение памятника, обилие костных остатков животных, птиц и рыб в культурном слое, специализированный инвентарь для охоты и рыбной ловли. Само расположение поселения способствовало тому,

[4] Кости животных и птиц были определены в лаборатории ИА АНСССР.

что жизнь на нем продолжалась долго. Возникнув в ранневолосовское время, когда был низким уровень воды в реках, поселок функционировал и на позднем этапе развития культуры. Длительное существование поселения позволяет говорить о некоторых изменениях в хозяйстве. В верхнем горизонте культурного слоя количество костных остатков меньше, чем в нижнем. Вероятно, в поздний период, в связи с повышением уровня воды, наступил менее благоприятный период для жизни на этом месте. Возникают поселения на более высоких берегах р. Лух, таковы поздневолосовские стоянки в урочищах Клячино, Толстуха и др. (Гадзяцкая, 1984).

Несмотря на некоторое сокращение количества остеологического материала в позднее время состав промысловых животных остается почти неизменным в течение всего периода жизни поселка. Это лось, северный олень, кабан, заяц, медведь, куница, бобр, лисица, барсук, выдра, волк. Среди них первое место занимают лось и северный олень (кости последнего чаще встречаются в нижнем слое). Много костей зайца и медведя, об особом почитании которого свидетельствуют и культовые фигурки, амулеты из клыков и фаланг этого зверя. В меньшем количестве найдены кости кабана, охота на которого по каким-то причинам была менее удачна, чем на других "мясных" животных.

Большое значение имела охота на куницу. Она занимает первое место среди пушных зверей по количеству костей и особей. О почитании куницы говорят и находки ее изображения, и подвески-амулеты из ее зубов и челюстей. На втором месте по количеству останков стоит бобр, меньше представлены лисица и выдра, кости которых равномерно распределяются по всей толще культурного слоя. Преимущественно в нижних горизонтах слоя встречаются кости барсука и волка.

Отмечается небольшое изменение состава животных в самых верхних слоях, так, в них не обнаружены кости медведя и кабана, барсука, куницы, лисицы и выдры.

Большое значение в хозяйстве волосовцев имела и охота на водоплавающую дичь. Кости птиц встречаются во всех горизонтах культурного слоя стоянки. Определены различные виды уток, гагар, гусей, а также тетерев, глухарь, куропатка и др. Найдены изображения из кости, это утка, гусь и тетерев.

Разнообразный состав животных и птиц, на которых охотились жители поселения, требовал применения специализированного охотничьего инвентаря. Использовались кремневые и частично костяные орудия различных форм и размеров. Для охоты на крупных животных применялись большие дротики и копья, наконечники стрел, на пушного зверя и птиц – малые наконечники стрел, некоторые со специально затупленными концами. Многие орудия, особенно сделанные из кремня, прекрасно обработаны. Возможно, для охоты на выдру и бобра, так же, как и на крупную рыбу, применялись костяные гарпуны.

Были развиты различные виды индивидуальной и коллективной охоты, в которой использовались собаки. Кости и копролиты этого животного найдены в жилищах. Для ловли водоплавающих перелетных птиц, вероятно, использовались разнообразные ловушки, силки, сети и т.п.

Особый набор кремневых и костяных орудий связан с обработкой шкур, разделкой мяса и другими видами работ. Доминируют разнообразные по форме и назначению скребки, скобели и ножи, которые применялись при обработке деревянных древков стрел, луков и других предметов.

Раскопки поселения Стрелка I дали много материалов, говорящих о развитом рыболовстве у волосовцев. Удобное для ловли рыбы расположение стоянки при слиянии двух речек, обилие костей рыб и чешуи в слое около кострищ и в развалах сосудов, рыболовные крючки, гарпуны и остроги, отпечатки сетей на сосудах свидетельствуют об успешном рыбном промысле. Состав и виды рыб определил Е.А. Цепкин. Это щука (Esox lucius) язь (Leuciscus idus), лещ (Abramis brama), линь (Jinca – tinca), сом (Silurus glanis), окунь (Perca fluviafilis), судак (Lucioperca lucioperea). Много было крупной рыбы: размеры щук достигали 120 см, язя – 42.5 см, линя и окуня – 36 см, судака – 70 см, сома 130–160 см. Позвонки таких сомов даже использовались в ожерельях. Кости щуки и сома преобладают в нижних слоях поселения, на глубине 100–150 см, выше кроме них есть окунь, язь, судак, в верхнем горизонте встречаются щука, лещ, окунь, язь, линь, но нет костей сома. В р. Лух водились и осетровые, о чем говорит найденная на стоянке проколка из кости этой рыбы. Останки стерляди, осетров, изображение осетра известны и на других волосовских поселениях этого региона (Сахтыш I).

Кроме рыбы, жители стоянки Стрелка I добывали много речных ракушек, которые в большом количестве встречаются в культурном слое. Возможно, моллюсков употребляли в пищу, раковины использовали при изготовлении украшений, в основном же добавляли в измельченном виде в глину при выделке посуды. Вероятно, рыболовы пользовались не только удочками, гарпунами, сетями, заколами и т.п., но и лодками типа тех, которые в настоящее время использует местное население, например долбленки из ствола осины.

Таким образом, поселение Стрелка I является типичным волосовским памятником с прямоугольными углубленными в землю жилищами, отдельными захоронениями в культурном слое,

характерными изделиями из глины, камня, кости, богатыми остеологическими останками.

Сравнительный анализ керамики и других предметов, найденных на поселении, с материалами прочих волосовских памятников позволяет отнести два горизонта культурного слоя этого поселения к раннему и развитому этапам волосовской культуры.

Современные представления о датировке этой культуры в абсолютных цифрах приведены в работе Д.А. Крайнова (1987. С. 14). Согласно им определяется и дата для поселения Стрелка I.

Возникнув в середине III тыс. до н.э. (нижний горизонт культурного слоя), поселок продолжал существовать, вероятно, и в начале четвертой четверти III тыс. до н.э. (верхний горизонт).

В целом материалы поселения Стрелка I вместе с другими памятниками по р. Лух и у оз. Сахтыш в Ивановской области позволяют говорить о локальных особенностях местных волосовских племен, относящихся к верхневолжскому культурному варианту волосовской общности (Крайнов, 1987. С. 13).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гадзяцкая О.С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. 1966. Вып. 106.

Гадзяцкая О.С. Стоянки на р. Лух // КСИА. 1984. Вып. 177.

Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100.

Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.

Крайнов Д.А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО–1968. 1969.

Крайнов Д.А. Исследования Верхневолжской экспедиции // АО–1972. 1973.

Крайнов Д.А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО–1977. 1978.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Исследования в Верхнем Поволжье // АО–1967. 1968.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.

Strelka I Eneolithic Settlement in the Klyazma River Basin

O. S. Gadzyatskaya, D. A. Krainov

Summary

Material from the excavations carried out by the Upper Volga expedition of the Institute of Archaeology, RAS, conducted by D.A. Krainov in 1967–1969 is published in the article. At Strelka I settlement massive cultural deposits were investigated dated back to the Eneolithic period with few finds of the other epochs. This fact permits to trace specific features of development of material culture from early till late stage within certain group attested to Volosovo culture tribes that inhabited the Volga and Klyazma rivers' interfluve. The station in question is situated at the Lyulekh and Lukh rivers' confluence (Ivanovo region). Around 300 sq. m were excavated (Fig. 1). The cultural deposit contained numerous finds (10794 totally). Among them potsherds typical of Volosovo culture prevailed (8164 specimen), tools and weapons made of flint, bone, etc. Rich osteological material was recovered. The remains of 6 burials were discovered in the cultural layer, presumably they fall within the Volosovo period. Three dwellings were partially investigated, they were of rectangular shape with sunken floors; the remains of intricate wooden constructions were cleared up, as well as hearths, pits of household function and those designed for dwellings' heating. Chronology of Volosovo settlement Strelka I is determined approximately since the mid till the last quarter of the 3rd mill. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 132–141

ПУБЛИКАЦИИ

КЛАД ИЗ МЕХЧИС-ЦИХЕ В КОНТЕКСТЕ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ

© 2002 г. С. Б. Вальчак, А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

В собрании Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге хранится примечательная коллекция бронзовых вещей, происходящая из окрестностей развалин крепости Мехчис-цихе у селения Мерс (или Мере). Мехчис-цихе находится на реке Пацхвис-цкали (Посхова) в Посховском участке Ардаганского округа бывшей Карской области, что ныне на территории Турции близ границы с Грузией. Отметим, что ущелье р. Пацхвис-цкали является достаточно замкнутым и ограничено с трех сторон горными хребтами, труднопроходимыми в зимний период. Свободный проход в ущелье существует только с востока, со стороны г. Ахалцихе (Садовский, 1886).

Клад бронзовых вещей был найден при распашке в 1891 г. и после выплаты 15 рублей находчику поступил в коллекцию военного губернатора Карской области. В 1896 г. военный губернатор передал клад в собрание Кунсткамеры. Как отмечается в хранящихся в музее документах, набор вещей по составленной Б. Адлером описи 1910 г. не вполне соответствует более ранней описи К.Ф. Руссова. В 1957 г. был составлен акт об отсутствии в коллекции одного из бронзовых орнаментированных топоров, известного по первым публикациям клада.

Впервые краткая характеристика коллекции из Мехчис-цихе была дана А.А. Иессеном (1935. С. 139, 140). Секира и мотыга из клада были ранее опубликованы как происходящие из Кобанского могильника (Бломквист и др., 1925. С. 51. Табл II, *5*, *8*). Рисунки большинства вещей впервые были опубликованы Б.А. Куфтиным (1944. С. 35. Рис. 21; 22, *1*, *2*), затем они появлялись в работах Д.Л. Коридзе (1965. Рис. 30), Т.К. Микеладзе (1974. Табл. XIV) и Ю.Н. Воронова (1980. С. 203–205. Рис. 2, *1–9*). Как отмечал А.А. Иессен, клад из Мехчис-цихе чрезвычайно интересен по встречающемуся в одном комплексе сочетанию вещей колхидского и восточно-закавказского облика. Д.Л. Коридзе датировал клад X–VIII вв. до н.э. Ю. Н. Воронов, сближая входящий в состав клада псалий от цельнолитых удил с удилами Сардури II (760–730 гг. до н.э.) и отмечая наличие в коллекции фрагмента ситулы второй половины VIII–VII в. до н.э., датировал комплекс временем не ранее второй половины VIII в. до н.э. или второй половиной VIII–VII в. до н.э., синхронизируя его с кладами из Лайлаши и Джвари. Т.А. Попова, обратившаяся недавно к коллекции из Мехчис-цихе, датировала ее VIII в. до н.э. и отметила сочетание здесь в одном комплексе "элементов кобанских (восточных) и западных (колхидских) древностей раннескифского времени" (Попова, 1997. С. 104).

В состав клада входили два орнаментированных топора (рис. 1, *3* – № 378/5, 378/6), относящихся по форме к третьему типу (так называемые "колхидские" топоры с прямым корпусом, почти симметричным лезвием и клиновидным обухом), а по декору – к группам 8 и 11 по классификации одного из авторов (Скаков, 1997а, б; 1998а). Топор с декором группы 11 (№ 378/6) в настоящее время в коллекции отсутствует.

В рассматриваемый комплекс входит также обломок неорнаментированного топора третьего типа (рис. 1, *2* – № 378/7) без обушной части с небольшим, несколько асимметричным лезвием, двумя выступающими валиками вокруг проуха на одной из боковых сторон и двумя аккуратно выполненными и четко отделенными от "шейки" ребрами на обеих лицевых сторонах топора. Наличие подобных ребер на топорах третьего типа является редким и поздним признаком, заимствованным у топоров первого и второго типов, для которых присутствие таких ребер было обязательным. В Тлийском могильнике аналогичные ребра имеются на топорах третьего типа из погребений 24, 34, 68, 69, 84, 188, 226, 267, 293, 300, 330, 377, 499, 425, 472, 476. Почти все эти топоры (за исключением экземпляров из погребений 188 и 330) по своему декору относятся к заключительному четвертому хронологическому периоду в развитии кобано-колхидского искусства (Скаков, 1997а). Экземпляр третьего типа с такими же ребрами известен из погребения 1929 г. в Аагсте, датируемого по орнаментированным топорам группы 10 и подгруппы 15/3 рубежом третьего и четвертого хронологических периодов (Куфтин, 1949. С. 148, 149. Табл. XI, *3*).

Кроме того, в состав клада входят два топора второго типа с прямым корпусом, асимметричным лезвием и молоточковидным обухом. Топоры несколько различаются по форме. Один из

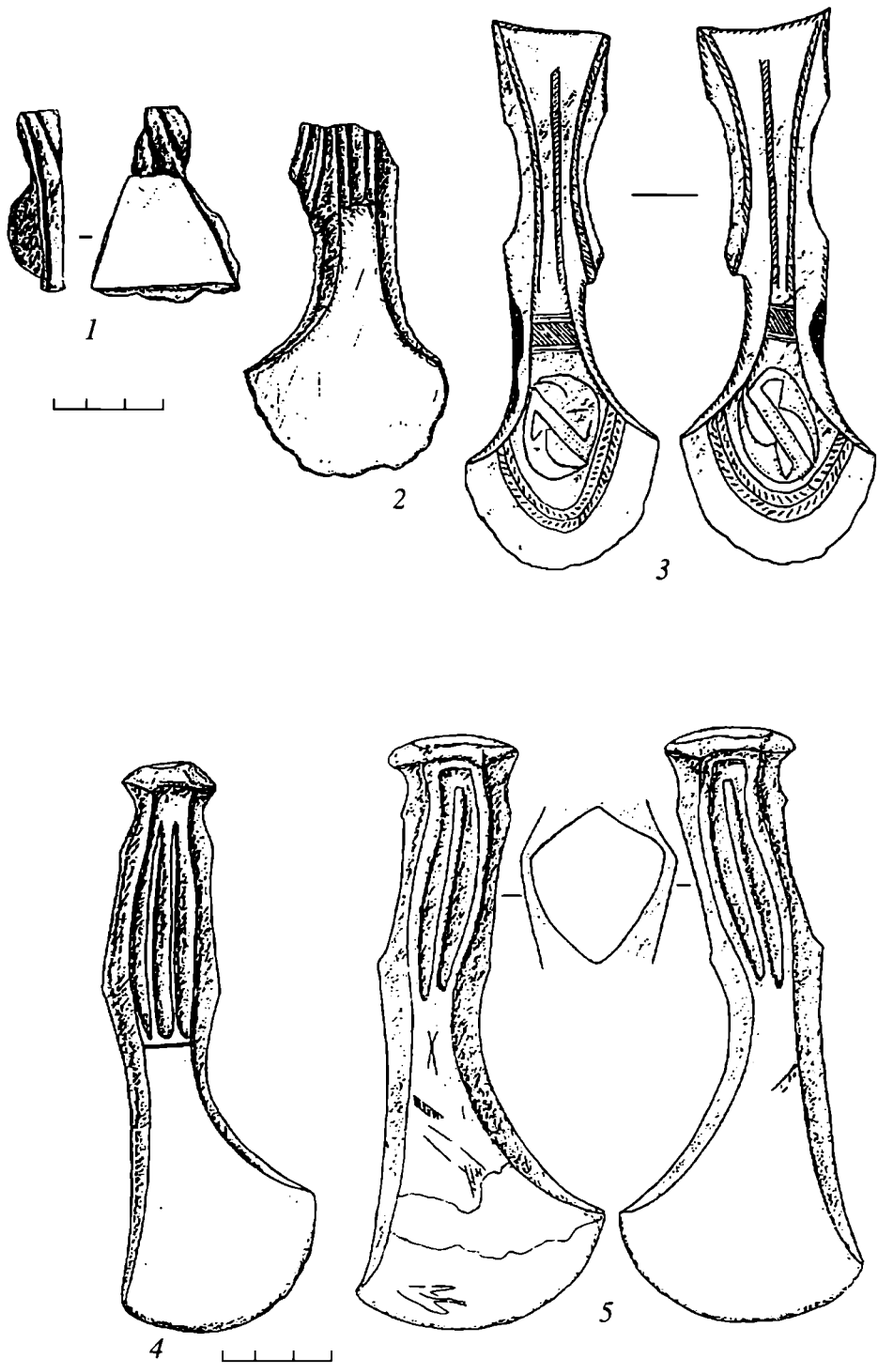


Рис. 1. Мехчис-цихе. Бронзовые топоры третьего (*2*, *3*) и второго типов (*4*, *5*). Обломок бронзового изделия.

них (рис. 1, *4* – № 378/3) имеет достаточно изящные пропорции, небольшой правильных очертаний обух с аккуратно срезанной сужающейся кверху верхушкой и подовальный проух. На одной из сторон топора, на его "шейке", между двумя боковыми ребрами и лопастью нанесены две параллельные линии, представляющие из себя упрощенную имитацию пояска. Близкие по форме топоры известны, в частности, в Цхинвальском кладе (Коридзе, 1965. Табл. XIV, *10*) и в погребении 85 Тлийского могильника (Техов, 1981. Табл. 101, *19*), датирующемся по биметаллическому акинаку и орнаментированному топору подгруппы 15/2 в пределах VII в. до н.э.

Другой топор второго типа (рис. 1, *5* – № 378/4) отличается массивностью и грубостью оформления. Крупный обух как бы приплюснут, а его верхняя часть срезана почти над основанием. По сторонам от широкого подромбического проуха проходит по три ребра. Подобный подромбический проух, крайне редкий как для Северного Кавказа, так и для Закавказья, известен у топора второго ти-

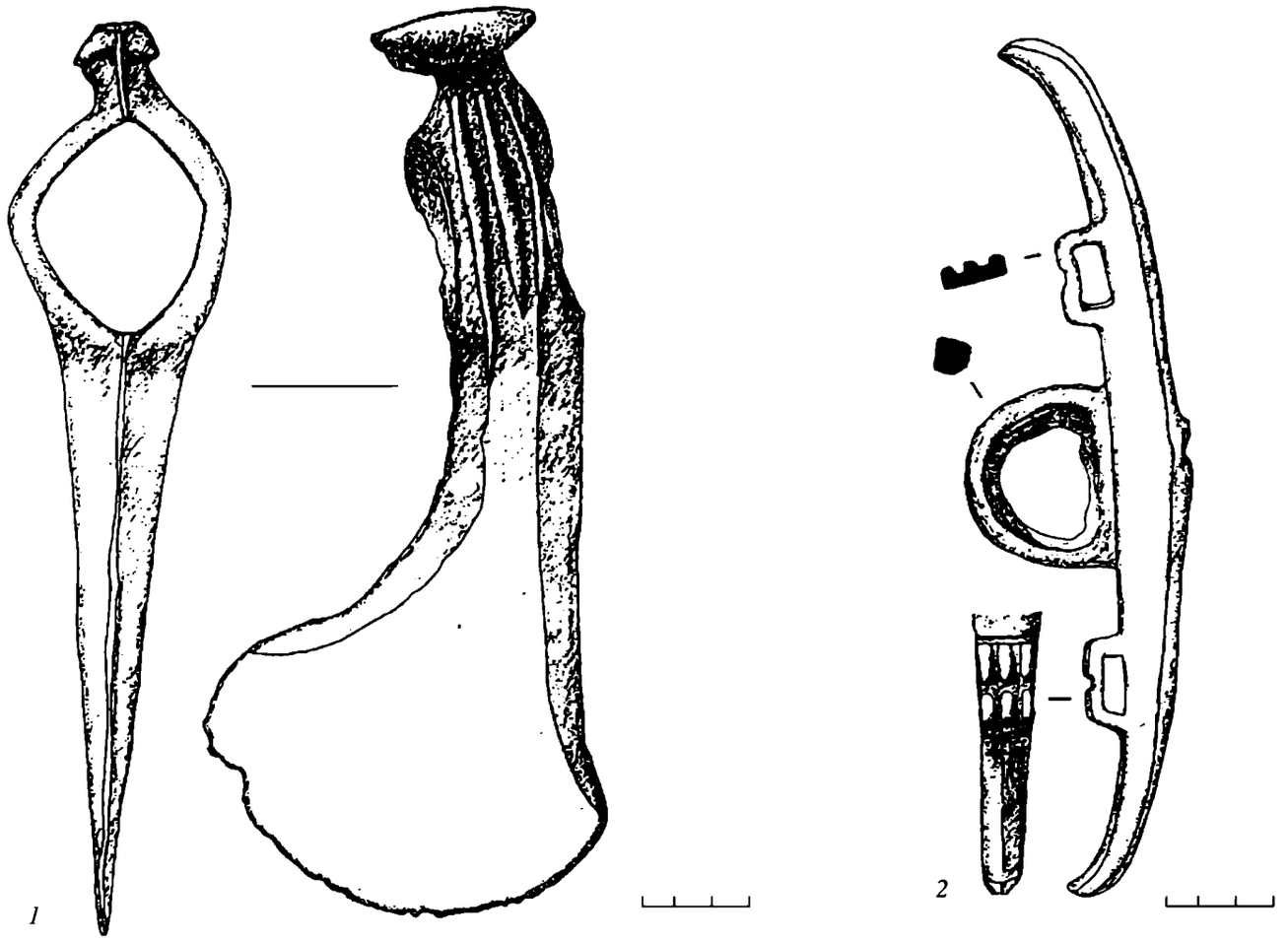


Рис. 2. Новочеркасский клад 1939 г. Бронзовый топор второго типа (*1*). Мехчис-цихе. Бронзовый псалий (*2*).

па из Новочеркасского клада 1939 г. (рис. 2, *1*)[1]. Как представляется, столь редкая форма проуха не может быть случайной, связана с характером литейной формы и не могла возникнуть из-за механической обработки или деформации топора. При этом форма обушной части у топора из Новочеркасского клада отличается от экземпляра из Мехчис-цихе более узким перехватом при переходе от проушной части, а также приплюснутым широким обухом, сужающимся кверху. Чуть ниже "шейки" экземпляра из Мехчис-цихе, на его лопастях нанесено по одной короткой косой полоске из параллельных линий, пространство между которыми заполнено косыми насечками. Патина на лопастях топора сильно повреждена, но на одной из сторон заметны царапины в виде косого креста, параллельных линий, заштрихованного треугольника (?) и стрелы (?).

[1] Так как имеющиеся в публикациях изображения топора из Новочеркасского клада не вполне передают особенности формы предмета, мы вынуждены дать рисунок топора, выполненный одним из авторов в Музее истории донского казачества г. Новочеркасска.

В состав клада входят две секиры (рис. 3, *1*, *3* – № 378/1, 378/2) восточно-закавказского типа, незначительно отличающиеся друг от друга своей формой и размерами. Обе секиры имеют четко выделенный выступ на обушке, переходящий по обеим сторонам от проуха в выступающее треугольное ребро. Наличие таких ребер считается поздним признаком (Хачатрян, 1975. С. 179). Поверхность одной из лопастей у каждой из секир хаотично покрыта насечками в виде параллельных линий и косого креста. Основное различие состоит в том, что у одной из секир верхние углы лопасти закруглены, а у другой – срезаны под прямыми углами. Подобные секиры известны среди находок на могильнике Мингечаур (Асланов и др., 1959. С. 76. Табл. XII, *1*, *3*), в погребении из Вардакара (Хачатрян, 1975. Рис. 2) и в других памятниках Армении и Азербайджана (Picchelauri, 1997. № 279, 289, 290, 296, 298, 311, 312, 317, 333, 337, 343).

Плоский топор (рис. 4, *1* – № 378/9) из клада имеет прямоугольный черешок, чуть загнутые вверх закругленные плечики, украшенные орна-

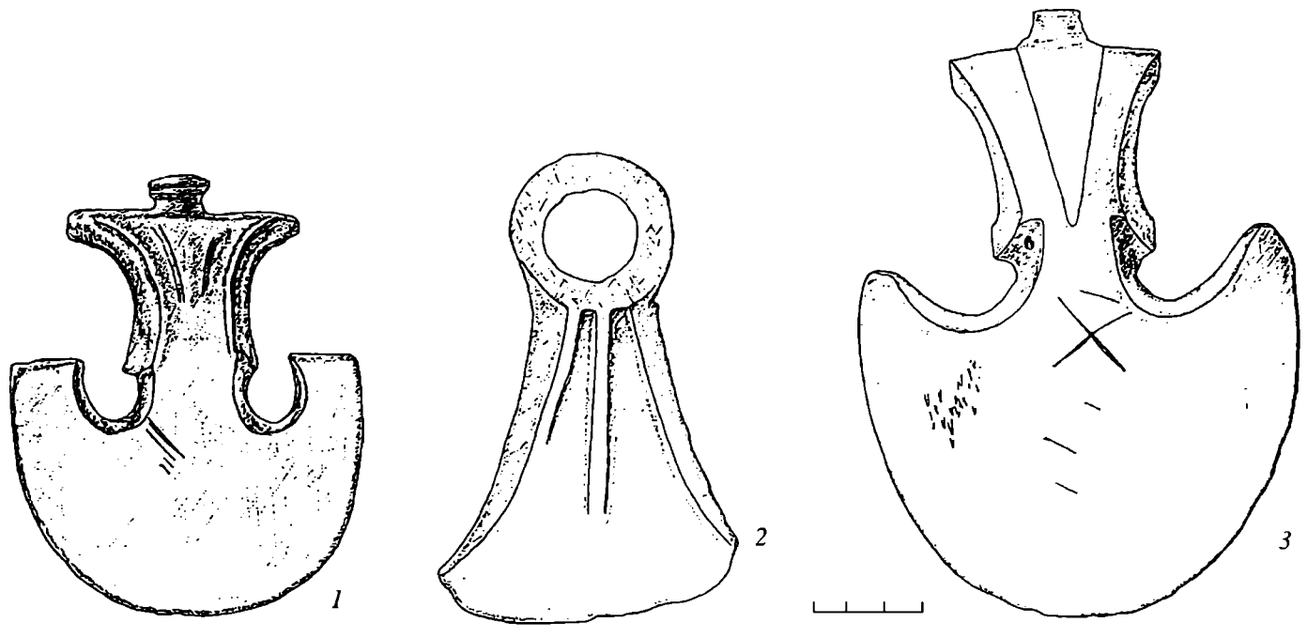


Рис. 3. Мехчис-цихе. Бронзовые секиры (*1*, *3*) и мотыга (*2*).

ментом из двух полос сетчатого орнамента, и утолщение на "шейке". Типологически он близок к хорошо известным в Закавказье плоским топорам с боковыми выступами, но в данном случае боковые выступы утрированы. Наиболее близкий по форме плоский топор известен из основного погребения кургана 1 в Мингечауре (Асланов и др., 1959. Табл. XXXVIII, *1*). Другие близкие аналогии известны из погребения 20 Бешташени, Ленинакана, Аревика и Ходжалы (Picchelauri, 1997. № 398, 432–434, 444).

Мотыга (рис. 3, *2* – № 378/8) близка к экземплярам из кладов Цагери (Коридзе, 1965. Рис. 22), Тхмори (Коридзе, 1965. Табл. XVII, *5*, *10*), Оджоли (Коридзе, 1965. Табл. XXII, *5*), погребения 4 Марылын-Дереси (Куфтин, 1941. С. 51, 52. Рис. 50, *1*. Табл. XXIII) и относится к достаточно распространенному в Западной Грузии типу, существовавшему на протяжении значительного отрезка времени. Она отличается вытянутыми пропорциями и наличием трех ребер на лицевой поверхности. В отличие от экземпляра из Цагери рабочая часть мотыги не согнута.

Долото (рис. 4, *3* – № 378/11) имеет выступающий валик на втулке, от которого вниз спускается рельефный шахматный орнамент в пять рядов клеток, далее сходящий на нет.

Особый интерес представляет входящий в состав клада псалий (рис. 2, *2* – № 378/10) от цельнолитых удил. Бронзовый псалий из Мехчис-цихе принадлежал цельнолитому бронзовому уздечному комплекту (группа 3) с неподвижным и неразъемным соединением стержней удил и псалиев (Белинский, Вальчак, 1998. С. 151, 152).

Тулово псалия представляет собой слегка изогнутый во внешнюю сторону четырехгранный стержень, шестигранный в сечении на изогнутых приостренных концах. В центральной части псалия на внешней стороне имеется крупная полуовальная в плане петля с отверстием аналогичной формы. Петля расположена в одной плоскости с несохранившимся стержнем удил, крепившимся на внутренней стороне псалия. На этой же стороне выше и ниже центральной петли размещены еще две петли меньших размеров, предназначенные для соединения с оголовьем. Эти петли имеют неправильную прямоугольную форму в плане и сечении. Внешняя сторона малых петель орнаментирована шестью рельефными прямоугольничками, размещенными в два ряда по вертикали.

Уздечные комплекты рассматриваемой группы широко распространены в Закавказье, где употребляются с разнообразными типами псалиев и датируются второй половиной VIII–VII в. до н.э. (Воронов, 1980. С. 203–205. Рис. 2, 7; Погребова, 1984. С. 68, 69; Вальчак, 1993. С. 27). Наиболее близкой аналогией является псалий от цельнолитых удил из конского убора Сардури II из Кармир-блура (Пиотровский, 1970. Рис. 56). Близкий по форме псалий от цельнолитых удил, отличающийся от мехчисцихского менее плавными, угловатыми очертаниями и меньшими размерами центральной петли, известен в составе клада из Нигозети (Воронов 1980. Рис. 2, *57*).

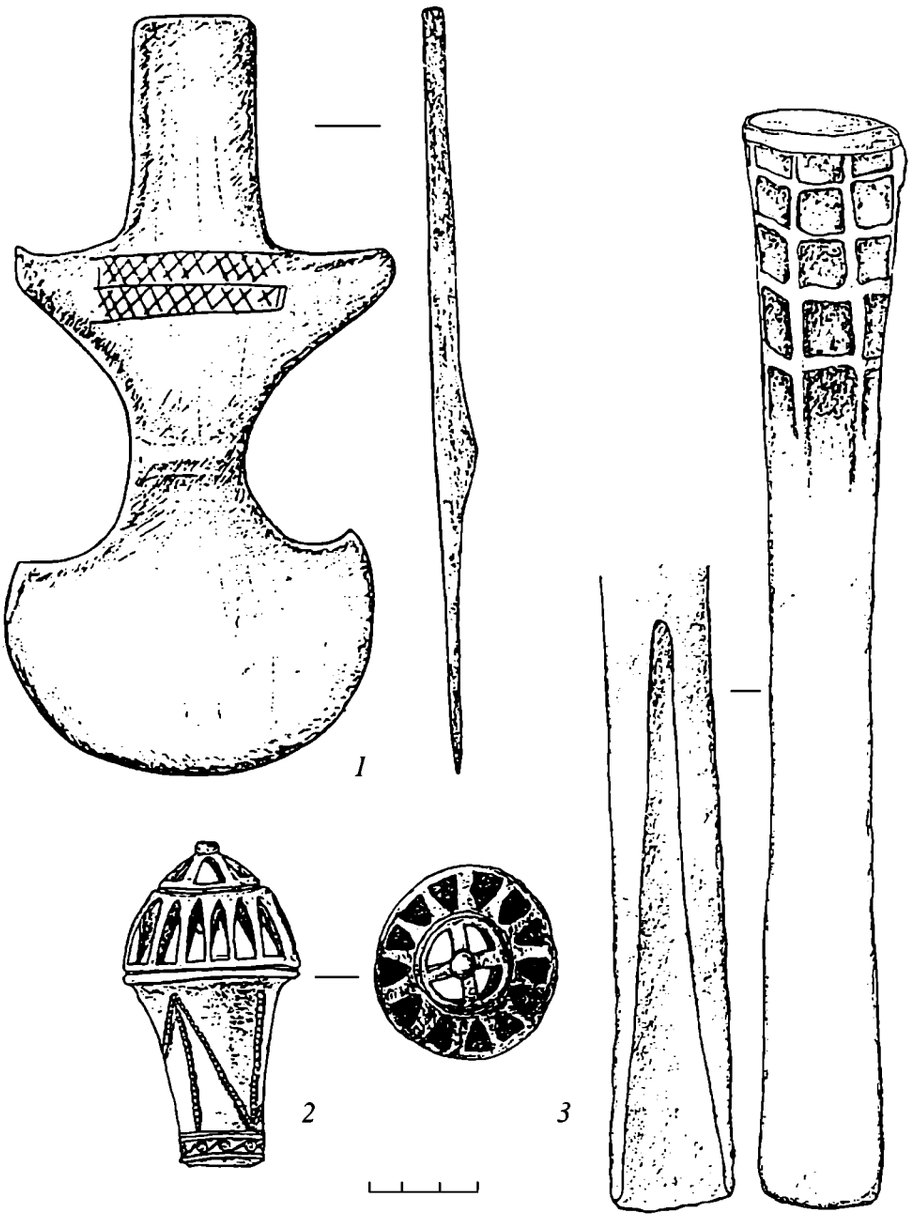


Рис. 4. Мехчис-цихе. Бронзовые плоский топор (*1*), навершие кинжала (*2*) и долото (*3*).

В нашем случае датировку подтверждает и выявленный орнамент в виде прямоугольничков. На уздечных принадлежностях предскифского периода юга Восточной Европы он появляется, по всей видимости, около середины – второй половины VIII в. до н.э. и постепенно становится господствующим, существуя вплоть до келермесского времени (Галанина, 1983. Табл. 3, *8*; Вальчак, 1994; 1997. С. 99, 100). В Закавказье столь ранних истоков подобной орнаментации не наблюдается, но подобный рельеф известен на нескольких цельнолитых уздечных комплектах преимущественно VII в. до н.э. (Куфтин, 1941. С. 60. Рис. 58*А*, *2*; Погребова, 1984. С. 68, 69). Логично предположить, что появление этого вида орнамента в Закавказье, тем более – на уздечных принадлежностях, связано с заимствованием местным населением идеи такой орнаментации во время киммерийско-скифских походов конца VIII–VII вв. до н.э.

Тщательная обработка и изящный декор свойственны входящему в состав клада навершию и рукояти меча или кинжала кахетинского типа (рис. 4, *2* – № 378/13). Само навершие украшено двумя рядами подтреугольных прорезей и завершено шишечкой. Полая внутри рукоять украшена тонко выполненным шнуровым орнаментом, а также орнаментом в виде бегущей волны по основанию. Многочисленные бронзовые мечи и кин-

жалы с аналогично орнаментированными цельнолитыми рукоятями известны из Кахетии и Шида Картли (Picchelauri, 1997. № 589–618, 906–911). Известен также биметаллический меч с железным клинком и аналогичной рукоятью из Чотори близ Сигнахи (Picchelauri, 1997. № 604). Близкая аналогия данной рукояти известна в основном погребении кургана 1 в Мингечауре (Асланов и др., 1959. Табл. XXXVIII, *6*). В качестве примера сочетания орнамента в виде бегущей волны и шнурового орнамента на рукояти или навершии можно привести предмет из Ничбисисхеви близ Мцхеты (Апакидзе и др., 1987. Табл. LXXXII, *3*).

В состав клада входят семь однотипных массивных цельнолитых браслетов (рис. 5, *1*, *2*, *4*, *5*, рис. 6, *1–3* – № 378/15, 378/16, 378/17, 378/18, 378/19, 378/20, 378/21) – так называемые "кавказские сиклы", концы шести из них украшены орнаментом. Браслеты имеют тупые обрезанные несходящиеся концы и подпрямоугольное со скругленными углами сечение. Декор браслетов представляет собой композиции из заполненных точечным орнаментом или косой штриховкой треугольников, заполненных точечным орнаментом овальных фигур, заполненных косыми насечками параллельных линий и в одном случае елочный орнамент. Аналогичные браслеты с орнаментацией в виде треугольников, зигзагов и параллельных линий хорошо известны в материалах Грузии (Иессен, 1935. Рис. 26). В частности, наиболее близкие по декору к экземплярам из Мехчис-цихе браслеты известны из Мусиери (Иессен, 1935. Рис. 26, *2*) и Ничбисисхеви близ Мцхеты (Апакидзе и др., 1987. Табл. LXXXII, *1*). Для большинства подобных браслетов характерна орнаментация не только их оконечностей, но и всех внешних сторон.

Близкие по форме браслеты хорошо известны в материалах кобанской культуры, но характер их орнаментации, присутствующей лишь в редких случаях, там несколько иной. Так, особенностью браслетов Тлийского могильника (погребения 18, 132, 134, 138, 141, 235, 250, 296) с аналогичной орнаментацией является округлое сечение и незначительная толщина по сравнению с более массивными экземплярами из Мехчис-цихе.

В комплекс из Мехчис-цихе входят также поддон бронзового сосуда (№ 378/12), три фрагмента клепаного бронзового сосуда (№ 378/22), представляющие ранее, возможно, одно целое с поддоном, фрагмент другого бронзового сосуда (может быть, миски) без заклепок (№ 378/22), четыре фрагмента бронзовой втулки копья или долота (№ 378/22), фрагмент круглого бронзового пластинчатого предмета, предположительно бляхи (рис.5, 3 – № 378/22), полуфабрикат литого бронзового изделия в виде треугольника с примыкающим к его верхнему углу ложновитым стержнем (рис.1, *1* – № 378/14).

В датировании археологических комплексов, особенно кладов, мы придерживаемся той методики, по которой базовыми являются наиболее поздние вещи из состава комплекса (Кореняко, 1990. С. 12–16; Эрлих, 1997. С. 24-27). Согласно предложенной А.Ю. Скаковым хронологической схеме, топор группы 11 относится к третьему периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля, а топор группы 8 – к заключительному, четвертому периоду в его развитии (Скаков, 1997а. С. 81, 83). На этом основании можно отнести клад из Мехчис-цихе к рубежу третьего и четвертого хронологических периодов. Четвертый хронологический период надежно датируется VII в. до н.э. по находкам предметов раннескифского облика в содержащих орнаментированные топоры погребениях Тлийского могильника. При этом не исключено, что начальный этап четвертого хронологического периода может быть отнесен к несколько более раннему времени. Таким образом, наиболее вероятной датой для клада из Мехчис-цихе является конец VIII – начало VII в. до н.э. Это подтверждает и характер найденного здесь псалия, а также особенности формы неорнаментированных топоров.

Как уже отмечалось, близкие аналоги плоскому топору и навершию кинжала из Мехчис-цихе известны в основном погребении кургана 1 из Мингечаура, датируемом М.Н. Погребовой по узде второй третью VIII – началом VII вв. до н.э. (Погребова, 1984. С. 45, 46, 67, 68). Данная дата представляется достаточно обоснованной, но, исходя из сходства вещевого набора всех курганов Мингечаура, не исключена ее корректировка в рамках конца VIII – первой половины VII в. до н.э.

Секиры из Мехчис-цихе находят аналогии в Калаканте. В частности, одна из секир (рис. 3, *1* – 378/2) имеет близкую аналогию в погребении 49 могильника Парадизфестунг (Nagel, Strommenger, 1985. S. 78. Taf. 23, *2*). По уздечному комплекту погребение может быть синхронизировано с курганами Мингечаура.

Особенную близость можно проследить между комплексами из Мехчис-цихе и Цхинвали (Южная Осетия). В состав клада из Цхинвали входит топор с декором группы 5 (горизонтально расположенный зверь, ограниченный пределами лопасти), относящийся к третьему хронологическому периоду. При этом декор этого топора по стилистическим признакам и наличию шнурового орнамента на гранях может быть отнесен к наиболее поздним в данной группе и соответственно в третьем периоде (Скаков, 1998б. С. 13, 17).

Два других топора Цхинвальского клада по своему декору относятся к группам 7 (изображение стилизованного зверя) и 8 (s-видный знак на лопасти) четвертого хронологического периода. Кроме того, в материалах Цхинвальского клада находит аналоги ряд других предметов из клада в

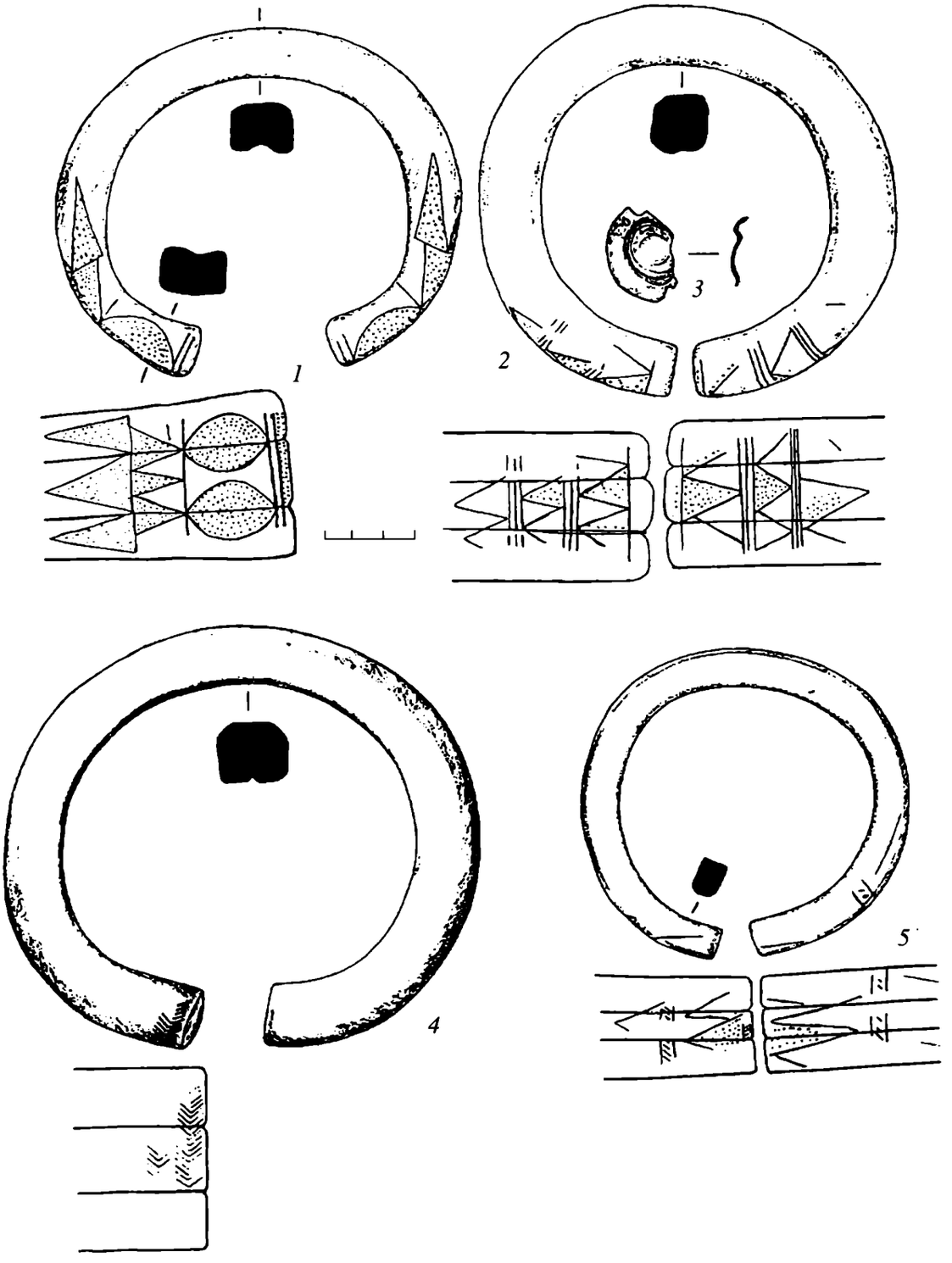


Рис. 5. Мехчис-цихе. Бронзовые браслеты (*1*, *2*, *4*, *5*) и бляшка (*3*).

Мехчис-цихе, а именно секира с выступом на обухе (Коридзе, 1965. Табл. XIV, *3*), массивные браслеты с геометрическим орнаментом (Коридзе, 1965. Табл. XIV, *14–18*), долото с орнаментом вокруг втулки (Коридзе, 1965. Табл. XIV, *13*). Таким образом, клады из Мехчис-цихе и Цхинвали содержат однотипный и синхронный материал, что позволяет отказаться от предложенной Д.Л. Коридзе датировки Цхинвальского клада XI–X вв. до н.э. (Коридзе, 1965. С. 154) и отнести его, так же как и клад из Мехчис-цихе, к концу VIII – началу VII в. до н.э.

Браслет, аналогичный экземплярам из Мехчис-цихе, известен в так называемом кладе из Джвари в Мингрелии (Иессен, 1935. Рис. 17, *4*). Д.Л. Коридзе датировал клад из Джвари X–VIII вв.

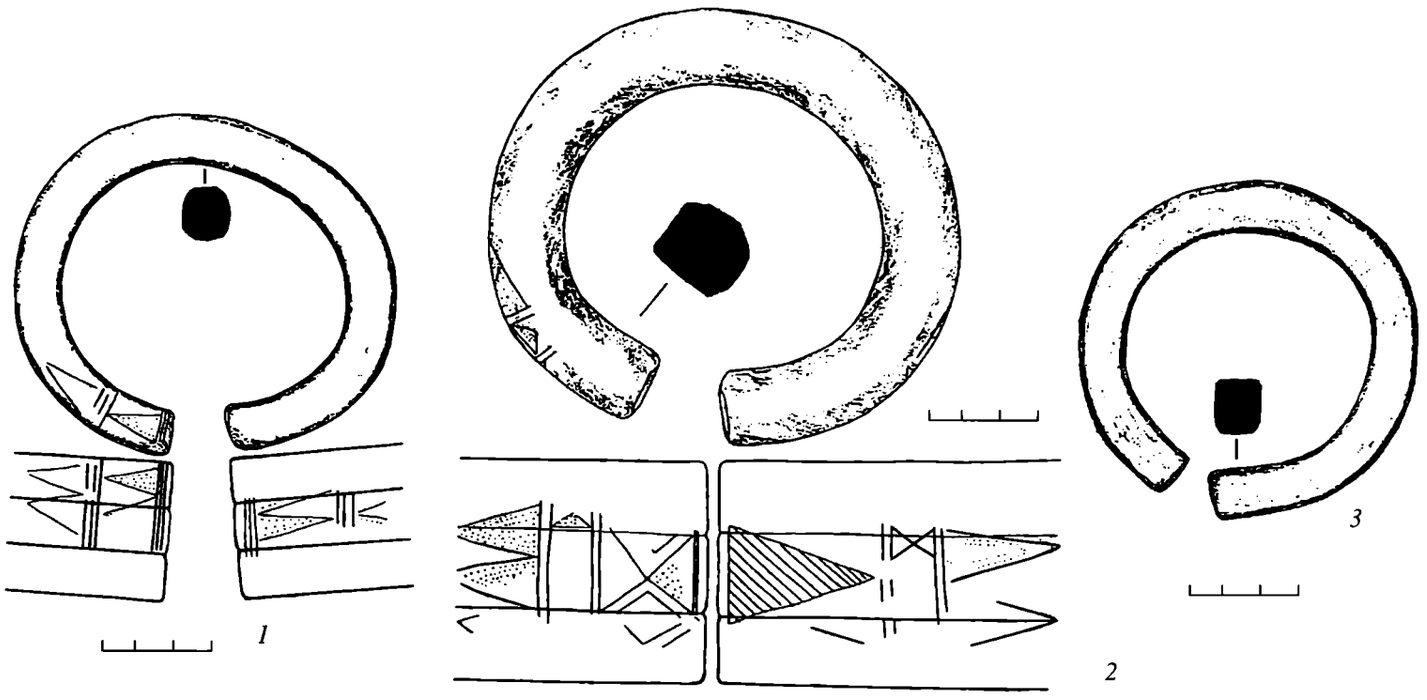


Рис. 6. Мехчис-цихе. Бронзовые браслеты (*1–3*).

до н.э. (Коридзе, 1965. С. 154). Наличие в данном комплексе фибулы с раздутой дужкой и кольцевидными утолщениями по ее краям, надежно датированной VIII–VII вв. до н.э. по комплексу из Гижгида и погребению 2 могильника Заюково-1 (Козенкова, 1998. С. 75), позволяет синхронизировать клад из Джвари с кладами из Цхинвали и Мехчис-цихе. Оформление обуха топора из Джвари также аналогично топору из Новочеркасского клада. Гривна из Джвари находит аналоги преимущественно в комплексах второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э., в частности в погребении 7 могильника "Индустрия"-1 и погребении 25 могильника "Мебельная фабрика"-1 (Козенкова, 1989. Табл. XLI, *B*; XLII, *A*). Отметим, впрочем, что принадлежность вещей из Джвари к одному комплексу не является доказанной (Иессен, 1935. С. 125).

Вероятно, к несколько более раннему времени относится клад из Сасирети, датированный Д.Л. Коридзе XIII–XII вв. до н.э. (Коридзе, 1965. С. 154. Табл. X). В состав этого клада входят секиры с выступом на обухе и долото с рельефным орнаментом на втулке, находящие аналогии в кладах из Мехчис-цихе и Цхинвали. По наличию бронзовых удил с напускными колесовидными псалиями, имеющих луристанские аналогии, комплекс из Сасирети может быть предположительно отнесен к IX–VIII вв. до н.э. (Коридзе, 1965. Табл. X; Воронов, 1980. Рис. 2, *10–16*; Древности..., 1992, № 221, 224, 225). Такую дату клада из Сасирети подтверждают и входящие в его состав кинжалы с рукоятями и кинжальные клинки.

По орнаментированным топорам группы 7 и подгруппы 16/2 четвертого хронологического периода с кладом из Мехчис-цихе можно синхронизировать клад из Хеви (Коридзе, 1965. Табл. XIX, *1*, *4*). Кроме того, в составе клада из Хеви имеется обломок топора второго типа (Коридзе, 1965. Табл. XIX, *9*), по оформлению обуха близкого к топору из Новочеркасского клада.

Близкую хронологическую позицию занимает и клад из Хуцубани в Аджарии (Рамишвили, 1974. Табл. XI, XII), в состав которого входят три шейные гривны со спирально загнутыми концами и топор второго типа, украшенный шнуровым орнаментом по граням, близкий по форме к одному из топоров Мехчис-цихе (рис. 1, *4* – № 378/3). Из других памятников Аджарии к данной хронологической группе можно отнести также клад из Чакви, включающий в себя два фрагмента орнаментированных топоров третьего типа, относящихся, вероятно, к группе 16 четвертого хронологического периода (ГИМ, 496/4), и бронзовый браслет, близкий по форме и декору к экземплярам из Мехчис-цихе. Еще один топор третьего типа, относящийся по своему декору к группе 7 четвертого хронологического периода, известен из Фушрукаули в Аджарии (Давитадзе, 1979. Табл. V). Отметим при этом, что в более раннее время орнаментированные топоры, за исключением достаточно оригинальных по своему декору экземпляров из Хихадзири, относящихся к третьему хронологическому периоду, в Аджарии и прилегающих районах Грузии и Турции неизвестны.

Чужеродным для Аджарии является также орнаментированный бронзовый пояс из Уреки с

изображением извивающейся змеи (Рамишвили, 1974. Табл. XXIV, *13*). Аналогичные пояса известны в погребениях 18, 50, 57, 141 Тлийского могильника, а также в погребении 104 (152) Красномаяцкого могильника в Абхазии (Трапш, 1969. Табл. XXVI, *2*, *8*). Отметим, что данный комплекс из Красного Маяка содержит бронзовую шейную гривну со спирально загнутыми концами, а в погребении 141 Тлийского могильника найдены бронзовые браслеты, близкие по декору к экземплярам из Мехчис-цихе и относительно поздняя по орнаментации поясная пряжка (Техов, 1981. Рис. 60).

Таким образом, выделяется определенная группа кладов и случайных находок, относящихся ко второй половине VIII – первой половине VII в. до н.э. Это клады из Мехчис-цихе, Чакви, Хуцубани, Хеви, Джвари, Цхинвали и отдельные находки из Уреки и Фушрукаули. Некоторые из этих памятников маркируют процесс проникновения элементов материальной культуры из региона Северного и Центрального Кавказа в Юго-Западное Закавказье.

При этом можно говорить об инфильтрации как самих вещей, так и элементов их оформления. Для более раннего периода столь массовое проникновение чуждого для данного региона археологического материала не засвидетельствовано.

Предлагаемая нами датировка ряда комплексов не согласуется с хронологическими разработками Д.Л. Коридзе и ряда других авторов, на наш взгляд, излишне удревняющих данные памятники (Коридзе, 1965. С. 153–158; Picchelauri, 1997. S. 9–11). Широкий круг аналогий позволяет рассматривать их в ином, достаточно узком хронологическом диапазоне и предположительно связывать с изменением обстановки в Закавказье в результате киммерийских походов. Вероятно, в эти походы была вовлечена часть населения Центрального Кавказа, что привело к взаимопроникновению элементов различных культур и к появлению черт материальной культуры, связанных своим происхождением с регионом Центрального Кавказа, в более южных районах. Это предположение подтверждается наличием в рассматриваемых комплексах большого количества престижных предметов вооружения и воинского снаряжения.

Выражаем глубокую признательность Т.А. Поповой за предоставленную возможность изучения и публикации данной коллекции.

Работа проведена при поддержке гранта РГНФ № 00-01-00-160а

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Сихарулидзе А.Н. и др. Археологические раскопки в Мцхета и ее округе // ПАИ 1984–1985. 1987.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И., 1959. Древний Мингечаур. Баку, 1959.

Белинский А.Б., Вальчак С.Б. Оригинальная группа предскифских уздечных комплектов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. Археология. Ставрополь, 1998.

Бломквист Е., Ибах В., Пескова Л. Первобытный человек. Л., 1925.

Вальчак С.Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М., 1993.

Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2.

Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М., 1997.

Воронов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.

Давитадзе Ю.А. Гравированный топор из села Фушрукаули // ПЮЗГ. 1979. Т. VIII (на груз. языке).

Древности страны луров. Каталог выставки. СПб., 1992.

Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. Вып. 120. Из истории древней металлургии Кавказа.

Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. В2–5.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. 1998. В2–5.

Кореняко В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.

Коридзе Д.Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. языке).

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ. 1944. Т. XII–B.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949.

Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. языке).

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Л., 1970.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Попова Т.А. Памятники эпохи ранних кочевников Кавказа в археологическом собрании МАЭ // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1994–1995 гг. СПб., 1997.

Рамишвили А.Т. Из истории материальной культуры Колхети (Колхиды). Батуми, 1974 (на груз. языке).

Садовский К. Посховский участок Ардаганского округа Карсской области // СМОМПК. 1886. Вып. 5.

Скаков А.Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997а.

Скаков А.Ю. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997б.

Скаков А.Ю. Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // XX юбилейные международные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1998а.

Скаков А.Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. 1998б. Вып. 4.

Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы X – первой половины VII в. до н.э.). Т. II. Тбилиси, 1981.

Трапш М.М. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. Сухуми, 1969.

Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.

Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. 1997. № 1.

Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Fruheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebeit von Kirovobad/Jelisavetopol // BBV. 1985. № 4.

Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archaologie in Eurasien. 1997. B. 4.

The Hoard from Mekhchis-Zikhe in Chronological Context of Some Archaeological Sites in South-West Transcaucasus

S. B. Valchak, A. Yu. Skakov

Summary

In the article composition of the Mekhchis-Zikhe hoard (Transcaucasus) found in 1891 is discussed. The authors undertake an attempt to establish the chronological interval when this unique assemblage of weaponry, ornaments, tools and other bronze artefacts was manufactured and concealed. The morphological and decorative details of the artefacts are considered against the background of numerous analogies of pre-Scythian and early Scythian periods in the south of Eastern Europe and Transcaucasus. The analysis of the finds comprised in the hoard and their analogies permits to establish the period of the assemblage's manufacturing – since the mid 8th to the early 7th cc. BC. A whole series of chronologically close assemblages and separate finds is discussed as the monuments related to Cimmerian and, later, Scythian raids to the Transcaucasus. The hoard was concealed around the late 8th – early 7th cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 142–152

ПУБЛИКАЦИИ

ЕСЬКИ НА МОЛОГЕ. ТОПОГРАФИЯ И СТРАТИГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (ОТ МЕЗОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

© 2002 г. А. Е. Леонтьев*, А. Г. Купцов**, С. А. Сычева***

*Институт археологии РАН, Москва

**Московская государственная геолого-разведочная академия

***Институт географии РАН, Москва

Село Еськи Бежецкого района Тверской области хранит свое имя по крайней мере на протяжении 600 лет. Как Езьск оно упомянуто в приписке XIII в. к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича (Древнерусские княжеские уставы, 1976. С. 147, 148; Янин, 1972. С. 250). По археологическим данным возраст поселения еще больше (Волкова, 1996а. С. 18–25).

В археологической литературе Еськи до сих пор упоминались в связи с древнерусским городищем, впервые отмеченном еще З. Ходаковским (1844. С. 376, 377). Исследования памятника, сохранившего нетронутые отложения периода конца VIII – начала X вв., велись в 1975, 1976, 1985, 1995 гг. (Леонтьев, 1977. С. 58; 1983. С. 56–71; Исланова, 1981. С. 87–91; Волкова, 1996б. С. 6–19).

Стремление тщательнее изучить уникальный по своим характеристикам памятник раннего русского средневековья послужило основанием для начала комплексных исследований городища и окружающей местности.

В результате обнаружены остатки ранее неизвестных древних поселений, относящихся к разным археологическим эпохам, начиная с мезолита. Сам факт обнаружения новых памятников не удивителен – необычно расположение большинства из них на ограниченном участке речной поймы. При этом в условиях щадящего антропогенного воздействия (покосы, выпасы) на протяжении последних 700 лет нетронутым сохранился полный литологический комплекс поймы. Иными словами, окрестности с. Еськи являются редким по сохранности природным и археологическим объектом, который можно рассматривать как единый источник для междисциплинарных исследований в русле решения историко-археологических и палеоэкологических проблем. В предлагаемой статье излагаются результаты предварительных исследований, позволяющие охарактеризовать особенности расположения археологических памятников в контексте голоценовых отложений, отразивших менявшуюся природную среду.

Село Еськи расположено на левом берегу реки Мологи в ее верхнем течении при впадении в нее правого притока – р. Осень и находится в координатах 36°22′53″ восточной долготы и 57°54′03″ северной широты. В географическом отношении эта местность относится к западной краевой части Молого-Шекснинской впадины, которая по своему происхождению является подобластью ледниковых и водно-ледниковых равнин валдайских оледенений. Современный геоморфологический план низменности сформировался в голоцене и связан с эрозионно-аккумулятивной деятельностью сложившейся гидрографической сети. На исследуемой территории ее основными элементами являются оз. Верестово и заболоченная долина р. Мологи, связанные между собой множеством мелких озер и проток, реки Могоча и Мелеча, соединенные р. Осень с р. Мологой. В пределах этой территории над выровненной поверхностью сливающихся пойменных и озерных террас с абсолютными отметками поверхности 130–132 м возникали невысокие плоские останцы рельефа (абс. отм. около 137–150 м), образованные ранневаллайским (калининским) ледником (Судакова и др., 1996. С. 46–55). Таких участков в пределах значительной территории немного. На одном из них стоит с. Еськи (рис. 1).

С севера и северо-востока возвышенность огибает старица Мологи – Шубин ручей – кратчайшая протока из оз. Верестово (рис. 2, кв. И2, 3). На топографических картах ручей до сих пор указан как основное русло реки. С западной стороны и далее к югу, следуя изгибу холма, от Мологи отходит другая протока – Людиновский (Людин) ручей, по высокой воде представляющий собой один из рукавов Мологи, а в межень, когда сказывается влияние донных ключей, текущий в противоположную сторону (рис. 2, кв. Д7, 8). Пойменная (или озеро-пойменная) терраса имеет ровную залуженную поверхность с абсолютной отметкой близкой к 130.5 м Балтийской системы высот. Перепады высот составляют менее 0.5 м, за исключением естественного склона на стрелке мыса при слиянии рек. Река Осень представляет собой нижнее течение р. Могочи на участке от впадения в нее р. Мелечи до устья. В отличие от

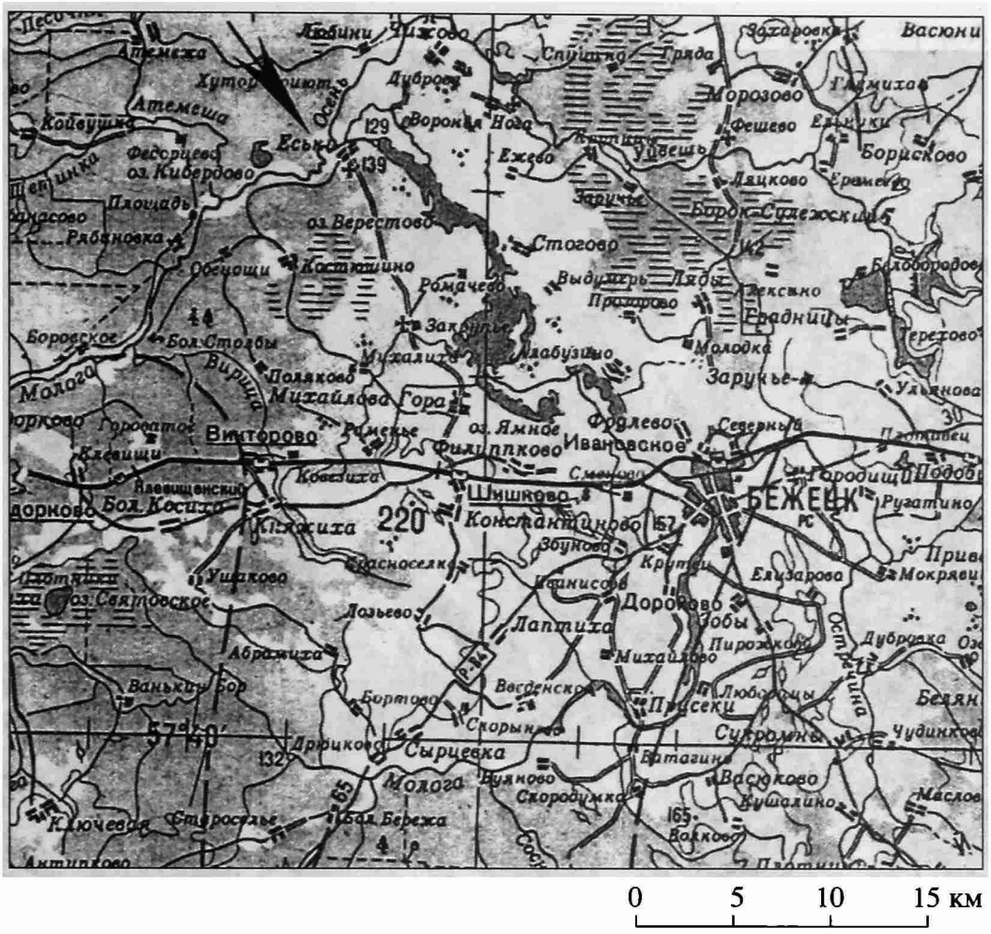


Рис. 1. Местоположение с. Еськи. Основа – карта масштаба 1 : 500000.

петляющей, с изменчивым руслом Мологи Осень более спокойна, глубоководна. Ее течение менее подвержено сезонным изменениям, русло не имеет частых изгибов и обладает стабильной береговой линией. Пойма в весеннее половодье заливается, в высокие летние паводки вода подтапливает береговую кромку.

Следствием недавней хозяйственной деятельности в пойме Мологи и Осени являются остатки плотины сельской гидроэлектростанции начала 50-х годов на р. Осень, находившейся в 110 м выше устья. В малую воду на поверхность выходят сваи и у берегов – остатки каменно-земляной дамбы, частично отсыпанной культурным слоем городища. На обоих берегах реки у плотины заметны удлиненные выемки от снятого грунта, а на правом берегу реки, несколько ниже плотины сохранилось ложе обводного канала (рис. 2, кв. ВГ5, 6).

В условиях заливной поймы при отсутствии выраженных уступов террас и возвышенных останцов археологические памятники обычно не фиксируются. Древнерусское городище, обнаруженное в пойме благодаря сохранившимся остаткам вала и осыпи культурного слоя в обрыве берега, воспринималось как исключение. По сути оно и было исключением, просуществовав сравнительно недолгое время в неудобном для постоянного обитания месте как часть общей структуры совместно с синхронным поселением, существовавшем на месте современного села. Тем не менее изучение пойменных отложений показало, что участок при устье р. Осень был освоен задолго до появления городища.

Имевшиеся наблюдения позволяли предполагать, что при слиянии рек существовали прибрежные археологические памятники, которые к настоящему времени оказались разрушенными рекой. Однако результаты первых изысканий 1997 г. оказались неожиданными. При попытке выяснить, выходил ли культурный слой городища за пределы вала в 15 м к северо-западу от него, в той же стратиграфической ситуации выявлены отложения эпохи раннего железного века с сетчатой керамикой, а еще далее по берегу Осени – культурный слой поселения эпохи бронзы. Аналогичный горизонт обнаружен и на противоположном левом берегу Осени. Стало очевидным, что геолого-геоморфологическое расположение археологических памятников отразило особенности микрорельефа и водного режима рек разных периодов голоцена, в современном ландшафте не отраженных.

Дальнейшие комплексные исследования осуществлялись археологами, геологами, почвоведа-

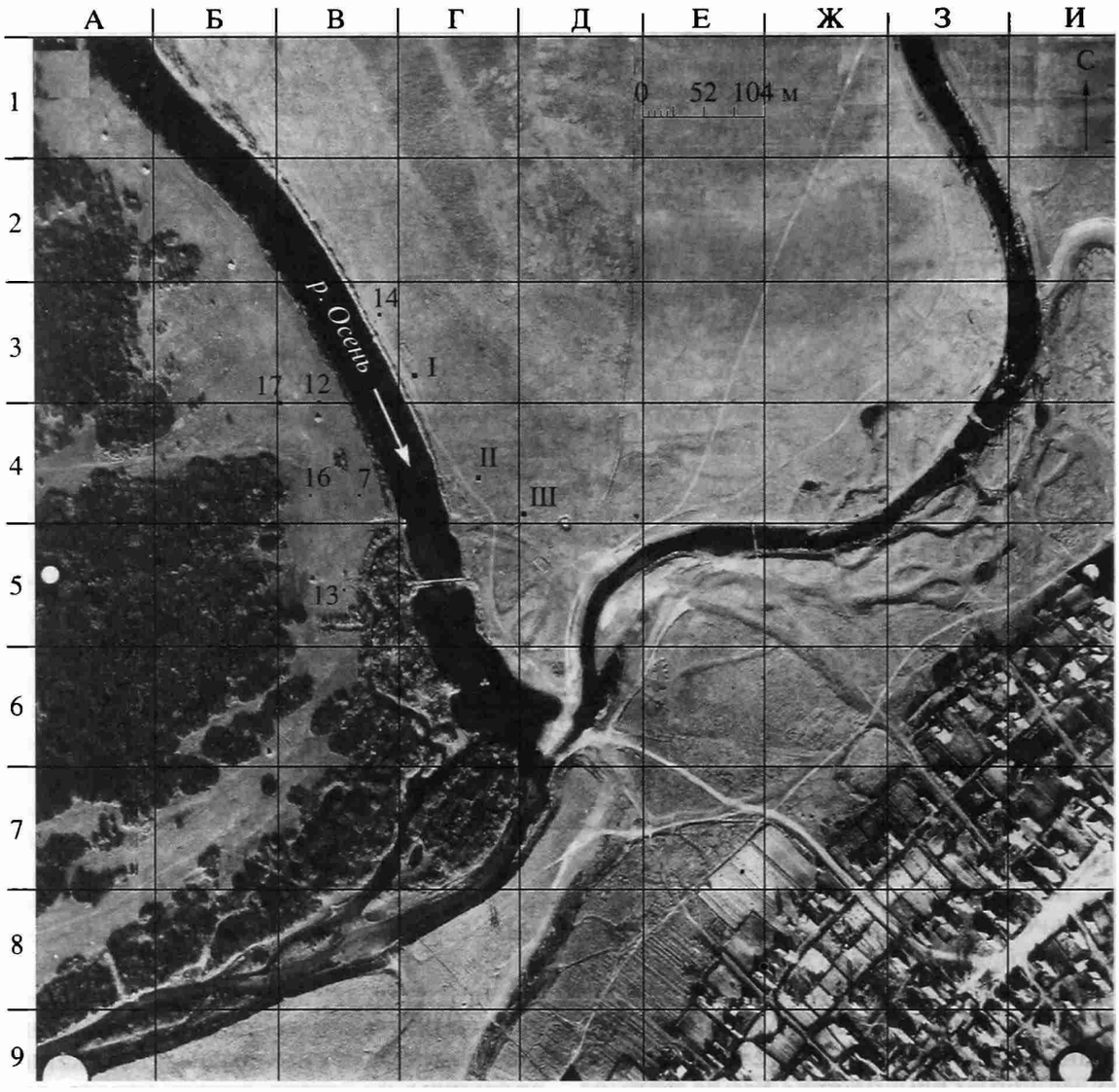


Рис. 2. Территория при впадении р. Осень в р. Мологу. В левом нижнем углу с. Еськи. Аэрофотоснимок 1972 г. Отмечено местоположение упомянутых в тексте шурфов.

ми и основывались на подходах: циклостратиграфическом (изучение вертикального строения голоценовых отложений, почв, культурных слоев в шурфах и расчистках) и фациально-катенном (прослеживание выделенных стратиграфических уровней в пространстве). В ходе полевых работ уточнена мензульная съемка местности с учетом данных аэрофотосъемки, проведено детальное нивелирование поверхности. Шурфы, геологические расчистки и бурение (применялся ручной геологический бур) позволили создать опорные разрезы и рассмотреть разновременные культурные слои в контексте голоценовых отложений по берегам Осени и правому берегу Мологи. Из наиболее типичных и полных по строению разрезов отбирались образцы на разные виды анализов, в том числе спорово-пыльцевой, радиоуглеродный, почвенно-химические.

Динамика формирования мыса при слиянии Мологи и Осени на основании сопоставления данных геологии и археологии реконструируется в общих чертах следующим образом. Примерно до конца III тыс. до н.э., может быть, дольше, перегиб склона находился в 250 м от его современной оконечности. В течение следующих 1.5–2 тыс. лет береговая кромка незначительно смещалась к югу. В дальнейшем формирование поверхности пошло более быстрыми темпами. Ровный участок, на котором возникло городище в конце VIII в., появился на месте прежнего пологого склона немногим ранее этого времени. Учитывая, что поверхность формировалась за счет озерно-аллювиальных отложений в период паводков, приращение суши в южном направлении можно связывать с изменением климата и подъемом уровня воды в реках, а также с возможным повышением базиса эрозии в них. В дальнейшем при отступлении Мологи далее к югу за счет отложений аллювия сформировался современный край пойменной террасы по правому берегу реки, а современная почва на-

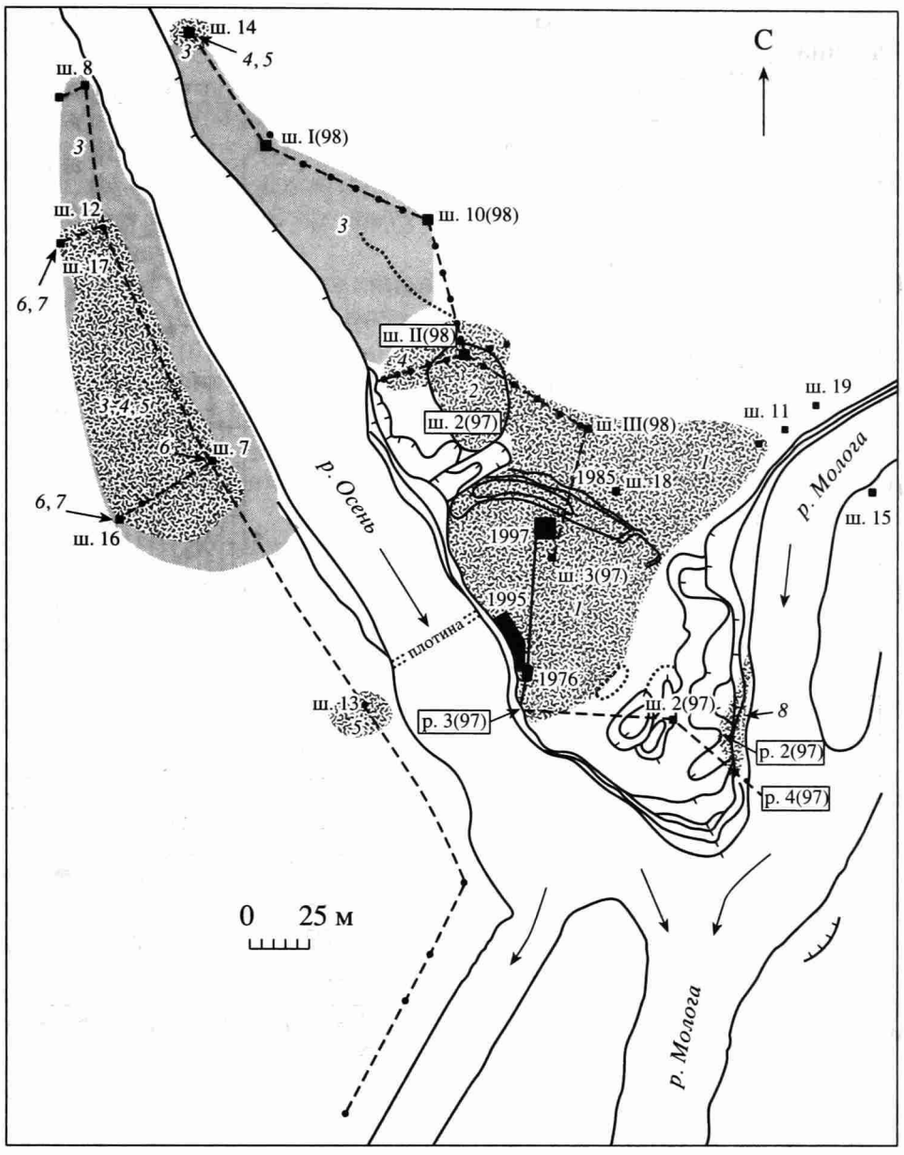


Рис. 3. Схема расположения древних поселений. Обозначены территории распространения и (или) местонахождения в шурфах культурного слоя следующих эпох: *1* – средневековья, *2* – раннего железного века, *3* – бронзового века, *4* – энеолита (волосовская культура), *5* – неолита, *6* – раннего неолита, *7* – мезолита, *8* – переотложенный материал неолитической стоянки. На плане отмечены раскопы на городище (1976–1997), шурфы (ш.) 1997–1999 гг., расчистки (р.) трассы ручного бурения.

чала развиваться не ранее чем 300 лет назад. При этом положение русла Осени на протяжении тысячелетий практически не менялось[1].

Таким образом, полученные геологические данные показали, что топография местности в современном виде сложилась лишь в последнее тысячелетие. Отсюда необычное, на первый взгляд, расположение и относительная глубина залегания разновозрастных культурных слоев. Большинство древних поселений располагалось в полосе длиной до 400 м, шириной до 50 м по обоим берегам р. Осень. В сравнении с окружающей поймой здесь отсутствуют заболоченные участки и поверхность выше на 0.2–0.4 м. Общая ситуация, местоположение древних поселений указано на рис. 3. Границы распространения культурных слоев установлены по данным бурения. При ограниченном числе наблюдений точность выявленной ситуации требует уточнений, что возможно только при проведении специальных археологических работ.

Наиболее последовательно в разные эпохи осваивалось правобережье Осени[2]. Это закономерно. Данные геологических и палеопочвенных на-

[1] Молога до сих пор остается неспокойной рекой. В настоящее время ее русло постепенно смещается к северу. По данным наблюдений 1995–1998 гг., скорость разрушения берега составляет порядка 0.5 м в год. При таких темпах спустя полстолетия река может вновь оказаться у валов городища.

[2] Территория по правому берегу р. Осень в местной микротопонимике носит меткое название "третьей стороны". Действительно, первая сторона – под селом, вторая – междуречье Мологи и Осени, третья – дальняя.

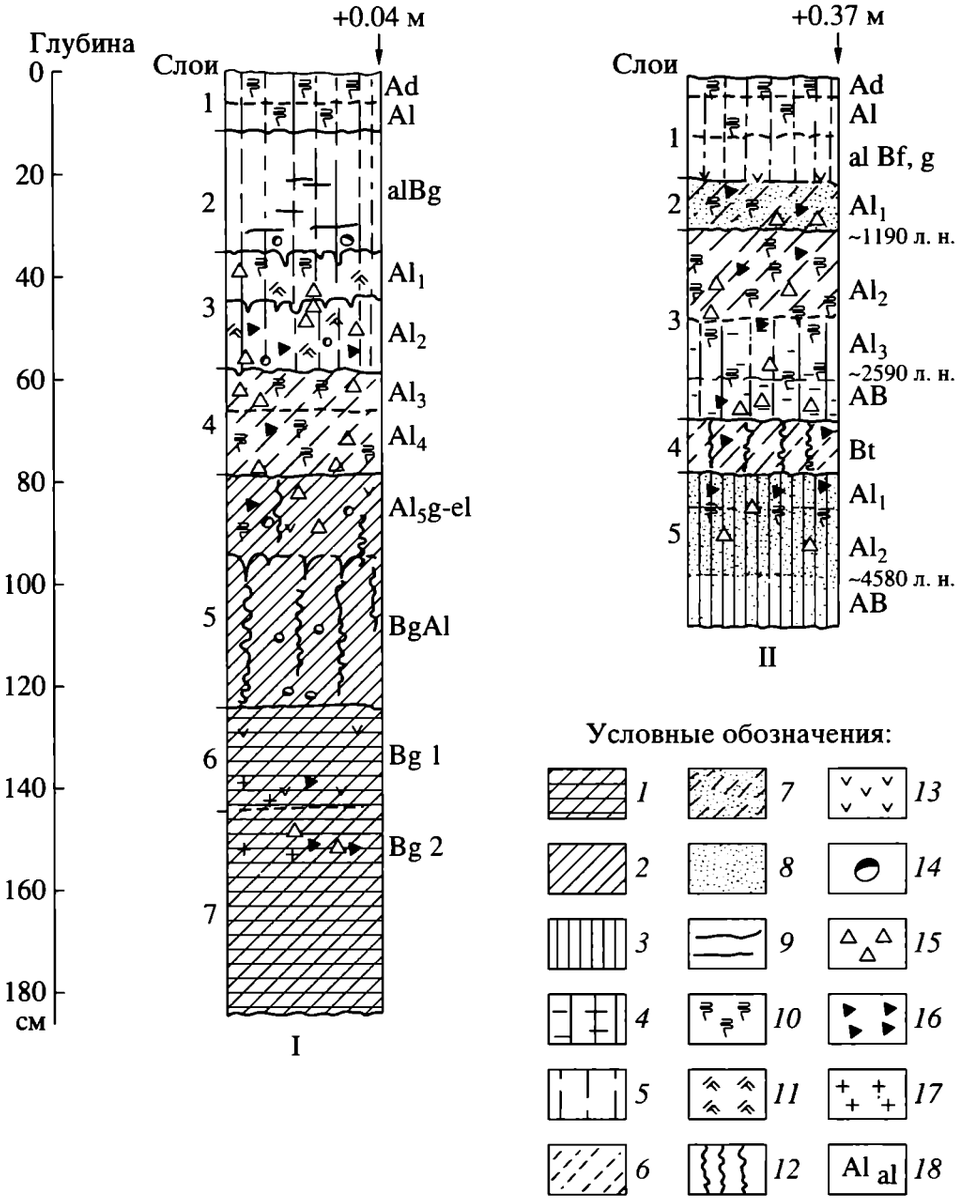


Рис. 4. Стратиграфические колонки шурфов. *I* – шурф 17; II – шурф II. Приведены отметки поверхности от общего "0". *1* – Суглинок тяжелый; *2* – суглинок средний; *3* – суглинок легкий, алевритистый; *4* – суглинок легкий оглиненный; *5* – супесь пылеватая; *6* – супесь алевритистая; *7* – супесь опесчаненная; *8* – песок; *9* – линзы, прослои; *10* – гумусовые горизонты, следы гумусированности; *11* – железистые новообразования; *12* – аллювиально-глинистые горизонты; *13* – глеевые горизонты, признаки оглеения; *14* – камни; *15* – артефакты (керамика, кремень, проч.); *16* – уголь; *17* – частицы кальцинированных костей; *18* – индексы почвенных горизонтов.

блюдений показали, что приустьевый участок правобережной поймы р. Осени оказался наиболее древним – высоким и, соответственно, рано осушенным уже в атлантический период. Представление о стратиграфии этой территории дает стратиграфическая колонка шурфа 17 (рис. 2, кв. В3; рис. 4, *1*). В подробной морфологической характеристике отложений культурный слой рассматривается как имеющая особый генезис естественная составляющая общей свиты напластований – "антропогенный почвенно-литологический горизонт" (Сычева и др., 1998. С. 5).

Слой 1. Современная дерново-аллювиальная почва (в скобках указана глубина в см от современной дневной поверхности).

Al (0–16) – палево-серая супесь с включением копролитов. Нижняя граница слабоволнистая, переход ясный по цвету и структуре.

Слой 2. Аллювий, слабо переработанный почвообразованием.

alBg (16–35) – легкая пылеватая супесь (алеврит), буровато-палевая. Граница неровная с карманами и прожилками, проникающими на глубину 20 см. Переход, заметный по цвету.

Нижележащая гумусированная толща (35–125 см) представлена серией подгоризонтов, связанных с разновозрастными культурными слоями:

Слой 3.

Al_1 (35–45) – легкая серая супесь, однородная, с белесой присыпкой. Встречаются: керамичес-

кая крошка, угли, редкая галька кристаллических пород.

Al_2 (45–58) – легкий суглинок комковато-ореховатой структуры, светлее вышележащего горизонта из-за большего количества белесой присыпки. Встречаются угли, мелкие обломки обожженных камней. Переход, заметный по цвету и гранулометрическому составу.

Эти горизонты образуют слабовыраженный профиль суббореальной лугово-лесной почвы. С ней связан культурный слой эпохи бронзы.

Слой 4 (55–81) образован на новом аллювиальном наносе, что подчеркивается характером границ и опесчаненностью мелкозема. Содержит преимущественно волосовскую керамику. Он состоит из двух подгоризонтов:

Al_3 (58–70) и Al_4 (70–81) – опесчаненная светло-серая супесь в верхней части. Содержит отмытые зерна кварца, фрагменты керамики, угли, дресву кристаллических пород. Al_4 – наиболее гумусированный из всех подгоризонтов, вероятно, гумусовый горизонт позднеатлантической луговой почвы.

Слой 5. Характеризуется находками неолитической керамики и кремневых орудий. Al_5g-el (81–96) – средний суглинок ореховатой структуры, с глинистыми сизыми пленками оглеения. Отмечаются редкие включения фрагментов керамики, керамической крошки, гальки и дресвы кристаллических пород, углей (меньшие количества). Переход постепенный по цвету и содержанию гумуса.

BgAl (96–125) – средне-тяжелый суглинок, сизовато-бурый с сероватым оттенком. Эти два горизонта представляют собой верхнюю часть лугово-глееватой гидроморфной почвы, вероятно, раннеатлантической. Следующие горизонты также включены в ее профиль:

Слой 6. Bg1 (125–155) – суглинок тяжелый, бурый с сизоватым оттенком за счет оглеения по вертикальным прожилкам, крупно-призматической структуры. К верхней части того же горизонта относятся отложения раннельяловского времени (первая пол. 4 тыс. до н.э.), отмеченные на глубине 1.2–1.3 м и приуроченные к слабогумусированной прерывистой прослойке. На глубине 1.55–1.25 м в аналогичной ситуации среди редких угольков и частиц обожженных костей встречены отдельные фрагменты ранненеолитической верхневолжской керамики (первая пол. 5 тыс. до н.э.)[3]

Слой 7. Bg2 (155–195) – серо-бурый влажный суглинок, более тяжелый по механическому составу и ожелезненный с микроортштейнами и прожилками. Древнейшие мезолитические находки отмечены на глубине от 1.55–1.95 м от поверхности. По меньшей мере на двух уровнях, разделенных стерильным грунтом, отмечены включения частиц угля и кальцинированных костей и найдены кремневые отщепы, характерные скребки, пластина и сечения пластин. В геологическом отношении мезолитические и ранненеолитические находки связаны с озерно-аллювиальными осадками атлантической фазы голоцена.

Описанная сингенетическая почва (слои 3–7) формировалась в раннем и среднем голоцене при участии природных: почвообразующих (гидроморфного лугового и периодически промывного лугово-лесного) и морфолитогенных (вначале склонового, затем пойменного осадконакопления и, реже, размыва), а также антропогенных процессов (образование культурных слоев – накопление органического вещества и других остатков жизнедеятельности человека). Разделяющие почвы аллювиальные отложения в чистом виде отсутствуют. Они проработаны почвообразованием, что показывает значительную длительность периода относительной стабилизации этого фрагмента поймы и преобладания почвообразования над осадконакоплением. В позднем голоцене почва была перекрыта новым пойменным наносом, на котором сформировалась современная дерновая почва.

Уточняя археологическую составляющую колонки, нужно добавить следующее. Отложения эпохи бронзы, выявленные на глубине 0.35–0.55 м (слой 3, Al_1, E1) отличаются слабой гумусированностью и однородностью. Малое количество артефактов говорит о том, что культурный слой по своему происхождению связан с кратковременными стоянками. Керамика представлена преимущественно фрагментами сосудов чирковской культуры и ранней сетчатой. Датировать слой можно в пределах второй–третьей четверти II тыс. до н.э. Выше горизонта эпохи бронзы следует уровень погребенной почвы, вероятно, субатлантической (слой 2).

Общий темный горизонт культурного слоя в диапазоне глубин 0.55–1.25 м характеризуется наличием разновременных материалов конца IV – рубежа III–II тыс. до н.э. В коллекции присутствует льяловская, позднельяловская, валдайская, волосовская керамика разных этапов. Анализ керамики по глубине залегания показал, что, несмотря на перемешанность разновременных материалов, общая хронологическая и культурная упорядоченность отложений сохраняется. Слой 5 (Al_5g-el, BgA1) связан с периодом неолита. Слой 4 (Al_3, Al_4) содержит преимущественно волосовскую керамику. Очевидно, зафиксированная ситуация сложилась во время существования волосовских поселений на месте более ранних неолитических стоянок.

Объективную картину развития исследуемого участка побережья дополняют материалы шур-

[3] Здесь и далее оценка культурной и хронологической принадлежности ранних материалов принадлежит В.В. Сидорову, которому авторы приносят искреннюю благодарность за консультации.

фов 7, 12, 13, 16 (рис. 3, кв. В3–5), где с той или иной степенью полноты были получены аналогичные данные.

Иная ситуация прослежена в левобережье Осени и на стрелке при слиянии рек. Здесь не обнаружены отложения эпохи мезолита и раннего неолита[4], но хорошо сохранились культурные слои поселений эпохи энеолита, бронзы, железа, средневековья. Общая стратиграфия прибрежной полосы с указанием расположения археологических горизонтов представлена на продольном геологическом разрезе (рис. 5), составленном на основании данных шурфов, расчисток и бурения. Культурный слой эпохи бронзы, сходный по возрасту и культурной принадлежности с обнаруженным в правобережье, в прибрежной полосе прослежен на протяжении не менее 150 м (рис. 3) (Леонтьев, 1998. С. 6–10. Рис. 25–49). Отложения с материалами волосовской и льяловской культур отмечены в шурфе 14 (рис. 2, кв. В3; 3). Объем статьи не позволяет подробно охарактеризовать особенности строения территории. Но следует заметить, что стратиграфический контекст, в котором находятся культурные слои, в целом аналогичен сложившемуся в правобережье. Однако ближе к городищу, устью Осени, картина меняется.

В шурфе II/99 (рис. 2, кв. Г4) прослежено иное сочетание культурных слоев (энеолит, ранний железный век, средневековье). Под общим для всей территории слоем супеси на глубине 0.21–0.3 м залегает тонкий средневековый культурный слой (рис. 4, II. Слой 2). Ниже, без стерильной прослойки, находится горизонт раннедьяковского поселения (рис. 4, II. Слой 3). В слое отмечены также фрагменты раннесетчатой керамики (3% общего количества зафиксированных фрагментов) и кремневые орудия, сопоставимые с находками из шурфа I. Это обстоятельство позволяет предполагать, что поселение раннего железного века затронуло участок, ранее использовавшийся в эпоху бронзы. Постепенно светлея, культурный слой дьяковского поселка заканчивается прослойкой коричневатой супеси на глубине около 0.7 м (рис. 4, II. Слой 3, АВ). Далее, под горизонтом серой слоистой супеси (рис. 4, II. Слой 4) на глубине 0.9–1.1 м зафиксирован культурный слой поселения позднего этапа волосовской культуры (рис. 4, II. Слой 5). (Леонтьев, 1998. С. 12–14).

Полученные радиокарбоновые даты уточняют хронологию археологических горизонтов и соответствуют положению культурных слоев в общей стратиграфии участка[5]. Возраст образца из средневекового культурного слоя составил 1190 ± 170 лет (808 ± 170 гг. н.э.). Калиброванные даты дали значения 1σ – 817–886 гг. н.э., 2σ – 790–887 гг. н.э. Для нижней части слоя р.ж.в. соответственно 2590 ± 90 лет (588 ± 90 гг. до н.э.); 1σ 832–532 гг. до н.э., 2σ – 902–414 гг. до н.э. Для энеолита – 3640 ± 220 лет назад (1642 ± 220 гг. до н.э.); 1σ – 2300–1690 до н.э. (вероятность 5%), 2σ – 2580–1450 гг. до н.э. (вероятность 98%)[6].

В 47 м к югу от шурфа II начинаются укрепления городища: вал, дугой отходящий от кромки берега Осени, и ров с его внешней стороны, прослеживающийся в виде мелкой ложбины. Со стороны р. Осени край рва уничтожен карьерной выемкой времени строительства плотины. Противоположный его конец теряется, плавно сливаясь с поверхностью. Современная высота расплывшегося вала не превышает 0.7 м при ширине основания до 12 м. Как показали исследования, укрепления возникли позже основания поселка. Культурный слой заходит под подошву вала, а за его пределами отмечен не только к югу в шурфе II, но и к востоку – полосой вдоль берега Мологи (Леонтьев, 1997. С. 12, 13; 1998. С. 16, 20). По археологическим данным с учетом вышеуказанной даты по ^{14}C время существования поселения определяется в хронологических рамках конца VIII – начала X вв. (Волкова, 1996в. С. 112; Леонтьев, 1997. С. 13).

В период существования поселения рельеф участка был отличным от современного. Поверхность имела выраженный наклон к западу, в сторону русла Осени. Если в центральной части городища у подножия вала культурный слой выходит на глубине 0.2–0.3 м, то в прибрежной части площадки толща перекрывающих слой отложений достигает 1 м. Соответственно ближе к берегу увеличивается и мощность культурного слоя от 0.2 до 0.5 м. Линия крутого обрывистого склона берега Осени в древности практически совпадала с современной. Прирусловый участок времени жизни на городище отмечен на глубине 2.4–2.9 м (рис. 3, расчистка 3/97). В основании слоя здесь обнаружены остатки настила (мостков) из жердей, уложенного в сторону реки (Леонтьев, 1997. С. 73. Рис. 61).

Дуга вала предполагает мысовое положение городища при слиянии рек. В современном состоянии вал не замыкает перемычку мыса и довольно далеко отстоит от современного русла Мологи. Геологический разрез, реконструирующий участок мыса с выходом на Мологу, показывает, что русло реки, или один из ее протоков проходил поблизости от края вала. Ниже верхней покровной супеси залегают песчанистые отложения, характерные для руслового аллювия (рис. 5Б). Стрелка при слиянии рек, по-видимому, находилась в том

[4] Их наличие не исключается. Но работы 1998 г. проходили в период летнего паводка, и высокий уровень грунтовых вод не позволил углубить шурфы более, чем на метр.

[5] Радиоуглеродное датирование проводилось по препаратам гуминовых кислот, полученных из антропогенных почв (культурных слоев).

[6] Исследования проведены в лаборатории ИИМК РАН. Номера анализов в порядке упоминания результатов в тексте: ЛЕ-5541, ЛЕ-5542, ЛЕ-5543.

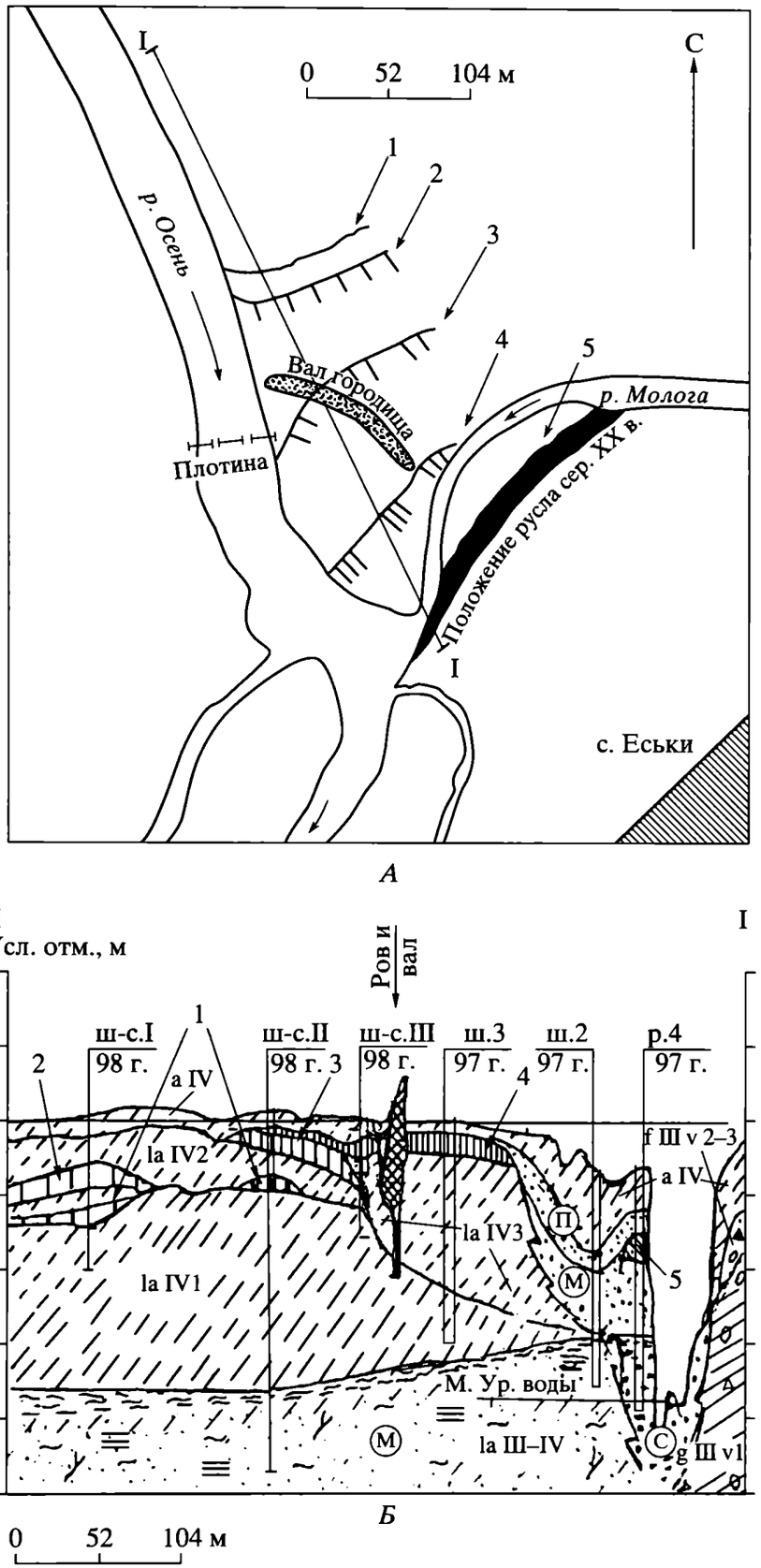


Рис. 5. Схематический план (А) и профиль (Б) I–I элементов древнего рельефа мыса при впадении р. Осень в р. Мологу. Цифрами на плане обозначен перегиб склона: *1* – в эпоху неолита, *2* – бронзы, *3* – раннем железном веке, *4* – средневековье, *5* – сер. XX в. В профиле цифрами обозначены археологические горизонты: *1* – неолит, *2* – бронза, *3* – ранний железный век, *4* – средневековье, *5* – материал стоянки эпохи неолита и бронзы, переотложенный в период средневековья. Стратиграфия и состав отложений, условные обозначения: а IV – голоценовые аллювиальные; пески (п – пылеватые, м – мелкие, с – средние) и пылеватые супеси. Ia IV *1*, *2*, *3* – голоценовые озерно-аллювиальные; пылеватые супеси. Ia III–IV – позднеплейстоценово-голоценовые озерно-аллювиальные; пески мелкие, иловатые, вивианитовые с остатками древесной растительности, в верхней части с прослоями ила с тленом растений и угольками. f III v2–3 – флювиогляциальные позднеплейстоценовые, средне-поздневалдайские; пески с крупными обломками кристаллических пород. g III v1 – моренные позднеплейстоценовые, ранневалдайские (калининские); суглинки валунные.

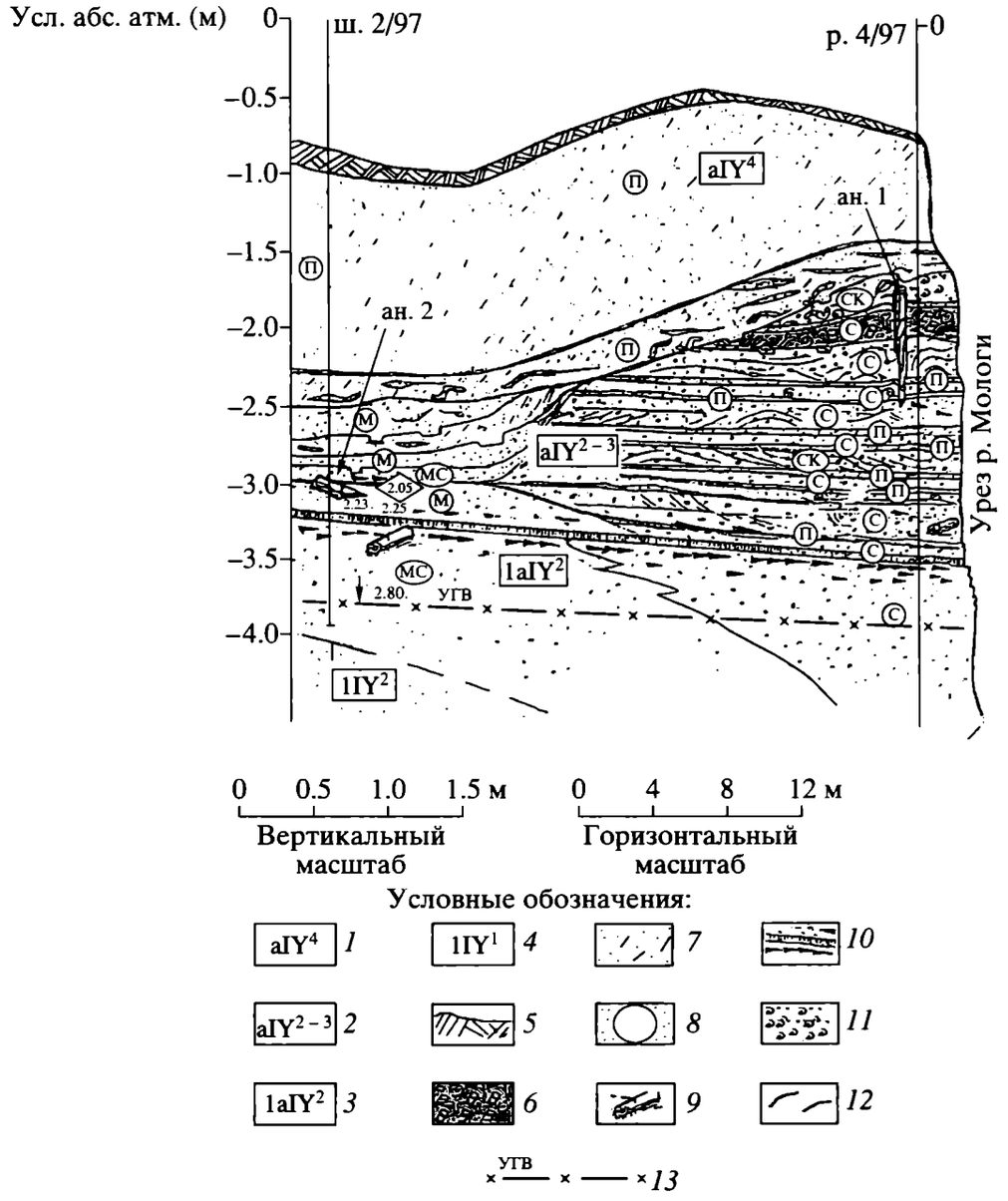


Рис. 6. Геолого-литологический разрез по линии ш. 2/97–р. 4/97 (см. рис. 3). Условные обозначения: *1–4* – стратиграфо-генетические комплексы: *1* – современный аллювиальный; *2* – средне-верхний аллювиальный; *3* – средний озерно-аллювиальный; *4* – нижний озерный. Состав отложений: *5* – современная почва; *6* – культурный слой; *7* – супеси; *8* – пески (буква в кружке): п – пылеватые, м – мелкие, с – средние, к – крупные, две буквы – смешанные; *9* – обломки дерева; *10* – растительные остатки; *11* – обломки раковин; *12* – границы: *а* – стратиграфические, *б* – литологические; *13* – уровень грунтовых вод (по состоянию 08.1997 г.).

месте, где в настоящее время отмечены в обрыве берега Осени у уреза воды на глубине 2.5–3.3 м погребенные мореные стволы широколиственных деревьев (дуб?) Эту версию подтверждает граница распространения средневекового культурного слоя, который не выходит на стрелку южнее очерченной линии, но тянется полосой к востоку от укреплений вдоль изгиба русла Мологи (рис. 3).

Примечательно, что поселение возникло на участке, лишенном выраженного почвенного покрова. Такое могло случиться лишь в случае сравнительно молодого возраста самой поверхности. С другой стороны, такая ситуация означает поспешное освоение неудобного во всех отношениях глинистого покатого мыса, что можно объяснить только особыми функциями возникшего поселения, либо малопонятными для нас субъективными причинами.

При слиянии Мологи и Осени известен еще один археологический памятник. Однако по своим характеристикам он резко отличается от вышеописанных. Поблизости от современной стрелки мыса в обрыве правого берега Мологи на глубине 0.9 м от поверхности выходит горизонт отложений с артефактами эпохи неолита и бронзы (рис. 2, кв. Д6; 3, *8*) толщиной 0.4 м. Местонахождение отмечено как стоянка (Волкова, 1995. Рис. 2). В общей стра-

Гис. 7. Следы пахоты в шурфе III. Ниже пахотного горизонта выступает культурный слой средневекового поселения (конец VIII – начало X в.).

тиграфии этот горизонт относится к верхней части намытой рекой песчаной толщи русловой фации аллювия, перекрытой пылеватой супесью (рис. 5Б, 5). Слой с находками отличается интенсивной примесью обломков раковин. Керамика, кости животных и костяные орудия сильно окатаны и минерализованы, что свидетельствует об их долгом пребывании в воде. По геологическим данным (рис. 6) очевидно, что слой с находками отложился на поверхности намытой речной отмели или косы. Иными словами, коллекция разновременных археологических находок сформировалась естественным путем из размытого культурного слоя. Сама стоянка, возможно, находилась поблизости несколько выше по течению.

Определенный по ^{14}C возраст вбитого в слой деревянного кола[7] – 1280 ± 80 лет, что указывает на период 718 ± 80 гг. н.э. Вторая дата, полученная при анализе куска дерева из русловой части протока (рис. 6, ан. 2), оказалась еще более поздней: –930 ± 60 лет, т.е. 1068 ± 60 гг. н.э. Таким образом не исключено, что песчаная коса (отмель) с остатками материалов стоянки находилась у кромки берега Мологи еще в XI – начале XII вв.

На стороне села, в моложском левобережье, следы древних поселений отсутствуют. Пойма у подножия холма сложена слоистыми аллювиальными супесями, подстилаемыми песками русловой фации. В основании залегают озерные глины. Что касается древнерусского селища IX–XI вв. на месте села, то оно представляет собой типичный памятник своего времени. Благодаря исследованиям М.В. Волковой известно, что поселение занимало относительно ровный участок – террасу на склоне холма площадью около 1 га. Поблизости находился некрополь жителей – сопки, возможно, курганы с трупосожжением. В настоящее время от них остались лишь редкие слабые следы в пределах сельской застройки (Волкова, 1996а). Судя по имеющимся данным, памятник по особенностям топографии был похож на расположенное в 17 км южнее селище у бывшего пог. Бежицы на оз. Верестово (Леонтьев, Пронин, 1978. С. 272–274; Исланова, 1997. С. 24, 25).

После прекращения жизни на городище новые поселения в пойме Мологи и Осени не возникали. Однако сохранились следы хозяйственного освоения побережья Осени. В общей стратиграфии они относятся к горизонту Ia IV[4] (рис. 5), образовавшемуся за последнее тысячелетие. Наиболее поздним археологическим объектом является пахотное поле. Оставленные сохой борозды обнаружены в шурфе III поблизости от городища (рис. 2, кв. Д5). Пахота велась по почве, сформировавшейся поверх культурного слоя средневекового поселения после определенного периода запустения, оставившего тонкий слой покровного грунта. Судя по четким, не пересекающимся следам сохи, попытка поднять новину была первой и последней (рис. 7). Стратиграфия участка, круговая керамика и отдельные предметы, найденные на

[7] Такие колья являются остатками вбитых в землю жердей по берегу и поперек реки, служивших частями рыболовных заколов, езов (не исключено, что отсюда и названий села: Езьск < Еськи). Скопления и даже линии колов обнажаются по малой воде в Мологе и, при размыве, по ее берегам. Последний закол на Мологе близ устья Осени существовал, по крайней мере, до 1986 г.

городище, но не относящиеся ко времени существования поселения, позволяют отнести это событие скорее всего к XIII в.

К еще более позднему времени, но не к современности и обозримому прошлому, относятся слабо заметные канавки, идущие перпендикулярно береговой кромке на некоторых участках обоих берегов Осени и отмеченные в других местах в окрестностях села. Иногда канавки образуют сплошной контур, замкнутый на береговую кромку (рис. 2, кв. ВГ3, 4, В5, В9). По данным одного из разрезов, канавки связаны с верхним горизонтом погребенной почвы, отложившейся после прекращения существования городища. По своему назначению это скорее всего межевые линии отдельных сенокосных участков, приспособленные для сброса воды в половодье. Нечто похожее практикуется жителями Есек и в наши дни.

В микрорельефе поверхности левобережной поймы Мологи у села заметны следы огородов, построек (рис. 2, кв. ЕЖ5, 6 и др.), соотносимые с современным почвенным горизонтом. Это уже наследие недавнего исторического прошлого – XIX – первой трети XX вв.

Проведенные работы – первая ступень возможных комплексных исследований на уровне описания и анализа состояния источника. По мнению авторов, полученные результаты показывают, что исследуемый объект достоин самого пристального внимания специалистов разных научных дисциплин.

Работы 1997–1999 гг. велись в рамках проектов РГНФ, № 97-01-18057; 98-01-18035; 99-01-00201.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волкова М.В. Отчет о раскопках городища Еськи в Бежецком р-не Тверской обл. за 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995.

Волкова М.В. Некоторые итоги археологических исследований в селе Еськи на Верхней Мологе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1996а.

Волкова М.В. Верхнее Помоложье в раннесредневековую эпоху по данным археологии // Бежецкий Верх. Тверь, 1996б.

Волкова М.В. Исследования городища Еськи на Верхней Мологе // АО–1995. 1996в.

Древнерусские княжеские уставы. М., 1976.

Исланова И.В. Раскопки бежецких курганов и городища Еськи // КСИА. 1981. Вып. 164.

Исланова И.В. Бежецкий ряд по археологическим материалам // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.

Леонтьев А.Е. Работы Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции // АО–1976. 1977.

Леонтьев А.Е. Древнерусские поселения Верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.

Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1997 г. Исследования городища у с. Еськи Бежецкого р-на Калининской области // Архив ИА РАН. 1997.

Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА РАН в 1998 г. Исследования археологических памятников у с. Еськи // Архив ИА РАН. 1998.

Леонтьев А.Е., Пронин Г.Н. Древнерусские памятники района озера Верестово // СА. 1978. № 2.

Судакова Н.Г., Гунова В.С., Немцова Г.М. К стратиграфии среднего и позднего плейстоцена Рыбинско-Ярославского Поволжья // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 4. № 2. М., 1996.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узянов А.А. и др. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений. М., 1998.

Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуги-Ходаковского // Русский исторический сборник. Т. VII. М., 1844.

Янин В.Л. Грамота князя Святослава Ольговича // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Yes'ki on the Mologa River. Topography and Stratigraphy of the Archaeological Sites (From the Mesolithic to the Middle Ages)

A. E. Leont'ev, A. G. Kuptsov, S. A. Sycheva

Summary

The article discusses the results of investigations carried out in the flood-plain at the confluence of the Osen' and Mologa rivers (the Volga basin, Tver' region). Archaeological, palaeogeographical, geobotanical studies performed have permitted to establish the stages in surface formation and rivers' water regime during the Holocene, as well as to single out the area, topographic characteristics, cultural attribution, and age of number of ancient habitation sites dated since the Mesolithic to the Middle Ages. The authors are convinced that the vicinities of the Yes'ki village are a rare example of well-preserved natural and archaeological object. It should be viewed as a homogeneous source for interdisciplinary investigations following the general trend of solving historical, archaeological, and palaeoecological problems.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 153–161

ИСТОРИЯ НАУКИ

"АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА" Б.П. ДЕНИКЕ

© 2002 г. Т. Г. Алпаткина, В. Е. Голенищева-Кутузова

Государственный музей Востока, Москва

Борис Петрович Денике (1885–1941) – профессор, историк искусства, широко эрудированный ученый, сфера научных интересов которого включала архитектуру, изобразительное и прикладное искусство народов Средней Азии, Кавказа, Ирана, Турции, Китая и Японии, а также древнерусское церковное зодчество. Его вклад в развитие востоковедения, искусствознания и исторической науки в целом особенно ценен еще и тем, что он во многом был первым. Книга "Искусство Востока" (Денике, 1923а) явилась первой на русском языке работой по истории искусства средневекового мусульманского Востока. Б.П. Денике был руководителем первой крупной советской археологической экспедиции в Средней Азии, организованной в 1926–1928 гг. в Москве Музеем Восточных культур (МВК, ныне Государственный музей Востока). Открытый им замечательный памятник – резная штуковая декорация дворца правителей Термеза (Денике, 1930; Веймарн, 1934) – вошел в сокровищницу мирового искусства и положил начало многолетним исследованиям, завершившимся созданием капитального труда "Архитектурный орнамент Средней Азии" (Денике, 1939). Б.П. Денике первым изучил, высоко оценил и опубликовал многие редкие произведения восточной миниатюры, хранящиеся в собраниях Эрмитажа и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Уделяя большое внимание искусству Дальнего Востока, Борис Петрович много занимался историей китайского искусства; уже после его смерти вышла в свет первая на русском языке "Краткая история искусства Китая", созданная им совместно с заведующей отделом Дальнего Востока МВК О.Н. Глухаревой (Глухарева, Денике, 1948; Денике, 1935а). Его ученик и соратник, известный востоковед Б.В. Веймарн писал: "Научное наследие Б.П. Денике – первого советского искусствоведа, посвятившего всю свою жизнь исследованию истории искусства народов Востока, составляет прочный фундамент для дальнейшего изучения проблем художественного наследия и современного творчества народов Азии" (Веймарн, 1976. С. 226).

Удивительный факт: насколько известен ученый Б.П. Денике, настолько мало знаем мы о нем как о человеке. По сути дела, есть только посвященная анализу его научной деятельности небольшая работа Б.В. Веймарна (1976) и упоминания в литературе с указанием скупых биографических данных (Ставиский, 1986. С. 6, 58; Милибанд, 1995; Стрелкова, 1996. С. 175). Малоизвестны портреты Б.П. Денике, нет его полной автобиографии, нет даже некролога. Тем бесценнее представляются любые сведения о нем[1].

Вместе с богатой библиотекой Б.П. Денике, переданной после его смерти в Государственный музей Востока, в архив музея попал уникальный документ – тетрадь-дневник Бориса Петровича Денике, названный им Автобиографической канвой (Архив Государственного музея Востока. Ф. I. Оп. 5; Ф. Среднеазиатской археологической экспедиции. Ед. хр. САЭ 85[2]).

Начало записей в тетради отмечено 8 августа 1920 г., последняя запись датирована 21 июня 1941 г. Первое, что бросается в глаза при чтении этого документа, – практически полное отсутствие исторического фона. А ведь Борису Петровичу Денике довелось жить в переломное время: период с 1895 по 1941 гг. был чрезвычайно сложным и трагическим в истории России. Страну сотрясали революции, менялись разные политические и социально-экономические системы. Произошли четыре большие войны – русско-японская, Первая мировая, гражданская, Великая Отечественная. Страшный голод 1901, 1921, 1931–1932 гг. унес множество жизней. Нельзя не вспомнить и огромное количество жертв тоталитарного сталинского режима. В этом и заключается некая двойственность дневника Б.П. Денике, где чувствуется влияние исторических событий на жизнь отдельного человека, переплетение судеб государства и личности, но в то же время своего отношения к происходившим событиям автор явно не показывает, а если и фиксирует какие-то из них, то, как правило, без комментариев.

[1] В Государственном музее Востока готовится к изданию работа В.Е. Войтова "Из истории археологических экспедиций Музея Восточных культур в Старом Термезе. 1926–1928 гг. (по архивным данным и публикациям)", в которой представлены все сохранившиеся материалы о деятельности Б.П. Денике на посту директора музея. Выражаем огромную благодарность автору за возможность ознакомиться с рукописью.

[2] Далее в круглых скобках указываются только номера страниц дневника. В цитатах сохранены стиль изложения и сокращения автора.

Так, остались за страницами дневника общественно-политическое движение в России начала 1900-х годов и русско-японская война 1904–1905 гг. События первой буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. отмечены лишь упоминанием о закрытии Казанского университета. Еще одна запись показывает, что автор был в курсе происходивших в стране политических событий: *"Октябрьские дни 1905 г. провел в Казани (с 19 по 21 октября власть была в руках революционеров)..."* – и тут же: *"Продолжал увлекаться театром и водил знакомство с артистами"* (С. 15). 1914–1916 гг. (Первая мировая война), 1917 г. (февральская революция, падение монархии, наконец, октябрьское вооруженное восстание в Петрограде) – в эти годы в дневнике Б.П. Денике очень краткие записи, в основном перечисление названий опубликованных работ и прочитанных в разных учебных заведениях курсов лекций. Из событий гражданской войны им отмечено только взятие Казани чехословацким корпусом 7 августа 1918 г. (С. 20). В письме к руководству Восточным фронтом от 1 августа 1918 г. В.И. Ленин писал: "Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань–Урал–Самара" (Отечественная история..., 1999. С. 233). Денике же в начале сентября, в дни приближения к Казани Восточного фронта, уезжает на Урал и в Сибирь, которые были под властью адмирала А.В. Колчака. *"1919. Съезд Института исследования Сибири. Мой доклад в историко-археологической секции "Задачи изучения деревянной архитектуры в Сибири [Томск]... 31.I. приезд в Омск... Публичные лекции по итальянскому искусству. Поездка в Томск на страстную и пасху... Поездка в Тобольск. Изучение архитектуры, музеев (20.VII. по 9.VIII)..."* (С. 22). Вернувшись в Казань только через два года, в 1920-м, Денике и начинает "Автобиографическую канву".

Что это – пресловутая отдаленность интеллигенции от народа? Или безразличие к судьбам народа и государства? А может быть, желание заниматься "чистой" наукой, стремление быть от политики в стороне? Современные учебники истории дают такой ответ: "Состояние культурной сферы во многом определяется интеллигенцией. Российская интеллигенция в целом, за исключением отдельных ее личностей, не приняла большевистской власти... Новую власть не признала профессура высших учебных заведений... Для борьбы против забастовок и других форм выступлений интеллигенции рабоче-крестьянская власть применила широкий арсенал средств... В конечном счете, к весне 1918 г. организованное сопротивление интеллигенции оказалось сломленным" (Отечественная история..., 1999. С. 243).

У нас недостаточно фактов, чтобы говорить о лояльности Б.П. Денике к новой власти. С другой стороны, его "Канва" – это не биография сломленного человека, а, скорее, пример добросовестного выполнения ученым своего научного долга как жизненного призвания, несмотря на сложнейшие исторические условия.

"Автобиографическая канва" Денике – дневник, который занимает 103 страницы, исписанных мелким почерком, но довольно просторно. Для рукописи объем очень небольшой, но эти 103 страницы вместили целую жизнь, отразив судьбу неординарного человека и ученого. Дневник разделен автором на две неравные части: I. Предки (С. 1–7); II. О себе (С. 7–103). Для начала документа характерен размеренный, неторопливый стиль повествования о родителях и о своем детстве. Но постепенно рассказ как бы набирает скорость, неотвратимо двигаясь к трагическому 1941 г.: для страны – начало Великой Отечественной войны, для человека – смерть. Это особенно заметно, начиная с 1930-х годов, когда записи становятся все лаконичнее, встречаются пропуски в датах, отдельные числа и имена зачеркнуты или исправлены, все больше сокращений; автор фиксирует самое основное – только события, без личностных впечатлений и эмоций. Человек словно торопится – и жить, и работать, и записывать, не поспевая за мыслями, делами и событиями. Точку в истории этой стремительной и очень насыщенной жизни поставил безымянный архивист. *"21.VI [1941 г.]. 4 1/2 ч[асов] у[тра] выезд из Дербента. 23.VI. 5 ч[асов] в[вечера] приезд в Москву"*. Дальше запись чужой рукой: *"Скончался в Раменском, в больнице, в октябре 1941 года, 13 октября (в дни гитлеровского наступления на Москву)"* (С. 103).

Б.П. Денике начинает "Автобиографическую канву" рассказом о своих дедушке Федоре Сергеевиче Глинке и бабушке Марии Васильевне, матери Марии Федоровне и отце Петре Михайловиче (С. 1–7). Дед закончил юридический факультет Петербургского университета (С. 1, 2), служил на разных должностях – от горного исправника на Уральских заводах до судебного следователя, а затем заседателя в Камышове, Перми, Туле, Липецке и Воронеже; с 1870 г. он член Казанского окружного суда, с 1880 г. – на такой же должности в Кашине. В 1882 г. Ф.С. Глинка вышел в отставку и поселился в Санкт-Петербурге (С. 4, 5), в последние годы жизни (он умер в 1914 г.) *"...принимал участие в "Историческом вестнике" и написал несколько статей для "Энциклопедического словаря" Брокгауза..."* (С. 4). *"После его смерти ему очень теплый некролог посвятил (в № "Казанского телеграфа" от 1-го апреля) трагически погибший в 1918 году Александр Николаевич Баратынский (казанский уездный предводитель, внук знаменитого поэта)"* (с. 7).

Мать Б.П. Денике училась в Казанской гимназии, до замужества служила классной дамой в Ка-

занской Мариинской женской гимназии (С. 5, 6). Отец в 1881 г. окончил юридический факультет Казанского университета со званием кандидата юридических наук; служил секретарем, а позднее товарищем прокурора Окружного суда в Симбирске, Чебоксарах и затем до самой смерти – в Казани; был произведен в чин действительного статского советника (С. 6, 7).

Вторую часть "Канвы" – "О себе" – Борис Петрович начинает записью: "*Я родился 15 января ст. стиля 1885 года в Казани на Касаткиной улице в доме Шведенберга (во флигеле, выходящем на улицу)*" (С. 7). Удивительно теплые воспоминания сохранились у него о детстве. Как, наверное, каждый взрослый человек, который помнит из своего далекого детства самое необычное, красивое, иногда вкусное, Денике записал в дневнике о периоде 1887–1890 гг. (семья в это время жила в г. Корсунь Симбирской губернии): "*...помню ... квартиру в деревянном двухэтажном доме, недалеко лежали черные развалины сгоревшего дома, возле ходили павлины, которые меня восхищали*" (С. 8); "*Летом один раз мы жили в имении Балабина "Кадышево"; помню, что в двери были вставлены зеркала, были пруды с карасями; помню, что папа, Кока Дампиров и какой-то кадет ходили на охоту. Был там древний старик – повар, служивший у одного из великих князей, делавший какой-то замечательный пломбир и бисквиты с черносмородиновым вареньем*" (С. 8, на полях).

С 1891 г. Борис Петрович с родителями и младшими братьями Петром, Юрием и Дмитрием живет в Козьмодемьянске под Казанью: "*Помню вечер приезда в большой дом Образцовых, где мы счастливо прожили 8 лет. Дом был деревянный, обширный, с улицы одноэтажный, со двора – в два этажа. Дом стоял на набережной Волги и день за днем 8 лет я видел Волгу во всех ее видах и во всей ее прелести. Этого забыть нельзя, этот след останется до конца жизни*" (С. 9, 10). В Козьмодемьянске у него родились братья Сергей и Всеволод и сестра Маруся. Учился Денике сначала дома с домашним учителем, затем в Казанской и Симбирской гимназиях (С. 10, 11).

В 1899–1900 гг., когда семья жила в Симбирске, с рождественских концертов началось увлечение Б.П. Денике музыкой, после переезда в 1901 г. в Казань – оперным, а позже и драматическим театром. Впечатления от спектаклей были настолько сильными, что двадцать лет спустя Борис Петрович по памяти записал в дневнике их названия, даты представлений и фамилии актеров (С. 12). Даже первой его публикацией в марте 1908 г. была статья в газете – театральная рецензия (С. 16).

Осенью 1903 г. Денике поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, "*...поступил не по влечению, а как-то уверил себя, что без естествознания нельзя создать себе цельного миросозерцания*" (С. 13). В университете он слушал курсы по химии, физике, ботанике, зоологии, анатомии человека, кристаллографии; уже через год успешно работал в химической лаборатории "*...и даже сделал какое-то маленькое открытие*" (С. 13).

Летом 1904 г. Б.П. Денике впервые попал в Москву, где прожил три дня: "*Здесь началось мое первое ознакомление с пластическими искусствами. Третьяковская галерея, Румянцевский музей, храмы оставили огромное впечатление, особенно сильно подействовало "Явление Христа" Иванова; незабвенно впечатление минут одинокого созерцания лунной ночью скульптур Клодта на стенах Храма Христа Спасителя*" (С. 13).

Казанский университет был одним из центров студенческого движения начала 1900-х годов. К интересным событиям осени 1904 г. Денике относит собрания студентов и молодежи, "*...где оживленно обсуждались философские и общественные вопросы... Помню впечатление от ... первого вечера – вечера чистых умственных интересов, умственного подъема; я шел ночью по Грузинской и ощущал это как какое-то очищение от обыденности*" (С. 13, 14). Видимо, желанием приподняться над обыденностью объясняются и его литературные пристрастия этого времени – Бодлер, Бальмонт, Брюсов.

Революция 1905 г. – первый стремительный виток жизни Б.П. Денике. "*С января 1905 г. по осень 1906 г. Казанский университет после забастовки был закрыт*". Воспользовавшись этим, с 10 марта по 12 мая 1905 г. Денике едет в Крым, где проводит два месяца: "*По дороге в Крым я видел в Москве впервые выставки "Союза" и "Мира искусства" – первое мое знакомство с живописью современников... В Крыму памятна поездка в Бахчисарай и Чуфут-кале, доклад Горького... Возвращался через Феодосию (успел заглянуть в музей), Керчь (раскопки), Новороссийск и Царицын*" (С. 14). Эта стремительность и в то же время огромная содержательность, вместительность дел и событий характерны для всей дальнейшей жизни Б.П. Денике.

"*...Весной 1906 г. совместно с С.М. Юрьевым перевел [с французского] "Апологию сумасшедшего" Чаадаева (первая напечатанная работа), а в марте – одно "Философическое письмо" его же под ред. В.Н. Ивановского. Летом 1906 г. впервые поехал в Петербург... увлекался Эрмитажем, Русским музеем... ездил в Петергоф... впервые видел Шаляпина в "Борисе", Собинова в "Травиате"*"" (С. 15).

Осенью 1907 г. Денике переводится на историко-филологический факультет и работает над ре-

фератами, один только перечень названий которых говорит сам за себя: "Аграрный вопрос у Гомера", "О первой и второй главах "Афинской политики" Аристотеля", "Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.", "Взгляд Платона на поэзию по его законам", "Эстетика Шопенгауэра", "Физика Декарта и современные физические теории" и др. (С. 16). С осени 1909 г. он решает специализироваться по истории искусств (с. 17). "*Летом [1910 г.] первая научная поездка в связи с курсовой работой на тему: "О западном влиянии на русскую фреску и иконопись". Нижний [Новгород], Боголюбов монастырь, Покров на Нерли, Владимир, Москва, Санкт-Петербург. В Санкт-Петербурге ... работал в Публичной библиотеке, музеях...*" (С. 17). "*1911. В начале года в "Тамбовских епархиальных ведомостях" появилась моя статья "Сокровища древнерусского искусства". 27-го мая окончил университет с дипломом I степени. 28-го мая оставлен факультетом при Университете по кафедре теории и истории искусств. С 20 июля по 10 августа принимал участие в работах XV археологического съезда в Новгороде. 21-е учредительное заседание. Раут у графини Уваровой. Знакомство с Я.И. Смирновым... На святках принимал участие во II Съезде художников [в Санкт-Петербурге]... 6.XI. Публичная лекция от Общества Народного университета: "Искусство Киевской Руси"*" (С. 17).

В 1913 г. Б.П. Денике выезжает за границу, как он сообщает – "*... дневник [поездки] в записных книжках*" (С. 18). О существовании этих книжек больше ничего неизвестно. Мы знаем только, что Борис Петрович в это время был в Берлине, где знакомился с работой экспедиции А. Лекока в Восточном Туркестане (Веймарн, 1976. С. 218).

В 1914–1915 гг. он сдает магистерские экзамены. "*В апреле [1915 г.] по прочтении двух пробных лекций... был утвержден приват-доцентом. С осени читал курс в Университете: "Русское искусство до XV в."... С июля 1915 г. старший аспирант при историко-филологическом факультете при музеях "Искусство и древности", "Отечествоведение" и "Нумизматический"*" (С. 18). В 1917–1918 гг. в Казанском университете, а затем и в Северо-восточном археологическом институте он читает курс "История русского искусства до XVIII века". В мае 1918 г. Денике избран действительным членом Московского археологического института (С. 19).

1917–1918 гг. отметили следующую веху в истории страны и человека. Жизнь Б.П. Денике этого времени, как она отражена в дневнике, – это быстро меняющаяся череда дат, географических названий, имен, событий, мест службы (должностей), курсов лекций и докладов, над которыми он работал; дат рождения и смерти родных и близких. Как бусины нанизывались на жизненную нить личные события, когда там, за страницами дневника, происходили события исторические.

"*1918. В январе... избран заведующим Нумизматического музея (был до июня). С марта увлечение коллекционированием... 4.VII. поездка в Москву на академический съезд, сначала на пароходе до Кинешмы. (С этих пор новый стиль). 21.VII. возвращение в Казань. 7.VIII. взятие Казани чехами и народной армией. 9.IX. отъезд из Казани* [в Ставропольский край, затем на Урал и в Сибирь]" (С. 20). В Сибири Денике провел два очень насыщенных года. В Томском университете, профессором которого он был избран в 1919 г. (С. 22), Денике читал курсы "История древнерусского искусства" и "Итальянское искусство в эпоху Возрождения", а также публичные лекции по зодчеству Сибири (С. 22, 23).

В мае 1920 г. Борис Петрович возвращается в Казань. Нужно заметить, что в Казани он подолгу не задерживался, но когда бывал там, обязательно читал лекции в университете и на Учительских курсах – по истории русского и восточного искусства.

"*С 10.IX. по 10.X. [1920 г.] жил в Москве... Знакомство с Ходасевичем. 11–17.X. в Санкт-Петербурге. Знакомство с Ольденбургом... Был у М. Горького, Уэльс... Поездка в Новгород. Затем еще неделя в Санкт-Петербурге (был у Кустодиева). Поездка в Санкт-Петербург (21–25.VII.), знакомство с Н.С. Гумилевым, М.А. Кузминым*" (С. 23, 24).

В 1921 г. Денике переезжает в Москву (С. 24, 25). К этому времени он уже зрелый ученый, очень заметная фигура в научной жизни и в мире искусства. В Москве Борис Петрович читает лекции по искусству Востока в МГУ, с 1925 г. – в звании профессора. Кроме того, в 1920-х годах Денике – заместитель директора Музея Восточных культур, действительный член Института археологии и искусствознания Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), действительный член Российской академии художественных наук. В целом с начала 1920-х годов все чаще в записях дневника отражается возрастающий интерес автора к востоковедению, в частности, в 1922 г. во Всероссийской научной ассоциации востоковедения Денике прочел доклад "Современное состояние и задачи изучения искусства Востока" (С. 24, 25), в Академии художественных наук – доклад "Индийская скульптура", в Институте искусствознания – "О миниатюрах древнейших мусульманских рукописей Публичной библиотеки и Азиатского музея в Санкт-Петербурге" (С. 25). Одновременно, будучи заядлым театралом, он знакомится

с новинками московских театров, бывает на симфонических концертах (С. 26).

С 1923 г. Б.П. Денике работает в Обществе изучения русской усадьбы, которое было создано в конце 1922 г.: бывает на вечерах усадебной музыки в Кускове, осматривает городские и загородные усадьбы Петербурга и Москвы (С. 27). Только в Москве и ее окрестностях в течение следующих нескольких лет им были обследованы усадьбы в Кусково, Останкино, Коломенском, Царицыно, Лианозово, Ясенево, Вешняках, Кунцево, Серебряном бору, Покровском-Стрешнево, Переделкино, Новом Иерусалиме, Звенигороде, Серпухове, Ильинском, Салтыковке, Лукино, Горенках, Бородино, Мураново, Немчиновке, Клину, Дмитрове и др. Работоспособность Денике не может не вызывать восхищения: например, одновременно с деятельностью в Обществе изучения русской усадьбы в 1923 г. он "*19 мая закончил "Искусство Востока" ... За лето написал и сдал в Госиздат "Древнерусскую деревянную скульптуру". В конце августа сдал в "Новый Восток" "Ранне-китайское искусство"* (Денике, 1923б) ... *в ноябре "Новые работы по мусульманской миниатюре"*" (С. 27).

В ноябре 1924 г. Б.П. Денике избран председателем Центральной комиссии по изучению искусства Востока при Центральной Ассоциации Востоковедения (С. 29). В том же году «...*в Санкт-Петербурге готовил 5 книг по предложению издательства "Творчество" – о памятниках восточного искусства в русских собраниях*» (С. 30). Весной 1924 г. он знакомится с архитектором Б.Н. Засыпкиным, знатоком среднеазиатских памятников, с которым в дальнейшем его связывали тесные научные и дружеские отношения, – Засыпкин, в частности, участвовал в экспедициях МВК 1926–1928 гг. в Термезе (Денике, 1927а. С. 9–18; Засыпкин, 1928. С. 17–40). Это было одновременно и знакомство Денике с архитектурой Средней Азии: он сразу же заинтересовался раскопками и реставрацией мавзолеев комплекса Шахи-Зинда и мавзолея Улугбека в Самарканде (С. 31). 27 августа 1924 г. Б.П. Денике впервые едет в Узбекистан, где Туркестанский комитет по изучению старины и искусства (Туркомстарис, позднее Среднеазиатский комитет – Средазкомстарис) готовил археологические рекогносцировки в Термезе (С. 33, 36). Характерное для Денике сухое, сжатое изложение событий, видимо, под влиянием первого впечатления от знакомства с этим удивительным краем, прорывается такими строками: "*30.VIII. [1924 г.] станция Аральское море. Монументальный пейзаж: 2–3 рыбачьих лодки на сапфирно-синем море, солончаково-желтая почва, верблюды, кочевье киргизов (5–6 кибиток)*" (С. 36). В Ташкенте Б.П. Денике знакомится с М.Е. Массоном и А.А. Семеновым. Далее он едет в Самарканд, Коканд, Андижан, Узген, Ош, Бухару, Мерв. Как и повсюду, где он бывал, Борис Петрович не только изучает коллекции музеев и частных собраний, исследует памятники архитектуры, но также общается с представителями местной интеллигенции, например, в Оше это владелец частной библиотеки 80-летний мулла Кудрат Уллы Токрбаев, в Андижане – поэт Сулейманов (С. 37). "*15.XI.[1924 г.] выехал из Ташкента и 19-го днем приехал в Москву. 26.XI. читал в Историко-Этнологическом отделе Ассоциации Востоковедения доклад "Состояние памятников и музеи Средней Азии"*" (С. 38). Тогда же, в конце декабря 1924 г., Денике был избран заместителем председателя Историко-художественного комитета Московской секции Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК).

До конца жизни Б.П. Денике практически ежегодно ездил в Среднюю Азию, он не был там лишь в 1929, 1932, 1939 и 1940 гг. Уже после первой поездки в названиях докладов, читаемых Денике, появляется среднеазиатская тематика. "*27.I. [1925 г.] читал в Институте Искусствознания доклад на тему: "К изучению мусульманской архитектуры Средней Азии в домонгольский период... 6 марта читал в Архитектурном обществе доклад: "Орнаментация памятников архитектуры Узгена". С 25.III. по 6.IV. был в Петербурге. 31.III в отделении Археологии и искусства Средней Азии прочел доклад "К изучению мусульманской архитектуры Средней Азии в домонгольский период (памятники Узгена)" (председательствовал Бартольд, в прениях принимали участие Котов, Орбели, Бартольд и Фармаковский)... Был в Михайловском театре на "Похищении из сераля"... В Москве из театральных впечатлений отмечу "Теолинду" (музыка Шуберта) и "Иосифа Прекрасного"...*" (С. 39).

В августе 1925 г. Денике снова выезжает в Ташкент – теперь для участия в экспедиции в южный Казахстан и северную Киргизию. Во время поездки он посетил Самарканд, где знакомился с раскопками на Афрасиабе, и Шахрисябз; прочел доклад в Средазкомстарисе (С. 42, 43). В октябре вернулся в Москву. "*1926. В течение зимнего сезона с увлечением слушал музыку Прокофьева, почти во всех концертах сезона (дирижер Монтэ). В Большом смотрел "Валькирию", "Саломею" Штрауса (29.IV.). В Художественном "Горячее сердце" ... В течение зимы [1925–26 гг.] в университете читал курсы: Искусство классического Востока, Искусство Востока и вел семинары... 10 декабря 1925 г. назначен директором Музея Восточных культур*" (С. 43, 44).

В июне 1926 г. Денике едет в Киев, осматривает там архитектурные памятники, церкви, соборы, монастыри, картинные галереи (С. 45–48).

В сентябре – снова в Самарканд, оттуда в Термез с первой археологической экспедицией Музея Восточных культур (С. 49, 51). Обследование развалин Древнего Термеза заняло всего 10 дней (включая дни приезда и отъезда) – это были непродолжительные по времени, но очень содержательные работы.

"*27.II. [1927 г.] открытие Музея Восточных культур*" (С. 51). В августе 1927 г. Денике снова выезжает в экспедицию в Среднюю Азию, 13–29 сентября работает в Термезе (С. 54, 55). По возвращении он готовит ряд статей (Денике, 1927а; 1928а) и докладов по результатам раскопок в Термезе (С. 55, 56, 70–72).

В 1927 и 1928 гг. Б.П. Денике с научными целями ездил в Поволжье (С. 53, 54, 56, 57). Летом 1928 г. он впервые отправляется (вниз по Волге, затем пароходом из Астрахани) на Кавказ – в Дагестан, Азербайджан, Грузию, где знакомится с местными музеями и памятниками архитектуры (С. 57–60). Далее через Сухуми, Гагры, Новороссийск, Ялту Денике возвращается в Москву (С. 60, 61) и осенью организует новую экспедицию в Среднюю Азию. В раскопках в Термезе вместе с Б.П. Денике работали Б.В. Веймарн, Б.Н. Засыпкин и В.Л. Вяткин (С. 62). "*[1928 г.] 9.IV. Вышла в свет моя книга "Искусство Средней Азии*" (Денике, 1927б). *29.V. Вышел сборник МВК с моей статьей об экспедиции в Термез* (Денике, 1928б) ... *28.XII. [Ленинград]... В 3 часа мой доклад в РАИМК о третьей экспедиции МВК в Термез. Вечером "Кавалер роз" Р. Штрауса*" (С. 52, 63).

Начиная с середины 1920-х годов особое внимание Денике привлекали частные коллекции, он познакомился с целым рядом таких собраний: в Санкт-Петербурге – А.П. Келлера, Штиглица, Позднеевой; в Москве – Щукина, Н.П. Лихачева, Ф.В. Гогеля, Н.И. Тютчева, Н.П. Остроуховой, Л.И. Нисенмако, Д.К. Тренева; в Киеве – Кундеревича, Б.К. Жука; в Нижнем Новгороде – Шереметева; в Ташкенте – И.И. Головина, Хора, Розенберга; в Самарканде – С.И. Климницкого, М.В. Столярова, Б.Н. Кастальского, В.Л. Вяткина; в Термезе – нумизмата Дзампаева (старец-священник из осетин). Очень подробно в дневнике дано описание поразившей Бориса Петровича богатейшей коллекции среднеазиатских древностей Б.Н. Кастальского, часть которой впоследствии была приобретена Музеем Восточных культур.

"*С 15.II. [1929 г.] ушел из МВК и 20.II. сдал дела*" (С. 64). Одна строка в дневнике, а за ней – полная драматизма и такая характерная для тех лет история увольнения Б.П. Денике из музея, которую нам раскрывают другие архивные материалы.

В декабре 1928 г. на одном из заседаний Правления МВК заместителем директора Я.Г. Лидаком был поднят вопрос о нарушениях при проведении последней археологической экспедиции Денике. Споры о научной целесообразности изменения маршрута (Термез вместо Хорезма) очень скоро приобрели политическую окраску: так, было признано вредительством игнорирование Денике изучения современной культуры Термезского района, а затем вылились в кампанию по изгнанию из музея представителей "старой" научной интеллигенции[3]. Б.П. Денике вменялись в вину нарушения в оформлении документации на поступившие из экспедиций материалы, запущенность инвентаризации и в целом слабая производственная и финансовая дисциплина в музее. Но единственную верную причину увольнения Денике указал в своем докладе сменивший его на посту директора музея коммунист Я.Г. Лидак: "...необеспеченность Музея ... политическим руководством в достаточной мере" (Войтов, 2001. С. 33–58). Однако и в дальнейшем Б.П. Денике продолжал сотрудничество с музеем, в частности, неоднократно выступал там с лекциями и докладами, а также принимал участие в организации выставок и подготовке публикаций музейных материалов: "*7.V. [1934 г.] Открытие выставки китайского искусства. 8.V. На приеме в китайском посольстве*" (С. 87) (Выставка..., 1940; Денике, 1940).

В 1930 г. новая поездка в Среднюю Азию; в Ташкенте Денике много общается с В.Л. Вяткиным и Б.Н. Кастальским; в Самарканде участвует в раскопках на Афрасиабе; затем посещает Бухару, Чарджоу, Хиву, Куня-Ургенч (С. 72–81). В частности, в Хиве Борис Петрович исследовал архитектурный декор медресе и мечетей. "*3.VIII. [1931 г.] отъезд с экспедицией по изучению современного искусства в Узбекистан и Таджикистан*", где он изучал современные постройки, а также работал в плакатном фонде Среднеазиатской Государственной библиотеки (С. 83, 84).

С ноября 1931 г. Денике работает ученым консультантом в Отделении Азиатской графики Музея изобразительных искусств (С. 85); в 1933 г. он заместитель директора этого музея, с 1934 г. – заведующий отделом Ближнего Востока (С. 87).

Весной–летом 1935 г. во время очередной поездки в Среднюю Азию Денике принимал участие в исследованиях мечетей и медресе Бухары и в раскопках на Нисе под Ашхабадом (С. 88, 89). Будучи организатором и участником первых советских археологических экспедиций, Борис Петрович живо интересовался и другими раскопками

[3] В частности, востоковед и коллекционер Ф.В. Гогель – сначала заместитель директора МВК, а затем заведующий отделами Дальнего и Ближнего Востока – был уволен в начале 1930-х годов с нелепой формулировкой "за торгашество музейными ценностями" (Архив Государственного музея Востока. Оп. 1. № 91).

на территории Средней Азии (С. 69, 71, 72, 74, 82, 85).

Осенью 1935 г. в Ленинграде проходил III Международный конгресс иранского искусства и археологии (Денике, 1935б; Веймарн, Денике, 1936), на котором Б.П. Денике был избран членом Международной ассоциации иранского искусства. 2 и 19 октября 1935 г. он прочел доклады о работе конгресса в Музее Восточных культур и Музее изобразительных искусств (С. 90).

Последние годы жизни Денике были особенно насыщены разнообразными поездками: 1936 г. – поездка в Одессу, оттуда в Крым и на Кавказ, затем в Туркмению (через Красноводск) и Узбекистан (С. 91–94); 1937 г. – поездки в Крым (через Симферополь), оттуда в Ленинград, позднее в Узбекистан (С. 94, 95); в 1938 г. – на Украину (С. 95, 96); в 1939–1940 гг. – поездки в Баку и в Крым (С. 96–99, 100, 101). Он предпринимал частые поездки в Ленинград для работы в Эрмитаже, в библиотеках, для чтения докладов и просмотра выставок (С. 94, 100 и др.). Последняя поездка Б.П. Денике – экспедиция в Дагестан – состоялась 6–23 июня 1941 (С. 102, 103). Незадолго до этого, в феврале 1941 г., он защитил диссертацию на степень доктора искусствоведческих наук по теме "Архитектурный орнамент Средней Азии" (С. 101).

Завершается дневник списком 125 опубликованных работ Б.П. Денике с 1906 до середины 1940 г. Список составлен им самим и позволяет в полном объеме оценить научное и литературное наследие Денике.

"Автобиографическая канва" открывает нам еще одну сферу интересов и научной деятельности Б.П. Денике – изучение истории русской церкви. Борис Петрович был человеком верующим. Об этом свидетельствуют, в частности, его записи до середины 1930-х годов о встречах Рождества и Пасхи в кругу близких и друзей; привычка отмечать отдельные события по церковному календарю, например, он писал о своих поездках "на Страстной неделе" (последняя неделя Великого поста) или "на святки" (неделя после Рождества Христова): "*1913. 1 января поездка с Айналовым и его учениками в Новгород на открытие епархиального Музея. На пасхе ездил в Симбирск*" (С. 8). Несомненно, отсюда и его глубокий интерес к истории русской церкви и иконописи (Денике, 1920а; 1921), посещение храмов и монастырей всюду, где он бывал; специальные поездки по монастырям, например, осмотр монастырей Новгородской губернии в 1916 г. (Денике, 1920б). В 1920 г. Денике работает заместителем заведующего отделом религиозного быта Исторического музея (С. 24). Вместе с "Автобиографической канвой" в архиве Государственного музея Востока хранятся тетрадка и отдельные листы с тезисами курса лекций Денике 1916–1917 гг. в Казанском университете "История русского искусства (с XV по XVII вв.)", среди тем – "Раннемосковское [церковное] зодчество", "Иконопись в XV в. (от Рублева до Дионисия)", "Фрески Ферапонтова монастыря", "Благовещенский и Архангельский соборы".

"Автобиографическая канва" Б.П. Денике – во многих отношениях документ незаурядный. Так, в дневнике упоминаются около 300 имен: большая их часть – те, с кем автор был знаком лично, в том числе выдающиеся ученые, писатели, художники, известные композиторы, актеры. Но есть имена, видимо, что-то значившие только для самого Денике, который вообще очень сдержан в том, что касается его личной (семейной) жизни. Также есть ряд имен, возможно, напоминавших Денике о чем-то важном, дорогом, как завязанные "на память" узелки – просто имена, записанные отдельными предложениями или заключением их в кавычки вплетенные в повествовательную нить. Быть может, автор намеревался в дальнейшем переработать дневник во что-то более фундаментальное.

Читая этот документ, нельзя не задуматься о том, почему уже сложившийся ученый в довольно зрелом возрасте (в 1920 г. Денике было 35 лет) садится за написание биографии. "Автобиографическая канва" – само название как заявка на нечто большее, нежели просто дневник, тетрадь для записей. Как мы говорили выше, по стилю изложения и содержанию первые тридцать шесть страниц дневника (неторопливо-повествовательные, где-то даже лирические) разительно отличаются от остального текста (сухое, сжатое перечисление фактов). Первая часть "Канвы" ("Предки") и начало второй части ("О себе") очень перекликаются с работами по генеалогии Павла Александровича Флоренского (1882–1937), выдающегося богослова, философа, математика, инженера и искусствоведа (Флоренский, 1992). На основании анализа дневника Денике мы позволили себе сделать предположение о его личном знакомстве с П.А. Флоренским. В дневнике нет прямых указаний на их знакомство, а если оно и имело место, то, возможно, Денике не писал об этом в силу исторической ситуации тех лет – Флоренский был священником Троице-Сергиевой Лавры, в 1933 г. он арестован и сослан на Соловки, а в 1937 г. расстрелян[4]. Нужно заметить, что Денике вообще не называет имен, когда пишет о посещении Лавры, в то время как обычно сообщения о каждой его поездке изобилуют именами. Денике и Флоренский могли встретиться в Москве, куда последний приезжал по делам службы, либо в Сергиевом Посаде, где неоднократно в 1921,

[4] С другой стороны, Денике не побоялся написать о своем знакомстве с Н.С. Гумилевым, расстрелянным в 1921 г.

1922, 1923 и 1925 гг. бывал Денике: "*[1925] 31.V. – ездил в Троицкую Лавру... Восстанавливается путем удаления пристройки первоначальный вид восточной стены белокаменного Троицкого собора; расчищены Вседержитель, Ангел и Предтеча из иконостаса (Рублев!?)...*" (С. 40, 41).

П.А. Флоренский придавал огромное значение понятию "род", изучая законы и закономерности существования целого рода, а также отдельной личности как его представителя. Он писал в 1916 г.: "Быть без чувства живой связи с дедами и прадедами – это значит не иметь себе точек опоры в истории" (Флоренский, 1992. С. 26). И далее: "... т.к. первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь, то я попытаюсь записать возможно точнее все, что я могу припомнить из впечатлений того времени" (Флоренский, 1992. С. 31). Он повторил эту мысль еще раз, обращаясь к детям в своем завещании: "Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, роду, знакомых, родных, друзей..." (Флоренский, 1992. С. 440).

Возможно, именно под впечатлением от бесед с Флоренским Денике и начал свою "Канву" – с пометками на полях, со ссылками на подлинные семейные документы, на библиографию (например, пометка на стр. 1 – "О роде Глинок см. у Финдейзена"). Само начало канвы (с дела и прадеда) подтверждает возможность их знакомства и увлечения Денике идеями Флоренского о генеалогии. Из письма П.А. Флоренского: "... дорог всякий клочок, всякая строчка, ибо и малое бросает иногда неожиданный свет на самое важное, да наконец просто дороги и милы самые мелочи" (Флоренский, 1992. С. 12). Такие "мелочи" воспоминаний есть в дневнике Денике: собственные воспоминания начиная с малых лет, мамины – из ее детства, по ее рассказам, а также точные адреса, описания домов и квартир. Все это на первых страницах тетради: "*Мой отец, Петр Михайлович, родился 20 марта 1857 года в Казани и мальчиком жил на Большой Проломной улице...*" (С. 6); "*С помощью прапрабабушки Авдотьи Елисеевны Мейер бабушка с 4 детьми, с нянькой и подняней в 1867 году поехала в Тулу; до Нижнего ехали на пароходе (мама вспоминает, что в Казани на Устье шла торговля с лотков орехами по 5 коп. фунт и анисовыми яблоками)...*" (матери Денике в это время было 12 лет) (С. 3).

То, что "Канва" была начата импульсивно, под каким-то сильным впечатлением, а не задумана заранее, подтверждает, как нам кажется, и сам метод работы Б.П. Денике. Он был педантичным – в хорошем смысле этого слова – ученым, его работам присущи тщательная подготовка, методологическая основа, обдуманность, четко поставленные цели и доведение начатого до конца. "Автобиографическая канва" стоит особняком среди работ, вышедших из-под пера Денике, с которыми ее роднит только то, что она была доведена до конца – не до логического завершения, как научные труды, а до конца жизни, как дневник.

"Автобиографическая канва" Б.П. Денике – не просто автобиография или дневник, что само по себе захватывающе интересно, это еще и своеобразный путеводитель по миру науки и искусства того времени, представляющий несомненную научную ценность. Но и это кажется не главным в уникальном документе, каким является дневник Денике, удивительном по объему имен, дат, встреч, занятий, увлечений и поездок; потрясающим, если можно так выразиться, количеством сделанного человеком в некую единицу времени – одну короткую (57 лет) человеческую жизнь. "Автобиографическая канва", показывая только события жизни Б.П. Денике, вместе с тем своеобразно отражает "... то сложное и трагическое, что принес с собой XX век, обострivший восприятие науки и искусства" (Отечественная история..., 1999. С. 114) и, конечно, заслуживает полной публикации. Представленный здесь краткий обзор этого интереснейшего документа хочется завершить словами Л.М. Савелова, историка, одного из лучших русских генеалогов (Савелов, 1908), словами, которые со всей определенностью можно отнести к Борису Петровичу Денике: "Общее духовное развитие народа несомненно находится в неразрывной и непосредственной связи с творческими талантами его более энергичных, более талантливых представителей, обычно ведущих за собой свой народ по пути развития и прогресса, по пути величия и славы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веймарн Б.В. Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе // Искусство. 1934. № 6.

Веймарн Б.В. Б.П. Денике – историк искусства Востока // НАА. 1976. № 1.

Веймарн Б.В., Денике Б.П. Итоги Иранского конгресса // Искусство. 1936. № 1.

Войтов В.Е. Из истории археологических экспедиций Музея Восточных культур в Старом Термезе. 1926–1928 гг. (по архивным данным и публикациям). М., 2001.

Выставка "Искусство Китая". Каталог / Глухарева О.Н., Денике Б.П. М.; Л., 1940.

Глухарева О., Денике Б. Краткая история искусства Китая. М.; Л., 1948.

Денике Б.П. Древнерусское искусство. (Московская хроника) // Казанский музейный вестник. 1920а. № 5–6.

Денике Б.П. Открытия и реставрационные работы в Новгороде // Казанский музейный вестник. 1920б. № 7–8.

Денике Б.П. Миниатюры рукописей Соловецкой библиотеки // Казанский библиофил. 1921. № 2.

Денике Б.П. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. Казань, 1923а.

Денике Б.П. Раннекитайское искусство // Новый Восток. 1923б. № 4.

Денике Б.П. Экспедиция Музея Восточных культур в Термез. Предварительный отчет // Культура Востока. Т. 1. М., 1927а.

Денике Б.П. Искусство Средней Азии. М., 1927б.

Денике Б.П. Термез. (Работы экспедиции Музея Восточных культур в 1927 г.) // Новый Восток. 1928а. № 22.

Денике Б. Экспедиция Музея Восточных культур в Среднюю Азию 1927 г. // Культура Востока. Т. 2. М., 1928б.

Денике Б.И. Изображение фантастических зверей в Термезской резной декорации // Труды Секции истории искусств РАНИОН. Т. 5. М., 1930.

Денике Б.П. Китай. М., 1935а.

Денике Б.П. III Международный конгресс иранского искусства и археологии // Историк-марксист. 1935б. Кн. 10.

Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л., 1939.

Денике Б.П. Выставка китайского искусства и новые археологические памятники древнего Китая // ВДИ. 1940. № 2.

Засыпкин Б. Памятники архитектуры Термезского района // Культура Востока. Т. 2. М., 1928.

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. М., 1995.

Отечественная история. XX век. М., 1999.

Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. Первое полугодие. М., 1908. Цит. по: Флоренский, 1992. С. 16.

Ставиский Б.Я. Четверть века на Кара-тепе (Записки начальника археологической экспедиции.). Ташкент, 1986.

Стрелкова В.Е. Экспозиционно-выставочная деятельность Музея Восточных культур в 1926–1932 гг. (публикация документов из архива Государственного музея искусства народов Востока) // Научные сообщения Государственного музея Востока. 1996. Вып. XXII.

Флоренский. Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 162–164

ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЯХ СРЕДИ АБАШЕВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

© 2002 г. М. Б. Медникова, А. П. Бужилова
Институт археологии РАН

В последние десятилетия в зарубежной и отечественной палеоантропологии активно развивается направление, связанное с исследованием здоровья древнего населения. В рамках этого направления особую информационную ценность могут приобретать даже индивидуальные и крайне фрагментарные находки скелетных останков человека. Палеопатологическое изучение носителей разных археологических культур служит дополнительным историческим источником, помогая иногда воссоздавать некоторые аспекты образа жизни или хозяйственной деятельности представителей давно ушедших эпох. Сведения о травматизме, характерном для некоторых палеопопуляций, заслуживают особенно пристального внимания исследователей. Различают травмы бытового и военного происхождения; на костях черепа и посткраниального скелета давно скончавшихся людей исследуют следы постоперативного вмешательства (Бужилова, 1995; 1998; Mednikova, 2000). Некоторые профессии древнего мира, по-видимому, были сопряжены с риском повышенного травматизма. К тому же прослеживаются и отчетливые гендерные различия, обусловленные различными социальными ролями мужчин и женщин. На многих примерах, в частности, показано, что травмы и переломы черепа чаще встречаются у мужчин (сводка данных: Бужилова, 1998, С. 138–140). Это явление находит интерпретации в большей агрессивности, свойственной мужской части палеопопуляций и в вовлеченности мужчин в военные действия. В некоторых работах отмечается более частая локализация черепных травм у мужчин на лобной и теменных костях (Walker, 1989), что может быть расценено как своеобразное свидетельство нередких столкновений "лицом к лицу". На обширном материале средневекового литовского города (Янкаускас, 1993) и для групп аборигенного древнего населения Южной Калифорнии (Walker, 1989) убедительно показано, что диахронный рост численности и увеличение плотности населения способствуют появлению большего числа черепных травм. С некоторой долей условности можно трактовать распространение переломов черепа как индикатор неблагополучной социальной атмосферы в палеопопуляциях (Бужилова, 1998).

На общем фоне евразийских культур эпохи средней бронзы выделяется абашевская, носители которой, судя по антропологическим данным, демонстрируют очень высокий уровень военного травматизма. Речь идет прежде всего о таком ярком памятнике, как открытый А.Х. Халиковым Пепкинский курган (Халиков и др., 1966), в котором одновременно захоронены останки по меньшей мере 27 молодых мужчин. Уже в предварительном заключении антропологов Г.В. Лебединской и М.М. Герасимовой (Халиков и др., 1966) отмечены частые повреждения свода черепа и выдвинуто предположение о гибели пепкинских абашевцев в бою.

Впоследствие травмы черепа удалось типологизировать, что позволило уточнить представления о тактике столкновения (Медникова, Лебединская, 1999). Нападавшие на пепкинских мужчин использовали луки. В итоге один человек получил сквозное ранение в центральной части левой теменной кости, другой был ранен в верхнюю часть затылочной кости. Возможно, эти люди попали в засаду и были убиты внезапно. По крайней мере, отсутствие на этих черепах других боевых повреждений говорит о том, что раненные стрелами не принимали участия в рукопашном сражении. Другие пепкинцы пали под ударами боевых топоров в лобовом столкновении. Судя по многочисленным переломам черепного свода, это было однотипное оружие с относительно узким лезвием, близкое по форме к вислообушным топорам.

Антропологический материал из Пепкинского кургана выделяется своеобразием, тем более актуальным представляется поиск и описание травм у представителей других локальных вариантов абашевской культуры. Авторам настоящего сообщения была предоставлена такая счастливая возможность.

Обследованию повергся крупный фрагмент свода черепа, состоявший из лобной и теменных костей, найденный в погребении 2 кургана 2 Студеновского могильника по правому берегу реки Терешки примерно в пятидесяти километрах к северу от Саратова (раскопки 1969 г. под руководством И.В. Синицына и В.А. Фисенко)[1].

[1] Этот фрагмент был передан для изучения в лабораторию физической антропологии Института археологии РАН А.Д. Пряхиным, которому авторы, пользуясь случаем, приносят свою благодарность.

По степени развития надбровных дуг и общей относительной массивности черепной крышки пол индивидуума определен как мужской.

По состоянию черепных швов возраст мужчины оценен как молодой (категория adultus).

Особый интерес вызывают следы двух травматических повреждений, наблюдаемые с правой стороны исследуемого фрагмента черепа (рис. 1*а*).

Первое повреждение локализовано в верхнепередней части правовой теменной кости, вблизи от венечного шва. Оно представляет собой вдавленный несквозной перелом свода черепа, затронувший как наружную, так и внутреннюю пластинку компактного вещества. Повреждение правильной округлой формы, диаметр круга 34 мм. Удар пришелся почти вертикально по отношению к костной поверхности и вызвал углубление в центральной части и сквозной разлом, хорошо заметный со стороны эндокрана (рис. 1*б*).

Вместе с тем, несмотря на силу удара, он не стал смертельным, хотя, по-видимому, и был нанесен незадолго до смерти индивидуума. На рентгенограмме не видны следы регенерации (рис. 2*а*). Хотя удар такой силы мог сопровождаться отеком и нарушением мозгового кровообращения, внешне он не сопровождался проявлениями, характерными для осложненного течения, например, воспалительными реакциями и остеомиелитом. Несомненно, что индивидуум перенес серьезную черепно-мозговую травму, которая могла способствовать структурно-функциональным повреждениям мозга, повышению внутричерепного давления и даже изменению поведенческих реакций (Нейротравматология..., 1999).

Другое травматическое повреждение локализовано на лобной кости справа (рис. 1*в*). Максимальный диаметр около 30 мм, также округлой формы. При нанесении повреждения нарушена целостность мозговой капсулы. На рентгенограмме отсутствуют следы склеротизации, распознаваемые как осветленные участки рентгеновского изображения (рис. 2*б*). Внешние края повреждения размыты и неотчетливы. Такая картина характерна для активно протекавшего воспалительного процесса, от которого, по-видимому, и скончался данный индивидуум.

Первоначально у нас сложилось впечатление, что между травмами прошел достаточный промежуток времени: в первом случае нет следов заживления, во втором – образовалась новая костная формация. Однако повреждения затрагивают части свода, обладающие разными характеристиками и способные с разной интенсивностью реагировать на механическое повреждение. К тому же, вдавленный перелом теменной кости не был сквозным и не мог привести к развитию воспаления, а травма лобной кости привела к прободению полости мозгового черепа, и посттравматические процессы протекали гораздо интенсивнее.

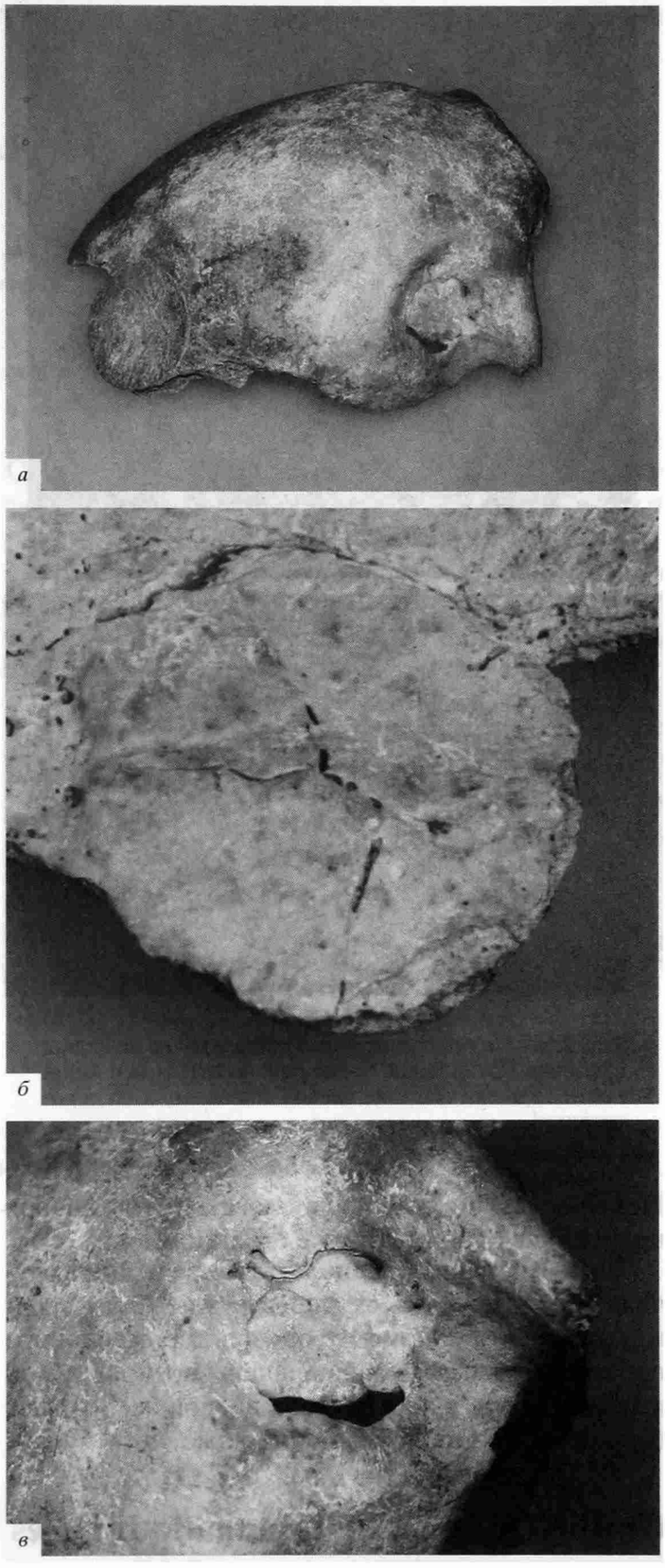


Рис. 1. *а* – Локализация травматических повреждений на фрагменте черепной крышки молодого мужчины из кургана 1 могильника Студеновка; *б* – последствия травмы, наблюдаемые и теменной кости справа: со стороны эндокрана видны следы разлома в центральной части повреждения и признаки регенерации костной ткани; *в* – травматическое повреждение, наблюдаемое на лобной кости справа.

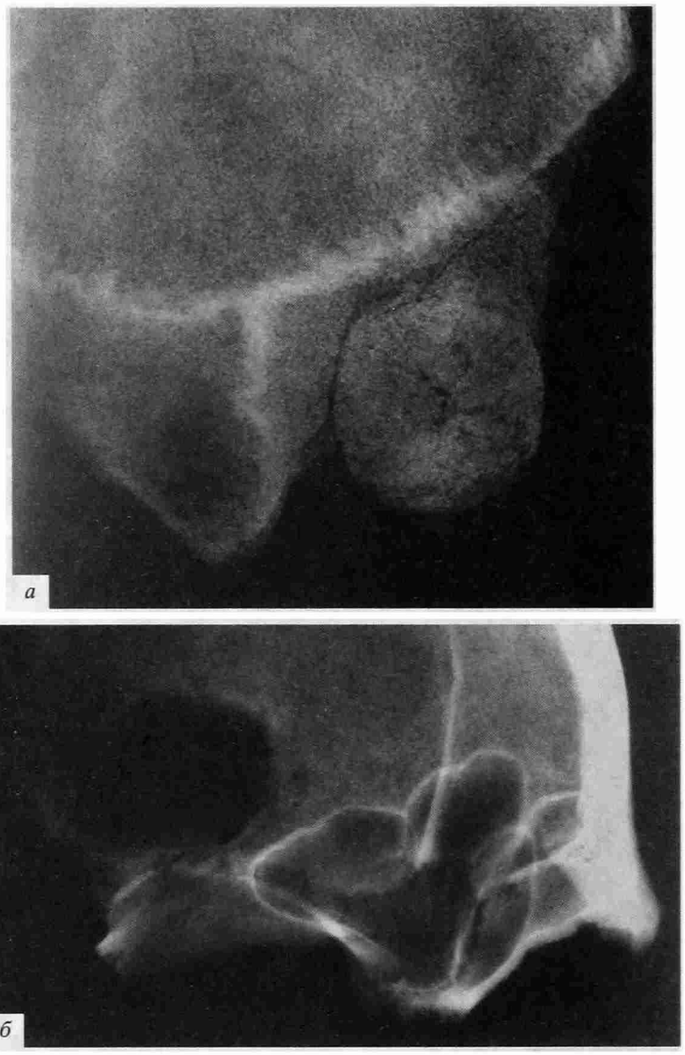


Рис. 2. *а* – На рентгенограмме повреждения не видны признаки заживления; *б* – на рентгенограмме лобной кости видно отсутствие следов заживления (склеротизации).

Поэтому мы можем предполагать, что ранения получены в одном и том же столкновении.

Есть основания предполагать, что в обоих случаях использовалось сходное оружие. Этот предмет резко отличается от оружия, примененного против пепкинских абашевцев, поскольку он имел округлое и заостренное навершие. Это мог быть обух топора, булава или даже жезл – пест, наподобие встречавшихся в погребениях средневолжской полтавкинской культуры (Кузнецов, 1989. С. 17).

Внимания заслуживает правосторонняя локализация как более ранней, так и поздней травм. Возможно, это означает, что первое повреждение получено в лобовом столкновении, а второе – когда пострадавший упал.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что подобные находки в пределах ареала распространения абашевской культуры, служат подтверждением тезису об агрессивной среде обитания этого населения, о воинственных культурных традициях, сопряженных, возможно, с увеличением плотности популяций эпохи средней бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М., 1995.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев, 1989.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Под ред. Гуляева В.И., Каменецкого И.С., Ольховского В.С. М., 1999.

Нейротравматология. Справочник. Составитель Лихтерман Л.Б. Ростов-на-Дону, 1999.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966.

Янкаускас Р.П. К антропоэкологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Mednikova M. Prehistoric trepanations in Russia: more ritual than surgical? // International Colloquium on cranial trepanation in human history. UK, 2000.

Walker P.L. Cranial injuries as evidence of violence in prehistoric Southern California // American Journal of Physical Anthropology. 1989. V. 80.

On the Question of Traumatic Injuries Among the Abashevo Culture Population

M. B. Mednikova, A. P. Buzhilova

Summary

The paper discusses the post-traumatic consequences of perforating fractures discovered on a young man's skull originating from the Middle Bronze Age assemblage (Abashevo culture, Studenovsky cemetery near the city of Saratov, barrow 2, burial 2). According to the reconstruction of the authors, two traumas were caused with the same object (shaft-hole axe butt, macehead, or pestle-wand) known, for example, from the burials of Poltavka culture on the Middle Volga.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 165–171

ЗАМЕТКИ

КЛАД РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ ИЗ С. КАЗАКИ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

© 2002 г. Ю. Д. Разуваев

Воронежский государственный университет

В 1984 г. на южной окраине с. Казаки Елецкого р-на Липецкой области местными жителями Д.И. и В.Д. Кабановыми при рытье траншеи для водопровода перед домом (ул. Первомайская, 125) был найден клад римских серебряных монет. Большинство монет, за исключением 15–20 экз.[1], переданы в Елецкий краеведческий музей.

Клад обнаружен на ограниченном излучиной реки участке невысокой террасы левого берега р. Воргол (правый приток Быстрой Сосны). Расстояние от места находки до реки составляет около 70 м, а до края террасы, рядом с которым просматриваются следы русла, – 15 м. Признаков культурного слоя в этом месте нет. Сами монеты обнаружены в виде компактного скопления на глубине около 1.5 м. Не исключено, что они представляли собой сокровище, спрятанное в сакральных целях (Гуревич, 1984. С. 230–233).

В музее хранятся 126 денариев из клада (рис. 1, 2). Они были покрыты окислами зеленого цвета из-за наличия в серебре медной лигатуры, имеют разную степень стертости. Общий вес монет составляет 379.67 г, средний вес одного денария 3.01 г (табл. 1).

Практически все денарии имеют аналогии в каталоге Британского Музея (Mattingly, 1923–1966). Исключение составляет монета (табл. 2, № 59), на лицевой стороне которой помещены изображение головы Антонина Пия, без венка, вправо, и надпись: DIVVS ANTONINVS. На оборотной стороне: гений императора обнаженный стоит фронтально, голова влево; правой рукой совершает возлияние из патеры над горящим алтарем, расположенным слева, в левой руке держит два опущенных вниз колоса; PONTIF COS II.

[1] Впоследствии в одну из частных коллекций попали восемь монет из этого клада: денарии Веспасиана, Траяна, Адриана (3), Марка Аврелия, Фаустины Младшей и Коммода.

Таблица 1. Распределение монет в кладе

№	Император или императрица	Кол-во монет	Общий вес, г	Средний вес монеты, г
1	Веспасиан	2	5.93	2.97
2	Домициан	1	3.24	3.24
3	Траян	7	20.99	3.00
4	Адриан	25	73.43	2.94
5	Сабина	3	8.97	2.99
6	Элий Вер	1	3.03	3.03
7	Антонин Пий	20	62.56	3.13
8	Фаустина Старшая	22	68.53	3.12
9	Марк Аврелий	15	46.78	3.12
10	Луций Вер	3	9.3	3.10
11	М. Антоний (восстан.)	1	2.79	2.79
12	Фаустина Младшая	10	30.18	3.02
13	Луцилла	2	5.94	2.97
14	Коммод	10	26.57	2.66
15	Криспина	2	5.75	2.88
16	Юлия Домна	2	5.68	2.84

Рис. 1. Клад денариев из с. Казаки

Рис. 2. Клад денариев из с. Казаки

Таблица 2. Состав клада денариев из с. Казаки[2]

№№ п.п.	Датировка выпуска	Соотношение осей	Вес, г	Размеры, мм	Сохранность	Аналогия (Mattingly, 1923–1966)
1	2	3	4	5	6	7
			Веспасиан			
1	69–70 гг.	5	2.85	18.1 × 17.1	ср.	II. P. 4. № 28
2	72–73 гг.	5	3.08	17.1 × 17.3	пл.	II. P. 13. №71. Pl. 21, *6*
			Домициан			
3	77–78 гг.	5	3.24	18.4 × 17.7	ср.	II. P. 42. № 234. Pl. 7, *5*
			Траян			
4	98–99 гг.	6	3.10	18.4 × 17.2	х.	III. P. 37. № 46. Pl. 9, *20*
5	100 г.	7	3.01	18 × 18.3	ср.	III. P. 41. № 78
6	101–102 гг.	6	2.86	18.6 × 17.7	х.	III. P. 45. № 106
7	103–111 гг.	6	3.12	19.5 × 17.3	х.	III. P. 72. № 288 .Pl.14, *7*
8	112–117 гг.	6	2.84	18 × 16.3	пл.	III. P. 97. № 479. Pl. 17, *10*
9	112–117 гг.	7	2.95	19.2 × 18.5	ср.	III. P. 100. № 495. Pl. 17, *17*
10	112–117 гг.	7	3.11	19.1 × 17.7	ср.	III. P. 109. № 536. Pl. 19, *1*
			Адриан			
11	117 г.	8	3.06	18.1 × 18	ср.	III. P. 237. № 9. Pl. 46, *5*
12	118 г.	6	2.92	18.8 × 17.7	ср.	III. P. 249. № 73
13	118 г.	7	2.64	18.2 × 19	ср.	III. P. 250. № 86
14	118 г.	8	3.31	17.7 × 17.3	ср.	III. P. 250. № 84 .Pl. 48, *11*
15	119–122 гг.	7	2.79	17.7 × 17.3	пл.	III. P. 258. № 137
16	119–122 гг.	7	3.17	17.3 × 18.3	ср.	III. P. 259. № 141
17	119–122 гг.	7	2.77	18.7 × 18.3	ср.	III. P. 259. № 141
18	119–122 гг.	7	3.26	18 × 17.5	х.	III. P. 259. № 146
19	119–122 гг.	8	2.75	17.6 × 17.7	ср.	III. P. 266. № 213
20	119–122 гг.	6	2.99	17.4 × 17.6	ср.	III. P. 272. № 264
21	119–122 гг.	8	2.91	18 × 17.7	ср.	III. P. 279. № 314 .Pl. 52, *12*
22	119–122 гг.	7	3.15	18 × 18.3	ср.	III. P. 280. № 320
23	119–122 (или 119–138) гг.	7	2.62	19 × 16.3	ср.	III. P. 266. № 213
24	119–122 (или 119–138) гг.	7	3.35	18.4 × 17.4	х.	III. P. 275. № 287
25	119–122 (или 119–138) гг.	7	2.85	19.5 × 18.1	ср.	III. P. 280. № 325
26	119–138 гг.	7	2.98	18.5 × 17.7	х.	III. P. 272. № 266
27	125–128 гг.	6	3.18	18.4 × 16.3	х.	III. P. 284. № 344. Pl. 53, *10*
28	125 (кон.)–128 (нач.) гг.	7	2.50	18.5 × 17	пл.	III. P. 292. № 1418. Pl. 54, *14*
29	128–132 гг.	7	2.63	17 × 17.1	ср.	III. P. 301. № 491. Pl. 56, *9*
30	134–138 гг.	6	2.59	18.7 × 18.1	х.	III. P. 316. № 590
31	134–138 гг.	7	3.11	17.3 × 17.5	х.	III. P. 317. № 595. Pl. 59, *1*
32	134–138 гг.	7	2.90	17.7 × 17.5	ср.	III. P. 326. № 680. Pl. 60, *9*
33	134–138 гг.	6	2.98	18.5 × 17.2	х.	III. P. 326. № 678
34	134–138 гг.	6	3.04	17.3 × 17.5	х.	III. P. 327. № 689
35	134–138 гг.	6	2.98	18.3 × 17.6	ср.	III. P. 337. № 778
			Сабина			
36	117–138 (?) гг.	6	2.81	18.1 × 16.1	ср.	III. P. 355. № 913. Pl. 65, *1*
37	117–138 (?) гг.	6	3.29	16.4 × 15.5	ср.	III. P. 358. № 930
38	117–138 (?) гг.	6	2.87	17.1 × 17	ср.	III. P. 358. № 930
			Элий Вер			
39.	137 г.	6	3.03	17.5 × 16.1	ср.	III. P. 365. № 973

[2] В таблице соотношение осей изображений на аверсе и реверсе дано по часовому циферблату; сохранность монеты: х. – хорошая, ср. – средняя, пл. – плохая.

Таблица 2. Продолжение

№№ п.п.	Датировка выпуска	Соотношение осей	Вес, г	Размеры, мм	Сохранность	Аналогия (Mattingly, 1923–1966)
1	2	3	4	5	6	7
			Антонин Пий			
40	139 г.	6	3.1	17.3 × 17.7	х.	IV. P. 16 № 83. Pl. 3, *1*
41	140–144 гг.	6	2.96	17.1 × 17	ср.	IV. P. 28. № 174. Pl. 5, *1*
42	140–144 гг.	6	2.93	17 × 16.4	пл.	IV. P. 32. № 207
43	143–144 (?) гг.	12	3.28	17.7 × 16.6	х.	IV. P. 70. № 497
44	143–144 (?) гг.	1	3.25	17.5 × 17	ср.	IV. P. 70. № 497
45	145–161 гг.	7	2.93	17.2 × 16	ср.	IV. P. 81. № 562. Pl. 12, *8*
46	145–161 гг.	7	2.95	17.2 × 18.7	х.	IV. P. 82. № 567. Pl. 12, *10*
47	149–150 гг.	1	3.5	18.1 × 16.7	х.	IV. P. 102. № 707. Pl. 15, *4*
48	150–151 гг.	7	2.79	18 × 18.4	ср.	IV. P. 104. № 717. Pl. 15, *8*
49	150–151 гг.	7	3.25	17.5 × 17.3	ср.	IV. P. 106. № 729. Pl. 15, *16*
50	153–154 гг.	5	2.92	17.5 × 18.4	ср.	IV. P. 118. № 810. Pl. 17, *4*
51	154–155 гг.	7	3.27	17 × 16.6	ср.	IV. P. 122. № 834. Pl. 17, *15*
52	155–156 гг.	6	3.12	17.1 × 17	ср.	IV. P. 125. № 851. Pl. 18, *5*
53	155–156 гг.	7	3.19	17 × 17	ср.	IV. P. 126. № 859
54	156–157 гг.	1	2.53	17.2 × 17.4	ср.	IV. P. 129. № 882. Pl. 18, *20*
55	159–160 гг.	1	3.08	18.2 × 17.4	х.	IV. P. 146. № 981. Pl. 21, *4*
56	159–160 гг.	6	3.13	17.5 × 18.5	ср.	IV. P. 146. № 981. Pl. 21, *4*
57	161 (?) г.	12	3.28	16.7 × 17	х.	IV. P. 395. № 71
58	161 (?) г.	6	3.38	17.5 × 16.5	ср.	IV. P. 395. № 75
59	?	11	3.72	18.2 × 18	х.	–
			Фаустина Старшая			
60	139–140 гг.	6	2.82	16.6 × 16.7	ср.	IV. P. 23. № 137
61	139–140 гг.	6	2.82	17 × 17	ср.	IV. P. 24. № 141. Pl. 4, *5*
62	141 г.	6	3.01	18 × 17.6	ср.	IV. P. 43. № 284
63	141 г.	6	3.16	18 × 16.7	ср.	IV. P. 52. № 339. Pl. 8, *14*
64	141 г.	6	3.16	17.5 × 17	ср.	IV. P. 55. № 361
65	141 г.	7	3.23	17 × 16.8	ср.	IV. P. 56. № 375
66	141 г.	6	3.37	17.2 × 16.5	х.	IV. P. 56. № 375
67	141 г.	7	3.45	17.2 × 17.1	пл.	IV. P. 57. № 384. Pl. 9, *4*
68	141 г.	12	3.15	17.5 × 16.6	ср.	IV. P. 58. № 396
69	141 г.	6	2.76	17.8 × 17.3	ср.	IV. P. 58. № 396
70	141 г.	6	3.31	17 × 17.5	х.	IV. P. 59. № 409
71	141 г.	7	2.75	18.3 × 17.2	ср.	IV. P. 59. № 410
72	141 г.	7	3.22	17 × 16.7	ср.	IV. P. 59. № 412
73	141 г.	6	3.19	17.7 × 16.7	ср.	IV. P. 60. № 414
74	141 г.	7	2.77	16.5 × 16.5	ср.	IV. P. 60. № 417. Pl. 9, *14*
75	141 г.	6	3.67	18 × 16.6	х.	IV. P. 60. №417. Pl. 9, *14*
76	141 г.	12	3.12	18 × 16.4	х.	IV. P. 62. № 438. Pl. 9, *19*
77	141 г.	6	3.16	16.7 × 14.8	пл.	IV. P. 62. № 440. Pl. 9, *20*
78	141 г.	7	3.24	16.5 × 16.8	ср.	IV. P. 62. № 443. Pl. 10, *1*
79	141 г.	7	3.02	18 × 15.9	пл.	IV. P. 63. № 449
80	141 г.	12	3.07	17.1 × 16.7	ср.	IV. P. 65. № 468
81	141 г.	6	3.08	16.2 × 19.3	ср.	IV. P. 66. № 474

Таблица 2. Окончание

№№ п.п.	Датировка выпуска	Соотношение осей	Вес, г	Размеры, мм	Сохранность	Аналогия (Mattingly, 1923–1966)
1	2	3	4	5	6	7
			Марк Аврелий			
82	140–144 гг.	1	3.35	17.4 × 17.2	ср.	IV. P. 42. № 277. Pl. 7, *5*
83	145–160 (?) гг.	6	3.04	16.4 × 18	ср.	IV. P. 86. № 596
84	154–155 гг.	7	2.71	16.7 × 17.1	пл.	IV. P. 122. № 839
85	161 г.	6	3.14	17.1 × 17.6	ср.	IV. P. 153. № 1019
86	162 (дек.)–163 (дек.) гг.	6	3.05	17.4 × 17.6	ср.	IV. P. 413. № 209
87	162 (дек.)–163 (дек.) гг.	12	3.26	16.5 × 17.8	ср.	IV. P. 413. № 209
88	165 (дек.)–166 (дек.) гг.	7	3.44	17.8 × 17.5	ср.	IV. P. 438. № 392
89	165 (дек.)–166 (дек.) гг.	12	2.75	17.2 × 18.3	ср.	IV. P. 441. № 402
90	166 (дек.)–167 (дек.) гг.	12	3.45	17.8 × 19.1	ср.	IV. P. 445. № 435
91	168 (дек.)–169 (дек.) гг.	6	2.97	18.4 × 17.6	х.	IV. P. 453. № 485
92	168 (дек.)–169 (дек.) гг.	6	3.1	17.7 × 17.6	ср.	IV. P. 454. № 490
93	168 (дек.)–169 (дек.) гг.	12	3.47	17 × 16.3	ср.	IV. P. 455. № 495
94	169 (дек.)–170 (дек.) гг.	5	2.99	18.7 × 18.1	ср.	IV. P. 457. № 508
95	169 (дек.)–170 (дек.) гг.	11	2.88	17.3 × 16.7	ср.	IV. P. 458. № 513
96	180 (?) г.	8	3.18	17.6 × 16.6	ср.	IV. P. 691. № 12
			Луций Вер			
97	165 (дек.)–166 (дек.) гг.	7	3.12	17.3 × 18.3	ср.	IV. P. 442. № 413
98	166 (дек.)–167 (дек.) гг.	6	2.89	17.8 × 18.5	ср.	IV. P. 447. № 447. Pl. 61, *11*
99	167 (дек.)–168 (дек.) гг.	5	3.29	17.1 × 17.1	ср.	IV. P. 451. № 473. Pl. 62, *3*
			Марк Антоний, восстановленный Марком Аврелием и Луцием Вером			
100	161–169 гг.	5	2.79	17.5 × 18.2	ср.	IV. P. 456. № 501
			Фаустина Младшая			
101	?	7	2.96	18.4 × 18.3	ср.	IV. P. 162. № 1064
102	?	1	3.15	18.3 × 17.7	ср.	IV. P. 162. № 1065
103	?	7	3.09	16.7 × 16.5	ср.	IV. P. 168. № 1103. Pl. 23, *19*
104	161–176 гг.	6	3.1	18.1 × 18	ср.	IV. P. 398. № 89
105	161–176 гг.	12	2.92	16.2 × 17.1	ср.	IV. P. 399. № 100
106	161–176 гг.	7	2.24	17.7 × 17.7	ср.	IV. P. 399. № 100
107	161–176 гг.	6	2.82	17.5 × 19.2	х.	IV. P. 400. № 107
108	161–176 гг.	6	3.29	17.4 × 17.1	ср.	IV. P. 401. № 118
109	161–176 гг.	6	3.29	16.7 × 17	ср.	IV. P. 401. № 118
110	161–176 гг.	6	3.32	18.4 × 17	х.	IV. P. 401. № 118
			Луцилла			
111	164–169 гг. или 183 (?) г.	12	3.04	17.8 × 18.4	ср.	IV. P. 427. № 306. Pl. 58, *12*
112	164–169 гг. или 183 (?) г.	6	2.9	16.4 × 18	ср.	IV. P. 429. № 326
			Коммод			
113	181 (дек.)–182 (дек.) гг.	12	3.04	17 × 17.3	ср.	IV. P. 703. № 88. Pl. 93, *3*
114	183 г.	7	2.68	18.4 × 17.1	ср.	IV. P. 706. № 104. Pl. 93, *12*
115	186 г.	12	2.62	17.1 × 17.6	ср.	IV. P. 722. № 182. Pl. 95, *15*
116	186 (дек.)–187 (дек.) гг.	12	2.4	16.7 × 17.1	ср.	IV. P. 729. № 221
117	187 (дек.)–188 (дек.) гг.	11	3.09	16.2 × 17.6	ср.	IV. P. 733. № 243
118	188 (дек.)–189 (дек.) гг.	11	3.01	17.6 × 17.7	ср.	IV. P. 737. № 261. Pl. 97, *11*
119	189 г.	12	1.87	17.6 × 18.9	ср.	IV. P. 738. № 269. Pl. 97, *16*
120	190 (?) г.	12	2.74	17.7 × 17.1	ср.	IV. P. 742. № 286. Pl. 98, *8*
121	192 г.	6	2.6	15.4 × 16.3	пл.	IV. P. 749. № 324
122	192 г.	1	2.53	16.4 × 17.5	ср.	IV. P. 750. № 332. Pl. 99, *13*
			Криспина			
123	180–183 гг. (или позднее)	7	3.22	17.4 × 16.2	ср.	IV. P. 694. №33
124	180–183 гг. (или позднее)	6	3.53	16.5 × 17.9	ср.	IV. P. 696. № 44. Pl. 92, *4*
			Юлия Домна			
125	193–196 (?) гг.	7	2.64	17 × 18.6	ср.	V. P. 28. № 57
126	198–209 или 196–211 гг.	5	3.04	16.6 × 18.8	ср.	V. P. 168. № 94

Среди монет лишь пять экземпляров относятся к I в., остальные – ко II в. (табл. 2).

Самая ранняя в кладе монета Веспасиана датируется 69–70 гг., самая поздняя Юлии Домны – 198–209, или скорее 196–211 гг. Судя по стертости, денарии последних выпусков какое-то время были в обращении, поэтому сокрытие клада не могло произойти ранее начала III в.

Находки римских монет крайне редки в лесостепном Подонье. Интересно, что в г. Елец или его окрестностях уже был найден в конце XVIII в. клад, по составу подобный публикуемому (Кропоткин, 1961. С. 45). Еще несколько денариев Траяна и Антонина Пия происходят из округи г. Воронеж (Кропоткин, 1961. С. 41). Основной ареал римских монет, как известно, совпадает с территорией черняховской культуры. В последние годы на Верхнем Дону интенсивно исследуются памятники III–V вв., материалы которых явственно свидетельствуют о расселении здесь выходцев из Днепро-Донского лесостепного междуречья (Археологические памятники..., 1998). Естественно, что бассейн Быстрой Сосны, в силу своего географического положения, не мог остаться в стороне от миграционных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4-4.

Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. V. I–IV. London, 1923–1966.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 172–178

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

LES CENTRES PROTO-URBAINS RUSSES ENTRE SCANDINAVIE, BYZANCE ET ORIENT. Paris, 2000. 411 p.

В этой книге публикуются материалы Международного коллоквиума, проведенного Коллеж де Франс в Париже в октябре 1997 г. Статьи распределены по четырем разделам. Первый, включающий статьи проблемного характера, открывает небольшая работа П.М. Долуханова (Англия) "Урбанистическая революция" на Северо-Западе России: экологический, экономический и политический факторы". Автор подчеркивает необходимость использования в археологических изысканиях природно-ландшафтных данных. Объектом его исследования является Ильменский бассейн: дается краткая информация о климате региона во второй половине I тыс. н.э. и показывается различная почвенно-ландшафтная приуроченность памятников культур длинных курганов и новгородских сопок. Население первой культуры занимало менее плодородные земли, практиковало подсечно-огневое земледелие, которое сочеталось с охотой и собирательством. Носители культуры сопок расселялись прежде всего на плодородных моренных землях, основой их хозяйствования было пашенное земледелие. Автор полагает, что эти две группы населения были различны в этническом плане – первые были финнами, вторые – славянами. В ареале сопок наблюдаются технологические улучшения и социальная эволюция. Возникают Ладога и Рюриково городище – урбанистические центры, которые способствовали развитию торговли, военного дела, формированию единой культуры и славянизации аборигенов.

К сожалению, выводы П.М. Долуханова построены на региональной карте Новгородской области. Следовало бы использовать почвенную карту Северо-Запада России, поскольку основной массив псковских длинных курганов находится за пределами Новгородчины в бассейне р. Великая и Псковского озера. О различной ландшафтной приуроченности сопок и ранних длинных курганов в последние десятилетия писали многие исследователи. Однако почвенные и хозяйственные характеристики никак не могут быть серьезным основанием для заключения о разноэтничности населения. Для определения этноса более весомым аргументом является факт эволюционного развития культуры псковских длинны курганов в древнерусскую культуру псковских кривичей.

При изучении ландшафтно-хозяйственных различий населения двух культур Северо-Запада необходимо учитывать хронологические факторы. Становление культуры длинных курганов относится к V–VI вв., которые характеризуются влажным и относительно холодным климатом, о чем пишет и П.М. Долуханов. Создатели этой культуры вынуждены были селиться на возвышениях, в местах, нередко малопригодных для пашен, и освоить посечно-огневое земледелие. Культура сопок формируется в VIII в., когда наступает потепление и прежде переувлажненные земли стали пригодными для земледелия. Курганные могильники кривичей, основанные в VIII–IX вв., имеют такую же ландшафтную приуроченность, как и сопки. Обо всем этом мне приходилось писать подробно (Седов, 1994. С. 296–304; 1995. С. 209–217, 238–246), но эти работы, по-видимому, остались П.М. Долуханову неизвестными.

Большой интерес для восточноевропейской археологии представляет статья М. Казанского (Франция) "Славяне в лесной зоне Восточной Европы в начале средневековья". Согласно представлениям этого исследователя, славянам принадлежат пражская, пеньковская (анты) и колочинская культуры. Севернее в лесной зоне Восточно-Европейской равнины в третьей четверти I тыс. н.э. проживали балто-славяне (тушемлинская и культура длинных курганов). Исключение составляли длинные курганы округи Пскова – они финские.

Основное же в статье М. Казанского – выявление и изучение двух этапов диффузии славян и германцев в лесные земли Восточной Европы. Свидетельствами первого являются находки германско-дунайских типов (предметы вооружения, пирамидальные брикеты). Импульсом миграции с Дуная, как полагает исследователь, были войны германцев с государством Аттилы и вторжение герулов в славянский ареал Северо-Восточного Прикарпатья. Вооруженные группы германцев и увлеченные ими славяне двинулись в восточноевропейские леса, проникнув в области культур тушемлинской, длинных курганов и рязанско-окских могильников. Прямыми свидетельствами оседания славян в лесной зоне являются известные поселения Дедиловичи, Михайловское и Юрьевская Горка с отдельными сосудами, сопоставимыми с керамикой пражского типа. Вместе с германцами и славянами мигрировали и балты, о чем будто бы говорит распространение в памятниках тушемлинской культуры браслетообразных височных колец.

Миграция крупных масс нового населения в лесную полосу Восточно-Европейской равнины документируется значительными материалами и представляется вполне реальной. Высоко оценивая вклад М. Казанского в изучение этого вопроса, не могу согласиться с предлагаемой им интерпретацией археологических находок. О той же миграции мне приходилось писать подробно и время ее определено было концом IV и V вв. (Седов, 1999а. С. 91–117). Исходила она не из Подунавья, а из среднеевропейского региона.

Направление миграции определяет целый ряд вещевых находок среднеевропейских провинциальноримских типов. К таковым, в частности, принадлежат В-образные рифленые пряжки, шпоры с отогнутыми наружу крючками, пластинчатые кресала, втульчатые наконечники копий с пером пламевидных очертаний, некоторые бусы и другие, которые не характерны для Дунайских земель. Мною показано, что перемещение провинциально римского населения в лесные земли Восточной Европы было вызвано климатическими изменениями, сделавшими невозможным проживание в относительно перенаселенным местностях. Переселенцами в лесные области Восточно-Европейской равнины были привнесены каменные жернова, более совершенные типы железных серпов, культура ржи. Среднеевропейское население в римское время было полиэтничным, поэтому среди переселенцев были и германцы, и славяне, и балты. На территориях, затронутых среднеевропейской миграцией, местные культуры раннего железного века прекратили свое развитие. Началось формирование новых, прямо не связанных с предшествующими. Основным направлением этнических процессов во вновь освоенных землях стала постепенная славянизация населения, завершившаяся к IX–X вв. становлением древнерусского этноса.

Второй период инфильтрации славян в лесные области Восточной Европы определяется М. Казанским VII–началом IX в. Автор характеризует множество вещей дунайского происхождения (малые пальчатые фибулы, ножи с рукоятками, завершающимися волютообразно, наконечники стрел, трапециевидные привески и др.), найденных в лесной полосе Восточной Европы. Это – интереснейшая проблема, на которой мне уже приходилось концентрировать внимание, оперируя теми же фактами (Седов, 1999а. С. 183–204). Однако разработки М. Казанского имеют самостоятельное значе-

ние. Им сделано немало новых интереснейших наблюдений, что позволило внести определенный вклад в освещении этой проблемы. Исследователь утверждает, что миграция дунайских славян придала импульс славянизации местного населения, с чем нельзя не согласиться.

Отмечу некоторые ошибочные положения М. Казанского. Так, он утверждает, что в Ильменско-Псковский регион срубные жилища были привнесены дунайскими переселенцами. Такие постройки в этом крае известны с середины I тыс. н.э. на селищах культуры псковских длинных курганов и характерны для поселений культуры сопок (Носов, 1983. С. 31, 32; Седов, 1986. С. 10–15). Так, в Ладоге срубные дома зафиксированы уже в слоях 760–780 гг., связанных с населением культуры псковских длинных курганов, а не с дунайскими славянами, как пишет М. Казанский. Вещи же дунайского происхождения в Ладоге относятся к напластованиям первой половины IX в. Ошибочно утверждение о том, что на Псковском городище срубные жилища и овоидная славянская керамика появляются только во второй половине IX в. И совсем непонятно, откуда взята информация о том, что жители Изборска стали употреблять славянскую керамику только с IX в. В работе С.В. Белецкого, на которую ссылается исследователь, речь идет о лепной славянской керамике VIII–IX вв., которая сопоставляется с синхронной глиняной посудой балтийских славян. Изборск VIII–IX вв. рассматривается исследователем как поселение с преобладанием славянского этнического компонента и о появлении славянской керамики только в IX в. речи не идет. Более того, С.В. Белецкий высказывает догадку о прекращении жизни на Изборском городище во второй половине IX в. (Белецкий, 1996. С. 24–32), что, впрочем, не подтверждается данными раскопок этого памятника.

В большой статье "С Запада на Восток. Проникновение скандинавов в Восточную Европу" Й. Каллмер (Германия–Швеция) попытался воссоздать картину широкой диффузии норманнов в восточнославянские земли. Характеризуя историю вопроса, он затрагивает проблему "норманизма" и "антинорманизма" и причисляет себя к современным норманистам. Исследователь примыкает к тем археологам, которые считают, что славянской является только пражская культура; колочинская, тушемлинская, мощинская и культура длинных курганов оставлены балтами, а в более северных областях проживали финские племена. Расселение славян в лесной зоне Восточной Европы, по мнению Й. Каллмера, отражает распространение курганной обрядности в последних веках I тыс. н.э.

Скандинавское проникновение в Восточную Европу автор разделил на несколько этапов. Первый (около 500–700-х годов) характеризуется спорадическими экспедициями для обмена с местными финскими жителями северных земель. Следующая фаза – появление первых торговых поселений скандинавов и установление их экономической и политической власти на территории от бассейна Чудского озера на западе до бассейна Волги на востоке с начавшимся продвижением по водным путям к югу. Продуктами обмена были стеклянные бусы, костяные гребни, качественные железные изделия. В последних десятилетиях VIII в. завязываются торговые сношения с Хазарией; это стало началом торговли в Востоком. В лесные области Восточной Европы и в Скандинавию начинают активно проникать дирхемы.

Третий этап начинается около 860 г. агрессией скандинавов-русов. Их группы размещаются в разных регионах Восточной Европы, в том числе на среднем Днепре и в бассейне Десны. На широких просторах Восточно-Европейской равнины распространяются скандинавские вещи (мечи, ножи, ювелирные изделия, металлические детали одежды, стеклянные бусы, костяные гребни, культовые предметы), во многих местах появляются могильники норманнов. В это время устанавливаются интенсивные контакты между славянами и скандинавами, славянский мир пронизывается элементами скандинавской культуры. К концу X в. славяне осваивают большую часть лесной зоны Восточной Европы, складывается гетерогенный этнический массив, в котором экономическая и политическая активность принадлежала скандинавам. Этот исторический процесс дал импульс будущему развитию Древней Руси.

Работа Й. Каллмера насыщена конкретными материалами. Предлагаемые этапы развития скандинавско-восточноевропейских отношений представляются достаточно оправданными. Однако с историко-археологическими построениями исследователя в полной мере согласиться невозможно. Это обусловлено прежде всего недоучетом деталей этнокультурных процессов, происходивших в Восточной Европе во второй половине I тыс. н.э.

Археологические изыскания древностей населения лесной зоны Восточной Европы показывают, что никак нельзя все восточноевропейские торговые и культурные контакты сводить к инициативам норманнов. Торговые караваны из Закавказья и более отдаленных стран Востока на первых порах никак не были связаны с норманнами. Они достигали славянских лесостепных и лесных земель междуречья Днепра и Дона. Об этом свидетельствуют, в частности, клады куфических монет, зарытые в этих землях, и находки на поселениях костей верблюдов. Никаких следов скандинавов в конце VIII–первой половине IX в. в этом регионе не зафиксировано. Да и в северной части славянского расселения в это время торговые взаимоотношения, как показывают, например, раскопки Изборска, развивались самостоятельно. До 860-х годов IX в. скандинавы жили только в Ладоге и нет никаких оснований говорить об экономической и политической власти их от Чудского озера до Волги. Единичные вещи скандинавского происхождения конца VIII–первой половины IX в. встречены еще лишь на Сарском городище, но вопрос о том, есть ли это показатель проживания здесь норманнов или они попали в эти края в результате торгового обмена, остается открытым.

В статье К. Цукермана "Два этапа формирования древнерусского государства" анализируются не только исторические данные о русах и первые страницы русских летописей, но и материалы археологии. Работа представляет несомненный интерес, но весьма дискуссионна. Она нуждается в специальном критическом разборе, что ввиду ограниченности объема настоящей рецензии сделать невозможно. Ограничусь лишь указаниями на некоторые явно спорные положения. Первым этапом древнерусской государственности, как утверждает автор и в этом с ним нельзя не согласиться, было становление накануне 30-х годов IX в. Русского каганата. Для К. Цукермана русы – это скандинавы, которые и стали основателями этого государства. Поскольку археологических следов пребывания скандинавов в Среднем Поднепровье до конца IX в. нет, то Русский каганат, который сложился в условиях экспансии скандинавов и контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком, утверждает автор, следует локализовать на Волхове, где ко времени его функционирования будто бы с ним были связаны Ладога, Рюриково городище, Холопий городок и др. Однако кроме Ладоги все указанные центры были поселениями местного населения и каких-либо следов деятельности скандинавов в них не обнаруживается. В Ладоге в это время скандинавы проживали, но до второй половины IX в., как свидетельствует археология, она были небольшим поселением усадебного типа. Относить Рюриково городище к 30-м годам IX в. можно только в том случае, если не считаться с результатами многолетних раскопок этого памятника. Скандинавских находок ранее 60-х годов этого столетия на городище не обнаружено. Короче говоря, каких-либо археологических данных в пользу существования Русского каганата в Поильменье просто нет. Если учесть, что скандинавское начало этнонима русь спорно и имеются весомые аргументы в пользу его иранского/индоарийского начала (Абаев, 1973. С. 435–437; Трубачев, 1997. С. 223–249; 1999. С. 122–124), то не остается ничего, что бы говорило о Русском каганате на Волхове. Имеются, правда, клады дирхемов, но каких-либо данных для отнесения их исключительно к деятельности скандинавов в распоряжении науки нет. Наоборот, имеются надежные исторические, ар-

хеологические и нумизматические данные для локализации этого государства в Днепровско-Донском регионе по соседству с Хазарией (Седов, 1998. С. 3–15; 1999б. С. 27–81).

Согласно К. Цукерману, пожары, будто бы случившиеся в 60-е годы IX в. в Ладоге, на Рюриковом, Любшанском и Изборском городищах, Городище на Сясе, отражают гибель Русского каганата. Не говоря о том, что датировка этих пожаров определяется не всегда аргументированно, нельзя не обратить внимание на то, что все эти поселения (кроме Ладоги) в первой половине IX в. не имели никакого отношения к скандинавам и, следовательно, отнесение их к Русскому каганату, будто бы ими основанному, не имеет под собой почвы.

Второй этап становления древнерусской государственности, которому К. Цукерман уделяет значительное внимание, начался с появлением в Ладоге около 895 г. Рюрика.

В следующем разделе рецензируемой книги помещены статьи, посвященные археологическим исследованиям протогородских поселений Восточной Европы. В работе С.Л. Кузьмина (Россия) "Ладога, первый протогородской центр Руси" определяется, что небольшое поселение здесь было основано около 750 г. выходцами из Скандинавии, о чем говорит характер построек и вещевые находки. Через десять лет оно погибло в пожаре и на его месте возводится новое, основу населения которого составили уже носители культуры длинных курганов. Впрочем, имелся и скандинавский этнический компонент. Далее Ладога развивалась в условиях конфликтов между скандинавами и местными славянами. До второй половины IX в. она была сравнительно небольшим усадебным селением, ее никак нельзя причислять к протогородским торгово-ремесленным поселениям. Только позднее в Ладоге сложились условия для становления протогорода – раннесредневекового города.

В публикации Е.Н. Носова (Россия) "Рюриково городище и Новгород" излагаются результаты раскопок Новгородского городища, которые ведутся автором с 1975 г. Надежно установлено, что возникло это торгово-ремесленное поселение в середине IX в. в центре Славии – регионе интенсивного славянского заселения. Многочисленными находками документируется присутствие скандинавов. В скандинавских источниках городище именуется Холмгард. Новгород – новое поселение (Немогардас) в 2 км от городища стал славянским центром княжеской администрации X–XI вв. и резиденцией архиепископа.

Итоги многолетних исследований курганного могильника и поселения в Ярославском Поволжье изложены в статье В.Н. Седых (Россия) "Тимерево – протогородской центр на Великом Волжском пути". Становление этого торгового пункта определяется второй половиной IX в., наибольшая активность – X в. Анализ материалов курганов говорит о присутствии среди местного финноязычного населения скандинавов. Славяне, по мнению автора, появляются здесь в середине X в. В XI в. в условиях становления Русской государственности поселение приходит в упадок.

А.Е. Леонтьев (Россия) в статье "Сарское и Ростов: два центра Северо-Восточной Руси в IX–XI вв." утверждает, что первое поселение, основанное в конце VII в. на р. Сара, принадлежало мери. Не ранее начала IX в. оно становится одним из пунктов транзитной торговли между Скандинавией и Востоком, наибольшая активность которой приходится на X столетие. Город Ростов основывается в середине X в. как плацдарм древнерусского освоения мерянской территории и в XI в. полностью заменяет Сарское поселение во всех отношениях. На основе анализа находок дирхемов[1] Т.А. Пушкина (Россия) в работе "Монетные клады Гнездова: маркеры торговых связей" выявляет торговую сущность Гнездовского поселения и детализирует его хронологию. Устанавливается, что дирхемы IX в. в большом числе циркулировали в X в. Основание Гнездова по монетным и иным находкам определяется временем около 900 г., его расцвет приходится на X столетие.

Статья Г.Ю. Ивакина (Украина) "Киев в VIII–X веках" характеризует предысторию этого города. Отдельные находки VI–VIII вв. свидетельствуют о концентрации населения в местности, где возник Киев, и находящейся на стыке торговых путей и племенных ареалов. Подъем и быстрое развитие протогородского поселения приходится на IX столетие. В X в. Киев – уже заметный раннесредневековый город с взрывным ростом торгового Подола.

Предыстории другого южнорусского города посвящена работа В.П. Коваленко (Украина) "Древний период истории Чернигова". Утверждается, что город возник в регионе концентрации селений колочинской, волынцевской и роменской культур. Его становление как торгового и политического центра определяется 830–840 годами. На рубеже IX–X в. вокруг города возникают дружинные поселения и могильники.

В статье Ф. Андрощука (Украина), озаглавленной "Чернигов и Шестовица, Бирка и Ховгарден: модели урбанизации в Скандинавии и на Востоке", демонстрируется независимое развитие Чернигова и Шестовиц. История последнего восходит к колочинско-вольнщевскому поселению. Около 900 г. Шестовица становится лагерем скандинавских воинов и купцов, который был разрушен пожаром 960 г. Параллельно Чернигов – развивающийся город с княжеско-сакральными функциями. Теория двойственности протогородских центров оказывается несостоятельной и не могла быть привнесена из Скандинавии.

А.П. Моця (Украина) на основе изучения дружинных некрополей и отдельных погребений на территории полян, древлян, волынян, северян и хорватов показал "Роль дружинной элиты в формировании городских центров Киевской Руси". В докладе В.И. Кулакова (Россия) "Прусская земля между Скандинавией и Востоком" в основном по данным погребальных памятников рассмотрены различные аспекты развития торговли и культурной экспансии скандинавов в области Южной Балтики. Устанавливается присутствие скандинавских вождей в дружинах Самбии и становление двух протогородских центров, в которых процветала торговля янтарем, – Трусо (около 700–880 гг.) и Каупа (около 900–1016 гг.), ставших для скандинавов воротами в Восточную Европу.

В следующем разделе рецензируемой книги, озаглавленном "Варяги в Греции" помещено три статьи. В двух из них – Дж. Говард-Джонстона (Англия) и И. Сорлин (Франция) – анализируются те места сочинения Константина Багрянородного "Об управлении империей", в которых речь идет о росах/русах. В.Я. Петрухин (Россия) в статье "Города на "пути из варяг в греки" утверждает, что ранние города, со скандинавской лексемой gardr – город (Holmgardr – Новгород, Kaenugardr – Киев, Miklarardr – Константинополь) связаны с ранней варяжской деятельностью на торговом пути из Скандинавии в Византию. Местное население Новгорода и Киева снабжало росов-русов (варягов, по мнению автора) моноксилами и товарами в их торговых экспедициях в Константинополь. Русь/Русская земля – Gardar в раннескандинавской традиции – страны дружины русов, которые собирала день со славянских племен.

Последний раздел книги "Восточная торговля" содержит четыре статьи. Э. де ла Вассиер (Франция) в работе "Купцы Центральной Азии в Хазарском каганате" на основе данных восточных авторов и некоторых археологических материалов утверждает, что в VII–VIII вв. в степные области Восточной Европы прибыли центральноазиатские купцы, которые и наладили транзитную торговлю мехами и янтарем между Востоком и Западом. Американский нумизмат Т. Нунан в статье "Воздействие исламской торговли на урбанизацию русских земель: X–начало XI в." в результате анализа монетных кладов приходит к выводу о непосредственной зависимости развития первых городов лесной полосы Восточной Европы (Ладога, Рюриково городище, Псков, Гнездово, Биляр) от восточной торговли. В статье И.Г. Коноваловой (Россия) "Русы на торговых путях Восточной Европы по ара-

[1] В Гнездово из семи кладов происходит свыше 1100 дирхемов, еще 282 монеты встречены при раскопках поселения и курганов.

бо-персидским источникам" утверждается, что в сообщениях ибн-Хордадбеха и Ибн-ал-Факиха, восходящих к IX в., нет различения между славянами и русами. К этому времени относится и рассказ об острове русов. Анализ позднейших текстов показывает возрастание роли русов в Халифате и тогда значение этого этнонима приобретает интернациональный смысл. Последняя статья "Города и торговля: Хазария и Волжская Болгария по арабским и персидским текстам IX–X вв." принадлежит М. Эпероннье (Франция). В ней освещается роль транзитной торговли в седентаризации и урбанизации названных государств.

Подводя итоги, следует отметить, что несмотря на замечания, сделанные при разборе некоторых статей, издание заслуживает высокой оценки. Оно отражает состояние дискуссионной проблемы славяно-скандинавского взаимоотношения на территории Восточной Европы в раннем средневековье, в некоторой степени пополняет источниковую базу и определяет первостепенные направления дальнейших изысканий. В решении этой сложной проблемы все большее и большее значение приобретают активно пополняющиеся данные археологии. Те исторические исследования, в которых этот источник не учитывается в полной мере или игнорируется, уже не отвечают требованиям современной науки. Так, данные археологии свидетельствуют о недопустимости прямых переносов информации исторических источников, относящейся к X или XI вв., на предшествующий период восточноевропейской истории, что иногда допускают некоторые историки. Такой подход к историческим данным ведет к явно ошибочным выводам. Можно надеяться, что рецензируемая книга станет импульсом дальнейших исследований по вопросам торговли между Северной Европой и Востоком, проблемам восточноевропейского градообразования и становления древнерусской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973.

Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Носов Е.Н. Новые данные о домостроительстве населения I тысячелетия н.э. в Приильменье // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983.

Седов В.В. Жилища словенско-кривичского региона VIII–X вв. // КСИА. 1986. Вып. 183.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологические исследование. М., 1999а.

Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999б.

Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.

Институт археологии РАН, Москва

В. В. Седов

T. Scholl and V. Zin'ko. ARCHAEOLOGICAL MAP OF NIMPHAION (CRIMEA) Warsaw, 1999.

Данная работа является одним из результатов совместного польско-русско-украинского научного проекта "Нимфей – история и структура греческого полиса". В рамках этого проекта проводилось сплошное обследование более 70 км^2 в окресностях Нимфея. Данная территория была разбита на сеть километровых квадратов. Все находки атрибутировались и датировались, данные заносились в компьютер, затем обрабатывались. В проекте принимали участие геофизики, геологи, географы и т.д.

Первая часть книги представляет полный каталог всех артефактов, найденных при сплошном обследовании квадратов. Описание дано поквадратно. К этой главе прилагается карта с отмеченными местами находок артефактов.

Следующая глава посвящена описанию найденных объектов. Она состоит из пяти разделов, посвященных поселениям, некрополям, наделам, валам, дорогам, каменоломням, водопроводу и подводным объектам.

Поселения рассмотрены в первом разделе второй главы. В этой части описано 42 поселения, из которых 27 открыто и обследовано в результате работ по проекту, а 15 (в том числе городище Нимфей) были известны ранее. К описанию всех поселений прилагается карта, если на поселении проводились раскопки – планы раскопов, а также рисунки датирующего материала, позволяющие обоснованно говорить о дате того или иного поселения. Рисунки снабжены подписями, позволяющими соотнести их с каталогом. В ряде случаев уточняется дата ранее открытых поселений. В конце каждого описания приводится список литературы по тому или иному поселению. К особо интересным моментам в данной части раздела, безусловно, следует отнести карты геофизических исследований, проведенных польскими исследователями на ряде памятников. В результате перед нами предстает самая полная на настоящий момент карта поселений хоры античного города на Боспоре. К данному разделу прилагаются также карты, посвященные античным и салтово-маяцким поселениям. К сожалению, для античного времени дана только одна карта (VI в. до н.э.–IV в. н.э.), что не позволяет наглядно представить развитие хоры Нимфея во времени.

Второй раздел посвящен погребальным памятникам хоры Нимфея. В нем описаны 16 объектов – курганов и некрополей. Начинается раздел с описания грунтового и курганного некрополя Нимфея. Важным моментом является уточнение границ некрополя. Следующий параграф посвящен открытому и частично исследованному в процессе работ над проектом курганному некрополю Челядиново-Восточное. Результаты работ уже были опубликованы на русском языке (Зинько В.Н., 1998). К параграфу приложен план некрополя, чертежи наиболее интересных исследованных погребений. Был исследован курган № 16, в котором обнаружены каменный ящик, каменный склеп, два детских погребения в амфорах и шесть грунтовых погребений. Погребение М-2 представляет собой небольшой каменный ящик (грунтовая могила с обкладкой стен плоскими известняковыми камнями), а погребение М-6 – сырцовую гробницу (грунтовая могила с обкладкой стен сырцовыми кирпичами). Авторами дана реконструкция строительства данного кургана. Интерпретация его как семейного кладбища весьма правдоподобна. Интересно и то, что авторы связывают данный некрополь с находящимся рядом поселением (Героевка-1). Это один из редчайших в нашей историографии случаев привязки раннего сельского, частично раскопанного некрополя к поселению хоры Боспорского города. До этого ранних (V–III вв. до н.э.) сельских некрополей и на Европейском Боспоре (Зинько В.М., 1986. С. 24–31; Корпусова, 1972. С. 41–55 и др.) и на Азиатском (Блаватский, 1957. С. 118, 121–123; 1959. С. 42–44 и др.) было известно крайне ограниченное количество, поэтому введение в оборот каждого такого могильника является крайне важным.

Далее приводятся данные о некрополе средневекового (?) времени у одновременного поселения Чурубаш-2, данные о двух курганах близ поселения Чурубаш – трех античного

времени и материалы о курганном некрополе поселения Чурубашское-Южное. Все имеющиеся по данному некрополю данные сведены в таблицу.

Следующий параграф посвящен другому грунтовому некрополю, известному ранее, и во время работ над проектом подвергшемуся раскопкам – Южно-Чурубашскому. Авторы приводят как данные известные ранее, так и материалы новых раскопок. Развернуто представлены также материалы исследования курганов у поселения Героевка-2, где было раскопано четыре погребения, три из которых относились к IV в. до н.э., в том числе основное погребение 2, совершенное по обряду кремации.

После краткого описания еще двух небольших курганных некрополей близ поселений Героевка-3 и Огоньки-6, исследованных впервые, авторы дают более развернутое описание курганов Ортельского некрополя открытого и частично исследованного ранее. Дается план-схема курганной группы и таблица с данными о курганах. Подобная схема подачи материала выдерживается и при описании Скалистинской курганной группы, состоящей из 11 насыпей. Эта группа примечательна находкой каменного изваяния скифского времени. Далее, после описания небольшой Тобечикской группы, также исследованной впервые, авторы переходят к развернутому описанию исследованных ранее Трехбратних курганов. Приводятся планы исследованных ранее погребений, описание найденной там стеллы и т.д. В связи с описанием этой группы следует отметить, что утвердившееся в литературе мнение о данных погребениях как о скифских более чем спорно. Вероятнее их соотнесение с греческим населением хоры Нимфея, а стеллу с изображением женского Божества следует связывать с культом хтонической Деметры (Зинько Е.А., 1999. С. 190, 191).

Заканчивается данная глава описанием еще трех вновь открытых курганных групп у триангуляционных знаков 93.6, 97.9 и 47.9. У первой из них найдено еще одно каменное изваяние.

Данная глава интересна не только тем, что в ней представлен новый, неизвестный ранее материал, но и связкой могильник-поселение, отмечаемой авторами. Благодаря этой главе, мы можем по-новому, комплексно взглянуть на памятники сельской территории греческого полиса на Боспоре. Картины, равной представленной авторами, мы для других боспорских полисов пока не имеем (быть может, за исключением хоры Гермонассы, однако ни одной сводной работы о ней у нас нет). Представляется, что даже в таком виде данные разделы выходят за рамки поставленной задачи – напомним, что работа называется "Археологическая карта...", а не, например, "История хоры Нимфея".

Следующая глава посвящена остаткам земельных наделов на хоре Нимфея. Часть из них была известна ранее (№ 1, 3), часть выявлена в результате работ над проектом (№ 2, 4, 5). Так же как и в предыдущей главе, приводятся их карты, датировка и вероятная связь с поселениями.

Несомненный интерес представляет следующая глава, посвященная валу, дорогам, каменоломням и водопроводу.

В параграфе о вале даются не только его планы, но и материалы проведенной геофизической разведки, что представляет несомненный интерес для последующих исследований.

Чрезвычайно интересны параграфы, посвященные исследованиям древних дорог (выявлено пять в различных районах хоры Нимфея). Они также снабжены картами, диаграммами и т.д.

Наиболее интересным параграфом в данной главе является, несомненно, раздел о водопроводе IV в. до н.э. Данный памятник, как и многие другие, открыт впервые и частично подвергся исследованиям (Зинько В.Н., 1999).

Третья глава посвящена наиболее интересным находкам. Ее первый раздел посвящен находкам кремневых орудий. Весьма вероятна датировка многих из них эпохой бронзы (срубная культура). Второй раздел посвящен керамическим клеймам на амфорах, причем приводится их каталог. Наиболее интересный раздел посвящен находкам каменной скульптуры. Остановимся на нем несколько подробнее. В нем описываются находки двух каменных изваяний, атрибутируемых авторами как скифские. Изваяние № 1 довольно плохой сохранности, однако на нем присутствуют важные для его атрибутации элементы – лук в горите, секира. К сожалению, не дано прорисовки второго, явно более хорошо сохранившегося экземпляра. Вероятно, оба они относятся к весьма раннему времени и свидетельствуют о присутствии кочевого населения в этом районе в период освоения греками данных территорий. Наличие их в районе Нимфея весьма вероятно указывает на наличие в этом районе и одной из переправ через Боспор Киммерийский.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, основной недостаток данной работы – это то, что данный труд, крайне интересный для исследователей Боспора, вышел на английском языке, что несколько затрудняет его восприятие. Представляется, что выделение этого недостатка в качестве основного показывает и отношение автора рецензии к данной работе.

По нашему мнению, это первый опыт исследования, в котором казалось бы, небольшая тема – составление археологической карты окрестностей одного из боспорских городов раскрыта на принципиально ином в методическом отношении уровне. Таким образом, работа вышла за рамки темы и предсталяет собой чрезвычайно интересное исследование о системе расселения и инфраструктуры хоры Нимфея. Она насыщена новым материалом и в перспективе, возможно, позволит пересмотреть некоторые положения истории Нимфея античного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Блаватский В.Д. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. 1959. Вып. 74.

Зинько В.М. Сільські могильники Східного та Північно-Західного Криму VI–III ст. до н. е. // Археологія. 1986. Вип. 56.

Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

Зинько В.Н. Гидротехнические сооружения в окрестностях Боспорского города Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 1999.

Зинько Е.А. Сакральная скульптура с сельской округи Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 1999.

Корпусова В.Н. О населении хоры античной Феодосии // Археологія. 1972. Вип. 6.

Институт археологии РАН, Москва

Н. И. Сударев

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО УДМУРТИИ. АЛЬБОМ. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

М. Г. Иванова, К. И. Куликов

Ижевск, 2000. 216 с. Тираж 2000 экз.

Книга знакомит с великолепными предметами, полученными в процессе многолетних исследований поселений и могильников: она включает 12 страниц текста и 498 страниц иллюстраций, на которых изображены 584 предмета. Иллюстрации делятся на четыре раздела: первый "Ювелирное искусство" включает 224 таблицы. В их число входят реконструкции костюмов, выполненных по материалам раскопок могильников (№ 214–223). Второй раздел "Кузнечное ремесло" включает изображения 220 предметов. В отделе третьем "Костерезное искусство" представлены изображения 129 предметов, и в разделе "Керамика" даны изображения 10 сосудов. Под каждым изображением имеется подпись, включающая название предмета, материал, место находки и время, к которому он относится. В конце альбома помещен каталог (С. 188–215), где, помимо названия вещи, указаны материал, размеры, место находки и работа, в которой предмет был опубликован. В конце книги – список наиболее важных работ по истории рассматриваемого региона (С. 216).

Конечно, главное в книге – таблицы и каталог, а текст играет второстепенную роль. Основная его задача – познакомить широкого читателя – не историка – с эпохой, которую характеризуют вещи на таблицах. В разделе "Ювелирное искусство" представлены украшения и детали костюма, а также металлическая посуда и каменные формы для отливки украшений (С. 21. Рис. 16–20). Находки относятся к периоду от II до XIV вв. и происходят из памятников, находящихся на территории Удмуртии. Большинство предметов изготовлено из бронзы, в меньшем числе – из серебра и единичные золотые серьги из Варнинского, Омутницкого могильников и городища Иднакар, относящихся к IX–X вв. (С. 22. Рис. 21–29). Все эти находки, известные во многих экземплярах, свидетельствуют о том, что культура местного населения была необычайно яркой и богатой. Несомненно, эти детали костюма периодически чистились и выглядели очень нарядно. Невольно приходит на память более раннее (относящиеся примерно к середине I тыс. до н.э.) свидетельство Геродота. В книге III своей "Истории", в разделе 116 он писал: "В северных областях Европы, оказывается, много золота. Как оно добывается, этого я точно сказать не могу". На памятниках лесной полосы исследования ведутся более ста лет, и пока не найдено ни одного золотого предмета. Вероятно, легенду о богатстве обитателей севера породило богатство и яркость костюма, бронзовые украшения которого сверкали на солнце. Первые золотые украшения появились гораздо позднее, в I тыс. н.э., а уральское золото научились извлекать из породы еще позднее.

Помимо украшений – серег, подвесок, браслетов, пряжек и т.д. – надо отметить богато украшенные пояса, относящиеся ко времени от VII до X вв., найденные в могильниках Поломском, Варнинском, Солдырском, Качкаширском (С. 88–97). Эти находки свидетельствуют не только о высоком уровне развития ремесленного производства, но и о том, что в обществе появляются воины-профессионалы. В средние века богато украшенный пояс был символом высокого положения воина в коллективе.

Второй раздел книги, посвященный кузнечному ремеслу, включает 219 предметов (С. 109–135). Материал свидетельствует о высоком уровне развития навыков обработки черного металла. Среди них прежде всего надо отметить инструменты кузнеца (С. 109). Большой интерес представляют находки предметов вооружения и снаряжения воина-профессионала: сабли и мечи, куски кольчуги, боевые топоры, наконечники копий и стрел, удила и стремена (С. 118–122. Иллюстрации 332–345). Эти находки, наряду с упомянутыми выше поясами, неопровержимо свидетельствуют о появлении в коллективах профессиональных воинов. Следует отметить, что клинки на таблицах 332 (С. 118) и 338–342 (С. 120) названы мечами (5 экз.). Два из них, несомненно, являются саблями, так как полоса имеет слабый изгиб, заточена с одной стороны, и рукоятка поставлена под углом.

Стремена и удила, несомненно, предметы, связанные с воинами-профессионалами. Однако надо отметить, что эти находки нельзя рассматривать как свидетельство существования конного войска. Письменные источники неоднократно сообщали о том, что люди, являвшиеся прекрасными наездниками, сражались спешившись.

Огромный интерес представляют земледельческие орудия – сошники, большая серия которых найдена при исследовании городища Иднакар (С. 123). Нельзя не отметить железные рыболовные крючки (С. 113, 122), свидетельствующие о том, что был развит промысел крупной рыбы. В большом количестве как на могильниках, так и на поселениях найдены топоры (С. 124–127, 130–134), которые, наряду с ножами, были предметами повседневного быта, универсальными инструментами, а при необходимости – оружием.

Хотелось бы подчеркнуть, что большое количество массивных топоров и других предметов из черного и цветного металла, несомненно, свидетельствует о том, что мастера добывали цветной и черный металл в количестве не только покрывавшем текущие потребности, но и позволявшем класть массивные дорогие предметы в могилы.

Раздел третий, посвященный костерезному искусству, включает 41 страницу, на которых размещено 129 изображений предметов. Навыки обработки кости имеют у жителей лесной полосы давние традиции. Памятники I тыс. до н.э. многие археологи конца XIX – начала XX вв. называли "костеносными". Предметы, изготовленные из кости и рога, действительно многочисленны, разного назначения и сделаны с большим искусством. В I тыс. до н.э. центральное место среди них занимали наконечники стрел и гарпунов – главное орудие войны и охоты. Среди них многие имели безупречную форму. По-видимому, для своего времени они отвечали всем требованиям. Со времени около рубежа н.э. их стали вытеснять железные наконечники. Однако костяные наконечники применялись на протяжении всего I тыс. и в первые века II, но в гораздо меньшем количестве. В рассматриваемом альбоме костяные наконечники с городища Иднакар IX–XIII вв. представлены на одной иллюстрации (С. 170). Надо отметить, что городище Иднакар, которое исследуется много лет, было крупным и богатым поселением, являвшемся важнейшим центром железоделательного и кузнечного ремесла в Прикамье. Однако его жители наряду с железными наконечниками использовали и костяные. Это свидетельствует о том, что они по своим качествам мало уступали железным.

Прочие костяные предметы также изготовлены с мастерством. В большом количестве представлены туалетные принадлежности: гребни и копоушки, а также ручки ножей,

пряслица, пряжки, ложки, предметы, которые авторы определили как псалии (С. 144, 145, 162), амулеты и прочие находки. Нельзя не отметить, что орнаментация многих изделий, в частности гребней, представляет значительный интерес при изучении верований жителей бассейна реки Чепцы в средневековье.

Четвертый, заключительный, раздел посвящен рассмотрению керамики – посуде. По объему он меньше других, занимает всего шесть страниц, на которых размещено 10 иллюстраций. Однако в нем представлены все основные типы глиняной посуды – предметов ежедневного пользования.

Как было отмечено, помимо иллюстраций и каталога в книге имеется текст (С. 3–15), знакомящий читателя с материалом, помещенным в альбоме. Этот текст рассчитан не на специалистов, а на широкого читателя, который мало знаком с археологией и средневековой историей. И это правильно. Текст призван пробудить у читателей интерес к истории и древностям, научить их бережно относиться к своему прошлому. Текст назван "Чарующая древность", и в качестве эпиграфа помещено четверостишье А.С. Пушкина:

"Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам".

Введение содержит семь разделов. В разделе "Священная земля" авторы подчеркнули, что древние духовные истоки необходимы для любого человека, чтобы выработать свою жизненную позицию, определить свое место в обществе и мире. Это определяет внимание и интерес людей к прошлому, которые усиливаются в период социальных сдвигов и катастроф. Далее охарактеризован регион, где сформировался и живет удмуртский народ, его природные условия, животный мир.

Раздел "Мифы – основа жизни" (С. 4) кратко знакомит читателей с удмуртской мифологией и ее отражением в произведениях прикладного искусства, где присутствуют образы коня и быка. В частности, отмечено: "В 1993 году на городище Иднакаре была найдена небольшая подвеска с изображениями коней с гордо поднятыми головами. Фигуры выполнены настолько мастерски, что находку эту можно назвать настоящим произведением искусства, достойным украсить любую площадь города в монументальном исполнении" (С. 138. Рис. 446). Раздел "Железо куют только боги" посвящен изготовлению железных орудий (С. 7). Авторы пишут, что удмурты, как и все финно-угорские народы, считали кузнеца богоподобным таинственным существом, владеющим особыми секретами. Конечно, это верно. Но почему только финно-угорские народы? Во всем мире металлург пользовался особым уважением, обрабатывал ли он черный металл или цветной. Да и как могло быть иначе, если он умел превратить руду в оружие, орудия труда, украшения. Как отмечают авторы, удмуртские кузнецы эпохи средневековья владели приемами обработки черного металла на уровне своего времени.

Раздел "Небесные мелодии в металле" (С. 9) посвящен ювелирным украшениям. К нему примыкает раздел "Костюм – гармония мира" (С. 10), в котором рассмотрены мужские и женские костюмы, реконструированные на основании материалов некрополей (С. 102–106). Раздел "Костяная пластика – символ и миф" (С. 11) посвящен костяным изделиям, технике их изготовления и символике, нанесенной на них. В последнем разделе "Терракота – в огне закаленная земля" (С. 14) рассмотрена глиняная посуда, обломки которой при исследовании большинства археологических памятников по количеству превосходят все другие находки, вместе взятые. Надо отметить, что авторы рассмотрели даже технологию изготовления посуды.

Изданий альбом знакомит читателей с древним искусством Удмуртии, и его значение переоценить невозможно. Вместе с тем не могу не отметить, что на таблицах отсутствует масштаб. Возможно, для издания, рассчитанного на широкого читателя, это не обязательно. Но ведь альбом станет настольной книгой для всех, изучающих средневековую культуру и искусство финно-угорских народов, и отсутствие масштабов затруднит работу. Конечно, размеры предметов указаны в каталоге, однако это в полной мере не заменит масшаб. Например, как определить размеры топоров из Кузьминского могильника (С. 131. Рис. 403–411, 412–414). Вероятно, они в разном масштабе. На с. 88–89 помещено изображение роскошного пояса из Поломского могильника (Рис. 206). Детали даны в увеличенном виде, однако непонятно – натуральная ли это величина.

В двух случаях, на табл. 135 (С. 61) и 346 (С. 122), для масштаба помещены монеты. Но ведь монеты меняются довольно часто, а альбомом исследователи будут пользоваться долго. Переоценить эту книгу невозможно. Она встает рядом с альбомом В.А. Аборина и Г.Н. Чагина "Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль" (1988). По моему мнению, они равноценны. Специалисты и любители древностей, несомненно, высоко оценят этот труд, посвященный древнему искусству Удмуртии.

Институт археологии РАН, Москва

К.А. Смирнов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 179–182

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ КИРИЛЛА АЛЕКСЕЕВИЧА СМИРНОВА (1931–2001)

16 ноября 2001 г., после тяжелой болезни, скончался известный российский археолог, ученый секретарь Института археологии РАН, доктор исторических наук Кирилл Алексеевич Смирнов.

К.А. Смирнов родился 2 июня 1931 г. в г. Москва в семье выдающегося историка и археолога А.П. Смирнова. Это, несомненно, оказало влияние на формирование его интересов. Корни семьи Смирновых уходят глубоко в почву Москвы: Кирилл Алексеевич рассказывал, что его предки служили здесь приходскими священниками. После окончания средней школы он поступил в Московский государственный педагогический институт, а затем перевелся на исторический факультет МГУ, который закончил в 1955 г. по кафедре археологии. В том же году К.А. Смирнов был принят в Институт археологии АН СССР, где проработал всю свою жизнь – от лаборанта до старшего научного сотрудника и ученого секретаря института.

К.А. Смирнов посвятил свою жизнь изучению проблем финно-угорской археологии. При его участии и под его руководством были исследованы такие известные памятники дьяковской культуры, как городища Михайловское, Троицкое, Щербинки, Кузнечики в Московской области, Дьяков Лоб и Графская гора в Тверской области, и многие другие. К.А. Смирнов разработал многие направления исследований дьяковской культуры, в том числе проблемы ее происхождения, хронологии и периодизации; назначение грузиков "дьякова типа"; типологию городищ и многое другое. В 1969 году он защитил кандидатскую диссертацию "Дьяковская культура (городища междуречья Оки и Волги)", а в 1992 году – докторскую диссертацию "Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)". Следует особо отметить его обобщающую работу о дьяковской культуре в коллективной монографии сотрудников Московской экспедиции (Дьяковская культура, М., 1974).

Можно с уверенностью утверждать, что современное состояние изученности дьяковской культуры было достигнуто именно благодаря научным исследованиям К.А. Смирнова. Их результаты были обобщены в опубликованных им научных работах, которых насчитывается более 100.

Как признанный авторитет в области финно-угорской археологии, К.А. Смирнов участвовал с докладами в работе практически всех международных конгрессов финно-угроведов, неоднократно выступал официальным оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций по этой проблематике, руководил работой аспирантов, был членом оргкомитетов ряда международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных конгрессов и конференций, в т.ч. конгрессов финно-угроведов. Общавшиеся с ним неизменно убеждались в его обширной научной эрудиции.

К сожалению, творческая деятельность ученого прервалась так внезапно, что он не успел завершить работу над новым научным проектом – книгой о дьяковской культуре для новой серии "Археологическая карта России", над которой он трудился до последних дней своей жизни.

Кирилл Алексеевич был поистине "экспедиционным человеком". Полевая жизнь была его стихией, полевая форма была для него более органичной, нежели обычный костюм. Он работал в экспедициях много и долго – с 1951 по 1998 гг. География полевой деятельности К.А. Смирнова обширна: ранние экспедиции в Среднем Поволжье, раскопки многочисленных городищ в междуречье Оки и Волги, одна из первых новостроечных экспедиций на Вазузской гидросистеме, раскопки в Венгрии в рамках Советско-Венгерской экспедиции. Результаты раскопок К.А. Смирнов почти всегда сам тщательно обрабатывал, обобщал и публиковал. Особенно важными стали для него работы в Подмосковье, которыми он руководил в 50–60-х гг. как сотрудник, а затем заместитель начальника Московской археологической экспедиции (рук. А.Ф. Дубынин). Он был душой экспедиционного коллектива, обладал удивительной способностью снять напряжение, усталость, вовремя разрядить обстановку рассказанной историей (он знал их множество и никогда не повторялся) или легкой, светлой шуткой. Став в 1973 г. начальником Вазузской экспедиции, он взвалил на плечи огромный объем организационной и полевой работы по завершению проекта обследований бассейна р. Вазуза, начатого в 1960-х гг., а также по передаче накопленных экспедицией многолетних материалов в музеи в связи с закрытием экспедиции.

В последние годы, уже будучи тяжело больным, Кирилл Алексеевич принимал участие в работе Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН в качестве научного консультанта. Его огромный научный и жизненный опыт, а также исключительное личное обаяние сыграли важную роль в становлении многих молодых ученых и возрождении интереса к изучению дьяковской культуры.

Вся жизнь К.А. Смирнова была связана с Институтом археологии РАН, его деятельность здесь была обширна и многогранна. Став в 1978 г. ученым секретарем института, он оставался им до последнего дня своей жизни. На этом ответственном посту Кирилл Алексеевич полностью проявлял столь свойственные ему необыкновенную доброжелательность и отзывчивость. Мало сказать, что Кирилл Алексеевич был ученым секретарем, – в значительной степени он был лицом института, сильно влияя на всю атмосферу жизни

коллектива. Приезжающие в институт коллеги из российских регионов и из-за рубежа прежде всего шли в кабинет этого обаятельного, веселого, и вместе с тем делового человека, всегда готового помочь организовать научную работу, дать точный, взвешенный совет. Его кабинет притягивал к себе многих: войдя в него, можно было быть уверенным, что встретишь оторвавшиеся от бумаг внимательные улыбающиеся глаза. "Ну что там у вас, показывайте!" – бывало говорил он, и уже одной рукой заносил ручку, а другой нашаривал в ящике стола печать для какой-нибудь официальной бумаги, отношения в архив или заявки на ксерокопирование. В тех случаях, когда дело требовало доработки, он, несколько смущаясь, подсказывал, как и что надо сделать.

Кирилл Алексеевич был очень заботливым и внимательным научным руководителем. Он умел увлечь аспирантов и соискателей научной проблемой, организовать научный процесс, помочь советом, исправить ошибки. Порой, если обстоятельства того заслуживали, он немного опускал планку требований, но мог и поднять ее на нужную высоту, намекнуть на то, что слишком много материала осталось вне публикаций, предложить шире взглянуть на проблему. Многие археологи, работавшие с ним в экспедициях, учившиеся у него археологи, по праву считают себя его учениками. Нам всегда будет недоставать этого светлого человека, его огромного личного обаяния и несомненного организаторского таланта. Память о Кирилле Алексеевиче надолго сохранится в сердцах всех, кто имел счастье знать его и общаться с ним.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев, А.В. Кашкин, Н.А. Кренке, А.А. Юшко, А.В. Энговатова

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ К.А. СМИРНОВА

1. Русский элемент в культуре Мордвы. Ульяновск, 1957. 21 с.
2. Святилище в урочище Ага-Базар. (По материалам Куйбышевской археологической экспедиции) // МИА. 1958. № 61. С. 451–458.
3. Великие Болгары. (Путеводитель по городищу). М., 1960. 36 с.
4. Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар // МИА. 1960. № 80. С. 155–158.
5. Городище у дер. Митино (Тульская обл.) // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 49–51.
6. Фигурка птицы с Андреевского городища // Археологические работы краеведческого музея в 1960 году. Ульяновск, 1961. С. 41–46.
7. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа // СА. 1961. № 3. С. 45–55.
8. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар // МИА. 1962. № 111. С. 90–92.
9. О работе группы финно-угорской археологии за 1960–1961 гг. // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 111–113.
10. О работе группы финно-угорской археологии за 1962–1963 гг. // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 153–157.
11. Новые городища дькова типа в бассейне реки Москвы // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 90–97.
12. Работы в Москве и Подмосковье // АО–1966. 1967. С. 38–40 (в соавт. с Беленькой Д.А., Дубыниным А.Ф., Юшко А.А.).
13. Работы Московской экспедиции // АО–1967. 1968. С. 21–23 (в соавт. с Юшко А.А., Беленькой Д.А.).
14. Ритуальный сосудик с городища Кузнечики // МИА. 1969. № 169. С. 207–209.
15. Московская экспедиция // АО–1968. 1969. С. 36–39 (в соавт. с Беленькой Д.А., Дубыниным А.Ф., Юшко А.А.).
16. Дьяковская культура (городища междуречья Оки и Волги) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
17. В.И. Ленин и охрана исторических памятников // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 221–230.
18. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище // МИА. 1970. № 156. С. 179–191.
19. Железные изделия Троицкого городища // МИА. 1970. № 156. С. 170–178.
20. Раскопки городища "Графская гора" // АО–1969. 1970. С. 58, 59.
21. Результаты работ московской экспедиции // АО–1970. 1971. С. 45, 46.
22. К вопросу о систематизации грузиков дьякова типа с Троицкого городища // МИА. 1971. № 184. С. 80–98.
23. Роговой псалий с городища "Графская гора" // СА. 1972. № 2. С. 182–184.
24. Городище у дер. Лесничино // АО–1971. 1972. С. 60, 61.
25. Городище Дьяков Лоб // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 103–107.
26. Работы Кимрского краеведческого музея // АО–1972. 1973. С. 75 (в соавт. с Маловым Д.Б.).
27. Городище у дер. Савики // АО–1972. 1973. С. 91, 92.
28. Дьяковская культура. (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.
29. Работы Вазузской экспедиции // Тез. докл. об археологических исследованиях в Московской области в 1973–1974 гг. М., 1974. С. 12, 13.
30. Работы Вазузской экспедиции // АО–1973. 1974. С. 79, 80.
31. О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ (Волго-Окское междуречье) // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 106–108.
32. Раскопки городища у дер. Хлепень // АО–1974. 1975. С. 59, 60 (в соавт. с Кашкиным А.В.).
33. Курганная группа у дер. Кривая Улица // АО–1974. 1975. С. 66 (в соавт. с Кузой А.В.).
34. Раскопки Мутенковского городища // АО–1975. 1976. С. 90.
35. Городище "Графская гора" // КСИА. 1977. № 148. С. 77–81.
36. Новые данные о почитании топора древними славянами // СА. 1977. № 3. С. 289, 290.
37. Замки и ключи с городища Хлемень // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 89–91 (в соавт. с Розенфельдтом Р.Л.).
38. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 136–140.
39. Исследования Мутенковского городища // АО–1978. 1979. С. 91, 92.
40. Археологическая служба Института археологии на новостройках // Тез. докл. всесоюзной конф. "Советская археология в X пятилетке". Л., 1979. С. 79. (в соавт. с Красновым Ю.А., Пшеницыной М.Н.).
41. О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Turun, 1980. S. 341.
42. Новейшие исследования советских археологов // Советская историческая наука в 1975–1979 гг. М., 1980. С. 235–247.
43. Раскопки Мутенковского городища // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 72–75.
44. An all-union archaelogical conference // Social sciences. 1980. № 1.

45. О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Turun, 1981.
46. Материальное производство и развитие типов поселений // Тез. конф. "Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии, истории и археологии". Ашхабад, 1981.
47. Предисловие редактора к кн.: Розенфельдт И.Г. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
48. Некоторые итоги изучения поселений эпохи раннего железа в верховьях Днепра и в Днепро-Волжском междуречье // Przemiany ludnosciowe i kulturowe I tyciaclecia p.n.e. na ziemiach miendzy Odra i Dnieprem. Ossolineum, 1982. S. 141–157.
49. V Международный конгресс финно-угроведов // СА. 1983. № 1. С. 308–311 (в соавт. с Седовым В.В.).
50. Сетчатая керамика в Восточной Европе // Congressus quartus Internationalis Fenno-Ugristarum (Budapest, 1975). Pars V. Budapest, 1983.
51. Советская археология в XI пятилетке // Общественные науки. 1983. № 5. С. 220–222.
52. Костяные наконечники с Мутенковского городища // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 224–227.
53. Ties between the Population of the Volga-Oka Area and the Inhabitants of the Steppe and Forest-Steppe in the 1st millennium b.c. // Suomen. Muinaismuistoyl distys Finska Fornminntsforeningen. Helsinki, 1984. S. 126–131.
54. Советско-финляндский симпозиум "Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы" (Хельсинки, 1983) // СА. 1985. № 1. С. 297–300 (в соавт. с Седовым В.В.).
55. Below is an annotated list of Soviet works on archaeology published between 1980–1984 // Social Sciences. 1985. № 1.
56. Dwellings in the Volga-Oka river-country in the 1st millennium b.c. // Тез. докл. VI междунар. конгресса финно-угроведов. Т. IV. Сыктывкар, 1985. С. 167.
57. Recherches archeologiques // La science historique en USSR a l'etape contemporaine. 1985.
58. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 88–90.
59. Ethnic Processes in the Volga-Oka Area in the I Century b.c. // Turun historiallinen arkisto. 1986. 41. VIII Suamalaisneuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian Symposiumi. Turussa, 2.–6.9. 1984. S. 13–25.
60. The Finns in Eastern Europe in the 1st millennium b.c. // Traces of the Central Asian Culture in the North. Helsinki, 1986. P. 235–247.
61. Геродот о населении Волго-Окского междуречья // СА. 1987. № 4. С. 40–43.
62. Религиозные представления населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Тез. докл. конф. "Религиозные представления в первобытном обществе". М., 1987. С. 207–209.
63. Археологическая тематика VI Международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар, июль 1985 // СА. 1987. № 1. С. 290–294 (в соавт. с Седовым В.В.).
64. The Finns in Eastern Europe in the 1st millennium b.c. // Reprint: Suomalais-Ugrilaisen Seura Toimituksia. Memoires de la societe Finn-Ougrienne, 1987. 194. S. 235–247.
65. Связи племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи в I тыс. до н.э. // Тез. XVII Всесоюзной финно-угорской конф. Т. 2. Устинов, 1987. С. 89–91.
66. Всесоюзная конференция "Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС" (Суздаль, 6–9 апреля 1987 г.) // СА. 1988. № 2. С. 290–295.
67. Костяной псалий со Старшего Каширского городища (VII–VI вв. до н.э.) // СА. 1988. № 2. С. 242, 243.
68. Исследования в юго-восточной Венгрии // АО–1986. 1988. С. 530.
69. XVIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (Ижевск, 1987) // СА. 1989. № 2. С. 287–290 (в соавт. с Седовым В.В.).
70. Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Матер. VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989. С. 106–108.
71. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА. 1990. № 2. С. 51–60.
72. Памяти Ростислава Леонидовича Розенфельдта (1922–1989) // СА. 1990. № 3. С. 301, 302.
73. Памяти Анны Епифановны Алиховой (1902–1989) // СА. 1990. № 4. С. 295.
74. Beziehungen zwischen den volkern der Volga-Oka-Gebietes im 1. Jhts. V. Chr. Bin. 1. Jhts. N. Chr. // Congressus Septimus Intern. Fenno-Ugristarum. Debrecen 27.VIII.–2.IX.1990. Summaria Dissertationum. Ethnologica et Folklorica... Debrecen, 1990. S. 198.
75. The Culture of the population of the Volga-Oka area 1000 b.c. – 1000 a.d. // Iskos. 1990. 9. P. 155–159.
76. Contacts of the population of the Volga-Oka interfluve between the first millennium b.c. and the first millennium // Congressus septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Debrecen, 1990.
77. Советско-финляндский симпозиум по теме "Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье" (Хельсинки, 1988) // СА. 1990. № 1. С. 314–318 (в соавт. с Седовым В.В.).
78. Роль В.А. Городцова в изучении культур эпохи раннего железа // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 101, 111.
79. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4. С. 53–61.
80. К вопросу о периодизации памятников дьяковской и городецкой культур // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 155–166.
81. Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. С. 12–22.
82. Религиозные представления жителей Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Тез. докл. конф. "Проблемы археологии Евразии". М., 1991.
83. Общие элементы в духовной культуре населения Урала и Волго-Окского междуречья // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 41–47.
84. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. 1992. № 1. С. 48–56.
85. Памяти Ирины Гавриловны Розенфельдт (1923–1991) // РА. 1992. № 4. С. 265, 266.
86. Развитие производящего хозяйства у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992. С. 52–57.
87. Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992. 47 с.
88. Памяти Александра Федоровича Дубынина (1903–1992) // РА. 1993. № 3. С. 268, 269.
89. Сетчатая керамика с городища Дьяков Лоб // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 49–60.
90. Связи населения лесной зоны Восточной Европы с обитателями лесостепи и степи в середине–второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннего железного века. Тез. докл. науч.

конф. (Тула, 29 ноября–5 декабря 1993). Тула, 1993. С. 69–72.

91. К вопросу о начале верховой езды населения Верхнего Поволжья // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993. С. 4–8.
92. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97.
93. Памяти Екатерины Ивановны Горюновой (1902–1995) // РА. 1996. № 2. С. 250, 251.
94. Жертвенники у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Полевой симпозиум "Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии". Пермь, 1996. С. 80–82.
95. Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Рец. на кн.: Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995 // РА. 1997. № 1. С. 224–226.
96. Рец. на кн.: Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995 // РА. 1998. № 1. С. 201–203.
97. Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур // РА. 1998. № 3. С. 48–56.
98. Рец. на кн.: Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997 // РА. 1999. № 3. С. 224–228.
99. Рец. на кн.: Город Болгар: ремесло металлургов, литейщиков. Казань, 1996 // РА. 1999. № 4. С. 229–232.
100. А.П. Смирнов и исследование Булгарского городища в период строительства Куйбышевской ГЭС // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 5–9.
101. Бляшки с изображением змей и ящериц и некоторые проблемы, связанные с ними // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск, Глазов, 1999. С. 70–76.
102. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1. С. 165–167 (в соавт. с Сидоровым В.В.).
103. Еще раз о проблеме "отделившихся скифов" // Тез. докл. конф. "Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья". М., 1999. С. 37–39.
104. Рец. на кн.: Археология Карелии. Петрозаводск, 1996 // РА. 2000. № 1. С. 234–240.
105. Погребения всадников в Старшем Ахмыловском могильнике // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000. С. 80–82.
106. Древности эпохи раннего железа на территории Москвы // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. М., 2001. С. 70–72.
107. Рец. на кн.: Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск, 2000 // РА. 2002. № 2.
108. Памяти Хавы Иосифовны Крис (1921–2001) // РА. 2002. № 2 (в соавт. с Формозовым А.А.).

Список составлен Т.Н. Бакуновой, И.А. Сапрыкиной, А.С. Сыроватко, А.В. Энговатовой

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 183–185

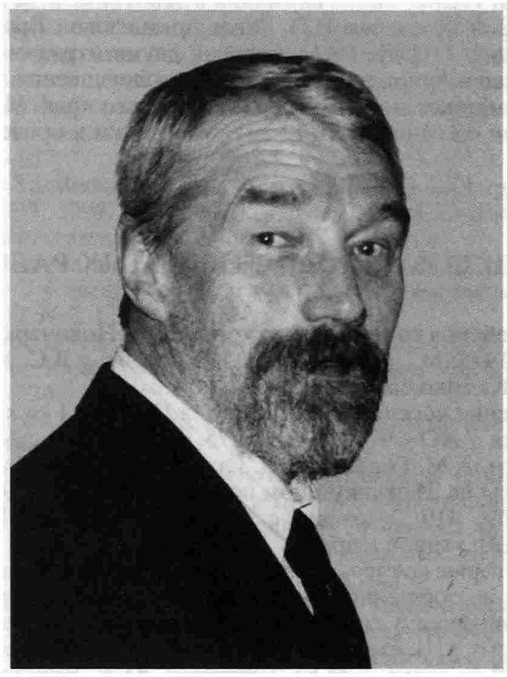
НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВИЧА РОГОВА (1951–2001)

15 июля 2001 г. после тяжелой скоротечной болезни скончался научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН кандидат исторических наук Евгений Яковлевич Рогов.

Отечественная археология потеряла одного из талантливых и активно работавших полевиков, исследователя, чье творчество только вступало в период расцвета. Е.Я. Рогов был удивительным человеком. Его жизнелюбие и радушие гармонично сочетались с самым серьезным отношением к работе и людям. Он был поразительно молод душой, отзывчив и добр к окружающим его, и, вместе с тем, считался в кругу коллег одной из наиболее принципиальных и авторитетных личностей. Многие смотрели на него как на опору в работе, жизни, общении. Его всегда окружали люди, и он был настоящей "душой компании" в отделе, в экспедиции, в научной работе и в застольях.

Удивительно редкое сочетание самых лучших качеств, которые аккумулировал в себе этот человек, было во многом результатом той трудной жизни, которую прожил он за свои полвека. Она во многом была типична для людей его поколения, однако трудно назвать много имен тех, кто с таким достоинством шел по своему жизненному пути. И еще одна черта его характера всегда поражала общавшихся с ним. Е.Я. Рогов никогда и никуда не спешил, хотя нередко делал многое в последний момент, действуя при этом всегда почти безошибочно.



Е.Я. Рогов родился 28 мая 1951 г. в городе Чудово Новгородской области в семье железнодорожников. С ранней юности ему пришлось много работать: из-за тяжелого материального положения семьи он оставил школу и после девятого класса устроился рабочим, продолжив обучение в вечерней школе рабочей молодежи. В августе 1969 г. он поступил на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета, но был вынужден пройти срочную службу матросом на флоте. Демобилизовавшись в сентябре 1970 г. по болезни, он стал студентом-вечерником на кафедре археологии, специализируясь все шесть лет обучения по античной тематике. Его учителями в университете были А.Н. Щеглов и Ю.В. Андреев. Все годы обучения в университете Е.Я. Рогов обеспечивал себя и свою семью. При этом каждый полевой сезон он неизменно проводил на раскопках, участвуя в исследовании памятников северо-западного Крыма и дельты Дона. Он очень рано проявил себя как отличный специалист-полевик, и уже в 1974 г. выходит его первая публикация в ежегоднике археологических открытий. За годы обучения в университете он трижды участвовал в публикации кратких отчетов о раскопках курганов под Новочеркасском, некрополя у поселка Панское, усадеб на Тарханкутском полуострове. В наши дни, быть может, это и не производит впечатления, но для 70-х годов такая активность начинающего археолога была большой редкостью.

Окончив университет в 1976 г., Е.Я. Рогов полгода работал старшим лаборантом в Азовском краеведческом музее, а в следующем году по договору был принят старшим лаборантом в штат Каахтинской археологической экспедиции ленинградского отделения Института археологии АН СССР и несколько лет подряд участвовал в раскопках археологических памятников Средней Азии. В 1978 г. он был принят лаборантом в постоянный штат Института, где с 1979 г. работал в качестве старшего лаборанта в отделе камеральной обработки. В 1980 г. за ним была закреплена диссертационная тема: "Сельское население Херсонесского государства в IV–III вв. до н.э.", однако три года спустя вынужден был на время отказаться от работы над диссертацией и решением аттестационной комиссии в 1983 г. был признан соответствующим лишь должности старшего лаборанта. При этом объем исследовательской работы Е.Я. Рогова возрастал год от года. Он становился заместителем начальника Каахтинской (1979–1984), Южно-Донской (1981–1982) и Тарханкутской экспедиций (1979–1984). С 1987 г. возглавил Нижнебугскую археологическую экспедицию, ведшую до 1994 г. исследование сельских поселений Ольвийской округи. Под руководством Е.Я. Рогова полностью раскопано поселение Козырка XII. В 1990 г. он заявил новую тему своей диссертации: "Некрополь Панское I и его место среди некрополей Северного Причерноморья". Неуклонно возрастало и число научных публикаций, а служебное положение Е.Я. Рогова в Институте оставалось неизменным.

Сейчас уже сложно восстановить в деталях причины тех или иных административных решений, однако остается фактом странная особенность биографии Е.Я. Рогова: двенадцать лет подряд руководство Института упорно игнорировало все представления аттестационных комиссий о рекомендации Рогова даже на должность младшего научного сотрудника.

Лишь после реорганизации ЛОИА в Институт истории материальной культуры и упразднения Отдела камеральной обработки Е.Я. Рогова перевели в феврале 1992 г. на должность младшего научного сотрудника в Отдел истории античной культуры.

С 1994 по 1998 гг. Е.Я. Рогов был ученым секретарем отдела истории античной культуры. В последние годы жизни он являлся полевым директором в проекте "Археологический парк на Гераклейском полуострове", вел совместные полевые работы с Техасским университетом и Херсонесским

заповедником. После защиты диссертации в 1998 г. новое руководство Института утвердило Е.Я. Рогова в должности научного сотрудника.

Последние три года жизни были наполнены значительными событиями в его творческой биографии. Было понятно, что большой научный потенциал, аккумулировавшийся долгие годы, начинает успешно реализовываться Е.Я. Роговым. При этом он поразительно органично сочетал индивидуальную работу с тем, что принято называть коллективным творчеством. В эти годы у него появляются первые ученики – Р.В. Стоянов в Киеве и С.В. Кашаев в Санкт-Петербурге, которым он уделял много внимания и заботы. В 1998 г. вместе с Ю.А. Виноградовым Е.Я. Рогов организовал Боспорскую экспедицию ИИМК РАН, которая двумя отрядами начала вести планомерное исследование археологических памятников в Темрюкском районе Краснодарского края. Много сил и энергии он отдал в эти годы организации и проведению в Санкт-Петербурге регулярной международной научной конференции "Боспорский феномен", ставшей заметным событием в современной научной жизни России. При этом Е.Я. Рогов готовил монографические публикации материалов из раскопок могильника Панское I и сельских античных поселений из окрестностей Ольвии, работы над которыми были им почти завершены.

Нелепая случайность, повлекшая за собой тяжелую болезнь и смерть, положили неожиданный и трагичный предел в момент наибольшего расцвета его жизни. Для всех, кто знал Е.Я. Рогова, это стал огромной потерей, примириться с которой очень тяжело. Единственным утешением можно считать только веру в то, что память об этом замечательно светлом, добром и достойном человеке сохранится не только в истории нашей науки, но и в сердцах всех знавших его людей.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Е. Я. РОГОВА

1. Погребения кочевников в курганах под Новочеркасском // АО–1975. М., 1974. С. 110, 111 (в соавт. с Л.С. Клейном, А.Г. Калмыковым, А.И. Семеновым).
2. Изучение поселения и некрополя Панское I на хоре Херсонеса // АО–1974. 1975. С. 375, 376 (в соавт. с А.Н. Щегловым, А.М. Гилевич, В.В. Глазуновым, В.И. Кацем).
3. Работы на Тарханкутском полуострове // АО–1975. 1976. С. 409, 410 (в соавт. с А.Н. Щегловым, Т.В. Балт, М.Ю. Вахтиной и др.).
4. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Тез. докл. и сообщений симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1977. С. 8, 9 (в соавт. с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым, В.А. Горончаровским).
5. Тарханкутская экспедиция // АО–1977. 1978. С. 405, 406 (в соавт. с А.Н. Щегловым, Г.А. Внучковым, В.И. Кацем, А.П. Наумовым).
6. Елизаветовское городище // АО–1977. 1978. С. 109, 110 (в соавт. с И.Б. Брашинским, К.К. Марченко, В.Г. Житниковым).
7. О населении равнинного Крыма в VII–V вв. до н.э. // Матер. 2 Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: "Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н.э.)". Тбилиси, 1979. С. 64–66.
8. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы 1 Всесоюзного симпозиума. Тбилиси, 1979. С. 75–81 (в соавт. с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым, В.А. Горончаровским).
9. Новый памятник эпохи бронзы Южной Туркмении // АО–1978. 1979. С. 571 (в соавт. с А.Я. Щетенко).
10. Раскопки могильника Панское I // АО–1979. 1980. С. 328.
11. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161 (в соавт. с М.Ю. Вахтиной, Ю.А. Виноградовым).
12. Сырцовые склепы могильника Панское I // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Тез. докл. Киев, 1981. С. 80, 81.
13. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 45–50.
14. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. Парутино, 1985. С. 86–88 (в соавт. с А.Н. Щегловым).
15. Новые раскопки могильника Панское в Северо-Западном Крыму // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюзной конф. М., 1987. С. 213, 214.
17. Раскопки поселения Панское I // АО–1985. 1987. С. 399, 400.
18. Некрополь Панское I и его хронология // Тез. докл. науч. конф. "Проблемы античной культуры". Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 265, 166.
19. Херсонесский некрополь и некрополь Панское I – опыт сопоставления // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 88, 89.
20. К вопросу о культурно-историческом единстве сельского населения Нижнего Побужья античного времени // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса, 1989. С. 16, 17.
21. О хронологии могильника Панское I // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. М., 1989. С. 102.
22. Сельские поселения классического периода Нижнего Побужья // История и археология Нижнего Подунавья. Тез. докл. Рени, 1989. С. 51, 52.
23. К вопросу о реколонизации Нижнего Побужья IV в. до н.э. (по материалам поселения Козырка XII) // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. М., 1989. С. 112, 113 (в соавт. с Н.В. Головачевой, С.Л. Соловьевым).
24. Амфоры некрополя Панское I // Античный мир и археология. Вып. 7. Саратов, 1990. С. 128–153.
25. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 122–151.
26. Греческие центры Северного Причерноморья и кочевники в VIII–VII вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1990. С. 6, 7 (в соавт. с М.Ю. Вахтиной).
27. О некрополе Херсонеса V–IV вв. до н.э. // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 103–105.
28. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период) // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 66–71 (в соавт. с Н.В. Головачевой, К.К. Марченко, С.Л. Соловьевым).
29. Еще раз о характере событий первой трети III в. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Тез. докл. II чтений памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 59 (в соавт. с К.К. Марченко).
30. О некрополе Херсонеса V–IV вв. до н.э. // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Севастополь, 1992. С. 38, 39.
31. Опыт падеодемографического анализа некрополя Панское I // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993. С. 96, 97.
32. Арибаллические лекифы IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. 7 Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1994. С. 43–46.
33. Исследования на хоре Ольвии // АО–1993. 1994. С. 205.

34. Исследования античных памятников Северного Причерноморья // Археологические изыскания ИИМК РАН. Вып. 14. Изучение древних культур и цивилизаций. Матер. к пленуму. 5–7 апреля 1994 г. СПб., 1994. С. 33–37 (в соавт. с Ю.А. Виноградовым, А.С. Голенцовым, В.А. Горончаровским, К.К. Марченко).
35. Уникальные сооружения северного региона Ольвийской хоры – закономерность или случайность? // Ольвия-200. Тез. докл. Междунар. конф. Николаев, 1994. С. 33, 34 (в соавт. с Н.В. Головачевой, К.К. Марченко).
36. Оборонительные сооружения на сельских поселениях хоры Ольвии в позднеклассическое время (Фортификация в древности и средневековье). СПб., 1995. С. 42–44.
37. Раскопки архаического святилища на хоре Ольвии, Украина // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995. С. 54, 55 (в соавт. с Н.В. Головачевой).
38. Раскопки сельских поселений хоры Ольвии // АО–1994. 1995. С. 331, 332 (в соавт. с Н.В. Головачевой).
39. Экология Западного Крыма в античное время. М., 1996. 22 с.
40. Два сельских поселения классического и эллинистического времени на хоре Ольвии // Древнее Причерноморье. Одесса, 1996. С. 90, 91.
41. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. 1996. № 1. С. 70–84.
42. À propos du démographique des villes de la rive Nord de la mer Noire // The Thracian world at the crossroads of civilisations. Bucharest, 1996. P. 380, 381.
43. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Европейская Сарматия. Сборник статей в честь 60-летия Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина. Кишинев, 1997. С. 66–72 (в соавт. с Ю.А. Виноградовым).
44. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103 (в соавт. с Ю.А. Виноградовым, К.К. Марченко).
45. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сборник науч. докл. III Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Азов, 1997. С. 6–27 (в соавт. с Ю.А. Виноградовым, К.К. Марченко).
46. Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна I // АО–1996. 1997 С. 227, 228 (в соавт. с А.М. Бутягиным, М.Ю. Вахтиной, С.Л. Соловьевым).
47. Некрополь Панское I и его место среди некрополей IV–III вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Автореф. дис. – канд. ист. наук. СПб., 1998. 22 с.
48. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. 1998. № 5. С. 159–175 (в соавт. с И.В. Тункиной).
49. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры // РА. 1998. № 3. С. 99–110 (в соавт. с Н.В. Головачевой, К.К. Марченко).
50. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. 1999. № 3. С. 116–144.
51. Укрепление поселения таманского полуострова // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Матер. Междунар. конф. СПб., 1999. С. 153–157.
52. Южно-Таманская античная комплексная экспедиция // АО–1997. 1999. С. 190–192 (в соавт. с С.Л. Соловьевым, А.М. Бутягиным).
53. Набор столярно-плотничьих инструментов из раскопок здания V 6 поселения Панское I // Археологические вести. 2000. № 7. С. 154–158.
54. Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 269–274.
55. Разведки в юго-западной части Таманского полуострова // АО–1998. 2000. С. 210.
56. Основные результаты работ Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1999 г. СПб., 2000. С. 15–17 (в соавт. с Я.В. Доманским, Н.С. Бекетовой, К.К. Марченко, С.Г. Поповым).
57. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля в Северном Причерноморье в VI в. до н.э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 2. СПб., 2001. С. 66–73.
58. Note on the rural on the northern edge of the archaic chora of Olba // Colloq. Pont. 2001. V. 6. P. 143–148 (в соавт. с Н.В. Головачевой).

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург *В.Ю. Зуев*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 186–187

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ХАВЫ ИОСИФОВНЫ КРИС (1921–2001)

7 сентября 2001 г. в пригороде Вашингтона Сильвер-спринг скончалась Хава Иосифовна Крис – бывшая сотрудница Института археологии РАН.

Она родилась 11 сентября 1921 г. в городе Бердичев Житомирской области (ныне государство Украина). Окончив среднюю школу, в 1939 г. приехала учиться в Москву и поступила в Химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Проучившись два семестра, она поняла, что ее призванием является история и в 1940 г. поступила на исторический факультет ИФЛИ, где проучилась один год. Учебу прервала война. С 1941 по 1943 гг. Х.И. Крис жила в Новосибирске и работала чертежником на радиозаводе. Вернувшись в Москву в 1943 г., она продолжила учебу на историческом факультете МГУ и в 1946 г. успешно окончила кафедру археологии. Руководителем ее дипломной работы был проф. Г.Ф. Дебец, оставшийся для нее самым большим авторитетом до конца дней.

По распределению Х.И. Крис была направлена в Музей пещерных городов Крыма в г. Бахчисарай. Там она проработала 6 лет на посту заместителя директора по научной части. Это были годы возрождения археологии в Крыму после окончания Великой Отечественной войны. Х.И. Крис была активной участницей экспедиций П.Н. Шульца и Е.В. Вемарна, исследовала под их руководством поселения кизил-кобинской культуры в Инкермане и погребения в каменных ящиках под Гаспрой. Это были трудные годы. Созданный усилиями татарской и караимской интеллигенции музей в Бахчисарае подвергался в те годы периодическим нападкам со стороны администрации различных уровней. Х.И. Крис сумела выстоять в этой непростой обстановке, подготовила новую экспозицию, развернутую в мечети ханского дворца, и возобновила экспедиционную деятельность музея. Сама она провела удачные раскопки поселения кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-дере под Бахчисараем. Материалы, добытые ею в это время, послужили основой для написания разделов "Кизил-Кобинская культура предгорного Крыма" и "Культура тавров" в обобщающем труде "Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время" и монографии "Кизил-Кобинская культура и тавры" в серии САИ, Д 1–7. Х.И. Крис помогла В.В. Кропоткину и А.А. Формозову начать исследования в Крыму.

В 1952 г. Х.И. Крис вернулась в Москву и в течение пяти лет работала по договорам в крупных экспедициях ИИМК: Куйбышевской, Сталинградской и Московской. При раскопках в Москве она проявила себя как пытливый исследователь, хотя средневековый город отличался от тех памятников, которые ей приходилось изучать. В 1956 г. она участвовала в работах на Троицком городище эпохи раннего железа. В 1957 г. Х.И. Крис была зачислена в штат Института археологии АН СССР и с тех пор параллельно занималась двумя проблемами: завершала исследование по эпохе поздней бронзы–раннего железа в Крыму и разрабатывала новую для себя проблематику дьяковской культуры эпохи раннего железа в лесной полосе. Итоги работы по первой теме подведены в труде "Кизил-Кобинская культура и тавры", защищенном как кандидатская диссертация в 1975 г. и опубликованном в упомянутом выше выпуске САИ в 1981 г. Систематизировав материал погребений в каменных ящиках и поселений кизил-кобинского типа, Х.И. Крис пришла к выводу, что это памятники разных археологических культур и что с таврами античных авторов связаны только могильники.

Начиная с 1956 г. – первого года исследования Троицкого городища, превратившегося в эталонный памятник эпохи раннего железа в лесной полосе, Х.И. Крис целеустремленно изучает памятники дьяковской культуры и вносит большой вклад в изучение древностей бассейна реки Москвы.

В конце 60-х – начале 70-х годов она работала в тесном контакте с группой краеведов Московской области и этим способствовала налаживанию дела учета и охраны памятников.

Полевые исследования Х.И. Крис в этот период связаны с изучением двух городищ: Боршевского и Селецкого. Особенно интересные материалы были добыты на Боршевском городище. В числе находок есть уникальные изделия из рога и кости, позволяющие судить об искусстве и верованиях населения Москворечья в то время. Результаты раскопок подробно опубликованы в ряде статей, но две проблемы, которые были главными в исследованиях Х.И. Крис в этот период, надо выделить особо. Одна – это проблема периодизации и датирования дьяковских древностей. Результаты изложены в статье "О раннем периоде дьяковских городищ"[1]. Вторая связана с изучением искусства и верований дьяковцев. Х.И. Крис собрала и систематизировала большой материал и пришла к оригинальным выводам. Некоторые результаты опубликованы в статьях "Предметы звериного стиля из дьяковских городищ" и "Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ". Но это исследование, к сожалению, не было завершено, и запланированная монография не увидела света. В начале 1980-х годов Х.И. Крис ушла на пенсию и в 1986 г. эмигрировала в США.

В памяти товарищей и коллег Хава Иосифовна навсегда останется скромным человеком, неутомимым тружеником, пытливым исследователем, хорошим товарищем.

[1] Статья подготовлена совместно с И.Л. Чернаем и В.П. Данильченко.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Х.И. КРИС

1. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 35–44.
2. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая // СА. 1955. Т. XXIV. С. 184–196.
3. Поселение Кизил-Кобинской культуры в балке Ашлама-Дере // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 40–46.
4. Раннетаврские поселения в Инкермане (по раскопкам 1948 г.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 47–53.
5. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая // КСИА. 1958. Вып. 71. С. 65–71.
6. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва) // КСИИМК. 1959. Вып. 77. С. 104–108.
7. К вопросу о периодизации Кизил-Кобинской культуры // СА. 1961. № 4. С. 66–77.
8. Таврские каменные ящики у Гаспры // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 75–79.
9. Классификация таврских каменных ящиков. КСИА. 1967. Вып. 112. С. 23–30.
10. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. МИА. 1970. № 156. С. 145–169.
11. Некоторые новые формы керамики из поселений Кизил-Кобинской культуры // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 111–113.
12. О таврах и Кизил-Кобинской культуре (о поселениях в Крыму VII–V вв. до н.э.) // ВДИ. 1971. № 4. С. 156–170.
13. Охранные раскопки городища Боршева–Московская // Тез. докл. об археологических исследованиях в Московской области в 1973–1974 гг. М., 1974. С. 5–7.
14. Раскопки городища Боршева–Московская // АО–1974. 1975. С. 65, 66 (в соавт. с И.Л. Чернаем).
15. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО–1975. 1976. С. 70, 71 (в соавт. с Б.А. Фоломеевым, И.Л. Чернаем).
16. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира // СА. 1976. № 2. С. 240–245.
17. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО–1976. 1977. С. 56, 57 (в соавт. с И.Л. Чернаем, Б.А. Фоломеевым, М.П. Глазко).
18. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО–1977. 1978. С. 68, 69 (в соавт. с И.Л. Чернаем).
19. Раскопки Боршевского отряда Московской экспедиции // АО–1978. 1979. С. 69, 70 (в соавт. с И.Л. Чернаем).
20. Работы на Боршеве–Московской // АО–1979. 1980. С. 59, 60.
21. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 75–82 (в соавт. с И.Л. Чернаем).
22. Кизил-Кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Д1–7. 127 с.
23. Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. 1981. № 1. С. 171–180.
24. Грузики дьякова типа из Боршева (V–III вв. до н.э.) // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 40–47.
25. О раннем периоде дьяковских городищ // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 130–137 (в соавт. с И.Л. Чернаем, В.П. Данильченко).
26. Раннесредневековая Брашева: археологические раскопки в Московской области // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 83–93 (в соавт. с А.К. Станюковичем).
27. Art monuments from the Old-town sites of the Volga-Oka river – country // VI междунар. конгресс финно-угроведов. Тезисы. Сыктывкар, 1985. С. 138.
28. Вал Боршевского городища // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 95–99.
29. Кизил-Кобинская культура предгорного Крыма // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 29–32.
30. Культура Тавров // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 80–83.
31. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. 1995. № 4. С. 56–67.

Институт археологии РАН, Москва

К.А. Смирнов, А.А. Формозов

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 2, с. 188–191

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ТАМАРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ХЛЕБНИКОВОЙ (1928–2001)

22 июля 2001 г. скончалась Хлебникова Тамара Александровна – известный археолог-булгаровед.

Т.А. Хлебникова родилась 22 мая 1928 г. в Башкортостане в семье крестьян, которые вскоре после рождения дочери переехали в Казань. В 1946 г., после окончания школы № 68, Т.А. Хлебникова поступила на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского государственного университета, который окончила в 1952 г. Во время учебы она активно участвовала в работе археологического студенческого кружка, руководимого известным историком и археологом Н.Ф. Калининым.

В 1945 г., еще до окончания Великой Отечественной войны, был образован Казанский филиал Академии наук СССР, в состав которого вошел Институт языка, литературы и истории. В последнем образовалась археологическая группа, руководимая Н.Ф. Калининым. Ее главной задачей стало обследование территории Татарстана в археологическом отношении и составление в течение пяти лет археологической карты республики. Помимо Н.Ф. Калинина в эту работу активно включились А.М. Ефимова, З.А. Акчурина, О.С. Хованская, а также студенты-кружковцы: Н. Аксенова, Б. Лебедев, А. Халиков, Т. Хлебникова и другие. За пятилетку было многое сделано, хотя задача завершить обследование территории Татарстана в археологическом отношении оказалась невыполнимой: потребовались многолетние усилия квалифицированных специалистов-археологов, которых в Казани было тогда немного.

В послевоенные годы возобновились и работы Куйбышевской археологической экспедиции в зоне затопления строящегося гидроузла под общим руководством известного ученого А.П. Смирнова. А.П. Смирнов и коллектив его учеников и единомышленников (Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, О.С. Хованская, Н.Я. Мерперт, Г.А. Федоров-Давыдов и др.) осуществили в 1950–1956 гг. важный рывок в изучении не только города Болгара, но и археологии Волжской Булгарии в целом. Т.А. Хлебникова не просто влилась в этот коллектив, но стала одним из ближайших и верных помощников А.П. Смирнова, который, заметив у нее интерес к науке и качества, необходимые археологу, пригласил ее в аспирантуру.

В 1952–1955 гг. Т.А. Хлебникова училась в аспирантуре в Государственном Историческом музее. Ее научным руководителем стал А.П. Смирнов, а тема диссертации была связана с изучением основных производств волжских булгар (черной и цветной металлургии, гончарства и кожевенного дела). После окончания аспирантуры Т.А. Хлебникова работала научным сотрудником ГИМа, а в 1957 г. вернулась в Казань, в Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, где прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. В Казани Тамара Александровна продолжала заниматься проблемами, поставленными в диссертационном исследовании, но основное внимание она сосредоточила на изучении керамики – самого массового археологического материала с памятников Волжской Булгарии, прежде всего домонгольских сельских поселений. В 1962 г. выходят в свет две ее капитальных работы: "Гончарное производство волжских булгар" и раздел в коллективной монографии, посвященный керамике булгарского селища у села Рождествено Лаишевского района Татарстана.

В данных работах впервые проведены глубокая и полная типология и классификация всего доступного керамического материала с памятников Волжской Булгарии домонгольского периода. Примененные Т.А. Хлебниковой методы и приемы статистической обработки массовых керамических серий были новаторскими не только в булгароведении, но и в советской археологии тех лет в целом. Итогом исследований 50–60-х годов стала защита в 1964 г. в Институте археологии АН СССР кандидатской диссертации "Основные производства волжских булгар".

В 60–70-е годы Т.А. Хлебникова вела активные полевые исследования, связанные с подготовкой археологической карты Татарстана. Она участвует в работах Марийской археологической экспедиции, проведя успешные раскопки Малосундырского городища. В Татарстане ею исследуются Танкеевское, Алексеевское, Суварское, Болгарское и Джукетауское городища, ряд сельских поселений. Планомерные полевые работы этих лет закономерно привели Тамару Александровну к постановке и исследованию актуальной и совершенно неразработанной в булгароведении темы, связанной с изучением этнокультурного состава населения Волжской Булгарии по материалам керамики памятников домонгольского времени. Разработка темы потребовала не только скрупулезного источниковедческого анализа, которым Т.А. Хлебникова владела в совершенстве, самого массового археологического материала, но и глубокого проникновения в керамические "миры" средневековых культур Казахстана и Средней Азии, Кавказа и Крыма, Хазарского каганата и Древней Руси, далеких и близких финно-угорских соседей волжских болгар.

Итогом этой работы стала капитальная монография "Керамика памятников Волжской Болгарии (К вопросу об этнокультурном составе населения)". Анализ ряда значимых признаков (формы, примеси, орнамент, характер обжига, фактура поверхности и др.) позволил Т.А. Хлебниковой выделить более двадцати групп болгарской керамики, которые увязывались с определенными этнокультурными группами населения. В итоге были получены весьма важные и

интересные выводы о сложном процессе формирования населения домонгольской Волжской Болгарии.

Среди археологических памятников, исследованных Т.А. Хлебниковой, особое место занимает Болгарское городище. Систематические археологические исследования Болгара были начаты в 1938 г. под руководством А.П. Смирнова. На городище открыты и изучены многие объекты, получившие всемирную известность. Тамара Александровна приняла руководство Болгарской экспедицией еще при жизни Алексея Петровича. Помимо чисто исследовательских задач много сил и энергии было положено ею на то, чтобы обеспечить финансирование полевых работ, сохранить костяк коллектива экспедиции и привлечь в него молодежь, способствовать скорейшей музеефикации вскрытых объектов, продолжить публикацию материалов из раскопок Болгарского городища.

В последние годы Тамара Александровна активно занималась подготовкой и изданием пятитомного труда "Город Болгар", их которых четыре тома уже опубликованы. Финансирование издания каждого тома требовало особых усилий. Т.А. Хлебниковой удалось заручиться поддержкой коллег и привлечь к подготовке книг ведущих специалистов, многим из них она передала для работы собственные архивные материалы. Подготовка каждого тома была связана с большой технической черновой работой. Все это Тамаре Александровне удалось преодолеть.

Труд "Город Болгар" достойно венчает сделанное многими поколениями ученых. Основой монографического исследования стали материалы Куйбышевской, Поволжской и Болгарской экспедиций. В нем отражены не только результаты археологического изучения, но и музеефикации Болгарского городища. В России можно назвать немного древних городов, которые изучаются с такой последовательностью, целеустремленностью и тщательностью, как Болгар. Для Тамары Александровны этот труд означал дань памяти учителю и патриарху булгарской археологии Алексею Петровичу Смирнову. Сейчас этот коллективный труд стал достойным памятником безвременно ушедшим от нас Т.А. Хлебниковой и Г.А. Федорову-Давыдову, так много сделавшим, чтобы он увидел свет.

Следует отметить важность участия Т.А. Хлебниковой в возобновившихся в последнее десятилетие археологических работах на территории Казанского кремля. Ей удалось привить коллективу экспедиции все лучшее из методической системы исследований, сложившейся за долгие годы раскопок Болгарского городища. Тамара Александровна провела колоссальную работу по анализу керамического материала, полученного в Казанском кремле. Результаты этих данных стали самым убедительным источником по определению возраста города Казани.

Т.А. Хлебникова была замечательным человеком. Многие годы, преодолевая тяжелую болезнь, она отдавала все силы науке – в поле и за письменным столом. В ее отношениях к окружающим, к сотрудникам проявлялись и строгая требовательность, и удивительная забота о людях – от археологов до школьников, участвующих в раскопках. Она всегда стремилась к созданию наиболее благоприятной обстановки для работы и отдыха в экспедиции, охотно помогала каждому из археологов, когда чувствовала желание и интерес к работе, делилась своими уникальными знаниями булгарских памятников. В то же время многие помнят, что в экспедициях Тамары Александровны не было места халтурщикам и лентяям.

Тамара Александровна всегда очень скромно оценивала свой вклад в науку. Не стремилась она к высоким званиям и регалиям. Но в науке Т.А. Хлебникова бралась за разработку самых сложных и, казалось бы, невыигрышных тем. Ее репутация как специалиста была и остается весьма высокой. В нашей памяти она остается непревзойденным знатоком булгарского гончарства. Для всех, кто знал и сотрудничал с Тамарой Александровной, ее безвременный уход воспринимается как потеря родного и близкого человека, верно и преданно служившего археологической науке.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Т.А. ХЛЕБНИКОВОЙ

1. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 141–147.
2. Пальцинские селища X – начала XIII вв. // МИА. 1958. № 61. С. 203–220.
3. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар // МИА. 1960. № 80. С. 159–168 (в соавт. с А.В. Королевым).
4. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962. 128 с. (в соавт. с В.Ф. Генингом, В.Е. Стояновым, И.С. Вайнером, Е.П. Казаковым, Р.К. Валеевым).
5. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. 1962. № 111. С. 93–152.
6. Металлообработка и металлургия меди у волжских булгар X–XIII вв. // Аннотированный перечень докладов и выступлений, поступивших на Учредительный съезд историко-археологического общества. Казань, 1962. С. 59, 60.
7. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. № 1. С. 305–309.
8. Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1964. 27 с.
9. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 г. // Итоговая науч. сессия Казанского Института языка, литературы и истории АН СССР за 1963 год (краткое содержание докладов). Казань, 1964. С. 66–68.
10. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // ТМарНИИ. 1967. Вып. XXII. С. 148–169.
11. Марийская археологическая экспедиция (1964–1966 гг.) // V Уральское археологическое совещание. Тез. докл. и сообщений. Сыктывкар, 1967. С. 106–110 (в соавт. с Г.А. Архиповым, В.С. Патрушевым, А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой).
12. Изучение археологических памятников Нижнего Прикамья в пределах Куйбышевского водохранилища в 1965–1966 гг. // V Уральское археологическое совещание. Тез. докл. и сообщений. Сыктывкар, 1967. С. 111–114 (в соавт. с П.Н. Старостиным и А.Х. Халиковым).
13. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 85–92.
14. Новые данные об архитектуре волжских болгар // СА. 1967. № 4. С. 274–285 (в соавт. с А.С. Воскресенским и А.П. Смирновым).
15. Алексеевское городище в низовьях Камы // АО–1966. 1967. С. 117, 118.
16. Работы Болгарского отряда Поволжской экспедиции // АО–1967. 1968. С. 134, 135 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, Ю.А. Красновым, А.П. Смирновым).
17. Билярское зеркало с изображением грифона // МИА. 1969. № 169. С. 281–284.
18. Новые данные об истории города Болгара // СА. 1969. № 1. С. 211–223 (в соавт. с Ю.А. Красновым и А.П. Смирновым).
19. Поволжская экспедиция // АО–1968. 1969. С. 169–172 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, Ю.А. Красновым, А.П. Смирновым).
20. Археологические исследования мавзолеев города Великие Болгары в 1966 г. // МИА. 1970. № 164. С. 57–67.

21. Раскопки городища Болгары // АО–1969. 1970. С. 171–173 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой и А.П. Смирновым).
22. Алексеевское городище: (К вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры района Нижнего Прикамья) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 156–174.
23. Город Болгары // АО–1970. 1971. С. 173, 174 (с соавт. с Н.Д. Аксеновой и А.П. Смирновым).
24. Город Жукотин (Джуке-Тау) на Каме // АО–1970. 1971. С. 172, 173.
25. Археологические работы 1970 г. на Джуке-Тау // Тез. докл. науч. сессии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР за 1970 г. Казань, 1971. С. 89–92.
26. Работы в Болгарах // АО–1971. 1972. С. 231–233 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой и А.П. Смирновым).
27. Работы на Джуке-Тау // АО–1971. 1972. С. 230, 231.
28. Работы последних лет на болгарских памятниках Нижнего Прикамья // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых археологических исследований 1971 г. М., 1972. С. 145, 146.
29. Предисловие // Керамика. Работы Б.А. Шубина. Казань, 1972. С. 3–6.
30. Болгарский город Джуке-Тау в Нижнем Прикамье // АО–1972. 1973. С. 193.
31. Исследование Булгара // АО–1972. 1973. С. 151, 152 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой).
32. Работы на Джуке-Тау в 1971–1972 гг. // Тез. докл. итоговой науч. конф. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР за 1972 г. Казань, 1973. С. 133, 134.
33. Некоторые итоги изучения булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.
34. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 18–23.
35. Исследования некоторых поселений волжских булгар в 1973–1974 гг. в связи с темой о локальных вариантах их культуры // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Тез. докл. Казань, 1974. С. 43, 44.
36. Обследование булгарских памятников Нижнего Прикамья // АО–1973. 1974. С. 176, 177.
37. Исследования городища Великие Болгары // АО–1973. 1974. С. 130 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой).
38. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.
39. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С. 120–132.
40. Город Болгары // АО–1974. 1975. С. 135, 136 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой и Г.Ф. Поляковой).
41. Работы на городище Сувар // АО–1974. 1975. С. 179.
42. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 3–34 (в соавт. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным, А.Х. Халиковым).
43. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 109–136 (с соавт. с Е.П. Казаковым).
44. Исследование Болгар // АО–1975. 1976. С. 154, 155 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой).
45. Городище Сувар // АО–1975. 1976. С. 204, 205.
46. Исследование городища "Великие Болгары" // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 57–63 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, А.М. Ефимовой, Д.Г. Мухаметшиным).
47. Работы в Болгарах // АО–1976. 1977. С. 126, 127 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой).
48. Работы 1974 г. на Суваре // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 134–155.
49. О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 223–228.
50. Рец.: Исследования Великого города. М., 1976 // СА. 1978. № 1. С. 299–307.
51. Работы в Болгарах // АО–1977. 1978. С. 152, 153 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.Г. Крамаровским, М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой).
52. Работы в Болгарах // АО–1978. 1979. С. 153 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.Г. Крамаровским, В.И. Ледяйкиным, М.Д. Полубояриновой).
53. Раскопки в Болгаре // АО–1979. 1980. С. 169, 170 (в соавт. с Г.Ф. Поляковой, М.Д. Полубояриновой, П.Н. Старостиным).
54. Керамика болгар Поволжья VIII – начала XIII вв. (этнокультурные группы и их истоки) // Плиска-Преслав: Прабългарската култура. Т. 2. София, 1981. С. 146–159.
55. Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М., 1981. 212 с. (в соавт. с Р.С. Габяшевым, В.Ф. Генингом, Е.П. Казаковым и др.).
56. Исследование города Болгара // АО–1980. 1981. С. 122, 123 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой, Р.Ф. Шарифуллиным).
57. Исследование Болгара // АО–1981. 1982. С. 134, 135 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой и Р.Ф. Шарифуллиным).
58. Керамика памятников Волжской Болгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1984. 240 с.
59. Раскопки в Болгарах // АО–1982. 1984. С. 139–141 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.Д. Полубояриновой, Р.Ф. Шарифуллиным).
60. Город Болгар // Казан утлары. 1984. № 7 (в соавт. с Д.Г. Мухаметшиным; на тат. яз.).
61. Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань, 1985. 185 с. (в соавт. с Р.С. Габяшевым, С.В. Кузьминых, Е.П. Казаковым и др.).
62. Раскопки в Болгаре // АО–1983. 1985. С. 135, 136 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, Л.А. Беляевым, Р.Ф. Шарифуллиным и др.).
63. Раскопки в Болгаре // АО–1984. 1986. С. 113, 114 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, Л.А. Беляевым, М.Д. Полубояриновой и др.).
64. Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Казань, 1986. 110 с. (в соавт. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, С.В. Кузьминых и др.).
65. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 32–88.
66. Введение // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым и Ф.С. Хакимзяновым).
67. Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. 98 с. (в соавт. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, С.В. Кузьминых и др.).
68. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 7–102.
69. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 244–253.
70. От редколлегии // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 3–6 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым и Ф.С. Хакимзяновым).
71. Стратиграфическая шкала и опись раскопов на Болгарском городище // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 272–277.
72. Исследования Болгара // АО–1986. 1988. С. 147, 148 (в соавт. с Н.Д. Аксеновой, М.М. Кавеевым, М.Д. Полубояриновой и др.).
73. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие.

Казань, 1988. С. 58–71 (в соавт. с М.М. Кавеевым, М.Д. Полубояриновой, П.Н. Старостиным, Р.Ф. Шарифуллиным).

74. Раскопки в Суваре // АО Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 149–151 (в соавт. с Ф.Ш. Хузиным и Р.Ф. Шарифуллиным).
75. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 106–117 (в соавт. с Н.А. Кокориной).
76. Археологическое изучение Болгара // Город Болгар и его округа. Тез. докл. науч. конф., посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 8–10 (в соавт. с П.Н. Старостиным и Р.Ф. Шарифуллиным).
77. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 40 с. (в соавт. с Ф.Ш. Хузиным, Р.Ф. Шарифуллиным, Н.Г. Набиуллиным, А.Г. Ситдиковым).
78. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований // Древняя Казань глазами историков и современников. Казань, 1996. С. 408–441 (в соавт. с Ф.Ш. Хузиным, Р.Ф. Шарифуллиным, Н.Г. Набиуллиным, А.Г. Ситдиковым).
79. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 269–292.
80. От редколлегии // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 3, 4 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым и Ф.С. Хакимзяновым).
81. План городища с раскопами. Стратиграфическая шкала и опись раскопов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 306–313.
82. Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Тез. науч. конф. Болгар, 1998. С. 4–11 (в соавт. с Д.Г. Мухаметшиным, П.Н. Старостиным, Р.Ф. Шарифуллиным).
83. Керамика из V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Матер. Междунар. науч. конф. Казань, 1999. С. 41–53.
84. А.П. Смирнов и Булгар // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). С. 10–14.
85. Введение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 3, 4 (в соавт. с Г.А. Федоровым-Давыдовым, П.Н. Старостиным, Р.Ф. Шарифуллиным).
86. План городища с раскопами. Стратиграфическая шкала и опись раскопов // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 354–363.

Институт истории АНТ
Институт археологии РАН

П.Н. Старостин, М.Д. Полубояринова,
Н.А. Кокорина, С.В. Кузьминых, Ф.Ш. Хузин,
Р.Ф. Шарифуллин

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ НИКОЛЬСКОЙ (1919–2001)

8 октября 2001 г. скончалась Татьяна Николаевна Никольская, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, одна из старейших сотрудниц Института археологии РАН.

Т.Н. Никольская родилась 14 августа 1919 г. в Самаре в творческой семье (отец – режиссер, мать – драматическая актриса). В 1928 г. семья переезжает в Москву и живет сначала в Люберцах, потом в Малаховке, где Татьяна Николаевна окончила среднюю школу. В 1937 г. она поступила на истфак МГУ, который окончила в 1941 г., получив квалификацию историк-археолог.

Трудовую деятельность Т.Н. Никольская начала в Коми АССР в г. Сыктывкар в республиканском краеведческом музее в должности научного сотрудника по археологи, и уже через два года она заведует историческим отделом музея.

В 1943 г. Т.Н. Никольская возвращается в Москву и поступает в аспирантуру ИИМК, которую закончила в 1946 г. Затем она была зачислена в штат Института на должность младшего научного сотрудника, а год спустя успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему "Курганы Верхнего Поволжья X–XIII вв." В этой работе Т.Н. Никольской удалось установить племенные деления верхнеокских славян, сопоставляя при этом летописные данные с археологическими.

Полевыми исследованиями Т.Н. Никольская начала заниматься с 1940 г. После возвращения в Москву она под руководством А.В. Арциховского участвовала в раскопках подмосковных курганов и работе Новгородской экспедиции, а с 1948 г. проводит самостоятельные раскопки в Новгородской, Калужской и Орловской областях, занимаясь исследованием этногенеза славян в бассейне р. Ока. Ею выявлены древнейшие поселения в этом регионе (конец I тыс. до н.э. – рубеж I тыс. н.э.).

В середине 50-х годов, работая над темой "Археологические памятники бассейна Верхней Оки, Т.Н. Никольская проводила в этом регионе масштабные раскопки таких городищ, как Николо-Ленивец, Лужки, Воротынцево. На материалах раскопок этих памятников ею написаны монография "Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э." (1959) и ряд статей.

В последующие годы Т.Н. Никольская продолжала раскопки памятников в бассейне Верхней Оки. Исследовались такие вятичские города, как Серенск (Калужская область), Болдыж (городище Слободка). Изучены их оборонительные сооружения, ремесленные мастерские, и получен обширный вещевой материал, характеризующий эти города как центры ремесла и торговли.

С 1966 г. Т.Н. Никольская – старший научный сотрудник Института. Ее новая научная тема – "Земля вятичей". В рамках этой темы был подготовлен и опубликован Свод археологических источников "Древнерусские поселения бассейна Верхней Оки X–XIII вв." (1970), а позже вышла монография "Земля вятичей" (1981), в которой прослежены процессы освоения и расселения славян на обширной территории лесной полосы Восточноевропейской равнины. Изучена материальная и духовная культура горожан, прослежены процессы феодализации (выделение феодальных усадеб).

Активная деятельность Т.Н. Никольской в краеведении и музейном строительстве в Орловской и Калужской областях отмечена благодарностью Ученого совета Московского филиала Географического общества в 1967 г.

В 70-е годы Т.Н. Никольская продолжала исследовать памятники в бассейне Верхней Оки совместно с Орловским и Калужским управлениями культуры. Велись раскопки на городище Серенска, изучались посады древнерусского города Кромы, а также детинец г. Воротынск.

Однако в конце 70-х внимание Т.Н. Никольской сосредоточилось на исследовании городища у д. Слободка, которое она отождествляет с древнерусским городом Болдыж. Результаты этих раскопок изложены в монографии "Городище Слободка XII–XIII вв." (1987). Городище, раскопанное почти полностью, дало интересный материал для заключений об оборонительных сооружениях, ремесле, жилищах, военном деле и торговых связях горожан.

В 1980 г. Т.Н. Никольская вернулась к раскопкам г. Серенск, начатым еще в 1965 г. Результаты этих исследований освещены в серии статей.

Научно-исследовательскую деятельность Т.Н. Никольская всегда сочетала с большой общественной работой. В 1952–1953 гг. она была ученым секретарем Института, позже – ученым секретарем по международным связям, входила в состав Ученого совета, была председателем месткома.

Т.Н. Никольская – участница многих международных конференций и симпозиумов.

В 1989 г. она ушла на пенсию.

Татьяна Николаевна Никольская – автор около 60 научных работ, среди которых четыре монографии: "Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс.н.э." (МИА. 1959. № 72); "Древнерусские поселения бассейна верхней Оки X–XIII вв. (САИ. 1970); "Земля вятичей" (М., 1981); "Городище Слободка XII–XIII вв." (М., 1987), а также статьи: "Этнические группы Верхнего Поволжья" (КСИИМК. 1949. Вып. XXIV); "Кузнецы "железу, меди и серебру от вятич" (Славяне и Русь. М., 1968); "О летописных городах в Земле вятичей" (КСИИМК. 1972. Вып. 129); "Сельские поселения Земли вятичей" (КСИА. 1977. Вып. 150) и ряд других. Отчеты о полевых исследованиях регулярно публиковались ею в выпусках КСИИМК. Все книги и статьи написаны автором на материалах собственных полевых работ.

Т.Н. Никольская прожила долгую и счастливую жизнь. Она была очень трудолюбивым и доброжелательным человеком. Память о ней надолго сохранится в сердцах тех, кто ее знал.

Институт археологии РАН, Москва *А.А. Юшко*